

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ТРУДАХ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ

ТОМ I

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В ТРУДАХ ФРАНЦУЗСКИХ УЧЕНЫХ**

ТОМ I

Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том I. — Самарканд: МИЦАИ, 2014. — 288 с.

Руководители проекта: Ш. Мустафаев, А.-П. Франкфор

Научный редактор и ответственный за выпуск: А.-П. Франкфор

Перевод на русский язык: М. Филанович

Настоящая книга издается в рамках научного проекта Международного Института Центрально-азиатских исследований и представляет собой сборник статей французских исследователей по археологии и истории Центральной Азии. Вопросы, затронутые в работах, охватывают широкие хронологические рамки с IX тысячелетия до н.э. до XIII века н.э. — эпоху неолита, бронзового и железного веков, эллинистический, кушанский, тюркский и исламский периоды. Темы статей посвящены обширному кругу вопросов древней и средневековой истории региона и написаны на основе богатых материалов археологических раскопок, а также исследований письменных источников, антропологии, предметов художественной культуры в различных странах Центральной Азии.

Издание предназначено для специалистов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей, археологией и культурой Центральной Азии.

Авторы несут ответственность за выбор и предоставление фактов и мнений, содержащихся в этом издании и не выражающих идеи ЮНЕСКО. Обозначения и материалы, предоставленные в книге, не включают в себе мнения ЮНЕСКО относительно легального статуса какой-либо страны, территории, города или зоны влияния, границ.

ISBN 978-9943-357-10-5 (МИЦАИ)

© МИЦАИ, 2014.

На обложке: Изображение Будды, настенная роспись Карадонга, III в. н.э. (Фото китайско-французской экспедиции в долине Керци, Синьцзянь-Уйгурский автономный район, Китай).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Ж.-Ф. Жариж	6
<i>Неолит на индоиранских границах: Мергар</i>	
Ф. Брюне	38
<i>О новом исследовании неолитической Кельтеминарской культуры (Узбекистан)</i>	
Р. Безенваль, А. Дидие	63
<i>Заселение Кеш – Макрана в протоисторическую эпоху (III тысячелетие до н.э.): керамический комплекс периода ШС на городище Мири Калат</i>	
А.-П. Франкфор	85
<i>Цивилизация Окса и проблема индоариев в Центральной Азии</i>	
О. Лекомт	162
<i>Между Ираном и Тураном: археологические исследования в Южном Туркменистане (2001–2006)</i>	
Х. Бендесу-Сармиенто	181
<i>Погребальные обряды и биологическая антропология в протоисторическом Казахстане (андроновская и сакские культуры II – I тысячелетий до н. э.)</i>	
Б. Лионе	213
<i>Недавние исследования керамических комплексов Согдианы (с конца эпохи бронзы до арабского завоевания): вклад в историю Средней Азии</i>	
П.Бернар	230
<i>Открытие и раскопки эллинистического городища Ай-Ханум в Афганистане</i>	
Р. Безенваль, П. Бернар, Ж.-Ф. Жариж	260
<i>Путевые заметки о поездке по археологическим городищам афганской Бактрии в кинокадрах (май 2002 года)</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание представляет собой сборник статей французских ученых, которые специализируются на исследовании археологии и истории Центральной Азии. Научному академическому сообществу данного региона знакомы основные работы коллег из Франции – археологов и историков. В то же время, для нас, издателей этой книги, было неожиданным узнать, что существует целый пласт интересных публикаций на французском языке, которые, как оказалось, не столь хорошо известны в регионе Центральной Азии. Это и стало причиной инициирования со стороны Международного Института Центральноазиатских исследований (МИЦАИ) научного проекта, предусматривающего перевод и издание ряда статей в рамках настоящего сборника. Французские коллеги с энтузиазмом отнеслись к предложенной идее и активно взялись за работу.

Отбор авторов и статей производился нами совместно. При этом учитывались как научные интересы самих авторов, так и пожелания представителей научной среды центральноазиатского региона и русскоязычной научной общественности других стран, поскольку изначально было решено издавать сборник на русском языке. Не все представленные статьи можно считать последним словом науки в соответствующих областях. Некоторые из них были написаны на рубеже веков – в конце прошлого и первые десятилетия настоящего столетия. Однако ни одна из них не потеряла научной значимости, ибо они отражают то состояние проблемы, которое существовало на момент окончания полевых работ на том или ином археологическом объекте.

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из двух томов. В первый том включены десять статей. Работа проф. Ж.-Ф. Жарижа, по сути, содержит отчет о чрезвычайно важных археологических раскопках, которые она осуществляла на неолитическом поселении Мергар в пакистанском Белуджистане, в так называемом индоиранском пограничном регионе.

В статье д-ра Ф. Брюне представлены варианты интерпретации Кельтеминарской культуры эпохи неолита в свете результатов, полученных на археологическом объекте Аякагитма при реализации совместного проекта с Институтом археологии АН Узбекистана.

Д-р Р.Безенваль и д-р А.Дидие подготовили свою статью как итог исследований и раскопок, которые осуществлялись ими в течение ряда лет в районе Кеш-Макран пакистанского Белуджистана. Обсуждая вопросы заселения, авторы дают скрупулезный анализ керамического комплекса III тыс. до н.э., выявленного на городище.

Статья проф. А.-П.Франкфора посвящена так называемой «цивилизации Окса» (в научной среде Средней Азии известна как Бактрийско-Маргианский археологический комплекс – БМАК), связанной с проблемой появления индоиранцев или индоариев.

Интересные материалы археологических раскопок в Улуг-депе эпохи энеолита и раннего железа на территории южного Туркменистана нашли свое отражение в работе д-ра О.Лекомта.

В статье д-ра Х.Бендесу-Сармиенто анализируется погребальная практика на территории Казахстана андроновского времени и периода саков.

Д-р Б.Лионе представляет уникальный отчет о согдийской керамике от эпохи бронзы до времени арабских завоеваний, рассматривая новые материалы с точки зрения их значения для истории Центральной Азии.

В работе проф. П.Бернара дан полный обзор археологических раскопок и находок, осуществленных им на эллинистическом памятнике Ай-Ханум в Афганистане в 1965-1978 гг.

Следующая совместная статья сборника, авторами которой являются проф. П.Бернар, проф. Ж.-Ф. Жариж и д-р Р.Безенваль, представляет собой увлекательный рассказ о научной поездке в Афганистан в 2002 г. и личных посещениях известных и новооткрытых археологических памятников.

Второй том настоящего издания составили 11 статей. Первая из них принадлежит перу д-ра Б.Лионе. В ней проведена оценка хронологии керамики, обнаруженной на памятниках от Ай-Ханум до Коктепа.

Д-р К.Рапен в своей статье размышляет о судьбе греко-бактрийского царя Антимаха Теоса и эры «Яваны» в свете данных пергаментов того времени. В совместной статье этого же автора и его узбекских коллег д-ра Исамиддинова и д-ра М.Хасанова рассматриваются особенности захоронения «принцессы» Коктепа.

В работе д-ра П.Лериша анализируется медальон, обнаруженный в ходе совместных с узбекскими археологами раскопок в древнем Термезе.

Проф. Ф.Грене представляет свое видение локализации пяти «ябгу» (царств) юэчжийских племен в Бактрии в начале нашей эры.

Во втором томе также публикуются две работы проф. Э. де ла Вессьера. В первой статье рассматривается историография вопроса отождествления древних племен хунну и сюнну. Вторая посвящена интерпретации терминологии родственных отношений внутри правящей династии в эпоху Тюркского каганата.

В сборник также включены три статьи д-ра К.Дебэн-Франкфор, объединенные общей темой совместной китайско-французской экспедиции в долину Керия в районе Такламакана (Синьцзян-Уйгурский автономный район, КНР). Две из них написаны совместно с А.Идрисом, сотрудником Института археологии СУАР, и посвящены укрепленному городу Джумбулак Кум середины I в. до н.э., а также древностям и истории долины Керия. Еще одна статья, написанная ею в соавторстве с Т.Фурне, Ж.Сюир и А.Корне, представляет наиболее древние буддийские святыни Карадонга.

Завершая вступительное слово, мы хотели бы выразить признательность новому директору МИЦАИ проф. П.Паку, который с энтузиазмом поддержал продолжение проекта. Мы рады с благодарностью назвать имена тех людей, которые приняли самое непосредственное участие в осуществлении этого проекта – д-ра М.Филанович, которая взяла на себя нелегкий труд научного перевода статей, д-ра С.Горшениной, О.Цеповой, д-ра Ю.Карева, М.Шенкара, которые не отказались вычитать материалы и исправить допущенные ошибки. И, наконец, невозможно обойти вниманием большую работу сотрудников МИЦАИ – И.Османовой, технического редактора настоящего издания, и А.Юлдашева, подготовившего компьютерный дизайн книги, которым мы выражаем свою благодарность.

Шаин Мустафаев

Анри-Поль Франкфор

НЕОЛИТ НА ИНДОИРАНСКИХ ГРАНИЦАХ: МЕРГАР

Неолит регионов на индоиранских границах, и шире на всем индийском субконтиненте, почти не отражен в общих публикациях, посвященных вопросам происхождения земледелия в мире. Естественно, что раскопки, ведущиеся с 1977 года на поселения в Мергаре, относящемся к докерамическому неолиту, вызвали живой интерес. Поселение находится в бассейне реки Болана, окаймляющей на западе долину Инда. Эти исследования начали разворачиваться в то самое время, когда во многих регионах мира были открыты древние очаги земледельческо-скотоводческого хозяйства, появившегося в ходе процесса неолитизации, сходные с теми очагами, которые были выявлены на Ближнем Востоке в зоне так называемого «плодородного полумесяца». Однако неолитическое поселение Мергара до настоящего времени остается единственным когда-либо открытым на бескрайнем географическом пространстве, которое включает все регионы, образующие западный предел индопакистанского субконтинента (рис. 1)

Трудно воссоздать процессы неолитизации на основе данных, полученных только на одном городище. К тому же радиоуглеродные даты, распределяющиеся на отрезке времени от 7500 до

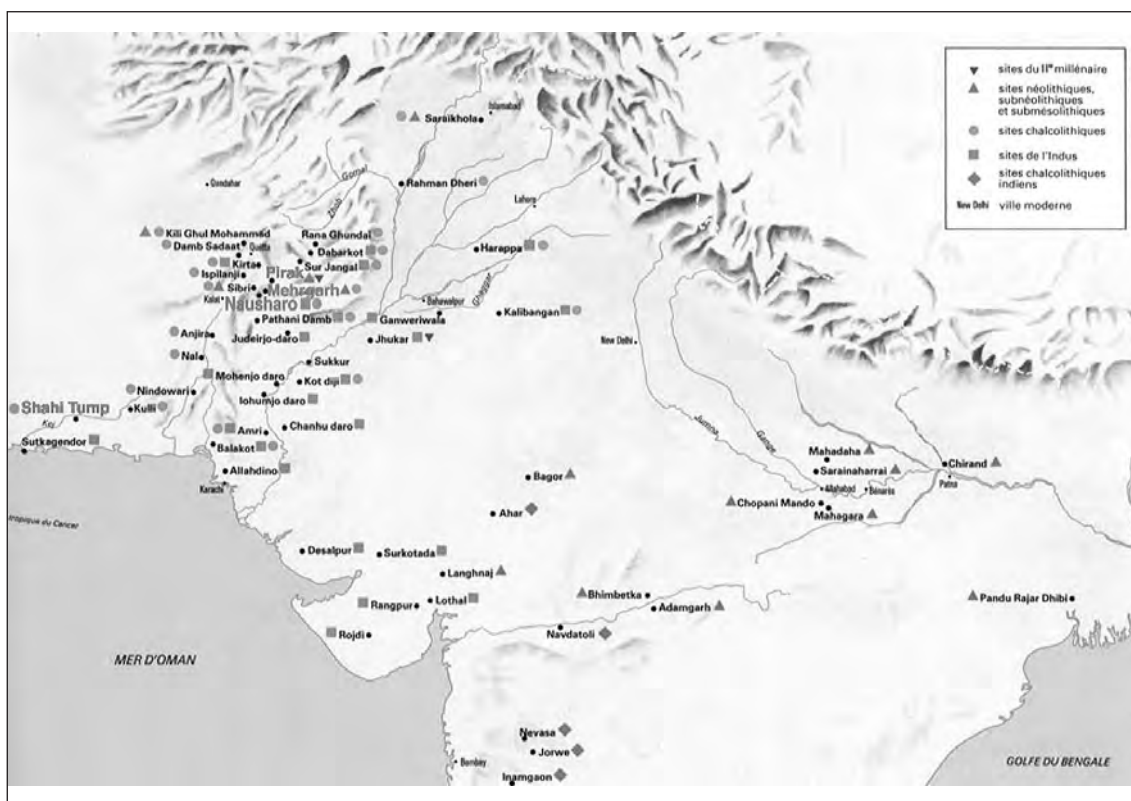

Рис. 1. Карта археологических городищ на севере индопакистанского субконтинента.

5500 лет до н.э., полученные на образцах, часто взятых на одних и тех же уровнях, позволяют лишь неопределенно судить о хронологии городища, начало обживания которого, однако, не могло быть позже VIII тысячелетия до н. э. Для географов северо-запад индийского субконтинента, включая пограничные зоны Южного Афганистана и Восточного Ирана, представляет восточную оконечность Средней Азии от Месопотамии до долины Инда. Далее на восток входим в Азию муссонов, среду, абсолютно отличную от регионов Ближнего и Среднего Востока, традиционно рассматриваемых как колыбель первых земледельческих сообществ. В этой большой зоне, особенно в Уттар Прадеш или в Мадхия Прадеш (округ Мирзапур и Рева), А. С. Д. Кармил из Археологической службы Индии открыл (1867 г.) и изучил многочисленные местонахождения микролитов, свидетельствующие о присутствии здесь ранних групп охотников. Они располагались под скальными навесами, иногда с наскальными рисунками. С тех пор в Индии были обнаружены и изучены несколько тысяч таких так называемых «мезолитических» местонахождений от Уттар Прадеш до Гуджарата и Махараштра. Индийские археологи посчитали, что этот обширный и насыщенный мезолитический горизонт мог служить базой развития неолита локального типа, независимого от вероятного влияния Ближнего Востока. До открытия Мергара первые поселения в регионах на индоиранской границе казались более поздними, чем эти индийские «мезолитические» или «неолитические» местонахождения.

Однако хронология этого индийского мезолитического или неолитического горизонта создает проблему, не говоря уже о его разнородности. Если оставить в стороне дату C14 в 8000 лет до н. э. в Сараи-Нахар-Раи, полученную при анализе необгоревшей кости, большая часть хронологии из различных городищ распределяется на временном отрезке между 5000 лет до н. э. и началом христианской эры¹. Хозяйство этих групп, живших на современной индийской территории, основывалось на охоте и использовании природных ресурсов, например риса, произраставшего в диком виде. Присутствие на первых индийских неолитических городищах злаков или животных, по-видимому одомашненных, так же как и в некоторых случаях нескольких предметов из меди, может быть объяснено лишь контактами с неолитическими и халколитическими городищами регионов водной системы Инда (Белуджистан, Синд и Пенджаб). Не стоит пытаться искать в регионах по краям долины Ганга или на Индийском полуострове диких предков коз и баранов или такие злаки как ячмень и пшеница, которые, однако, четко зафиксированы, как мы уже отмечали на многочисленных так называемых «мезолитических» и «неолитических городищах».

Возвращаясь на северо-запад индийского субконтинента, можно было предположить, что в регионах водной системы Инда не было природных условий, столь же благоприятных для появления первобытных земледельческих общин, как в Сирии, Ираке и Турции, на землях образующих «плодородный полумесяц» – колыбель неолита Ближнего Востока. Белуджистан же представляется обширным ансамблем голых скал, безводных плато и впадин. Что касается долины Инда, она до крупных дренажных работ и проведения каналов в XIX и XX веках становилась в момент паводков огромным болотом, мало пригодным для ведения примитивного земледельческого хозяйства.

Однако в первой половине XX века на всей территории Белуджистана сэром Аурелом Стейном в 1929 и 1931 годах было открыто огромное число археологических явно доисторических городищ. В то же самое время в долине Инда были обнаружены огромные метрополии Мохенджодаро и Хараппа, современники месопотамских городов эпохи Шумера и Аккада. Эти исследования

¹ Allchin et Allchin, 1982, 116-121.

выявили также факт, что современный Белуджистан, несмотря на свои огромные засушливые зоны, обладает плодородными долинами и бассейнами, обводненными более или менее стабильными протоками. Именно в таких районах, особенно в долине Кветты, Лоралаи или Джоба, В. А. Файрсервис вслед за сэром Аурелом Стейном открыл многочисленные доисторические городища². Со своей стороны Б. де Карди также выявил целую сеть городищ IV – III тысячелетий до н. э. в древнем государстве Калат³.

Внушительные размеры некоторых из этих древних городищ, подчас монументальный характер архитектуры, следы которой видны на поверхности, и количество находок, особенно керамики, даже позволили некоторым специалистам, возможно справедливо, как мы увидим дальше, предположить, что климатические условия в прошлом были более благоприятными, чем в настоящее время. Кроме того, прогресс археологических исследований сделал возможным точнее датировать доисторические городища Белуджистана, в первую очередь открытые сэром Аурелом Стейном, особенно при сравнении керамического производства с гончарством Иранского плато и юга Средней Азии. Однако вплоть до относительно недавнего времени полагали, что самые древние поселения Белуджистана, Синда и Пенджаба не существовали ранее 3500 лет до н. э. Большинство из них казались обжитыми в период от 3000 до 2500 лет до н. э., то есть, хронологически предшествующими времени существования крупных городов долины Инда, основание которых восходит к середине III тысячелетия до н. э. Только в 50-х годах XX века шурф⁴ заложенный на городище Кили Гул Мохаммад около Кветты и доведенный в нижней части по площади до 14 м², позволил В.А. Файрсервису открыть на глубине 4 м культурные слои, предположительно предкерамического периода. Но радиоуглеродные даты выявили, что эти предкерамические уровни, как оказалось, были не древнее 4000 лет до н. э. или чуть ранее.

Таким образом, напрашивалась мысль о значительном культурном отставании Белуджистана, и в более широком смысле долины Инда, по сравнению с Ближним Востоком, где городища времени докерамического неолита на анатолийском северо-востоке или по западной окраине Загроса хронологически распределяются в промежутке между 9000 и 7000 лет до н. э. К тому же, самая древняя известная керамика Белуджистана была украшена геометрическим орнаментом (стиль Кили Гул Мохаммед II и III) или фигурами козлов и птиц (стиль Тогау А), которые давали явные параллели с мотивами керамики городищ V – IV тысячелетий Иранского плато. Казалось верным связать появление первых земледельческих поселений Белуджистана и долины Инда с цивилизаторским влиянием Западной Азии, как правило, с расхождением в несколько веков.

Позднее открытие горизонта, богатого артефактами эпохи неолита и халколита на юге Средней Азии, представленного культурами Джейтуна и Намазга I и II и датированного VI – V тысячелетиями до н. э., показали новый вероятный источник этого влияния, которое проявило себя в Белуджистане после 4000 года до н.э. Напомним, что раскопки Джейтуна-городища, датированного временем около 6000 лет до н.э., расположенного у северного подножия Копетдага в современном Туркменистане, выявили небольшую агломерацию из тридцати однокомнатных изолированных жилищ, жители которых выращивали ячмень и пшеницу, одомашнили козу и барана, но где охота, особенно на газелей, имела еще важное значение⁵. В самых глубоких сло-

² Fairservis, 1956 и 1959.

³ de Cardí, 1965; 1983.

⁴ Fairservis, 1956.

⁵ Hiebert, 2002, p. 27-30.

Уровни обживания этого тепа в зоне MR.1. относятся к IV и первой половине III тысячелетия до н. э., то есть, как полагали специалисты, к периоду, начала существования сельских общин в этих регионах. Параллельно с первыми раскопочными работами велась съемка плана распространения археологических остатков, устилающих окружающую равнину, которая привела к открытию менее чем в 2 км к северу от тепа MR.1. зоны, явно более древнего обживания (MR.3.), разрезанной рекой Болан. Археологические работы на этой части городища, начатые с 1977 года, сразу же выявили наличие обживания в докерамическом неолите, до того времени в этом районе неизвестного (период I), за которым следовало обживание в период неолита, отмеченное появлением и развитием керамического производства (периоды II A и II B) (рис. 2). Между неолитической (MR.3.) и зоной тепа MR.1., обживавшейся с IV до середины III тысячелетия до н. э., на площади более 150 гектаров выявлены хранилища эпохи халколита, в основном V тысячелетия до н. э., (зоны MR.2. и 5.).

Природная среда

За эффектом неожиданности от первого открытия наступило понимание того, что наличие древненеолитического городища у подножия перевала Болана очень хорошо объяснимо в контексте транзитного региона между системой ирано-белуджских рельефов и плато, с одной стороны, и великой аллювиальной долиной Инда, с другой. Бассейн Болана и долина Качи находятся на границе географического пояса, сравнимого с тем, чем могла быть зона распространения предков многих видов животных, которые впоследствии доминировали в комплексе одомашненных коз, баранов, крупного рогатого скота, и таких растений, как ячмень, культивируемый в неолите. Кроме того, Мергар занимает подножия гор, где различные экологические зоны сменяют друг друга на высоте от 60 до 800 м, представляя различные ресурсы для разработки и «манипулирования» в рамках мобильности населения на пространстве до 100 км. Бассейн Болана и высотные зоны, его замыкающие – хороший пример взаимодополняющих географических условий. Таким образом, зимой, когда плато Кветты и Калата покрыты снегом, в бассейне Болана и долине Качи господствует мягкий климат, который благоприятствует увеличению объема злаковых растений, служивших пищей, как для людей, так и животных. Когда после весеннего прорастания злаков изнуряющая жара и засуха обрушатся на долину Качи, настает очередь горных зон сохранять этот благоприятный мягкий климат, позволяющий им расти и созревать. Взаимодополняющий характер ресурсов верхних и нижних земель в регионах водной системы Инда объясняет существующие здесь и в наши дни сезонные перемещения большей части населения.

Еще почти ничего не известно о населении, которое первым обживало Мергар. Но можно, однако, предположить, что в эпоху верхнего палеолита охотники и собиратели извлекали пользу из этих взаимодополняемых (о чем мы говорили) ресурсов, эксплуатируя их в узких рамках своих передвижений. Однако мощные аллювиальные наносы на равнине Качи едва ли позволят надеяться отыскать там следы обживания, без сомнения, скрытые сегодня под многометровой толщей осадочных пород. Тем не менее, были найдены очень важные остатки мастерских по обработке кремня, техника которой, кажется, соответствует традициям верхнего палеолита. Они обнаружены на скальных обнажениях в Рохри под Суккурром, недалеко от зоны, где равнина Качи теряется в долине Инда⁸. Ближе к Мергару в ущелье Болана по краям обнажения слоев битума в Гокурте видны многочисленные отщепы и пластины, указывающие на технику расще-

⁸ Biaggi et Cremaschi, 1988.

пления кремня, явно более архаичную, чем обнаруженная в самых ранних неолитических слоях Мергара. Таким образом, можно надеяться, что будущие исследования принесут сведения о группах населения, которые, без сомнения, предшествовали жителям Мергара неолитического периода. Наличие указанных месторождений битума вблизи Мергара также играло важную роль в неолитический период обживания городища. На это указывают многочисленные находки блоков этого материала, служившего, главным образом, для закрепления ручек на серпах, трапцевидной формы втульчатых наконечников стрел на древках и для покрытия корзин. Когда указывают на некоторое сходство между материалами докерамических городищ равнины Дех Луран в иранском Загросе и материалом периода I Мергара, уместно будет напомнить, что такое городище как Али Кош, где также было найдено много битумированных корзин, находится поблизости от выходящих на поверхность залежей битума⁹.

Точная датировка первичного обживания городища в неолите затруднена, так как эти слои в настоящее время находятся под уровнем равнины и пронизаны густой сетью корней, которые иногда опускаются на глубину более 7 м. Многие из этих в разной степени окаменевших корней, явно очень древние и могут спровоцировать загрязнение взятых образцов слоя, что станет причиной большого расхождения между радиоуглеродными и полученными из стратиграфических разрезов городища датами. Таким образом, для схожих слоев можно получить в одном случае дату 7500 лет до н. э., а в другом 3500 лет до н.э. Более детальное обсуждение этих датировок можно найти в относительно недавно вышедшей публикации¹⁰. Заметим, однако, что две новые попытки датировок [AMS] ничем не упростили проблему. Первый образец, взятый с уровня I – самого древнего в Мергаре, дает дату 3035 BP, а второй, – взятый с уровня повыше, дает в результате 4555 BP (цифры сообщены Ж. Ф. Салиеж). Нам надо будет задействовать внутреннюю стратиграфию городища периода неолита и халколита и параллели с датированными городищами других регионов, чтобы попытаться определить соотносимые хронологические рамки для разных периодов археологической зоны, обживавшейся в течение почти пяти тысячелетий.

До того как мы попытаемся ответить на вопрос, поставленный названием этой статьи, кратко напомним некоторые факты, выявленные раскопками, проведенными в неолитической зоне Мергара (MR.3.) с 1977 по 1985 годы и новые результаты, полученные с 1997 по 2000 год. Одним из последних значительных результатов стала возможность с максимальной точностью зафиксировать неолитический срез Мергара. Очень важна фиксация динамики изменений, которые отмечают историю обживания в этот период I, начиная от раннего этапа неолитизации до утверждения настоящего земледельческого хозяйства. Они происходили без четко выраженных перерывов, которые могли бы оправдать разделение на подпериоды.

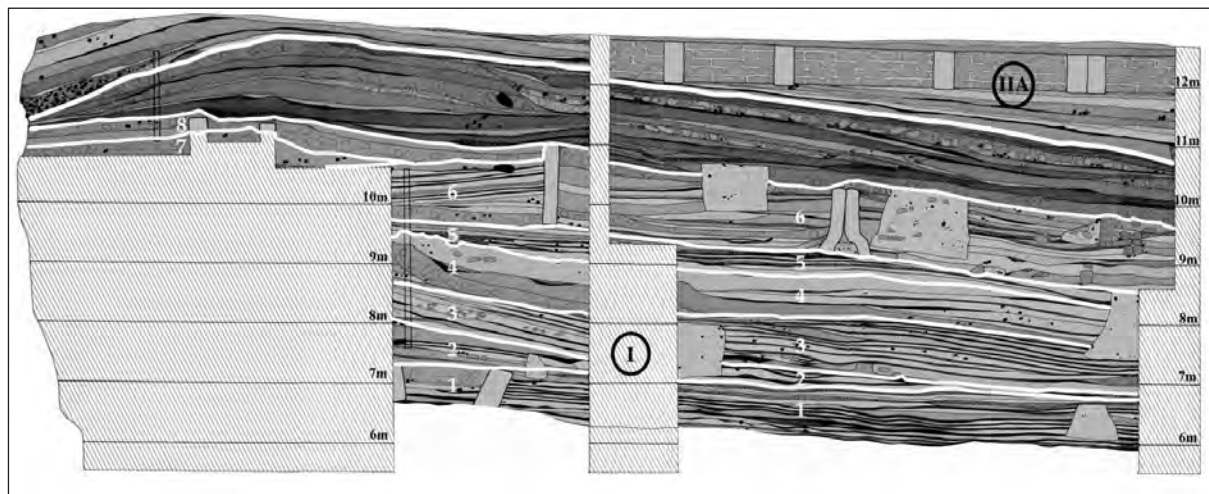
План неолитического городища периода I.

При нормальном ведении раскопок было бы, без сомнения, очень трудно составить представление об общей конфигурации городища, особенно для периода его начального обживания, так как самые глубокие слои залегают на 9–6 м ниже уровня современной поверхности. Однако неолитическая зона (MR.3.) расположена так, что ее окаймляет с востока обрыв высотой 10 м, образованный р. Болан. Зачисткой обрыва на протяжении многих сотен метров с одной и другой стороны раскопанной зоны мы получили гигантский стратиграфический разрез, позволяющий

⁹ Hole et al., 1969, p. 21.

¹⁰ Jarrige, 2000.

Рис. 3. Мергар. Стратиграфический разрез восток – запад на раскопе MR.3; чередование уровней периодов I и II A.

понять процесс формирования тепа периода докерамического неолита и процесс его эрозии после запустения. Это запустение по времени соответствует накоплению слоев аллювиального происхождения на стратах тепа периода I (что заметно на размытых склонах).

Самые поздние из наносных слоев перекрыты хранилищами неолитического периода, в которых уже появились первые керамические сосуды (период II).

Срез – результат смыва водой – показывает, что первые постройки периода I были возведены на маленьком естественном холме, расположенном на 4 м выше первоначальной аллювиальной равнины. Однако неолитические отложения распространяются также на периферии этого холма, то есть 4 м ниже. При зачистке этих обрывов, образованных р. Болан по одну и другую сторону современного русла, были зафиксированы отложения золы и очаги, часто в яме, относящиеся к древним слоям периода I. Если связать эти разрозненные точки зачисток между собой, то восстанавливается картина распространения неолитических остатков на площади около 15 гектаров.

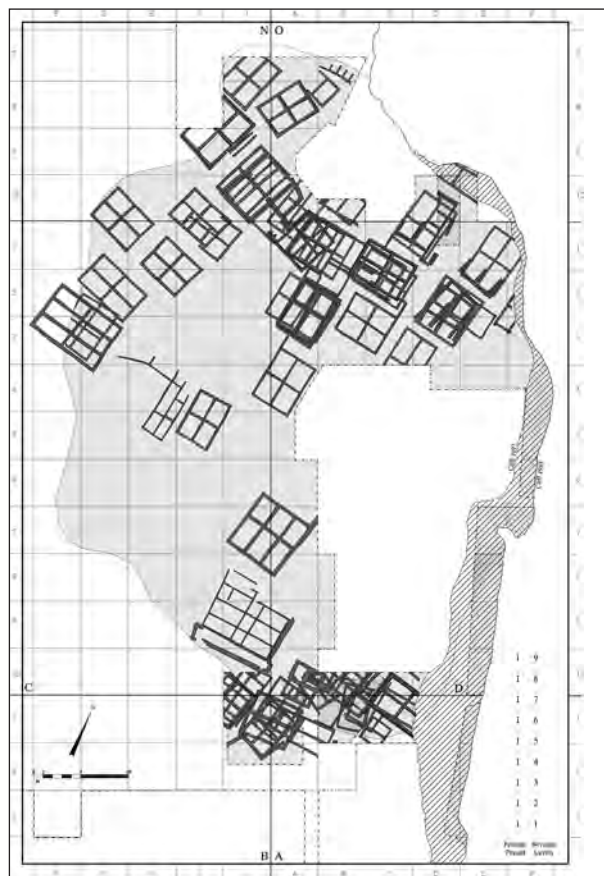
Раскопки были проведены на площади почти в 200 м² по уровню самых глубоких слоев (южный раскоп MR.3.) и на площади в 175 м² по уровню верхних слоев периода I (раскопы: северный MR.3. и южный MR.3.). Стало возможным выделить в зоне раскопок девять главных уровней, которые соответствуют последовательной смене этапов обживания, запустения и образования некрополей, затем нового обживания (рис. 3 и 4).

Наблюдения в современных поселениях региона показывают, что глиняные постройки недолговечны. Сырцовые кирпичи разрушаются через несколько десятков лет как бы не старались обновлять защитную штукатурку стен. И в наши дни можно констатировать, что через два–три поколения обитателей дома должны быть выстроены заново, либо на выровненных руинах прежних жилищ, либо на новом месте. В последнем случае покинутый квартал может служить свалкой, зоной деятельности сезонных ремесленников или даже кладбищем для погребения жителей нового квартала. Этот новый квартал после смены двух-трех поколений жителей, чаще всего, также покидается и приходит в упадок, а жилища строят в другом месте. Что касается кладбищ на заброшенном квартале, то плотность захоронений по прошествии нескольких десятков лет также приводит к вынужденным поискам нового места для погребений - либо на каком-то покинутом квартале, либо на другом участке руин. Когда следы могил заброшенного

кладбища сглаживаются на поверхности, эта древняя погребальная зона может быть опять избрана для постройки здания.

Этот процесс строительства, запустения и нового обживания, как только что описанный на современных примерах, наблюдается в стратиграфическом разрезе и в раскопах периода I в зоне MR.3. Исследования стратиграфии выявляют существование девяти главных уровней строительства, чередующихся с уровнями свалок и кладбищ. Тем не менее, этот разрез с его постройками, слоями запустений и кладбищами не дает полного представления о процессе обживания агломерации в эпоху докерамического неолита, поскольку полученные данные ограничены зоной раскопок. Надо отдавать себе отчет в том, что между этапами запустений и реконструкций, видимых в раскопе, вероятнее всего, существовали переместившиеся на другие участки городища жилые кварталы, еще не исследованные или исчезнувшие в водах р. Болан. К тому же, иногда можно констатировать, что дома были вновь возведены непосредственно на стенах предыдущей постройки. Тогда предполагается, что между формированием двух уровней прошло немного времени. И наоборот, о более длительном временном промежутке между эпизодами свидетельствуют абсолютные различия планов погребений в предшествующих или последующих слоях на кладбище, явно действовавшем в течение относительно длительного времени.

Начиная от самого глубокого уровня 1, постройки имеют четырехугольный план (рис. 5). В уровнях 1 и 2 есть примеры двухкомнатных домов. В уровне 3 впервые расчищен план дома, разделенный на четыре симметрично расположенных помещения. Такая постройка должна была доминировать в верхних уровнях (рис. 6). Однако преобладают дома в две вытянутого плана комнаты, типа обнаруженного в уровнях 4 и 5 (рис. 7). В верхних уровнях отмечено также несколько зданий с шестью одинаковыми помещениями внутри. На протяжении периода I здания строились из длинных кирпичей размером 62 x 12 x 8 см, на поверхности которых сохранились вдавленные отпечатки больших пальцев рук, предназначенные для лучшего сцепления кирпичей с раствором в кладке (рис. 8). С уровня 1 отмечена упавшая стена, поверхность которой была окрашена красной охрой. Фрагменты схожей штукатурки были найдены почти во всех уровнях периода I, и на поверхности внешних стен домов верхних уровней, иногда еще на своем месте но чаще всего на полу. В уровне 8 обнаружены два куса крашеной штукатурки, упавшей с внешних стен двух домов. Они позволяют реконструировать подлинный декор, который представлял собой разновидность рисунка лабиринта с нанесенными клетками

Рис. 4. Мергар. План структур уровней от 1 до 9 периода I.

Рис. 5. Мергар. Раскоп MR.3. южный. Вид на остатки построек уровней от 1 до 8 периода I.

Рис. 6. Мергар. Раскоп MR.3. северный. Вид на комплекс остатков построек верхних уровней периода I.

Рис. 7. Мергар. Раскоп MR.3. северный. Вид на остатки построек уровней 3, 4, 5, на первом плане и уровней от 6 до 9 на втором плане. Период I.

Рис. 8. Мергар. Сырцовый кирпич периода I.

красного цвета и пространством между ними, заполненным скоплениями красных и черных точек (рис. 9).

На других фрагментах сохранился орнамент из красных шевронов, перемеженных красными, белыми и черными точками. Дома с таким декором на стенах имеют по четыре комнаты. Они того же плана, что и другие здания, внутри также нет ничего примечательного. Единообразный бежевый цвет остатков построек из сырцовой глины не позволяет сказать что-либо о первоначальном облике агломерации, кроме того, что стены домов в них были окрашены красной охрой, а иногда и покрыты сложными многоцветными композициями. На одном земляном холмике, соответствовавшем уровню 8, были открыты следы штукатурки, окрашенной ляпис-лазурью, что позволяет предположить использование в декоре более широкой цветовой гаммы.

Стены домов из четырех комнат сложены в два кирпича ложком, толщина до 30 см. А внутренняя площадь домов варьирует в размерах между 25 и 15 м². Площадь помещений между 5 и 2,5 м². Что касается шестикомнатных домов, самый большой – имеет размеры 5,6 x 8,1 м. Если говорить об общем плане агломерации, то по верхним уровням, открытым на относительно широкой площади, можно

Рис. 9. Мергар. Фрагменты крашеных штукатурок с красными и черными точками. Уровень 6 периода I.

констатировать известную планомерность и единообразие, как в отношении типа домов, так и их ориентации. В целом, постройки делятся на две группы: одна ориентирована осями дома по линии запад – восток; другая – север – юг. Каждая постройка четко отделена от соседних довольно широким открытым пространством, предназначенным для хозяйственной деятельности. Иногда выстраивались небольшие стеночки, отделявшие или наоборот соединявшие многие дома. Сообщение между комнатами осуществлялось через очень маленькие проемы. Они часто замурованы и покрыты вторичной штукатуркой или похожи на потайные лазы, поэтому их трудно обнаружить.

Ни одно из 62 зданий, относящихся к периоду I и выявленных в свите слоев девяти уровней, ни по форме, ни по внутреннему обустройству не обладает особыми признаками, которые указывали бы на культовое или ритуальное назначение, как это отмечено у некоторых построек на неолитических городищах Ближнего Востока, в особенности в Анатолии. «Престижное» здание начала VI тысячелетия до н. э., включающее большой зал с суфами вдоль стен и очагом в центре, которое было открыто на городище Заг в долине Казвина рядом с индоиранской границей, имело на стенах зала орнамент из черных и белых линий на фоне красной охры и сцен забоя коз, оправленный в рамки¹¹. В этом декоре видна некоторая аналогия с рисованными мотивами в красных, белых и черных тонах на доме в уровне 8 Мергара. Большая разница лишь в том, что в Мергаре эти орнаменты, как мы видели, нанесены на наружную, а не внутреннюю поверхность стен. Ни в одной комнате с девятью слоями, раскопанными в период I, никаких суф или изобразительных сцен в рамках на стенах не отмечено. В большинстве помещений видны просто следы очагов, чаще всего расположенных в углах.

Снаружи домов очаги обнаружены в круглых ямах, содержащих камни, они служили для подогревания пищи. Если оставить в стороне фрагменты крашеной штукатурки с наружных стен, к сожалению, почти полностью исчезнувшей, архитектура периода I, кажется, была подчинена утилитарным критериям и отличалась стандартизацией планов и ориентации. Следует, однако, разобраться с этим эффектом построения плана участков, когда, мы это уже отмечали, дома одного и того же уровня подвергались на протяжении времени различным перестройкам. Можно также констатировать, что в большинстве случаев одни и те же дома обживались дольше, чем другие. Тем не менее, планы кварталов, которые сменяли друг друга на протяжении периода I, отличались от планов многих неолитических агломераций других регионов, где тесно прилепленные друг к другу кубические клетушки сочетались в разных комбинациях. Такой тип плана, из примыкающих друг к другу клетушек, обнаружен на Джейтуне - самой древней агломерации, известной в Туркменистане, датированной временем около 6 000 лет до н. э.

Природная среда и палинологические изыскания

До того как перейти к вопросу о производящей экономике этой первой неолитической агломерации, следует обратиться к постоянно ведущимся палинологическим изысканиям, которые проведены Л. Константины и А. Лентини во время раскопочных сезонов 1997–2000 годов на объекте MR.3. Хотя эти работы еще находятся в начальной, предварительной стадии, уже идентифицированы три группы пыльцы. Прежде всего, это – присутствие пыльцы хвойных растений, в особенности можжевельника (*Juniperus*), который сегодня находят на высоте от 1 800 до 3 000 м. Эта находка указывает на то, что зона произрастания этих деревьев в преисторическую эпо-

¹¹ Negahban, 1979.

ху должна была быть более обширной, чем в настоящее время. Вторая группа включает пыльцу дубового леса (*Quercus*), который должен был расти не только на склонах гор Киртхар, но и достигать окраины бассейна Болана. Третья группа с образцами (*Ulmus*, *Populus*, *Salix*, *Fraxinus*) сопутствует «галерейному» лесу», растущему по берегам водных протоков и в затопляемых зонах. С самых глубоких уровней Мергара среди разновидностей лиан, произраставших в болотистой среде, отмечается присутствие винограда (*Vitis*). По результатам анализов Л. Константины и А. Лентини сделали вывод, что природная среда в неолите, а также в халколите Мергара была значительно более влажной, чем в настоящее время. Присутствие очень густого «галерейного» леса указывает на существование вокруг городища полуозерной зоны. Другие обширные пространства были покрыты травянистой растительностью, которая распространялась до более высокого пояса, где произрастал дубовый лес. Палинологические исследования позволили реконструировать характер растительного покрова и предположить, что климатические условия в неолите здесь были более благоприятными, чем в исторические эпохи. Л. Константины и А. Лентини сопоставили свои наблюдения с теми, которые Гурдип Сингх извлек из анализа пыльцы в озерных отложениях в Индийском Раджастане, показавшими, что с начала голоцена климатические условия стали более влажными¹². С тех пор исследования глинистых подпородных покрытий в Центральной Индии и древних дюн Раджастана со следами «мезолитического» обживания, предположительно, также подтверждают более влажный климат в данных регионах с начала голоцена. Позднее новые анализы отложений одного высохшего озера в пустыне Тхар, которая образует восточную окраину долины Инда, выявили значительные колебания уровня грунтовых вод, вызванные изменениями режима дождей индийского муссона на юго-востоке. Таким образом, от 10 000 до 4 800 ВР озеро никогда не пересыхало. Однако, начиная с 4800 ВР (3500 г. до н. э.) происходит полное высыхание, которое с тех пор превалирует во всей этой зоне¹³. К тем более благоприятным условиям относит В. Н. Мисра появление во многих регионах Индии большого числа мезолитических городищ, микролитические орудия из которых дают к тому же сходство с инвентарем Мергара¹⁴. В то же время, палеоботанические исследования на городище Джейтун также предоставили комплекс показателей, подтверждающих наличие в предгорьях Копетдага в VII–VI тысячелетиях до н. э. более влажных, чем сейчас климатических условий¹⁵.

Что касается культуры злаков, то Л. Константины определяет более 90 % отпечатков зерен и самих зерен шестирядного голого ячменя (*Hordeum vulgare* var *nudum*) на всех первых уровнях периода I¹⁶. Колос очень компактный, короткий; зерна маленькие и округлые, соответствуют (по Л. Константины) культурному ячменю, но domestикация полностью не была завершена. Этот тип ячменя с круглыми зернами (*Hordeum sphaerococcum*), впоследствии будет представлен в большом процентном отношении среди обгоревших зерен, найденных в верхних уровнях периода I и периодов II А, II В и III. Отмечается также присутствие в небольшом количестве двухрядного ячменя в оболочке - и дикого (*Hordeum spontaneum*) и окультуренного (*Hordeum distichum*). В настоящее время первый вид можно встретить в посевах ячменя, как сорняк. Его присутствие, видимо, подтверждает вхождение Белуджистана в выделенную Н. Вавиловым зону распространения дикого ячменя.

¹² Singh et al., 1974.

¹³ Enzel et al., 1999.

¹⁴ Misra, 2002, pp. 111-125.

¹⁵ Hiebert, 2002.

¹⁶ Costantini, 1989.

Л. Константины были идентифицированы также встреченные в малом количестве отпечатки и горелые зерна пшеницы. Это была домашняя пшеница-однозернянка (*Triticum monococcum*) и домашняя крахмальная двухзернянка (*Triticum dicoccum*), присутствовала и разновидность твердой голой четырехрядной пшеницы (*Triticum durum*). Недавние исследования в области ботанической генетики выделили юго-восток Турции в качестве колыбели группы (*Triticum boeoticum*), которая, как представляется, была диким предком первой домашней однозернянки. Присутствие последней с начала периода I может стать доказательством внедрения в регион Мергара злака ближневосточного происхождения. Но следует быть осторожным в вопросе распространения дикой пшеницы в VIII тысячелетии, до н. э. зоны произрастания которой нельзя искусственно приравнять к площадям, занятым ею в настоящее время. Находка косточек ююбы (*Zizyphus*) и фиников (*Phoenix dactylifera*) указывает на вхождение этих фруктов в число дополнительных продовольственных ресурсов.

Что касается проблемы трудовой занятости жителей Мергара, связанной с охотой и пастушеством, можно сослаться на публикации Р. Х. Мидоу, руководителя программы по археозоологии¹⁷. Одной из задач раскопок, предпринятых в неолитической зоне Мергара, было собрать наиболее важную документацию о фауне, остатки которой присутствовали в глубинных слоях. Даже если во время сезонных раскопок 1997 – 2000 гг. фауна не могла быть изученной в деталях, уже подтверждено, что большинство фаунистических остатков, происходящих с глубоких уровней периода I, принадлежит диким видам. К тому же просеивание и провеивание большей части грунта из самых глубоких слоев на раскопе MR.3. южный (уровни 1 и 2) четко показывают единичность присутствия рыбных и птичьих костей, как это было отмечено в предыдущих раскопках.

Р. Х. Мидоу настаивает на том, что разнообразие природных условий, которые сменяли друг друга на склонах гор Киртхар до нижних предгорных долин и затопляемых зон, вдоль водных протоков, отражено в характере охотничьих промыслов первых насельников неолитического поселения Мергар. В глубинных древних слоях периода I представлены двенадцать разновидностей крупных животных – объектов охоты, включая диких баранов (*Ovis orientalis*) и коз (*Capra aegagrus*), которые спускались со склонов, газелей (*Gazella benetti*), которых встречают в предгорьях, как и диких ослов (*Equus hemionis*). Далее отмечается присутствие на равнинах черных ланей (*Antilope cervicapra*), живущих в сухих долинах, а также антилоп Нильгау (*Boselaphus tragocamelus*), крупных оленей (*Cervus duvauceli*), маленьких оленей (*Axis axis*), кабанов (*Sus scrofa*), водяных буйволов (*Bubalus arnee*), дикого рогатого скота (*Bos namadicus*), и, без сомнения, слонов (*Elaphus maximus*), живущих в более влажных зонах¹⁸. В ожидании результатов исследования фауны, собранной в раскопках 1997 – 2000 годов, мы располагаем данными, которые происходят в основном из шурфа MR.3Т. 1980 года и с промежуточных и верхних уровней раскопа MR.3.S (раскопки Моник Шевалье с 1977 по 1985 гг.). Благодаря расширению раскопок в зоне MR.3. в сезоны 1997 – 2000 годов, шурф MR.3Т. оказался включенным в общую стратиграфию периода I. Таким образом, слои от 17 до 13 этого шурфа соответствуют уровню 1 периода I. По диаграммам, опубликованным Р. Х. Мидоу в 1981 году, можно констатировать, что за время, которое отмечено периодом I и следующими, явственно сокращается численность газелей и других диких видов животных. Тем не менее, как это установлено сегодня, пропорциональное соотношение костей, принадлежащих диким видам, остается значительной, вплоть до уровня 4

¹⁷ Meadow, 1981; 1984; 1993; 1998.

¹⁸ Meadow, 1998, p. 16.

шурфа MR.3T., то есть до уровня 7 разреза. В этом уровне 7, однако, половина фаунистических остатков состоит из костей баранов, коз и крупного рогатого скота. В верхних уровнях 8 и 9 почти все выявленные костные остатки принадлежат баранам, козам, рогатому скоту, но пропорционально к общему числу дикая фауна становится очень слабо представленной.

Р.Х. Мидоу также показал большую значимость результатов исследований городища Мергар для воссоздания истории использования в хозяйстве разновидностей крупного рогатого скота, особенно *Bos indicus* (зебу) – животного, которое впоследствии станет знаковым для Индии. Что касается уровня I, то бычьи виды, морфология которых позволяет думать, что они еще не были по настоящему одомашнены, представлены в фаунистических остатках лишь 4 %, тогда как козы и газели доминировали в этом комплексе. Но в конце периода I (уровни 8 и 9) эти бычьи виды составляют уже 50 % от всего комплекса. Таким образом, оказалось, что с присутствием в уровне I баранов, коз, крупного рогатого скота и буйволов фиксируются все возможные дальние предки этих одомашненных видов. Но особенно хорошо удостоверен статус домашнего животного для некоторых видов коз, так как на него указывает захоронение полных скелетов козлят в пяти погребениях уровней 2 и 3 и находки в зонах свалок известного количества костей коз небольшого роста, молодого и зрелого возраста. На протяжении периода докерамического неолита размеры коз уменьшаются гораздо четче, чем это видно по размерам баранов. Явно выраженное уменьшение размеров животного также проявляется у бычьих видов. Хорошо известно, что палеозоологи связывают этот процесс уменьшения размеров животного с развитием пасторального типа хозяйства. Но это явление могло произойти после более или менее длительного этапа протоскотоводства, который подчас трудно выявить. В итоге принято, что животные, выращенные в неволе и вне их естественного окружения, подвержены морфологическим изменениям, которые усилены еще практикой селекции скотоводов, удаляющих большую часть самцов, в целях, прежде всего, получения мяса. И только когда нужна сила животного, особенно бычьих видов, используемых для запряжки или в земледельческих работах, вновь появляются, как это было много позднее в долине Инда и видно в разрезе на Мергаре, животные крупных размеров, чему способствовал дополнительное откармливание¹⁹.

Что касается происхождения домашних животных Мергара, то сегодня, благодаря генетическому исследованию, выявлено, что *Bos indicus* и *Bos taurus* не могли иметь общего предка. В случае с домашним быком без горба (*Bos taurus*), распространенного на Ближнем Востоке и в средиземноморском мире, его предком был тур (*Bos primigenius*), тогда как для вида *Bos indicus* предком был *Bos namadicus*. Наблюдение, сделанное Р. Х. Медоу в Мергаре, указывает на локальный процесс доместикации индийского зебу (*Bos indicus*), за которым можно следить поэтапно, начиная с уровня 1 до уровня 9 периода I. Если опираться на критерий размера, буйвол, представленный в периоде I, кажется диким видом, доместикация которого, по материалам разреза на Мергаре, начинается в постнеолитическую эпоху.

Каменные индустрии и материал

В уровнях периода I открыто большое количество каменных орудий, полученные в сезон работ 1978–1985 гг. были изучены М. Лешевалье²⁰. Раскопки, проведенные с 1997 по 2000 г., расширили собранную документацию о начале каменной индустрии в Мергаре. Пропорция следов

¹⁹ Meadow, 1984, p. 39.

²⁰ Lechevallier, 2004.

использования заметно одинаковая и для отщепов, и для пластин, даже если орудия чаще всего сделаны на пластинах. После уровня 3, который воспринимается как переходный этап, комплекс каменных объектов с 4 до 9 уровня становится явно однородным с более чем 80 % пластин. Из этого пока предварительного исследования явствует, что характерные орудия уровней 1 - 4 это – сегменты, пробойники, пластины с выемками на конце, скребки, трапеции, а каменные изделия с 5 по 9 уровень это – сверла, трапеции с прогнутой спинкой, или «рогатые», и пластинки с притупленным концом. Отмечается очень четкая тенденция к удлинению пластин. Начиная с уровня 4, более 50 % пластин имеют самую большую длину в 5 см²¹. Однако остается не ясным вопрос, почему на уровнях 1 и 2 число отщепов выше, чем число пластин, которые представляют только 40 % от комплекса.

В плане примененной техники обработки камня можно отметить, что лишь с уровня 3 четко зафиксирована отжимная техника, даже если некоторые объекты с уровнями 1 и 2 обладают характеристиками, несовместимыми с ее использованием. Наряду с расщеплением «через посредника» с помощью отбойника, оставляющего тонкие следы, такие, как круглые углубления на кости или оленьем роге, расщепление отжимом применено только для получения пластин. Уровню 7, по-видимому, соответствует новый технический этап, для которого характерно появление специфического инвентаря и стандартизация ударной площадки нуклеусов, углы которой постепенно скругляются, позволяя, таким образом, откалывать одинаковые и очень четкие пластины. Речь идет о маркерах, удостоверяющих возрастающее умение мастеров-изготовителей орудий по сравнению с предыдущими периодами. Все найденные нуклеусы очень маленькие, что было практически результатом старания максимально использовать исходный материал.

Рис. 10. Мергар. Два лоцила с бороздками из стеатита из уровня 9, камень с бороздкой [Lechevallier, 2004] и резным декором из уровня 7 и камень с бороздкой из уровня 8. Период I.

²¹ Lechevallier et Marcon, 2000.

Во всех уровнях присутствуют ножевидные пластины, резцы, камни с продольной бороздкой. Однако в уровнях 1 и 2 эти типы объектов немного массивнее, чем в последующих уровнях. Резцы очень часто – просто естественные камни, у которых обработан только один рабочий край. В верхних уровнях ножевидные пластины и резцы обработаны немного тоньше, и во многих случаях их поверхность украшена оборванными нарезанными линиями или зигзагами. Простые гальки с бороздкой из глубинных уровней заменены каменными ложилами иногда из черного стеатита, на одном из них видны врезанные линии (рис. 10).

Каменные шлифованные топоры, которые часто рассматриваются как знаковые для неолита предметы, появляются в Мергаре позже, в период I. Из первых уровней происходят каменные острия типа кайла. Находки настоящих топоров со шлифованным рабочим краем в количестве около 55, происходящие с уровня жилищ и из их заполнения, зафиксированы только начиная с уровня 6. Речь идет о речных гальках, линзовидных в сечении, у которых отшлифован только рабочий край. Что касается полностью шлифованных топоров из черного диорита тонкой выделки, то все они происходят из могил кладбища 9 и датированы концом докерамического периода. Они кажутся скорее престижными предметами, нежели орудиями труда.

На всех уровнях периода I обнаружены многочисленные зернотерки разных размеров, камни-куранты, ступки и песты, тип которых остается одинаковым на всех этапах периода I. Многие из этих предметов несут следы охры, указывающие на то, что у них было иное предназначение, чем помол зерна.

Емкости

Обработка камня на многих неолитических городищах включала и изготовление сосудов из него. В Мергаре, начиная с глубинных уровней, находят небольшие чаши со следами охры или битума внутри. Но только в конце периода I, особенно на кладбище 9, появились, правда в небольшом количестве, более глубокие сосуды. Надо было ждать начала периода II A, чтобы встретить настоящие каменные кубки и первые глиняные сосуды. Что касается емкостей из глины периода I, они ограничиваются несколькими фрагментами чашечек из сырой глины, иногда с пробитыми дырочками. В то же время, можно предполагать, что широко использовались плетеные корзины, хотя сохранились лишь те, что были обмазаны битумом. Главным образом их находили среди инвентаря могил, начиная с кладбища уровня 4 до кладбища уровня 9.

Костяные орудия

Они широко представлены на всех уровнях периода I и в погребальном инвентаре кладбищ. Общее исследование орудия из кости, найденного в раскопках 1975–1985 годов, осуществил Нерисса Руссел²². Начиная с уровня 1, находят, главным образом, проколки, изготовленные на концах средней части трубчатых костей коз, баранов и газелей. Длинные острия, найденные во многих погребениях и только в верхних уровнях, изготовлены путем скобления длинных костей млекопитающих. Присутствие бороздки на конце орудия позволяет предположить его использование в качестве ткацкого челнока. Иглы с ушком очень редки, а найденные очень маленькие острия могли использоваться как шило. Многие рога оленей со скошенными концами несут очень мелкие следы, указывающие на то, что ими пользовались как лопатой или мотыгой для рыхления почвы. Среди других предметов из кости периода I можно назвать скребки, изготовленные из

²² Russel, 1995.

Рис. 11. Мергар. Изделие из перламутра. Уровень 1 периода I.

осколков длинных костей. Н. Руссел выделил из комплекса две кости со следами, указывающими на их применение для натягивания кожаных ремешков. В ряде случаев следы на оленьих рогах и ребрах связаны с их использованием при расщеплении кремня путем отжима. Острия из рога оленя, вероятно, имевшие то же назначение, были найдены в могиле кладбища 9 вместе с разными каменными орудиями и кремневым нуклеусом, подготовленным к расщеплению.

Статуэтки

Статуэтки людей и животных являются очень важными объектами в исследовании процесса

неолитизации в регионе Ближнего Востока, особенно с того момента, как Жаком Ковеном были проведены их анализы. Мергар – городище, где можно наблюдать процесс доместикации зебу, который, как мы указали, занимает основное место в стаде еще раньше конца периода I. Несмотря на то, что хозяйственное значение этого животного очевидно, в периоде I Мергара не найдено никаких материальных указаний на его особую роль, в ритуалах или символикe. Особо следует отметить отсутствие букраниев в рамках на стенах, а также изображений коз, в отличие от того, как это бывает в зданиях на многих неолитических городищах региона к западу от индоиранской границы. Что касается находок статуэток животных, то они ограничены редкими фрагментами фигурок четвероногих из сырой глины и несколькими сломанными рогами. И только в халколите Мергара появляется значительное количество фигурок быков, часто покрытых рисованным орнаментом или бычьих изображений на керамических сосудах, подчеркивающих важное значение этого животного. На других городищах Белуджистана, современных халколитическому Мергару, найденная керамика несет орнамент в виде букраниев.

Рис. 12. Мергар. Статуэтки из сырой глины с уровней 7 и 8 периода I.

Человеческие фигурки, напротив, более многочисленны: насчитывается около 80 экземпляров разной степени сохранности²³. За редким исключением все они происходят из заполнения помещений. Маленькая пластинка из перламутра с изображением, напоминающим силуэт человека, найдена на полу в уровне 1 (рис. 11).

Самые древние статуэтки из сырой глины очень схематичны, они стоячие, часто окрашены охрой, иногда опалены, в результате случайного попадания в огонь. У статуэток показаны прически, пояса, нанесен орнамент, а в некоторых случаях закаленные в огне. У статуэток показаны прически, пояса, нанесен орнамент, – налесты, изображающие змею (рис. 12).

Женские статуэтки с изображением змеи отмечены в других регионах мира и связываются с представлениями о плодородии и плодовитости. Но в Мергаре этот тип статуэток, кажется, исчезает в конце периода I. В верхних уровнях периода I отмечено также присутствие целой группы сидящих фигурок, выполненных очень схематично: они часто крупного размера, иногда окрашены охрой, с пробитыми в теле отверстиями. Как правило, статуэтки отсутствуют в могилах, однако, одно погребение в уровне 9 содержало такую фигурку. Она найдена в руках погребенной, перед ее лицом. Это одна из больших статуэток, покрытая охрой и изображающая сидящую женщину. Фигурка, кроме того, несет следы протыкания ее острым предметом (рис. 13). Вероятно, такие статуэтки были объектами магических ритуалов, которые проводились во многих ранних обществах, свидетельство чему – подобные находки в различных частях мира.

К. Жарриж также выдвинула гипотезу, что многие маленькие камешки с очень хорошо отполированной поверхностью, имеющие форму и размер фигурок, как сидящих, так и стоящих, могут быть интерпретированы как человеческие изображения. Эта гипотеза подтверждена находкой маленькой гальки в форме сидящей статуэтки, поверхность которой украшена нанесенным красной охрой волутообразным орнаментом, без сомнений, напоминающим змею.

Украшения

В могилах в очень большом количестве встречены украшения. Неолитические предметы украшения из раскопок 1977–1985 годов стали объектом публикации Бланш Бартеlemi де Сезье²⁴.

Рис. 13. Мергар. Скелет женщины, держащей в руках статуэтку из сырой глины. Погребение 258 с уровня С 9 периода I.

²³ C. Jarrige nd.

²⁴ Barthélemy de Saizieu, 2004

Рис. 14. Мергар. Подвески из камня и кости. Уровень 1 и С1 периода I.

и костяная найдены в двух могилах из трех, раскопанных на кладбище 1. Еще одна каменная подвеска обнаружена на полу уровня 1. Этот тип украшений позднее не встречается.

Начиная с уровня 2 вплоть до конца периода I, доминирующим типом украшения стали морские раковины вплоть до конца периода. Эти раковины происходят из морской среды, характерной для прибрежной части Оманского моря от района Карачи до побережья Макрана в 500–600 км по прямой от Мергара. Украшения из кальцита и известняка, несомненно местного происхождения, и из стеатита, источник добычи которого еще не известен, в дальнейшем встречаются гораздо реже. Можно упомянуть также бусины из полудрагоценных камней, пять из них – из лазурита, происходят из погребений кладбищ 3, 5 и 9. Бирюзы намного больше. Украшения из нее найдены в 28 погребениях на кладбищах от 2 до 9. Это – бусины дисковидной или цилиндрической формы. Жилы малахита и бирюза известны в горах Чагай к северу от города Далбандин. В горах Чагай, вблизи афгано-пакистанской границы, примерно в 350 км по прямой от Мергара, также всегда существовали залежи лазурита. В небольшом объеме они разрабатываются и в наши дни. Что касается халцедонов, куда входит сердолик, то эти камни тверды и трудны в обработке, поэтому они очень редки в неолите и найдены только в верхних уровнях периода I, хотя одна бусина из халцедона происходит из погребения взрослого (Т.15) на кладбище 5.

Два погребения кладбища 9 содержали: одно – 8 маленьких трубчатых бусин; второе – большую цилиндрическую бусину из меди. Исследование отпечатков волокон на металле одной из бусин позволило определить, что нить колье была из хлопка. Можно сказать, что это самое раннее археологическое свидетельство использования хлопка²⁵.

Раскопки 1997–2000 годов добавили к этой коллекции тысячи предметов, которые составили документацию намного более обширную, чем полученная ранее с самых древних уровней.

Прежде всего надо напомнить, что происходящие из этих самых глубинных уровней ювелирные изделия иногда изготовлены из местного сырья, но чаще привозного из регионов, которые расположены в радиусе сотен километров от Мергара. Эта система снабжения сырьем, которая очень мало менялась в эпоху докерамического неолита, предполагает существование хорошо поставленной организации ремесленной деятельности.

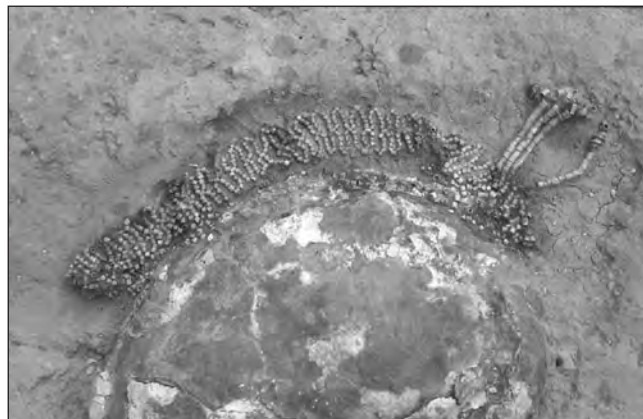
Однако следует подчеркнуть, что украшения с самого глубокого уровня (уровень 1) и из самого раннего кладбища (кладбище 1) ограничены двумя гальками вытянутой формы с отверстием, которые использовались как подвески, и еще одним похожим предметом из кости (рис. 14). Одна из двух каменных подвесок

²⁵ Moulherat et al., 2000.

Мы не будем описывать здесь все многочисленные украшения, такие как застёжки, браслеты, пояса, ожерелья и головные повязки (рис. 15). Можно только подчеркнуть, что все эти изделия отражают стандартизацию форм, эволюцию которых можно проследить во времени. Отметим также мастерство, с каким ремесленники изготавливали один стандартный тип украшений из разных материалов. Например, с первого взгляда не всегда легко отличить многогранную бусину из кальцита от такой же – из раковины. Некоторые украшения составлены из элементов разных форм и цветов, так как собраны из разных материалов, что свидетельствует о поисках эстетического характера. Забота об улучшении качества изготавливаемых изделий видна в тенденции сделать их более миниатюрными, что, без сомнения, связано с заметным прогрессом в каменной индустрии, имевшим место на протяжении периода I. Это стремление особенно ощутимо в производстве дисковидных бусин, которые изготавливались серийно. Так, в глубинных уровнях модели из раковин имеют в диаметре 5–6 мм, иногда даже 7 мм, а те, что сделаны из кальцита – 6–8 мм, бусины из стеатита – 4–6 мм. Однако диаметр отверстия чаще всего одинаков, независимо от материала и измеряется 2–3 мм. В верхних уровнях, и особенно на кладбище 9, диски из раковин имеют диаметр 3–5 мм, стеатитовые – всего 2–3 мм. Что касается отверстий, они чаще всего 1–1,5 мм в диаметре, то же самое можно сказать о маленьких бусинах из бирюзы.

Среди множества украшений из кладбища уровня 9 – самого позднего, появляются бусины из белого стеатита. Известно, что черный стеатит, когда его разогревают до достаточно высокой температуры, принимает белый цвет. Несколько лет назад было проведено исследование бусин халколитического кладбища Мергара конца V тысячелетия до н.э. (период III). Оно выявило присутствие изделий из стеатитовых бусин, подвергнутых тепловой обработке и покрытых зеленой глазурью²⁶. Очень важно констатировать, что белые неолитические бусины уже изготовлены из обожженного стеатита, даже если температура его разогрева была ниже, чем в халколите. Известно, что цивилизация Инда знаменита качеством изделий из стеатита, изготавливавшихся ее мастерами. Показательно, что здесь мы имеем дело с ремесленной традицией, истоки которой уходят в период докерамического неолита Мергара.

К сожалению, у нас очень мало данных о мастерских, где изготавливались детали украшений, если не принимать во внимание находки бусин из кальцита и известняка. Что касается их изготовления, то найдено несколько скоплений блоков сырьевого материала и заготовок, в сопровождении многочисленных кремневых сверл. Можно было подумать об отсутствии места обработки стеатита. Однако в раскопочном сезоне 1998 года в заполнении помещения одного дома в уровне 4 был обнаружен целый комплекс артефактов, связанных с обработкой стеатита, включавший блоки сырья, заготовки и бусины на разных стадиях изготовления. В слоях заполнения помеще-

Рис. 15. Мергар. Головные повязки из раковин (*Dentalium* sp. и *Engina mendicaria*). Погребение 28Т. Уровень С4 периода I.

²⁶ Barthélemy de Saizieu et Bouquillon, 1994.

ний сделано всего несколько находок недообработанных бусин из раковин. Редкие случаи обнаружения отходов производства изделий из морских раковин наводят на мысль, что, возможно бусины привозились в Мергар уже как готовая продукция ввиду простоты их транспортировки или просто являлись результатом обменной торговли с прибрежными районами Оманского моря. Однако мы не располагаем никакими данными для раннего периода о существовании каких-либо групп населения на морском побережье, которые занимались бы ремесленным производством и могли обмениваться готовыми изделиями с отдаленными территориями.

Надо также иметь в виду, что в эпоху докерамического неолита в Мергаре заботились о безотходном использовании сырья. Замечено, что благодаря настоящему техническому прорыву, нуклеусы расщеплялись до такой степени, что достигали минимальных размеров. Мы уже отметили обнаружение фрагмента глиняной штукатурки, окрашенной пигментом ляпис-лазури, что дает основание предполагать измельчение этого камня в порошок. Не исключено, что и часть отходов раковин использовалась как краситель, на что может указывать орнамент с белыми точками на штукатурке некоторых домов. Надо отметить, что в плане техники изготовления и самих форм все украшения независимо от исходного сырья составляют однородную ремесленную продукцию. Отмечая большое количество украшений, найденных в раскопанных погребениях и составляющих лишь незначительный процент от общего объема погребального инвентаря, можно только удивляться качеству изделий и размаху этого художественного промысла, базирующегося на подлинной технической специализации, которая диктовала строгий выбор сырья. Отметим также, разные виды морских раковин, которые впоследствии будут играть очень важную роль. Начиная с периода II Мергара, они используются для изготовления колец, а каури, повсеместно встречающиеся в более поздние периоды, очень редки в докерамическом неолите.

Погребальные обряды

В результате раскопок, проведенных в зоне MR.3. выявлено 315 погребений в девяти уровнях кладбищ периода I, но они в основном разрезаны оврагами и видны в обрывах, потому не доступны для археологов. В 60 могилах погребальный инвентарь оказался фрагментарным и переотложенным, поэтому их нельзя привлечь для составления статистической базы данных. Типологическое изучение проведено на материалах 244 могил после их предварительного рассмотрения в ходе раскопочных сезонов 1977–1985 годов²⁷. В настоящее время Г. Кивроном закончено общее исследование материалов девяти уровней кладбищ, и кое-что из результатов этой работы мы привлечем для написания данного раздела статьи.

Материал из 244 погребений, который лег в основу общего исследования кладбищ периода I, содержал останки 267 индивидов, так как было несколько совместных захоронений, в двух из них были похоронены взрослый и ребенок, в двух – двое взрослых и в одном – двое детей. Три могилы содержали коллективные повторные захоронения. В 70 % этих могил основным погребальным инвентарем были украшения, предметы повседневного использования, а в 15 случаях были обнаружены кости коз.

Почти во всех изученных могилах умершие лежали не прямо на земле, а в маленьких «туфлеобразных» погребальных камерах вырытых в стенке ямы (*подбой* – прим. перев.). Пол этих камер, а иногда и стенки, оштукатурены и окрашены красной охрой. Многие погребальные камеры (*подбой*) были закрыты кирпичной кладкой, в которой иногда чередовались кирпичи, по-

²⁷ Barthélemy de Saizieu, 1990; 1991.

ложенные ложком и тычком. В некоторых случаях для изоляции подбоя были использованы глиняные блоки. Более 75 % погребений ориентировано по оси восток – запад, чаще головой на восток и лицом, обращенным на юг, но иногда на север. Другие ориентированы по направлению север–юг.

Умерших укладывали на бок, с согнутыми в разной степени нижними конечностями. Верхние конечности располагались в двух основных позициях, выбор которых, как кажется, был очень важен и подчеркивая различия между умершими. В одном случае – обе руки согнуты и положены на разном расстоянии у лица, в другом – одна рука положена вдоль тела, а вторая – согнута, часто с кистью на плече, но, однако, есть вариант, довольно редкий, когда обе руки располагались вдоль тела. Эти же главные различия касаются и погребений детей, кроме новорожденных.

Гонзаг Киврон предположил, что эти две позиции могли соответствовать разделению полов. Результаты антропологического исследования в целом, как будто подтверждают это наблюдение, но надо принимать во внимание неопределенность заключений как следствие различной степени сохранности скелетов. В момент обрушения свода и кирпичной закладки погребальных камер под тяжестью грунта скелеты были раздавлены. Так, очень часто черепа и кости таза были раздроблены полностью, а остальные кости и вовсе трудно было собрать. Что касается скелетов, залежавших близко к современной поверхности и оказавшихся под воздействием воды, то для исследователей часто оставались лишь следы в виде порошка. Работа антропологов была очень осложнена. Точное установление пола или возраста часто невозможно. Данные по останкам из некоторых могил относительно половой принадлежности остаются под знаком вопроса. Однако каждый раз, когда антропологи получали возможность работать с полноценным материалом, большая часть определений пола погребенных, кажется, подтверждает гипотезу Г. Кив-

Рис. 16. Мергар. Могила 508 с захоронением ребенка. Уровень С3 периода I.

Рис. 17. Мергар. Материалы из погребения 508.

вложений. В 30 % случаев нелегко понять, имел ли вообще какое-то значение характер набора предметов или их отсутствие, хотя всегда нужно иметь в виду, что объекты погребального инвентаря были изготовлены из недолговечных материалов.

Первое время впечатляющее количество предметов, размещенных в могилах, позволяло думать, что это – способ передать в мир мертвых необходимые материалы, украшения и животных, так как этот мир представлялся отражением мира живых. Присутствие в некоторых могилах нуклеусов и орудий труда могло указывать на то, что в них захоронены обработчики кремня, а наличие костей коз, что это – погребения пастухов.

Украшения, часто в значительном количестве встречающиеся в погребениях детей, а иногда и пожилых людей, возможно, расценивались как объекты обмена для этих лиц, малопригодных к занятию ремеслом в потустороннем мире, организованном по образу мира живых. Однако, если наборы вложений или их отсутствие очень четко отвечают стандартности, то, как представляется, они не были призваны подчеркнуть социальную градацию, существование которой ничем не доказано, и в том наборе предметов, каким пользовались в мире живых. Известно, что многие могилы содержат нуклеусы, пластины, иногда отщепы, образованные при расщеплении, что могло бы позволить отнести эти могилы к погребениям обработчиков кремня. Но этот тип материала каждый раз хорошо представлен как в могиле совсем маленького ребенка, так и взрослых мужчин и женщин в сопровождении предметов другого происхождения и в зависимости от разного набора предметов (рис. 16 и 17). Показательно также, что ни в одной могиле не встречено проколка, резцов или лоцил, которые в изобилии представлены на городище, где изготовление бус играло важную роль. И почему среди останков животных в могилах фигурируют только козы? Мы уже указывали, что все тонко обработанные топоры из черного диорита, шлифованные по всей поверхности, происходят из погребений кладбищ 8 и 9 и отличаются от встреченных на уровнях обживания городища простых топоров, сработанных из речных галек. Они кажутся престижными предметами в отличие от орудий, используемых в повседневной жизни. В большинстве случаев этот тип топора находили в могилах индивидов по всем характерным признакам – женских.

рона. Отметим также, что тела умерших были покрыты красной охрой, а в некоторых случаях видны следы ткани от одежды.

Мы не будем касаться, даже в плане общего обзора, вопроса о погребальном инвентаре, представленном несколькими тысячами предметов. Только из трех открытых могил кладбища 2 и других – вплоть до 9 с их 118 погребениями можно без сомнения насчитать более тысячи. Если в предметах, вложенных в могилу, проявляется эволюция ремесла, то характер погребальных обрядов остается относительно однородным от начала до конца периода I. Наборы предметов погребального инвентаря обширны, но всегда отличаются один от другого. Ориентация могил и погребенных тел не влияет на характер набора

В ожидании окончательной публикации результатов исследования погребений Мергара можно, тем не менее, отметить появление некоторых признаков, указывающих, что распределение предметов погребального инвентаря не было чуждо разграничению по признакам пола, хотя и были исключения. Можно заметить таким образом, что браслеты и головные повязки из раковин чаще всего связаны с женскими погребениями, а окраска охрой наличествует во многих детских захоронениях. На древних кладбищах кости коз обнаруживаются чаще всего в могилах молодых женщин. Напомним также, что женское погребение с кладбища 9 было единственным, содержащим проколотую человеческую фигурку.

Не желая идти дальше в этом вопросе, хотя и важном для нашего понимания общества той эпохи, отметим только, что выявленная погребальная практика не кажется подходящим индикатором, указывающим на наличие сильно иерархизированного и разделенного на выраженные социальные категории общества. Богатство погребального инвентаря, качество украшений, формы которых со временем множатся и делаются все более миниатюрными, как и появление обожженного стеатита в конце периода I, удостоверяют, однако, существование специализированного ремесла и сети распределения сырья, привезенного из отдаленных регионов.

Можно настаивать на том факте, что количество украшений, встреченных в погребениях, без сомнения, является важным показателем роли их изготовления в экономике докерамического неолита. Если судить об этом по качеству украшений, найденных в ограниченном количестве раскопанных могил, то видно, что сотни тысяч бусин были погребены на кладбищах, которые сменяли друг друга в ходе периода I. Но это также сотни тысяч часов работы, к ним добавляются еще дни поездок за сырьем в дальние страны, плоды которых исчезли, будучи преднамеренно зарытыми в землю. Значение присутствия украшений в погребениях объясняется идеологическими мотивами, но также очевидно, что эти украшения играли главную роль в обменной деятельности населения докерамического неолита, живущего в северо-западных регионах индопакистанского субконтинента. Можно допустить, что, обрекая на исчезновение под землей тысяч

Рис. 18. Мергар. Чередование по вертикали построек, используемых как зернохранилища. Период II A.

украшений, люди докерамического неолита поддерживали, скорее всего даже не отдавая себе отчета, стабильно малое количество готовой продукции этого типа, что сохраняло его ценность, важную для функционирования системы обменной торговли.

Таким образом лучше всего объясняется, почему иногда совсем маленькие дети погребались с украшениями взрослых в количестве явно намного большем, чем они носили при жизни. Стоимость, которой наделялись предметы украшения и другие объекты, свидетельствовавшие о существовании уже сложной ремесленной деятельности, не позволяют, однако, признать и существование той организации общества, как она выступает в относительно однообразной архитектуре агломераций, наследовавших друг другу на протяжении периода I. Можно также констатировать, что разнообразные сочетания инвентаря с другими погребальными вложениями в могилах соответствуют идеологии, характерной для периода докерамического неолита. Начиная с периода II A Мергара, со времени появления первых керамических сосудов, в могилах больше не содержится погребальный инвентарь, за исключением иногда одной или двух бусин. Можно также прийти к выводу, что концепция жизни в потустороннем мире после смерти претерпела тогда глубокое изменение, в момент, когда появление впечатляющих комплексов многоячеистых зернохранилищ (рис. 18) указывает на становление новой формы социальной организации. Прочная связь между морской средой и миром мертвых, ранее выражавшаяся с помощью специфического подбора раковин, кажется, исчезает, несмотря на то, что у живущих на том же самом поселении Мергара, особенно, начиная с периода II B, разворачивается ремесленное изготовление вырезанных из раковин вида *Turbinella phygum* браслетов.

Мы не касаемся здесь результатов, полученных антропологами. Это исследование ведется постоянно. Первые результаты были продемонстрированы на конференции «South Asia Archaeology» в 1997 году в Риме²⁸, итог сезонов 1997-2000 годов – на этой же конференции в Париже²⁹. Эти исследования предоставили также важные данные для лучшего понимания первых жителей Мергара в физическом и в плане их деятельности. Особенно они указывают на относительно высокий рост погребенных. У многих отмечены характерные следы изношенности зубов, свидетельствующие в некоторых случаях о работе с кожей и различными волокнами.

Хронология периода I Мергара.

Основываясь на простом наблюдении в разрезе периода I, можно констатировать, что много совпадающих признаков позволяют признать длительную временную протяженность накопления свиты его слоев. Есть возможность проследить процесс неолитизации внутри этого периода, становление настоящей неолитической экономики, основанной на выращивании небольшого количества злаков и разведении домашних животных. Кроме того, девять уровней с постройками, этапы запустения и образования кладбищ, затем реконструкции не могут быть уложены в узкие хронологические рамки, что кажется тем более верным, так как стратиграфические шурфы, как мы имели случай это показать, позволяют предполагать существование длительного этапа эрозии между концом этапа кладбища и временем нового обживания и застройки той же зоны новыми домами. Эмпирическим образом, даже подтвержденным многочисленными стратиграфическими разрезами и всем комплексом раскопанных материалов, трудно вообразить смену и чередование уровней обживания, руин и кладбищ, эрозии, так же как и трансформа-

²⁸ Petrone, 2000.

²⁹ Cucina, Petrone et Fattore, 2005.

ции добывающего хозяйства и ремесла за временной отрезок, который был бы не менее одного тысячелетия, а то и больше.

Можно было надеяться, что радиоуглеродный анализ предоставит данные, позволяющие устанавливать точные хронологические рамки для периода I Мергара, не полагаться на археолога, который накапливает только аргументацию, подтверждающую, что городище, которое он раскапывает, обязательно древнее. Он отбрасывает даты C14, которые этому противоречат, так как очень часто оказывается, что многие полученные результаты ошибочны по сравнению со стратиграфией городища. Мы располагаем 28 датами для периодов I, II A и II B. Из этих дат 15 пригодны для периодов I, II A и II B и располагаются между 6000 BP и 5000 BP. Хотелось бы отметить, что между глубинными уровнями периода I, которые соответствуют еще этапу неолитизации, и периодом III, керамика которого с декором в виде козерогов и птиц находит многочисленные параллели в иранских городищах V тысячелетия, таких как Сиалк, не должно быть большого временного перерыва. Это было бы тем более удивительно, что периоды II A, отмеченный появлением грубой керамики, затем II B, для которого характерна керамика более тонкой выделки, представлены впечатляющим накоплением археологических слоев.

С начала раскопок в зоне MR.3. мы столкнулись с одной проблемой, когда два образца, происходящих с одного и того же уровня шурфа MR.3.T и взятых для анализа C14, давали различные результаты: один 9835 ± 120 BP (Beta 1721), а второй 5830 ± 190 BP (Lu 1947). Если дата вокруг 7500 BP могла соответствовать стратиграфическим данным, то другая 4900 BP отсылает нас к халколитическому горизонту, современному халколиту периода III, для которого у нас была к тому же дата 6500 BP. Эта же дата и другие, относящиеся к уровням докерамического неолита, оказались более поздними, чем финальный период неолита (II B), для которого у нас есть дата (Beta 1715) значение 7115 ± 120 BP, что означает примерно 6000 г. до н.э. Мы отметили, что недавно И. Ф. Салиеж предпринял новую попытку датировки (AMS) двух образцов: одного, взятого с уровня I, самого древнего, и второго – с уровня II, которые дали соответственно результаты: 3035 BP и 4555 BP. Эти результаты к тому же находятся в противоречии с еще одной датой 13340 ± 125 BP (Beta 1719), полученной на образцах этого же периода I, но более позднего с уровня.

Перед этими, вызывающими замешательство результатами возникает вопрос: не может ли быть причиной этого расхождения техника определения дат? Следует, однако, учесть тот факт, что самое большое количество дат располагаются в разрыве 6000 BP и 5500 BP, что, без сомнения, указывает на существование проблемы, связанной с интенсивным перемещением органических материалов в археологических слоях. Неолитическое городище Мергара не образует тепе или тель, возвышающийся над поверхностью. Оно полностью скрыто слоями земли сельскохозяйственного назначения, которая орошалась и орошается и которая является территорией прохождения обширных стад. Раскопки показывают также существование густой сети корней, в разной степени окаменевших, которые особенно плотно залегают в самых глубинных уровнях, близких к уровню подпочвенных вод. Эти слои на глубине от 6–7 м от поверхности и в наши дни кишат насекомыми и полны органических материалов. Все это позволяет предположить, что такие явления происходили на протяжении тысячелетней сельскохозяйственной деятельности в этой части равнины, объясняя, таким образом, даты, которые, правда за редким исключением, не отражают последовательность накопления толщи культурных слоев этого городища.

Заключение

Можно понять, что проблема с предложенной нами датировкой, не остается без последствий для решения вопроса о том, насколько период I Мергара, отмеченный ранее неизвестным в этой части Азии процессом неолитизации, вписывается, несмотря на очевидные местные особенности в обширный комплекс трансформаций, охватывающих зону, протянувшуюся от склонов Загроса до предгорий и образующую западный предел долины Инда. Краткое изложение основных данных, полученных при раскопках слоев периода I Мергара, достаточно, чтобы показать сходство в процессе неолитизации в плане архитектуры, развития ремесла и погребальных обрядов этого городища с расположенными в предгорьях Загроса, особенно, с памятниками региона Дех Лурана в Иране. Является ли это неоспоримое сходство результатом влияний в рамках внедрения групп населения, пришедших с запада? Или речь может идти об аналогичности путей адаптации абсолютно разных общин к природным условиям, во многом сходным, на базе, возможно, более или менее общего раннепалеолитического наследия.

Вполне очевидно, что процесс неолитизации Мергара имел свой собственный характер. Если связывать его с поздней датой начала жизни в Мергаре и выбирать даты по C14 более поздние чем даты более древние, может показаться допустимой гипотеза, которая приписывает группам населения, пришедшего с запада, внедрение в Белуджистан земледельческого хозяйства, схожего с тем, что развивалось на Ближнем Востоке, с временной разницей в одно или два тысячелетия. Но в сравнении с данными, которыми мы располагаем, эта гипотеза содержит, реальные трудности, которые вряд ли позволят ее поддержать. Если принять эту гипотезу «несколько более позднего внедрения», то как в условиях господства производящей экономики понять, что около 90 % фаунистических остатков из самых глубоких уровней периода I свидетельствуют об активной роли охотничества. Морфологические изменения баранов и коз, отмечаемые на протяжении периода I, нельзя удовлетворительно объяснить, если признать приход населения, внедрившего земледельческое хозяйство, уже вполне развитое в течение многих веков на Ближнем Востоке. То же самое с domestикацией зебу, которое, неоспоримо, – явление местного характера, поскольку здесь речь идет об одомашнивании другой разновидности предка рогатого скота, чем та, что связана с земледельческим комплексом Ближнего Востока. В связи с этим стоит напомнить, что на неолитических городищах северной части центрального Иранского плато бычьих виды (*Bos taurus* и *Bos primigenius*) для самых ранних периодов составляют не более 2 % от всей фауны, тогда как бычий вид в Мергаре (*Bos indicus*) составлял в конце докерамического периода большинство фауны³⁰.

Мы уже указывали на то, что главный знак периода I – ячмень, встречаемый в самых глубоких уровнях, явно демонстрирует близкую связь со своим местным диким предком. В итоге кажется маловероятным, что пришлые группы в своем движении из неолитических селений Ближнего Востока на каждом этапе этого продвижения на восток могли бы заново начинать неолитизацию, то есть одомашнивание растений и животных, придерживаясь местных их разновидностей и следуя модели, которая уже много веков как исчезла в их исходном регионе.

Все данные, которыми можно располагать сегодня, включая и некоторые по C14, позволяют датировать начало периода I Мергара временем вокруг 8000 лет до н. э. Тогда можно логически приемлемо объяснить многочисленные моменты сходства, отмечаемые между неолитом периода I Мергара и поселениями докерамического неолита того же VIII тысячелетия до н. э. в За-

³⁰ Mashkour, 2002.

гросе. Конечно, когда неолитические поселения на берегах Каспия и в Восточном Иране будут лучше известны, Мергар перестанет быть изолированным центром. Тогда можно будет увидеть, как появится континуум в области развития культур на территории от склонов Загроса до западного предела долины Инда.

В итоге ясно, что несмотря на очевидные различия в способах ведения земледельческих работ (так как доминирующее место занимало разведение зебу), производящая экономика Мергара близка хозяйству первых земледельческих общин Загроса. Тип прямоугольных построек Мергара, видимо, аналогичен более раннему этапу строительства на Ближнем Востоке, когда возводились круглые жилища, уже исчезнувшие и позже замененные четырехугольными зданиями. Использование длинных кирпичей (более 60 см по ложку) с вдавлениями от большого пальца руки зафиксированы и на многочисленных городищах Загроса докерамического периода, таких, например, как Гандж Даре или Али Кош. На этих же городищах стены прямоугольных домов сохранили остатки штукатурок, окрашенных, как в Мергаре, красной охрой. Снаружи домов находят такие же очаги в круглых ямах, заполненные камнями, использовавшимися для разогревания пищи. Значительная часть каменного материала – микролиты, пластины, резцы или камни с бороздкой, орнаментированные иногда гравированными линиями, также дают очевидное сходство. Кроме того, отметим, что на городищах Дех Лурана, как и в Мергаре, шлифованные каменные топоры присутствуют в верхних уровнях докерамического периода. Тонко сработанные топоры из диорита с последнего кладбища периода I Мергара также напоминают экземпляры, которые рассматриваются как престижные объекты финального периода докерамического неолита Загроса. Эти топоры, как в Мергаре, так и на этих последних городищах, постепенно исчезают в период, когда отмечено появление керамики, даже если и можно констатировать их выживание в других регионах в более позднем контексте.

Что касается погребальных обрядов, то на городищах предгорий Загроса не было открыто ни одного кладбища на площади, достаточной для того, чтобы можно было делать солидные сравнения с Мергаром. Однако выделенные на основе расположения верхних конечностей скелетов две категории погребений в Мергаре идентичны небольшому количеству погребений, выявленных, например, на городище Али Коч. Там, как и в Мергаре, отмечается сочетание украшений, сделанных из тех же видов морских раковин, и бирюзовых бусин, как и присутствие, в том же докерамическом контексте нескольких редких бусин из меди.

Наличие охры в могилах и битумированные корзины усиливают аналогии, которые можно провести между городищами региона Дех Лурана и Мергаром. Более или менее схематичные человеческие фигурки также представляют сходство со статуэтками из многочисленных городищ тех же регионов. Целый комплект признаков сходства между докерамическими городищами Загроса и обживанием Мергара в период I, сильнее или слабее выраженных в каждом конкретном случае, но тем не менее очевидных, не могут быть случайными. Иногда трудно провести точные сравнения между Мергаром, где можно было осуществлять широкие раскопки, и городищами достаточно удаленными. Некоторые из них были лишь объектами закладки ограниченных шурфов, не позволяющих представить четкую стратиграфию, не говоря уже об очень кратко опубликованных результатах, как в Гандж Даре.

Также показательно, что конец докерамического неолита и появление первой керамики в Мергаре представляет общие черты тех же самых явлений на городищах Загроса и еще западнее на городищах Месопотамии конца VII тысячелетия. Мы уже указывали, что докерамический период (период I) заканчивается, судя по материалам зоны раскопок, длительным запу-

стением, в течение которого тепе, образованное слоями обживания в докерамический период, очень сильно разрушилось, а его склоны размывались, образуя несколько слоев аллювиальных наносов, предшествующих началу периода II A. Даже если несколько предметов из обожженной глины были найдены на уровнях периода I, лишь появление настоящих керамических сосудов связано с находками в периоде II A. Памела Вандивер изучила эти первые керамические предметы, в тесте которых содержалось большое количество растительных отощителей. Эти предметы представлены комплексом глиняных пластин, скрепленных одна с другой - sequential slab construction. Техника идентична той, которая использовалась со второй половины VII тысячелетия до н. э. при изготовлении первых керамических сосудов городищ Загроса - Месопотамии и других регионов, таких как Керман в Иране. Согласно П. Вандивер здесь применена техника слишком сложная, чтобы быть изобретенной независимо, в разных периодах и в разных местах обширной зоны, которая простирается с севера Ирака до пределов долины Инда³¹. Кроме того, несколько черепков из Мергара имеют налепные мотивы, как это известно для многих первых керамических сосудов с большим количеством растительного отощителя из Умм Дабахье второй половины VII тысячелетия.

Если говорить о неолите в общем, можно предположить, что керамические сосуды пришли на смену каменной посуде. В Мергаре констатировано, что в докерамических уровнях было открыто несколько неглубоких каменных чашечек, и только в период II A подтверждено появление настоящих каменных кубков, формы которых близки керамическим сосудам. Интересно отметить, что на некоторых городищах Загроса наблюдается то же явление. Так в Али Кош каменные сосуды происходят, главным образом, с уровня фазы Мохаммед Джафар, где они встречены вместе с наиболее ранней керамикой³².

В Мергаре первые керамические сосуды появляются в начале периода, который характеризуется чередованием уровней с постройками для хранения зерновых (рис. 19). Эта серия зданий из четырехугольных блоков, поделенных на симметричные отсеки и ячейки, полные отпечатков зерен ячменя, образует впечатляющие ансамбли «зернохранилищ» на широкой террасе, окруженной массивными подпорными стенами. Как не поразиться, что строительство этих многочисленных зернохранилищ в масштабе, ранее не известном, как на многочисленных месопотамских городищах (Умм Дабахьех или Телль эль Уеили), так и в Мергаре (период II A), очень хорошо совпадает с развитием керамического производства. Это, конечно, не случайное совпадение, если первые керамические сосуды Умм Дабахьех, как мы уже показали, близки по технологии и формам к найденным в Мергаре (период II A).

Появление подобных зданий в таком широком географическом ареале указывает также на изменение социальной и экономической организации огромного числа общин, вероятно, единого хронологического горизонта. Очень возможно, что дата C14 около 6000 лет до н.э., полученная для периода II B, в котором тонкая краснолощенная керамика без декора, заменившая грубую керамику, является хорошим индикатором реальной древности периода II A, т.е. - ранее 6000 лет до н. э. В таких хронологических рамках должен быть выявлен культурный континуитет между городищами предгорий, образующих восточный предел Месопотамии, регионом Мергара до западного предела долины Инда. В таком контексте следует объяснять и культурную самобытность, которая проявляется в изменениях, протекавших относительно синхронно в этой огром-

³¹ Vandiver, 1995.

³² Hole et al., 1969, p. 107.

ной географической зоне. Такая констатация не указывает, однако, на то, что регион Мергара представляет крайнюю ветвь или «backwaters» культур Ближнего Востока. Уже простого исследования погребального инвентаря кладбищ периода I достаточно, чтобы отразить динамизм роста мастерства ремесленников Мергара. Качество украшений из стеатита, изготовленных в технике нагревания, возникшей еще до конца докерамического неолита, с этой точки зрения очень показательно. Предгорья Белуджистана с неолита, и особенно позднее в халколите, также оказываются в культурном континиуме, в который вписываются все многочисленные неолитические городища обширной географической зоны, заключенной между Месопотамией и Индом – региона, динамизм, которого, особенно в плане технических инноваций, не должен остаться без внимания. Исследование периода I Мергара также ярко показывает значимость чисто региональных механизмов, укоренившихся в более древний культурный субстрат, представляющий собой, без сомнения, предшествующий этап развития обширного культурного пласта на территории между Загросом и Индом.

Библиографии

Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т.Х. 10. 1961. С. 225-318.

Allchin Et Allchin, 1982, 116-121.

Barthélemy de Saizieu B. Le cimetière néolithique de Mehrgarh (Baluchistan pakistanais): apport de l'analyse factorielle. *Paléorient*, 16/1, 1990, p. 23-4.

Barthélemy de Saizieu B. Stabilité et évolution des pratiques funéraires néolithiques a Mehrgarh (periode I: ca. 7000-5800 B.C.). *Paléorient*, 17 (2), 1991, p. 21-49.

Barthélemy de Saizieu B. Les Parures de Mehrgarh: Perles et pendentifs du Néolithique précéramique à la période pré-Indus. Paris: ERC. 2004.

Barthélemy de Saizieu B. & Bouquillon, A. Steatite working at Mehrgarh during the Neolithic and Chalcolithic periods: quantitative distribution, characterization of material and manufacturing processes. In: A. Parpola & P. Koskikallio (eds.), *South Asian Archaeology 1993*, 1. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1994, p. 47-59.

Biaggi P. & Cremaschi M. Geoarchaeological Investigations on the Rohri Hills (Sind, Pakistan). In M. Taddei (ed.) *South Asian Archaeology 1987*. Rome: IsMEO, 1990, p. 31 -42.

Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. XVII. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1961.

Costantini L. The Beginning of Agriculture in the Kachi Plain : the Evidence of Mehrgarh. In: B. Allchin (ed.), *South Asian Archaeology 1981*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 29-33.

Costantini L. & Lentini A. Studies in the Vegetation History of Central Baluchistan, Pakistan : Palynological Investigations of a Neolithic Sequence at Mehrgarh. In: M. Taddei & G. De Marco (eds.) *South Asian Archaeology 1997*. Rome: IsIAO, 2000, p. 133-159.

Cucina A., Petrone P.P. & Fattore L. 2005, The 1996-2000 Field Seasons at the Prehistoric Site of Mehrgarh (Balochistan, Pakistan): Preliminary Anthropological and Taphonomic Evidence from the Neolithic Graveyard. In: C. Jarrige & V. Lefevre (eds.), *South Asian Archaeology 2001*. Paris: ERC.

De Cardi B. The British Expeditions to Kalat, 1948 and 1957. *Pakistan Archaeology*, I, 1964, p. 20-28.

De Cardi B. Archaeological Surveys in Baluchistan, 1948 and 1947. London: Institute of Archaeology, 1983.

Enzeel, Y, Ely L.L., Mishra S. Ramesh R. Arnit R Lazar B, Rajaguru S.N., Baker V.R. and Sandler A. High-Resolution Holocene Environmental Changes in the Thar Desert, Northwestern India. *Science* 284, 1999, p. 125-128.

Fairservis W. A. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* no. 45. 2. New York, 1956.

Fairservis W. A. Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai Districts, West Pakistan. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* no. 47. 2. New York, 1959.

Hiebert F.T. The Kopet Dag Sequence of Early Villages in Central Asia. *Paléorient*. 28.2, 2002, p. 25-42.

Hole E., Flannery K. V. and Nelly J. A. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. *Memoirs of the Museum of Anthropology* no. 1. Ann Arbor, 1969.

Jarrige C. Jarrige J.-F., Meadow R. H. and Quivron G. (eds.) Mehrgarh Field Reports 1974-1985. From Neolithic Times to the Indus Civilization. Karachi: The Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, 1995a.

Jarrige J.-F. Du néolithique à la civilisation de l'Inde ancienne : contribution des recherches archéologiques dans le nord-ouest du sous-continent indo-pakistanaï. *Arts Asiatiques*. XL, 1995b. p. 5-30.

Jarrige, J.-E. Mehrgarh Neolithic: New Excavations. In: M. Taddei & G. De Marco (eds.). *South Asian Archaeology 1997*. Rome: ISAO, 2000, p. 259-283.

Lechevallier M. Le matériel lithique de Mehrgarh-Nausharo: fouilles de 1975-1995. Paris: ERC, 2004.

Mashkour M. Chasse et élevage au nord du Plateau central iranien entre le Néolithique et l'Age du fer. *Paleorient*, 1, 2002, p. 27-42.

Marcon V. & Lechevallier M. Lithic Industries of the Indo-Iranian Border - Technological Approach of Blade Debitage in the Assemblages of Mehrgarh-Nausharo and Miri Qalat in Balochistan, Pakistan. In: M. Taddei & G. De Marco (eds.), *South Asian Archaeology 1997*, 215-235. Rome: ISAO, 2000.

Marcon V. Technical innovations and conceptual changes in the lithic debitage of the aceramic Neolithic of Mehrgarh (Baluchistan, Pakistan). In: K. van Kooij (ed.), *South Asian Archaeology 1999*, Leiden : International Institute for Asian Studies.

Meadow R. H. Early Animal Domestication in South Asia: a First Report of the Faunal Remains from Mehrgarh, Pakistan. In: Härtel H. (ed.), *South Asian Archaeology, 1979*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1981, p. 143-179.

Meadow R. H. Notes on the Faunal Remains from Mehrgarh, with a focus on cattle (Bos). In Allchin B. (ed.), *South Asian Archaeology 1981*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, p. 34-40.

Meadow R. H. Animal Domestication in the Middle East: Revised View from the Eastern Margin. In: G. Possehl (ed.), *Harappan Civilization : A Recent Perspective*, 2nd revised edition. New Delhi: American Institute of Indian Studies & Oxford & IBH Publishing Co., 1993.

Meadow R. H. Pre- and Proto-Historic Agricultural and Pastoral Transformations in North-Western South Asia. In: O. Bar-Yosef (ed.), *The Review of Archaeology (Special Issue) 19, 2, 1998*. p. 12-21.

Misra V.N. The Mesolithic Age in India. In: S. Settar & R. Korisettar (eds.), *Indian Archaeology in Retrospect, Prehistory: Archaeology of South Asia. I.* New Delhi: ICHR Manohar, 2002.

Mouherat C., Tengberg, M., Haquet J.-F. & Mille B. First Evidence of Cotton at Neolithic Mehrgarh, Pakistan: Analysis of Mineralized Fibres from a Copper Bead. *Journal of Archaeological Science*, 29, 2002, p. 1393-1401.

Negahban, 1979.

Petrone P.P. Mehrgarh : New Bio-cultural Evidence from the Neolithic Graveyard. In: M. Taddei & G. De Marco (eds.), *South Asian Archaeology 1997.* Rome : ISIAO, 2000, p. 285-299.

Russell N. The Bone Tool Industry at Mehrgarh and Sibri. In: C. Jarrige, J.-F. Jarrige, R. H. Meadow & G. Quivron (eds.), *Mehrgarh Field Reports 1974-1985.* Karachi: The Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, 1995.

Singh Gurdip et al. Late Quaternary History of Vegetation and Climate of Rajasthan Desert, India. *Philosophical Transactions of the Royal Society, London Biological Sciences*, 267. 1974.

Stein Sir A. An Archaeological Tour in Gedrosia. *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, 43. New Delhi - Calcutta, 1931.

Vandiver P. The Production Technology of Early Pottery at Mehrgarh. In Jarrige, C., Jarrige J.-F., Meadow R.H. and Quivron, G. (eds.). *Mehrgarh Field Reports 1974-1985. From Neolithic Times to the Indus Civilization.* Karachi: The Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, 1995, p. 648-661.

О НОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (УЗБЕКИСТАН)

Цель данной статьи составить критический анализ всего, что известно в науке о неолитической кельтеминарской культуре (VII – IV тысячелетия до н. э., Узбекистан) и побудить к новым размышлениям о ее роли среди других культур. Наряду с культурами Джейтуна в Туркменистане (VII / VI тысячелетия до н. э.), Гисара в Таджикистане (VII – IV / III тысячелетия до н. э.) и Северного Казахстана (V – III тысячелетия до н. э.) она является одной из четырех главных, сложившихся в Средней Азии и известных на сегодняшний день. Кельтеминарская культура, отнесенная к неолиту по таким признакам, как скотоводческое хозяйство (одомашнивание крупного рогатого скота, овец/коз), материальный комплекс (керамика, камни, шлифованные изделия, трапеции, наконечники стрел), ставит перед исследователями еще много неразрешенных проблем, прежде всего относительно происхождения и границ распространения. Ее расположение на географическом и культурном пересечении трех миров – мира северных степей (Казахстан, Урал), мира оазисов юго-запада (Туркменистан) и мира гор юго-востока (Таджикистан, Афганистан) представляется обстоятельством, требующим особого внимания, учитывая аналогии между названной культурой и многочисленными стоянками в этих регионах. В связи с этим, прежде всего, необходимо оценить состояние проблемы, поднять актуальные вопросы, связанные с пониманием кельтеминарской культуры, коснуться спорных моментов, предложив не выдвигавшиеся гипотезы, и представить новые определения этой культуры.

Краткая история изучения

В 1939 году, когда в Средней Азии еще не существовало археологического изучения неолита, Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством С. П. Толстова в Узбекистане в древней дельте Амударьи, или Акчадарьи (рис. 1) была открыта стоянка Джанбаскала (рис. 2, 7). Вскоре было открыто большое число других стоянок, которые по характеру каменной индустрии и керамики были отнесены к позднему неолиту: кельтеминарская культура была датирована IV / III тысячелетиями до н. э.

С тех пор вплоть до восьмидесятых годов не прекращали добавляться новые стоянки. Сейчас их насчитываются сотни, если включать подъемные материалы и случайные находки отдельных предметов. Однако опубликована только часть археологического материала. Новые археологические исследования в Узбекистане начались лет десять тому назад с раскопок (и будущей публикации) стоянки Аяккагитма (рис. 2, 1) Узбекско-польской экспедицией (проф., д-р Карол Шимчак¹ и д-р Мухиддин Хужаназаров²) и продолжают в настоящее время в рамках франко-узбекской экспедиции по исследованию кельтеминарской культуры³.

¹ Институт археологии Университета Варшавы, Польша

² Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан, Самарканд.

³ Экспедиция под руководством автора финансировалась Министерством иностранных дел Франции.

Рис. 1. Узбекистан. Географические границы. Экспликация: границы, реки (современные и сухие русла).

Ансамбль кельтеминарских стоянок локализован в зонах древних дельт, поблизости от озер и рек, в оазисной и степной окружающей среде. Эта культура простирается на несколько регионов Узбекистана (рис. 1.): Акчадарья⁴, Центральные Кызылкумы⁵, Зарафшан⁶, север Каракумов⁷, а также, как считают некоторые исследователи, на регионы Казахстана (Западного⁸ и Южного⁹), Туркменистана (Узбой¹⁰) и России (Зауралье¹¹).

Аналитические и синтетические исследования А. В. Виноградова¹² по кельтеминарской культуре привели его к выделению на базе археологических материалов трех ее хронологических этапов. Их характерные черты следующие:

– дарьясайский этап или ранний неолит (VI тысячелетие) объединяет стоянки Учащи 131¹³, Ходжагумбаз 5, Лявлякан (первый и второй этап) и Бешбулак (рис. 2, 1-3). Каменная индустрия

⁴ Толстов, 1958; 1959; 1960b, 1963; Итина, 1959; Виноградов, 1968, 1981a.

⁵ Толстов, 1959; Виноградов и Мамедов, 1975.

⁶ Исламов, 1963; Гулямов и др. 1966; Джуракулов, Холматов, 1991.

⁷ Виноградов и др., 1986.

⁸ Формозов, 1950; 1951.

⁹ Алпысбаев, 1977; Таймагамбетов и Нокрина, 1998.

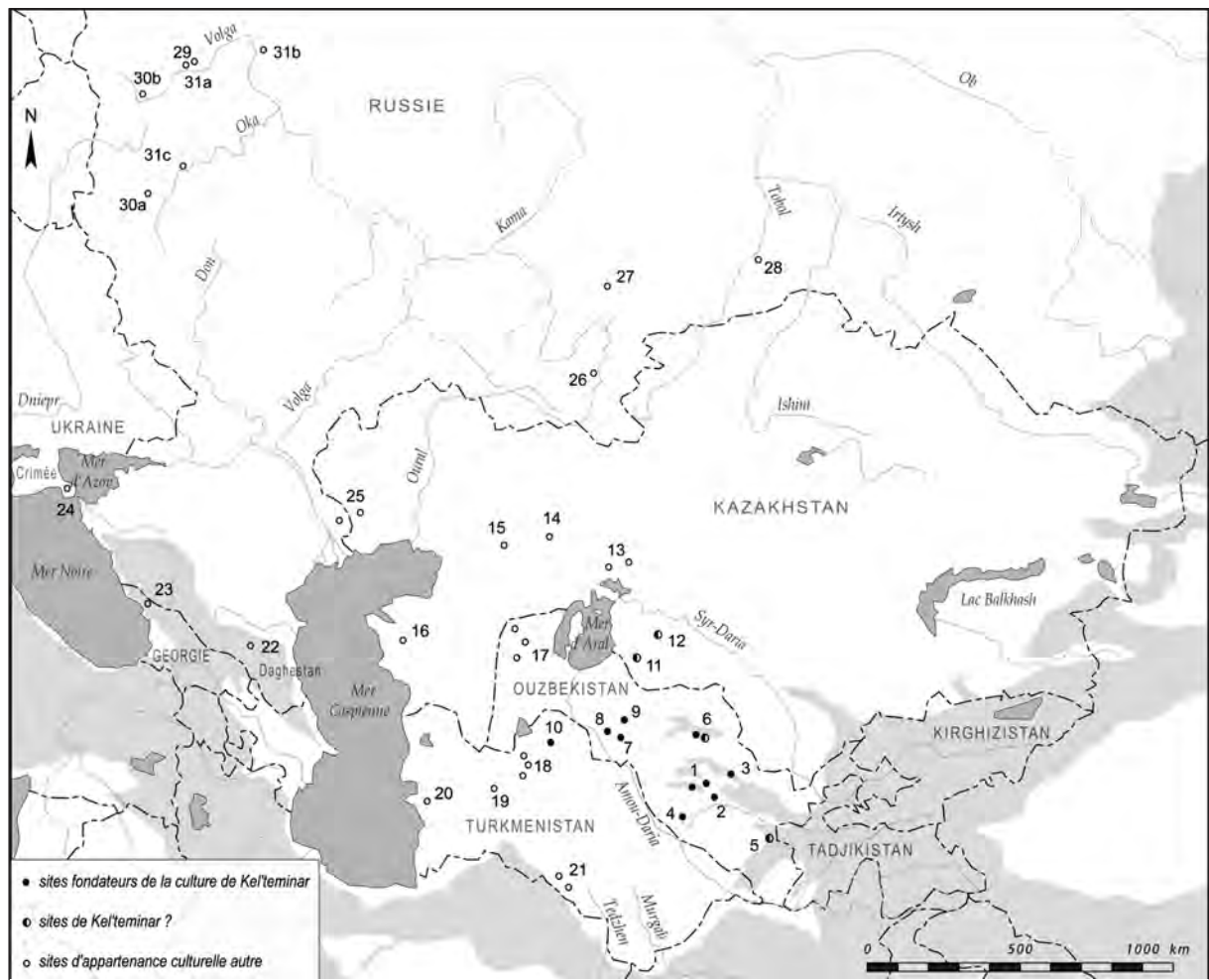
¹⁰ Толстов, 1958.

¹¹ Крижевская, 1968.

¹² Виноградов, 1968; 1981a; Виноградов и Мамедов, 1975.

¹³ Номер, привязанный к названию стоянки, соответствует номеру сектора, в котором был собран археологический материал. Само название стоянки указано на рис. 2. Это замечание относится ко всему комплексу стоянок, упомянутых в статье.

Рис. 2. Упомянутые на карте стоянки: базовые стоянки кельтеминарской культуры; кельтеминарские стоянки; стоянки другой культурной принадлежности. 1 - Учащи, Аяккагитма, 2 - Ходжагумбаз, 3 - Лявлякан, 4 - Дарбазакыр, Малый и Большой Тузкан, 5 - Сазаган, 6 - Бешбулак, Кокпатасай - 7. Джанбаскала, стоянка Толстова, Джингельды, 8 - Бурли, Кават, 9 - Таджи-казган, 10 - Тумек-кечиджик, 11 - Джалпак, 12 - Космола, Аймора 13 - Агиспе, Саксаульская - 14. Кок-тубек 5, Ак-кум-сагыз, 15 - Мангишлак, 17 - Устюрт, 18 - Узбой, 19 - Оюклы, 20 - Дам-дам-чашма, 21 - Намазга-депе, Кара-депе, 22 - Шох, 23 - Квачара, 24 - Фронтное, Ленинское, Луговое, 25 - Сероглазовская культура, 26 - Янгелька, 27 - Долгий Ельник, Мыс Безымянный, 28 - Шикаевка, 29 - Бутовская культура, 30а.,b. - Рессетинская культура 31а, b, c. - Иевневская культура.

основана на пластинах и включает асимметричные и симметричные трапеции, некоторые из них «рогатые»¹⁴, разносторонние треугольники, орудия с притупленным краем, пластины со многими выемками и скребки. Керамика, плохо обожженная с растительным отоцителем в тесте; горшки различных форм («вытянутой», «колоколовидной», с шаровидным или полуяйцевидным туловом, с перегибом стенок), изредка с орнаментом. Костяная индустрия представлена несколькими острями.

– джанбасский этап или развитый неолит (V – IV тысячелетия) включает стоянки Толстова, Джанбас-Кала 4, Космола, Жалпак, дельта Аяккагитма, Лявлякан 26, Дарбазакыр 1 и 2, Джингельды (рис. 2, 1, 3, 4, 7, 11, 12). Каменная индустрия на базе пластин характеризуется «наконечниками стрел кельтеминарского типа»¹⁵. Керамика изготовлена из песчанистого теста; горшки с округлым или заостренным дном, украшены геометрическим орнаментом – прочерченным или вдавленным. Костяная индустрия включает длинные орудия и остря. Украшения представлены бусами и подвесками из раковин, камешков и птичьих костей.

– последний этап – поздний неолит (вторая половина III – начало II тысячелетия) соответствует стоянкам дельты Аяккагитма, Джанбас 5 и 11, Таджиказган 2, 3, 6, 10 и стоянкам Лявлякана (рис. 2, 1, 3, 7, 9). Каменная индустрия отмечена появлением двустороннеобработанных изделий. Пластинчатая традиция сохраняется, так же как и присутствие трапеций. Этот этап плохо определен, так как слои его местонахождений по большей части перемешаны, а материал часто очень близок к материалу следующего периода, то есть ранней бронзы.

Кроме того, А. В. Виноградов относит к кельтеминарской культуре могильник Тумек-Кичиджик (Туркменистан)¹⁶ (рис. 2, 10). Речь идет о десятке погребений мужчин и женщин, в основном индивидуальных, в ямах, часто с боковым уступом; останки часто окрашены охрой, покоятся вытянуто на спине, руки вдоль тела. Погребальный инвентарь не очень обилен. Инвентарь представлен остатками каменных орудий, керамикой (можно предположить, что некоторые включали и подношения мясом), украшениями. Этот археологический материал аналогичен найденному в контексте жилищ. Краниометрические исследования, проведенные советскими специалистами, показали «южное» происхождение погребенных¹⁷.

При прочтении этих данных и интерпретаций возникают и заслуживают обсуждения четыре проблемы:

- 1 - точная хронология кельтеминарской культуры и ее признаки;
- 2 - существование региональных вариантов в Узбекистане и Туркменистане;
- 3 - образ жизни ее носителей;
- 4 - происхождение этой культуры.

Хронология и общие признаки

Малое количество радиоуглеродных датировок недостаточно для того, чтобы определить точную и дробную абсолютную хронологию кельтеминарской культуры. Датировки, полученные недавно для стоянки Аяккагитма, позволяют выделить два периода ее обживания (соответствуют ли они двум этапам заселения этого региона?): VII / VI и V / IV тысячелетие. Второй подход использует результаты геологических и седиментологических исследований. Большинство иссле-

¹⁴ Трапеция с ретушированной выемкой на малом основании.

¹⁵ Наконечник с выемкой, выполненный на основе пластинки или пластины.

¹⁶ Виноградов. 1981а.

¹⁷ Виноградов и др., 1986.

дователей относят голоцен к фазе потепления климата (климатическому оптимуму или льяляканскому плювиалу, выделенному в семидесятых годах Э. Д. Мамедовым и И. Н. Степановым по результатам работ в Кызылкумах, Узбекистан (рис. 1). Этот «оптимум» определялся бы в Средней Азии временем между 8000 и 4500 / 3000 ВР с пиком между 7000 и 5000 ВР¹⁸. Аргументация основывается, главным образом, на трех наблюдениях, полученных в пустыне Кызылкум:

а) наличие трех типов ископаемых почв, которые могли сформироваться только во влажных условиях;

б) значительное количество археологических стоянок, датированных от периода неолита до начала эпохи бронзы в этих, ныне пустынных, регионах;

в) присутствие на этих неолитических стоянках растительных видов «тугайного» типа (береза, ольха, дуб, граб, орех)¹⁹ и таких разновидностей животных, как туры, которые обычно ассоциируются с довольно влажными климатическими условиями.

Однако эти интерпретации приняты не всеми исследователями. И. П. Герасимов²⁰ исключает всякую возможность влажного этапа в голоцене, допуская, что ледники в этот период должно быть очень сократились в размерах, чтобы снабжать водой такую обширную гидрографическую сеть Средней Азии. Г. Н. Лисицина²¹ также возражает против существования «климатического оптимума», опираясь на исследования, проведенные в Южном Туркменистане. Она полагает, что макроклиматические изменения в ходе голоцена были минимальны в масштабах всей Средней Азии и не повлекли никаких последствий для обживания территории человеческими общинами. Оно оказывается стабильным в период, начиная от неолита и включая эпоху бронзы. И напротив, варианты, наблюдаемые в региональном масштабе в Южном Туркменистане, были результатами деятельности человека, и в особенности земледелия, основанного на ирригации. Не исключая возможности колебаний климата, более влажного на протяжении голоцена, этот автор вписывает их в общее и прогрессирующее иссушение климата в Центральной Азии.

Геоморфологические исследования²² показали существование значительных изменений гидрографической сети в Средней Азии на протяжении среднего голоцена: возникновение озерных бассейнов, почти постоянно питаемых водой, и особенно в Кызылкумах; формирование или перемещение дельт (Сарыкамыш и Амударья) и рек (Узбой); трансгрессии Каспийского и Аральского морей и крупных озер Средней Азии. Наблюдение за горизонтами черного цвета, которые рассматриваются как свидетельства влажных периодов на некоторых археологических стоянках Кызылкумов в Узбекистане, – палеопочв, в настоящий момент не найденных в казахских Кызылкумах²³ – является признаком установления относительной хронологии кельтеминарских стоянок, основываясь на стратиграфии археологических слоев по отношению к этой палеопочве, то есть на датировке этой последней. Этот поиск очень труден, так как влажные периоды могли следовать один за другим не в «климатический оптимум», но быть явлениями локальными, которые распределены во времени, а иногда и повторяющимися – трансгрессии озер, изменения водотока рек и «блуждание» дельты Амударьи.

¹⁸ Виноградов, 1981а.; Долуханов, 1994; Хотинский, 1996.

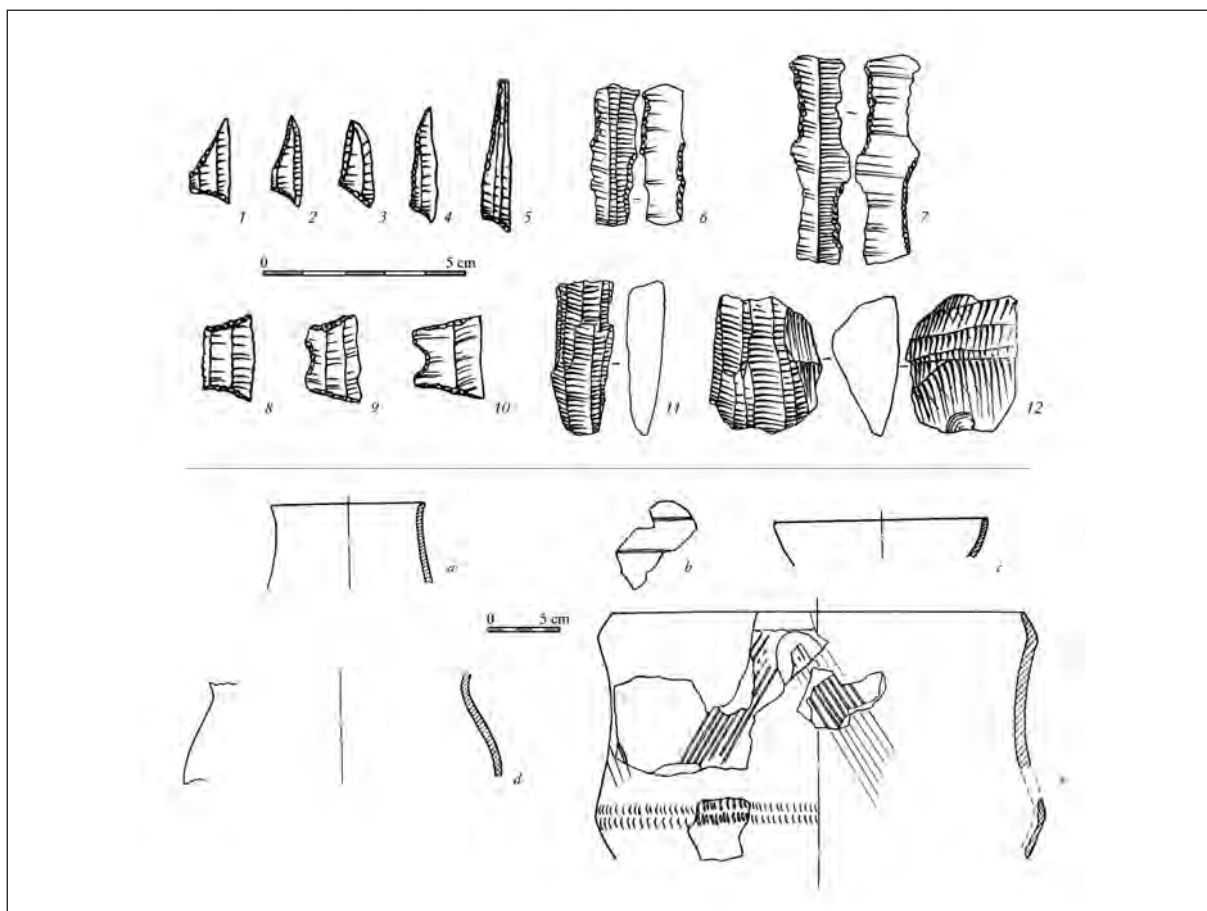
¹⁹ Заросли типа «джунглей», богатые дичью и флорой.

²⁰ Gerasimov, 1978.

²¹ Лисицына, 1978.

²² Толстов, 1960а; Gerasimov, 1978; Джуракулов и Мамедов, 1986; Letolle et Mainguet, 1998; Вайнберг и др., 1998.

²³ Результат обследований, проведенных в 2003 году автором и финансируемых «Fondation Fyssen» в партнерстве с Академией наук Казахстана.

Рис. 3. Кельтеминарская культура. Первый этап. Каменная индустрия: 1,2 - асимметричные трапеции (Учащи 131, [Виноградов, 1981b]); 3,4,5 - асимметричные треугольники (Учащи 131, [Виноградов, 1981 a; 1981 b]); 6,7 - пластины со многими выемками (Учащи 131, [Виноградов, 1981a]); 8 - симметричная трапеция (Учащи 131, [Виноградов, 1981b]); 9,10 - «рогатые трапеции» (Ходжагумбаз 5, [Виноградов, 1981a]); 11,12 - нуклеусы для снятия пластин (Учащи 131, [Виноградов, 1981 a]). Керамика: а-е - Учащи 131, [Виноградов, 1981a].

Остается еще и третий способ классифицировать кельтеминарские стоянки – это относительная хронология, основанная на характеристике и сравнении археологического материала его между стоянками. Новые предложения выдвинуты здесь на базе классификаций А. В. Виноградова. Они касаются стоянок Акчадары, Центральных Кызылкумов и Зарафшана и приводят к следующему новому определению хронологических этапов Кельтеминара:

Первый этап соответствует раннему неолиту, датированному VII / VI тысячелетиями до н.э., согласно датировкам C14, полученным для нижней почвы Аяккагитма (7190±20 BP – Gif / LSM 11205)²⁴; смотреть также датировки, основанные на шурфах, заложенных на подступах к стоян-

²⁴ Szymczak and Khudzhazarov, 2000. *Постскриптум: Новые датировки были получены экспедицией МАНАС*

ке Учащи 131 (6630±100 BP – GIN 915 и 6590±130 BP – GIN 916)²⁵. К стоянкам, выделенным А. В. Виноградовым в дарьясайский этап, добавляются стоянки Учащи 84, 85, 159 (рис. 2, 1). С другой стороны, уточняется, что стоянки на льявляканских озерах (особенно 326, рис. 2, 3) отличаются от стоянок нижнего течения Зарафшана (Аяккагитма, Учащи, Ходжагумбаз (рис. 2, 1-2) отсутствием «рогатых» трапеций и керамических сосудов с перегибом стенки. На этом этапе каменный материал, преимущественно из кремня (рис. 3), свидетельствует об изготовлении правильных пластин и пластинок техникой «через посредника» (образование фронтального ребра, почти полное использование нуклеусов при лицевом скалывании, способ попеременного одноплощадочного или двухплощадочного скалывания, ритм при слабом повороте нуклеуса).

Продукция, полученная на микропластинках, вероятнее всего отжимом, в количественном отношении не является главной. Нет никакого преднамеренного производства отщепов. Отщепы, использованные как основа для производства скребков, получены на этапе подготовки к расщеплению нуклеуса для снятия пластин. Характерные изделия с ретушью включают, главным образом, многочисленные пластины и пластинки с одной или многими выемками, так же как и вкладыши (притупленные края и концы). Пластины и пластинки – геометрические, получены иногда с использованием «техники микрорезца», имеют форму вытянутой трапецией: либо симметричные и обработаны прямой ретушью со спинки, либо асимметричные, обработанные прямой, вогнутой ретушью или асимметричные с противоположащей ретушью по малой стороне и прямой ретушью на длинной стороне. Они могут также принимать форму асимметричного треугольника, обработанного обычно прямой ретушью со спинки, и морфология их близка к морфологии асимметричных трапеций. Некоторые промежуточные объекты показывают переход от одного типа к другому. Керамика (рис. 3) с растительной примесью в тесте, плохо обожжена. Она включает разные формы: маленькие открытые горшки с прямыми стенками и округлым венчиком; большие открытые горшки, иногда с перегибом стенки; горшки со слабовыраженной шейкой, со сферическим туловом; полусферические чашки или бокалы, профиль их донец неизвестен. Некоторые горшки декорированы прочерченными и с оттиском параллельными, прямыми и косыми линиями.

Второй этап датирован V / IV тысячелетиями, согласно датировке верхней почвы стоянки Аяккагитма (4460+80BP–Gif 11100 / Gif A 99147)²⁶. Смотреть также датировки, полученные для стоянки Толстова, отнесенные к IV тысячелетию²⁷.

К регионам уже обжитым, то есть в данном случае льявляканским (26, 120) и стоянкам дельты Аяккагитма, недавно добавились стоянки нового ареала обживания – Акчадарья (главные стоянки – Джанбаскала 4, стоянка Толстова, Джингельды (рис. 1 и 2, 7). Каменная индустрия (рис. 4) сохраняет элементы предшествующего этапа, но преобладают следующие: производство пластин, широкий спектр изделий с многочисленными выемками и зубчатыми выемками, а также разнообразие типов ретуши на геометрических вкладышах (трапеции, треугольники, параллелограммы). Наблюдается региональное различие, например для симметричных трапеций (среди них и «рогатые»), которые обработаны противоположащей ретушью (с брюшка) в Акчадарье и ретушью прямой (на спинке) в Зарафшане. Также отмечается присутствие особого вида сырья – молочно-белый непрозрачный и тонкозернистый кремьен, по всей вероятности происходящий

²⁵ Виноградов и др., 1977.

²⁶ Szymczak and Khudzhazarov, 2000.

²⁷ Исходные даты не даны: Виноградов, 1981b.

из региона Лявлякана²⁸. Другой элемент, очень показательный для данного этапа – появление наконечников стрел с выемкой, так называемого кельтеминарского типа, которые делятся на две группы: первые – изготовлены при помощи короткой ретуши на незначительном участке; вторые – с плоской регулярной ретушью на острие; ретушь в обоих случаях на спинке и на брюшке. Только два региона, то есть Акчадарья и Лявлякан, показывают сочетание этих двух типов наконечников, что составляет около 70 % от общего числа этой продукции на кельтеминарских стоянках. Это родство двух групп стоянок прослеживается также и в украшениях (бусы из раковин), и в керамике – одинаковые формы (большие горшки с прямыми или слегка закругленными стенками, со слегка коническим дном, полусферические чашки), преобладающий орнамент – вдавленный гребенчатый (параллельными линиями), использованный отошитель (шамот). Эти два региона могли бы образовывать очаг появления этого предмета на кельтеминарских стоянках. Исходя из этого предположения, сходство наконечников стрел с многочисленными костяными гарпунами, использованными на стоянке Толстова для рыбной ловли²⁹, могло бы отразить тенденцию преимущественного их появления в силу причин функционального порядка. Эти наконечники затем будут известны как широко распространенные и на других кельтеминарских стоянках. Тем не менее, учитывая их присутствие в привозной форме или в виде подражаний на стоянках, в культурном и географическом отношении далеких от кельтеминарских, причиной их появления может быть не только функциональность. Получение уточненных датировок для комплексов этих стоянок могло бы прояснить их продвижение и ритм. Керамика (рис. 4) изготовлена из песчанистого теста, а иногда и шамота, включает большие горшки с прямыми или слегка округлыми стенками и полуконическим или круглым дном. Орнамент геометрический, гребенчатый и ногтевой или прочерченный. На стоянках Акчадарья (Джанбаскала 4, Толстова, Джингельды 11 и Кават 7 (рис. 2, 7-8) отмечаются новые черты и в форме сосудов (сферическое тулово, полусферические чашки с загнутым внутрь венчиком), и в орнаменте (прочерченный мотив шевронов, оттиски гребня в произвольном движении, рисунок красно-коричневой охрой, перекрывающий подчас вдавленный орнамент, мотив «елочки», композиции из сложных мотивов)³⁰. Некоторые из этих элементов, конечно, связаны с керамической традицией обществ земледельцев-пастухов Туркменистана, в особенности, на уровне горизонтов Анау (протоэнеолит³¹, конец VI – начало V тысячелетий) и Намазгадепе I –III (энеолит, V – IV тысячелетия)³². Некоторые кельтеминарские сосуды, возможно, были местным воспроизведением сосудов оседлых обитателей юга Средней Азии. На современном уровне исследований неолита Средней Азии кельтеминарская культура – единственная, также ясно свидетельствующая о взаимодействии мира оазисов (Туркменистан) и степей (Узбекистан, Казахстан). Наконец, украшения собраны из бусин, выработанных или из окаменелых раковин (*Dentalium chlamys*) на стоянках Акчадарья, или из мелких камешков на стоянках нижнего течения Зарафшана. Это различие не отражает специфики географического распространения этих двух типов первичного сырья, но, наверняка передает привычки или местные предпочтения, сложившиеся на общем культурном фоне. Последний признак добавляется к предыдущим наблюдениям и позволяет подтвердить существование региональных особенностей, в основном, имея ввиду более или менее выраженные раз-

²⁸ Виноградов, Мамедов, 1975.

²⁹ Белова, 1989.

³⁰ Итина, 1959; Виноградов, 1957; 1968.

³¹ Термин энеолит используется в Средней Азии вместо и взамен термина халколит.

³² Niebert, 2002.

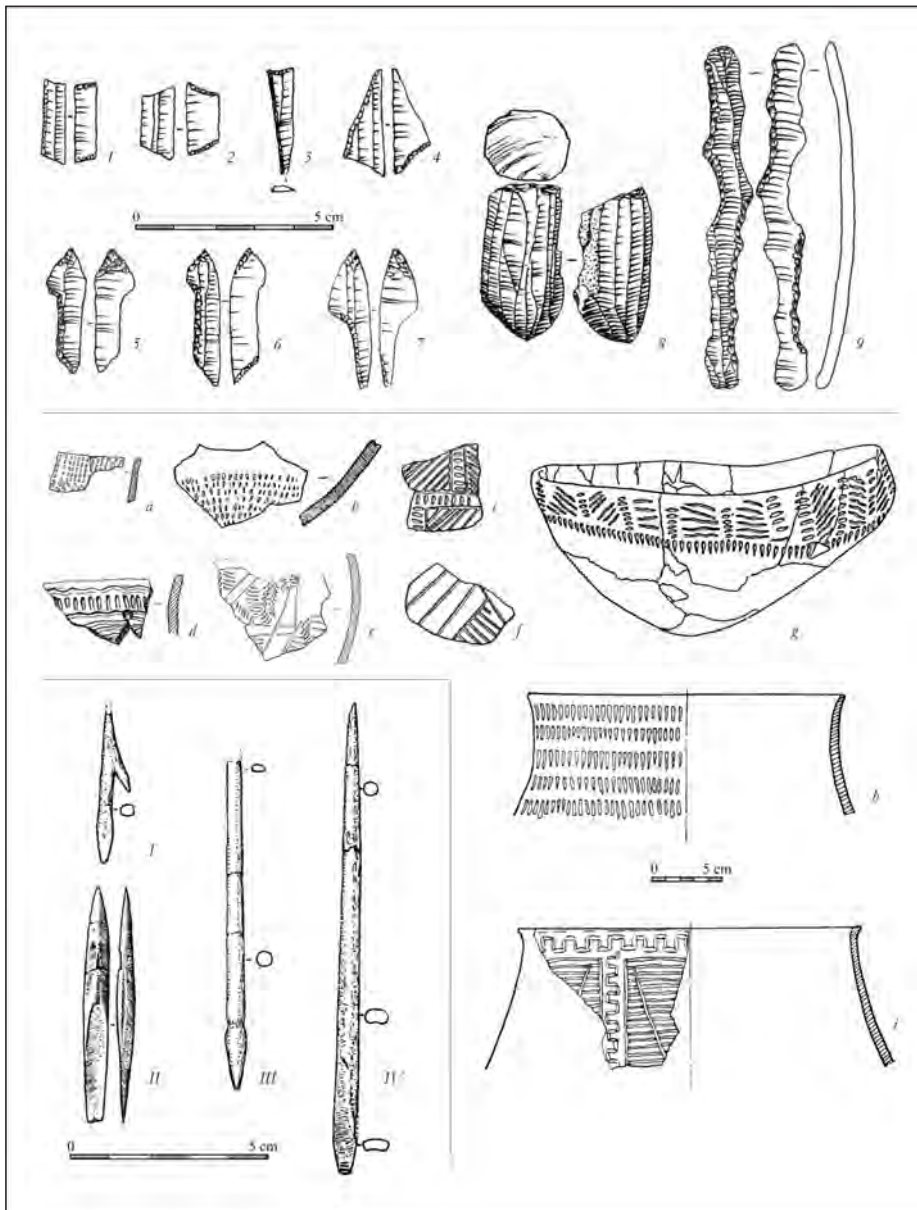
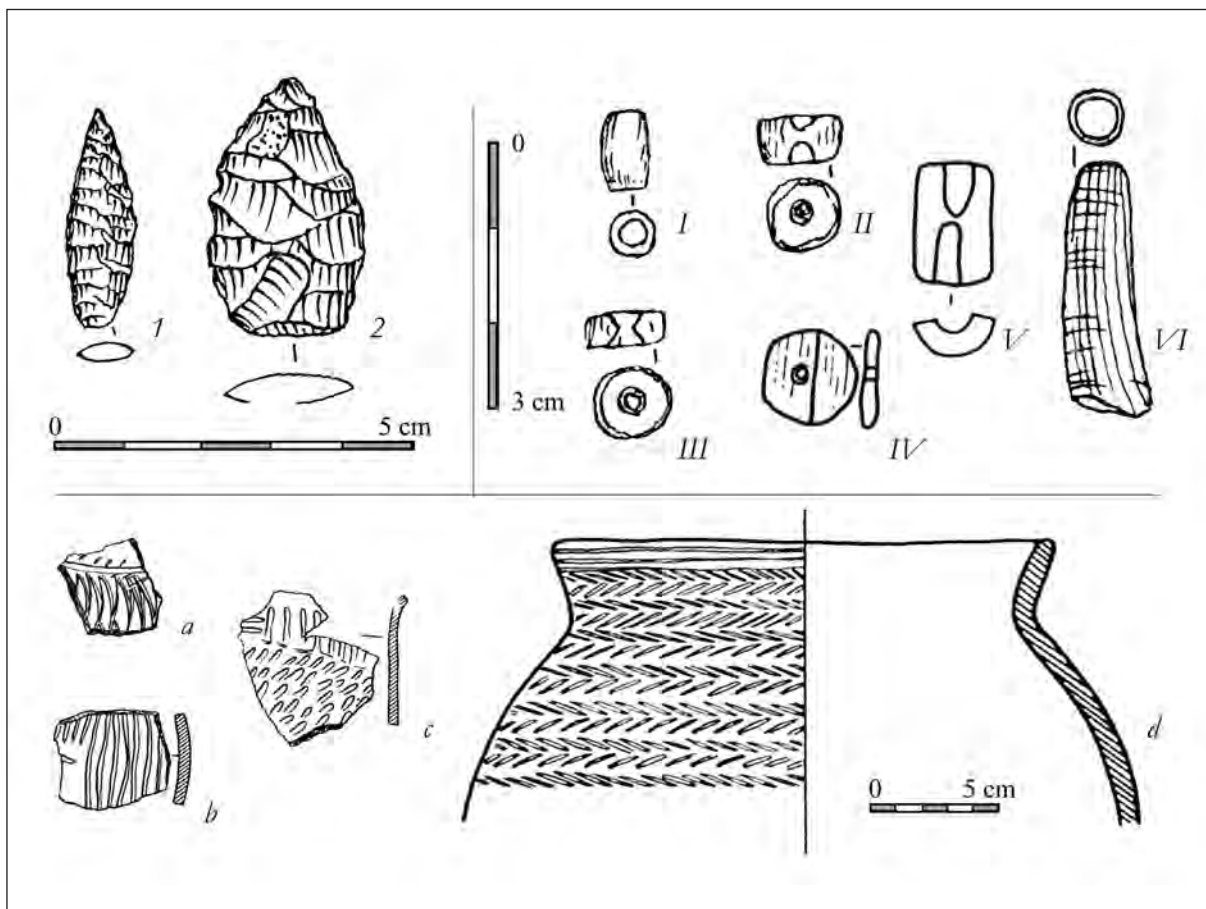

Рис. 4. Кельтеминарская культура. Второй этап. Каменная индустрия: 1 - параллелограмм (Толстова [Виноградов, 1981b]); 2 - симметричная трапеция (Джингельды [Виноградов, 1981b]); 3 - асимметричная трапеция (Лявлякан 120 [Виноградов, Мамедов, 1975]); 4 - асимметричный треугольник (Джанбаскала 4 [Виноградов, 1981b]); 5,6,7 - наконечники стрел кельтеминарского типа (5,6 Толстова [Виноградов, 1981a]; 7 - Лявлякан 26 [Виноградов, Мамедов, 1975]); 8 - нуклеус для снятия пластин (Лявлякан 120 [Виноградов, Мамедов, 1975]); 9 - пластина с зубчатыми выемками (Толстова [Виноградов, 1981a]). Керамика; а) Джингельды 11 [Виноградов, 1981a]; б) Лявлякан 26 [Виноградов, Мамедов, 1975]; с-ф) Джанбаскала 4 [Виноградов, 1968]; г) Джанбаскала 4 [Итина, 1959]; h, i) Толстова [Виноградов, 1981a]. Костяная индустрия: I-IV: Толстова [Виноградов, 1981a].

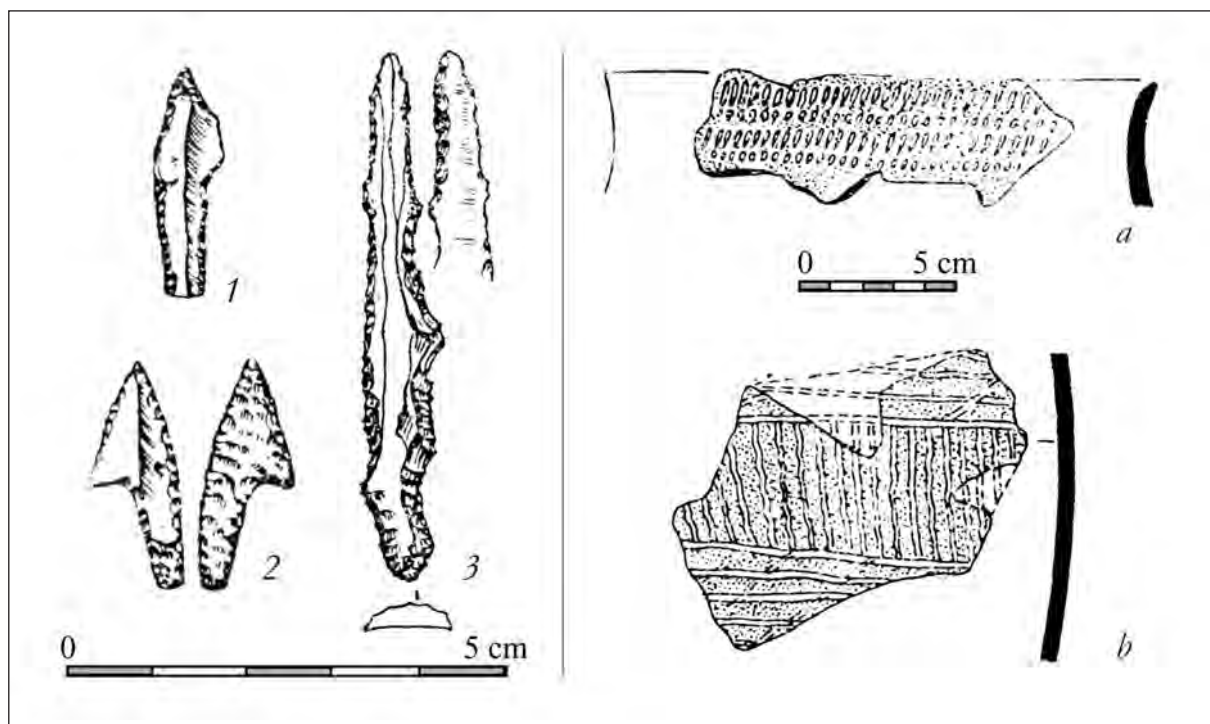

Рис. 5. Кельтеминарская культура. Третий этап. Каменная индустрия: 1,2 - двустороннеобработанные изделия (Бешбулак 1 [Виноградов, 1981а]). Украшения: I,II - бирюза (Бешбулак 1 [Виноградов, 1981а]; III - оникс (Бешбулак 1 [Виноградов, 1981а]; IV - раковина (Лявлякан 218 [Виноградов, Мамедов, 1975]); V - белый камень (Лявлякан 222 [Виноградов, Мамедов, 1975]); VI - раковина (Бешбулак 1 [Виноградов, 1981а]). Керамика; а-с) Джанбаскала 4 [Виноградов, 1968]; d) Лявлякан 328 [Виноградов, Мамедов, 1975].

личия между регионами Зарафшана и Акчадарьи. Отмеченные различия будут развиваться и преобладать на позднем этапе Кельтеминара и позднее – в энеолите.

Последний этап Кельтеминара (рис. 5) датирован А. В. Виноградовым второй половиной III – началом II тысячелетия. Наблюдения за археологическим материалом на стоянках этого времени (дельта Аяккагитма, Джанбаскала 5 и 11, Таджиказган 2, 3, 6 и 10, а также часть лявляканских стоянок (рис. 2, 1, 3, 7, 9) показывают этап не позднего неолита, как предполагал автор, но энеолита, учитывая появление признаков бронзы внутри элементов Кельтеминара. Все большее значение приобретают двустороннеобработанные орудия, часто малого размера, а категория геометрических – сокращается до трапеций; кельтеминарские наконечники стрел теперь редки, так же как орудия с выемками и с многочисленными зубчатыми выемками, изготовленные на пластинах, хотя традиция пластин еще присутствует.

Рис. 6. Низовья Зарафшана [Гулямов и др., 1966]. Каменная индустрия: 1-2 - кельтеминарские наконечники стрел (Тузкан); 3 - пластина со многими выемками (Тузкан). Керамика: а-в - Дарбазакыр 1.

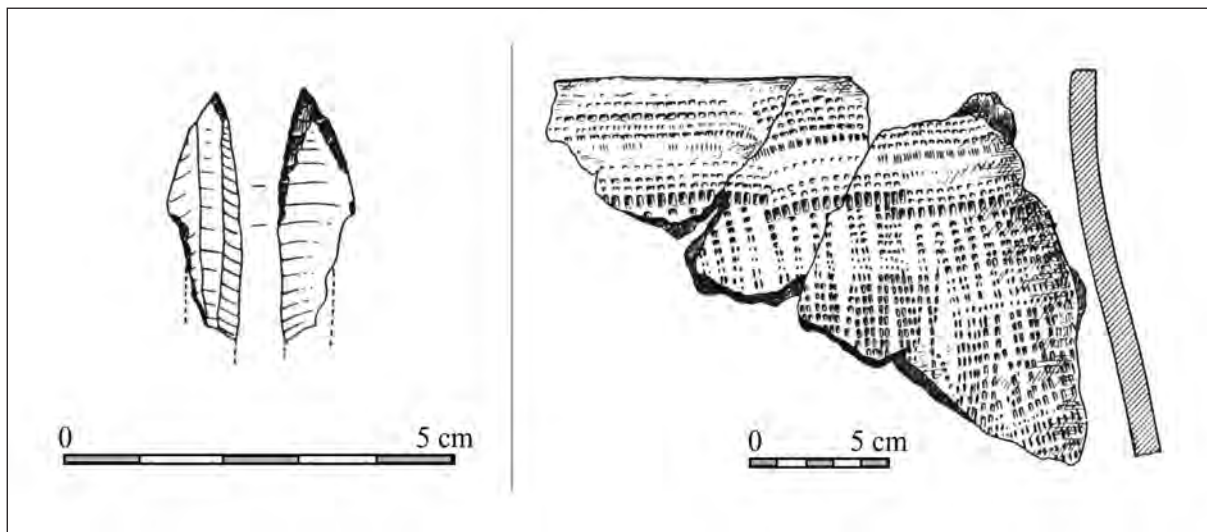
Керамика характеризуется использованием отошителя в виде толченых раковин или шамота и формами почти овоидными, иногда с уплощенным или плоским дном и выделенной шейкой.

Орнамент становится сплошным, но сохраняется в виде отпечатков гребня или прочерченным³³. М. А. Итина указывает на устойчивое изготовление некоторых сферических чашек, похожих на кельтеминарские сосуды в тазабагыябской культуре в Хорезме, датированной бронзовым веком³⁴. К концу кельтеминарской культуры на территории Узбекистана можно отнести мастерские по изготовлению бусин из местной бирюзы (горы Букантау)³⁵ с помощью кремневых микроотбойников: льяляканские стоянки 34, 38, 40, 43, 58, 59 и 83, а также Бешбулак и Бурли 3 (рис. 2, 3, 6, 8). В итоге, археологический материал этих стоянок показывает сосуществование поздних черт (керамика бронзовой эпохи, известной под названием «степной» керамики, шлака, двухстороннеобработанные орудия, полностью обработанные ретушью, «подпластинки») и Кельтеминара, хотя эти последние – в очень незначительном количестве. К тому же, сырье для каменной индустрии (кремень коричневого и серого цвета) – разного качества, в отличие от сырья, обычно использовавшегося группами кельтеминарцев. Конечно, невозможно утверждать, что работавшие в этих мастерских были выходцами из групп кельтеминарцев, но ясно, что кельтеминарская культура была в контакте с соседними, у которых и заимствовала некоторые черты, включив их в свою культурную традицию, как это было в V тысячелетии в отношении неолитиче-

³³ Виноградов, 1960.

³⁴ Итина, 1959.

³⁵ Вактурская, 1959; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1972; 1981а.

Рис. 7. Приаралье [Формозов, 1951]. Кельтеминарский наконечник стрелы: Коктубек. Керамика: Агиспе.

ских земледельцев-пастухов Туркменистана, или в более позднюю эпоху – в отношении культур степной бронзы Средней Азии. Эти традиционные связи, наряду с развитием агропасторальных обществ эпохи бронзы на периферии Кельтеминара, могли привести к взаимодействию в более крупном масштабе этой культуры с соседними, а то и к ее ассимиляции этими последними.

Вопрос региональных вариантов

Кроме региональных различий, наблюдаемых внутри кельтеминарской культуры, интересно проследить то же на стоянках в Узбекистане, Казахстане и Туркменистане, в общем рассматриваемых как кельтеминарские, но для которых после исследования вопрос привязки их к этой культуре требует более тщательного уточнения³⁶. Прочтение, которое мы осуществили на представленных материалах, следующее.

На нижнем течении Сырдарьи каменная индустрия стоянок Космола 1-6 (рис. 2, 12) отличается от кельтеминарской: производство микропластинок отсутствует или незначительно; скребла на пластинах доминируют в комплексах ретушированных объектов в ущерб изделиям с выемками или многочисленными зубчатыми выемками; геометрические предметы отсутствуют, и был выявлен только один кельтеминарский наконечник стрелы, к тому же атипичный (подражание). Оригинальна керамика: маленькие чаши, изготовленные вручную из теста с растительным отощителем, плохо обожженные, заглаженные и покрытые светлым ангобом, встречаются наряду с керамикой типа Акчадарья (аналог керамике со стоянки Джингельды 11), изготовленной на месте³⁷. Этот материал подтверждает смешение собственных традиций этой зоны и элементов типично кельтеминарских (второго этапа): не идет ли здесь речь о региональном варианте? о простых контактах? об окультуривании?

³⁶ Вопрос об этом сравнении был впервые поставлен Brunet, 2002.

³⁷ Виноградов, 1981а.

Керамика, полученная на стоянках в нижнем течении Зарафшана (Большой Тузкан, Малый Тузкан, Дарбазакыр 1 и 2 (рис. 2, 4; рис. 6)³⁸, находит аналогии в формах и декоре посуды второго этапа Кельтеминара. Каменная индустрия свидетельствует о кельтеминарских признаках, близких характеристикам, описанным на стоянках верхнего течения Зарафшана (типы и способы производства, пластины со многими выемками, пластинки с притупленным краем или концом), но атипичных в отношении наконечников стрел. На более позднюю эпоху (поздний неолит / энеолит) указывают многочисленные местные черты: редкость или отсутствие геометрических предметов, присутствие шлифованных топоров, предметы с двухсторонней и покрывающей поверхность ретушью, а также несколько бусин из бирюзы и лазурита. Но, возможно, здесь проявляется более поздний или региональный вариант кельтеминарской культуры.

Материалы стоянок Приаралья (Казахстан) (Агиспе, Саксаульская 1 (рис. 2, 13; рис. 7)³⁹ представлены малым числом горшков, декор которых напоминает орнаментацию керамики Джингельды (Акчадарья); этот элемент, однако, недостаточен, чтобы судить о принадлежности этих стоянок к кельтеминарской культуре. Другие стоянки этого региона, локализованные западнее⁴⁰, показывают редкое присутствие кельтеминарских наконечников стрел, либо фактуры, схожей с той, что характерна для стоянок Лявлякана (находки на стоянке Коктубек (рис. 2, 14), либо атипичного характера, что можно сказать о стоянке Ак-кум-сагыз (рис. 2, 15). Отсутствие других признаков Кельтеминара (методов и техники расщепления, концептов ретушированных объектов, керамики) в материалах этих стоянок также заставляет отбросить гипотезу о привязке стоянок к этой культуре в пользу интерпретации, подчеркивающей возможность контактов.

И, наконец, развешенные по верхнему течению Узбоя (Туркменистан) стоянки (рис. 1 и 2, 18) отражают сложную ситуацию, где только некоторые (Чарычли 1, Ортакуйю 204 и 205, Кугунек 18 и 22, Бала-Ичем 9)⁴¹ ясно показывают присутствие кельтеминарских элементов (пластины со многими зубчатыми выемками, способ изготовления пластин, наконечники стрел с выемкой атипичной фактуры и трапеции) в рамках местной традиции (откалывание пластин и отщепов, вкладыши, двустороннеобработанные объекты, часто ретушированные отжимной техникой, украшения, керамика). Другие стоянки, особенно, открытые в 1970 году⁴², подтверждают существование очень мощной местной традиции. В ожидании материалов для датировки эти наблюдения больше склоняют к гипотезе контактов с кельтеминарской культурой, чем к гипотезе о региональном варианте этой культуры.

Образ жизни и хозяйство.

Гипотеза о полuosедлом или оседлом образе жизни основывается на наличии на некоторых стоянках археологических структур, свидетельствующих об организованном обживании (зона концентрации остатков, ямы, очаги, золистые пятна, кругляк и куски дерева). Стоянки самые богатые в этом отношении локализованы на Акчадарье (стоянка Толстова, Джанбаскала 4, Кават 7 (рис. 2, 7, 8)⁴³, это видно также на Зарафшане на стоянке Учащи 131⁴⁴ (рис. 2, 1). Исследователи предположили, что здесь дома большой площади (от 250 до 360 м²), построенные из дерева и

³⁸ Исламов, 1963; Гулямов и др. 1966.

³⁹ Виноградов, 1981а; Формозов, 1950; 1951.

⁴⁰ Формозов. 1950.

⁴¹ Итина, 1958; Толстов, 1958.

⁴² Юсуфов, 1986.

⁴³ Толстов, 1960а; 1963; Виноградов, 1968; 1981а.

⁴⁴ Виноградов, 1981b.

камыша и организованные вокруг центрального очага, окруженного множеством более мелких очагов. Можно высказать следующие критические замечания. Так, нельзя точно сказать, что пространственное распространение этих археологических остатков и структур отражает состояние одного обживания в один период: перекрытие скопления очагов и ям от устоев на Джанбаскала 4 и на стоянке Толстова противоречат этой гипотезе и скорее указывают на существование ряда этапов обживания, которые имели различную продолжительность. Эти наблюдения, таким образом, становятся причиной пространственного разграничения этих «домов», учитывая, что они основаны на месте расположения находок остатков деревянных конструкций. Кроме легко отождествляемых очагов, различия между хозяйственными ямами, углублениями от столбов и ямами для устройства очагов не всегда четко выделяются. Более трудной представляется их функциональная интерпретация, и, следовательно, выявление организации самого поселения. Анализ пространственного распространения археологических структур и остатков деревянных конструкций показывает, что могут быть предложены различные объяснения. В особенности может быть выдвинуто объяснение наличия многих открытых маленьких жилищ - (формы от круглой до овальной), отмеченных на земле зоной, практически свободной от остатков, многочисленных кусков дерева, ограждающих их контур, а также очага, зоны зольников, одной или нескольких ям (или углублений). Таким образом, отсутствие точных данных о размерах этих «домов», демографические заключения 8 – 10 семей (согласно С.П. Толстову) или 35 – 40 жителей (согласно А.В. Виноградову), основанные на расчете квадратных метров, необходимых для одного человека (3 м²), и на количестве очагов для дома (между 8 и 10), в настоящее время необоснованны. Существует только два достоверных признака: присутствие дерева в архитектуре сооружений – хотя сама природа строительства требует лучшего обоснования; и дифференцированное использование структур, интерпретируемых как очаги, учитывая их разнообразие и сопутствующие им следы (угли, зола, прокаленный песок).

Новые работы на стоянке Аякагитма⁴⁵ (рис. 2, 1) указывают на domestикацию быка, а также барана / козы с VII / VI тысячелетия. В V / IV тысячелетии отмечено изменение, заключающееся в присутствии практически только верблюдов, возможно уже одомашненных⁴⁶. «Пастушеское» хозяйство особенно хорошо приспособлено для природной среды вокруг кельтеминарских стоянок, представляющей собой более или менее открытое травянистое пространство. Остатки домашних животных (коза / баран, бычьи виды), собранные на других стоянках Кызылкумов, таких как пункты Лявлякана и Бешбулака, будут уже привязаны к эпохе бронзы⁴⁷.

Практические доказательства земледелия очень редки и косвенны, возможно из-за отсутствия соответствующей методологии во времена открытия этих стоянок. Только в одном случае, на стоянках Большого Тузкана на Зарафшане (рис. 2, 4), следы работ с зерновыми как будто удостоверены находками 13 вкладышей серпов, определенных методами трасологии⁴⁸. Окультуренный характер зерновых остается пока недоказанным. Земледелие, если подтверждается, что оно существовало в этом регионе, могло бы быть, как это предлагает Г. Ф. Коробкова, результатом контактов с неолитической культурой Джейтуна (Туркменистан). Но можно также рассматривать

⁴⁵ Мы благодарим проф., д-ра К. Шимчака и д-ра М. Хужаназарова, за то, что они позволили привести некоторые результаты неопубликованных исследований. Постскриптум: После того, новые интерпретации были произведены экспедицией MAFANAC

⁴⁶ Szymczak and Khudzhanazarov, 2004. Шимчак, 2004, личные сообщения.

⁴⁷ Виноградов, 1981а.

⁴⁸ Korobkova, 1992.

эту деятельность как занимающую второстепенное место в хозяйстве этих групп и носящую сезонный характер, связанный с разливами рек или же с богарным земледелием в степной среде.

Значительное место в жизнедеятельности по-прежнему занимают охота и рыболовство. Фаунистические остатки показывают разнообразное использование окружающей среды: «тугаев» (олень, косуля, кабан, водяной буйвол) и степи (антилопы – джейраны и сайгаки, кулан, верблюд). Были также обнаружены мелкие плотоядные и пушные грызуны. Использование водных ресурсов: птиц (утка, нырок-мандаринка), рыбы (почти исключительно хищные, как щука и сазан)⁴⁹ было зафиксировано на стоянках Толстова и Джанбаскала 4 (рис. 2, 7). Рыболовством занимались, главным образом в непроточных, но прозрачных водах дельты Амударьи; и нет никаких указаний, которые позволили бы уточнить его сезонный характер. Этот труд подтверждается присутствием рыболовного снаряжения (костяные гарпуны, грузила, костяные орудия, быть может, для чистки рыбы от чешуи) и многочисленными рыбьими костями (около 2 тонн живого веса на одном из домов стоянки Толстова)⁵⁰. Однако по-прежнему трудно определить реальную хозяйственную значимость, которую могло представлять рыболовство, если сравнить ее с долей охоты.

Поиск возможных истоков: рабочие гипотезы.

Внутри кельтеминарской культуры выявлены региональные особенности в рамках одной и той же технической традиции (Акчадарья и Зарафшан (рис. 1); мы считаем, что если гипотеза о двух отличных линиях генезиса может быть отвергнута, существование различных влияний остается вероятным для региона Акчадарья, как об этом свидетельствует керамика. Но если самые древние черты культуры Кельтеминара и были местного происхождения, то сложились ли они в регионе Зарафшана, особенно в VII / VI тысячелетии? К тому же остается проблематичным появление в V / IV тысячелетии в Узбекистане кельтеминарского наконечника стрел. Исследования этих вопросов заставляет нас обратиться к мезолитическим стоянкам Узбекистана, Туркменистана, Казахстана, Украины и России; здесь будут представлены первые результаты.

Узбекистан. Стоянка Кокпатасай 1 в предгорьях Букантау (рис. 2, 6) датирована на основании археологического материала и геологического контекста эпохой мезолита⁵¹, но орудия из белого кремня на самом деле должны быть датированы энеолитом / бронзой (двустороннеобработанные артефакты и индустрия на отщепках в сопровождении керамики «степного типа»). Кроме того, представлены индустрия на пластинах и пластинках коричневого кремня способом, аналогичным кельтеминарскому, и многочисленные выемчатые и зубчато-выемчатые орудия на пластинах; предполагается, что это – кельтеминарская стоянка, датированная неолитом. Тем не менее, не существует ни геометрических предметов, ни кельтеминарских наконечников стрел. В результате, может ли идти речь о мезолитической стоянке, обладающей основополагающими элементами Кельтеминара, или о местном варианте этой культуры?

Сазаган 1 и 2 (Зарафшан (рис. 2, 5 и рис. 8)⁵² – две стоянки, по большей части перемешанные, были отнесены к кельтеминарской культуре Д.Н. Левом. Сазаган 1 впоследствии был датирован М. Д. Джуракуловым и Н. Ю. Холматовым – мезолитом (сазаганская культура), а Сазаган 2 – неолитом (датировка, с которой можно согласиться). Добавим, что археологический материал Сазагана 2 свидетельствует о многочисленных признаках Кельтеминара в каменной индустрии

⁴⁹ Никольский и др., 1952.

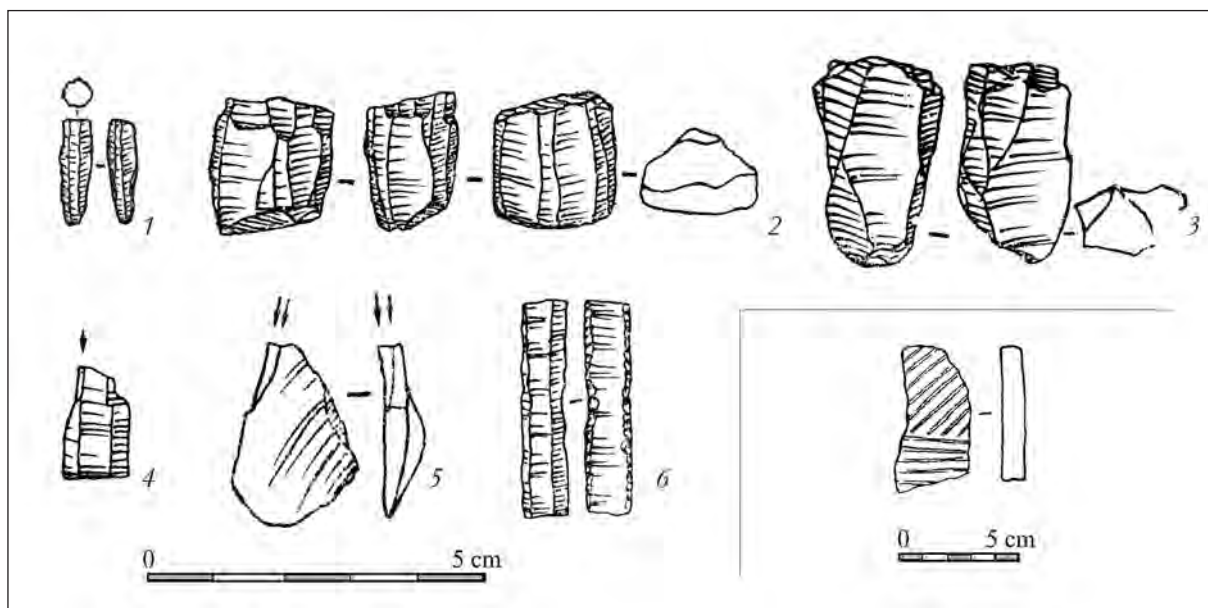
⁵⁰ Виноградов, 1981а.

⁵¹ Виноградов, 1981а.

⁵² Джуракулов, Холматов, 1991.

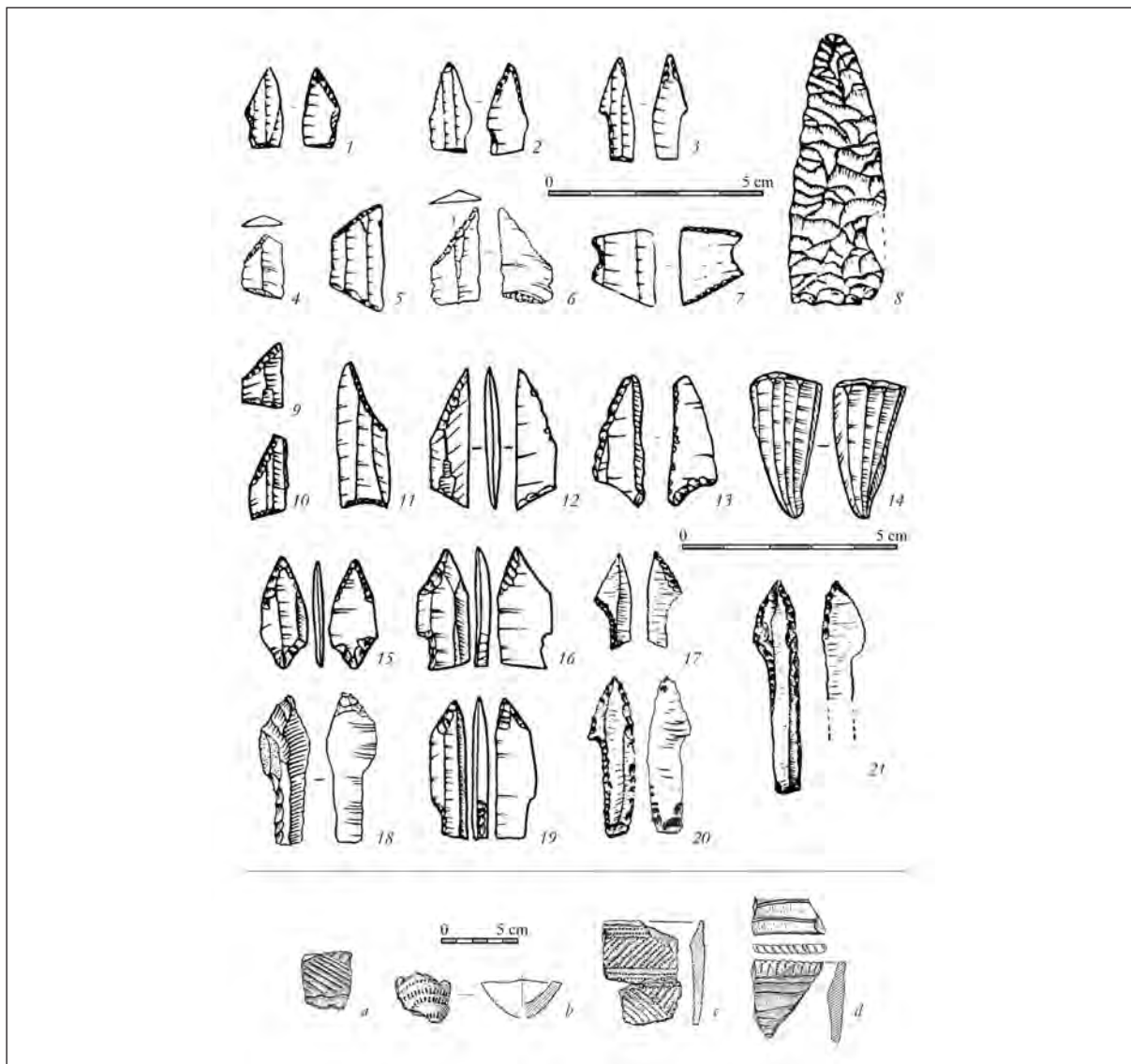
(расщепление на пластинки при помощи техники «через посредника», расщепление на микропластинки отжимной техникой, типичные объекты с выемкой и многочисленными зубчатыми выемками, «рогатые» трапеции, вытянутые треугольники), в украшениях (бусины из раковин и подвески из мелких камешков) и в керамике (грубое тесто с кварцевым, растительным или шамотным отощителем, сферические сосуды с круглым дном и закругленным венчиком, прорисованный орнамент из вертикальных и косых линий, гребенчатый орнамент). Мы считаем, что эти кельтеминарские элементы привились на местную продукцию, отождествляемую в Сазагане 1, где она занимает исключительную позицию. Эта продукция – исключительно каменная – характеризуется отсутствием геометрических объектов, присутствием расщепления отщепов и широким использованием их как основы для орудий, расщепление пластин и пластинок, способ изготовления которых сходен со способом из мезолитических и неолитических стоянок Центральной Ферганы (Узбекистан), преобладание двойных скребел с регулярной линейной ретушью на брюшке и большое число двугранных резцов и углов пластин. Сазаган 1 предшествовал Сазагану 2, то есть был мезолитическим, и по своему месторасположению на Зарафшане, где был идентифицирован первый этап Кельтеминара, и своим родством с неолитической стоянкой Сазаган 2, мог бы сыграть главную роль в определении происхождения кельтеминарской культуры. Однако большое число иных местных черт этой культуры в комплексе каменной индустрии стоянки заставляет в настоящее время проявлять осторожность.

Множество льявляканских стоянок (24, 41, 54, 87, 107, 348 и 418 (рис. 2, 3) были описаны как мезолитические / раннеолитические⁵³. Конечно, их каменная индустрия не типично кельтеминарская, судя по факту отсутствия «рогатых» трапеций и наконечников стрел с выемкой. Но

Рис. 8. Сазаган 1 и 2 [Джуракулов и Холматов, 1991]. Каменная индустрия: 1, 2 - нуклеусы для пластинок (Сазаган 2); 3 - нуклеус для снятия пластин (Сазаган 1); 4, 5 - резцы (4 – Сазаган 1, 5 – Сазаган 2); 6 - двойное скребло (Сазаган 2). Керамика: (Сазаган 2).

⁵³ Виноградов, Мамедов, 1975.

Рис. 9. Устьют (1–8) и Зауралье (9–21, а–d). Каменная индустрия: 1,2,3 - кельтеми-нарские наконечники стрел (1,2 - Исатай; 3 - Актайлак 1 [Бижанов, 1978]); 4,6 - асимметричные трапеции (Айдабол 25 [Авизова, 1990]); 5 - симметричная трапеция (Актайлак 1 [Бижанов, 1978]); 7 - «рогатая» трапеция (Актайлак 1 [Бижанов, 1978]); 8 - двустороннеобработанное орудие (Исатай [Бижанов, 1978]); 9,10,11,12 - асимметричные трапеции (9, 12. Янгелка [Матюшин, 1976]; 10 - Мыс Безымянный [Матюшин, 1976]); 11 - Калмацкий Брод [Сериков, 1998]; 13 - асимметричный треугольник (Янгелка [Матюшин, 1976]); 14 - нуклеусы для снятия пластин (Янгелка [Матюшин, 1976]); 15 - черешковый наконечник (Долгий Ельник 2 [Матюшин, 1976]); 16-21 - наконечники стрел с выемкой (16,19 Долгий Ельник [Матюшин, 1976]; 17 Палкино [Чернецов, 1968]; 18 Чебаркуль 2 [Крижевская, 1968]; 20 Ирбитское озеро [Чернецов, 1968]; 21 Андреевское озеро [Чернецов, 1968]). Керамика: а) Улалинское [Крижевская, 1968]; б–d) Чебаркуль 2 [Крижевская, 1968]).

способ их изготовления на пластинах и пластинках, пластины со многими выемками и втянутые треугольники показывают, что он относится к той же самой технической традиции. Наличие керамики и шлифованных топоров поместило бы эти стоянки в неолит, даже если вспомнить, что речь идет о разветвленных стоянках перемешанного типа. При отсутствии датировки этот вопрос полностью базируется на том, идет ли речь о варианте древнем мезолитическом или о региональном варианте кельтеминарской культуры?

Устюрт (Узбекистан) и Зауралье. Геологические исследования, проводившиеся в районе стоянок охотников-рыболовов⁵⁴ плато Устюрт (рис. 2, 17 и рис. 9), позволили поместить их на несколько предшествующий льяляканскому плювиалу хронологический горизонт (мезолитический) или современный ему (неолитический)⁵⁵. В противовес тому, что написали Е. К. Бижанов и А. К. Авизова⁵⁶, можно выделить три комплекса, последний из которых относится к энеолиту; очень заметны значительный рост количества двустороннеобработанных предметов, расщепление отщепов в ущерб расщеплению пластин и пластинок, и иные концепты орудий.

Первый комплекс (частью со стоянок Айдабол) удостоверяет кельтеминарские элементы, такие как симметричные трапеции и среди них «рогатые», особенно сильны аналогии с мезолитическими стоянками Зауралья, датированными периодом, идущим от аллерод до пре-бореала (Долгий Ельник 2, Янгелка, Мыс Безымянный, Шикаевка 2 (рис. 2, 26–28 и рис. 9)⁵⁷: продукция, выполненная на пластинах и пластинках, вероятнее всего, асимметричные вытянутые трапеции, острия, резцы. Второй комплекс (стоянки Актайлак, Шурук, Исатай) всегда показывает это значительное влияние стоянок Зауралья, но и значительное количество признаков Кельтеминара, из которых особенно выделяются наконечники стрел с выемкой, хотя и атипичной фактуры; этот комплекс, однако, более поздний, чем первый. Особенно яркие аналогии отмечаются между стоянками Актайлак и Шурук, кельтеминарскими стоянками Бешбулак 1 и 14 и Льяляканом; пластины со многими выемками и треугольники здесь, однако, отсутствуют. Гипотеза о том, что группа стоянок Устюрта, которая, как полагают, имела происхождение из Зауралья – как предок кельтеминарской культуры, опирается в настоящее время в очень слабое присутствие в этих группах образующих кельтеминарскую культуру элементов, которыми мы располагаем сегодня. Однако интересно отметить присутствие в мезолитических стоянках Зауралья наконечников с выемкой, близких кельтеминарским. Иное представление, кажущееся сейчас более предпочтительным, основано на тенденции рассматривать устюртскую группу стоянок как развившуюся в результате контактов с соседними кельтеминарскими стоянками, существовавшими в дельте Акчадарьи, что объяснило бы и внедрение кельтеминарских элементов в ее каменную индустрию и присутствие в кельтеминарских стоянках зауральских мезолитических черт (таких как геометрические трапеции типа Янгелка, присутствующие в стоянках Учащи 133 и Толстова). Эти «контакты» продолжились и в неолите в Зауралье⁵⁸ присутствием нескольких наконечников стрел кельтеминарского типа, но, может быть, местного производства, что видно по типу ретуши и используемой основы для орудий, типов костяных острий и некоторых видов прочерченного орнамента на кельтеминарской керамике. Датировка этих устюртских и зауральских стоянок помогла бы решить этот вопрос.

⁵⁴ Авизова, 1986.

⁵⁵ Бижанов, 1978.

⁵⁶ Бижанов, 1996; . Авизова, 1990.

⁵⁷ Матюшин, 1976; Сериков, 1998.

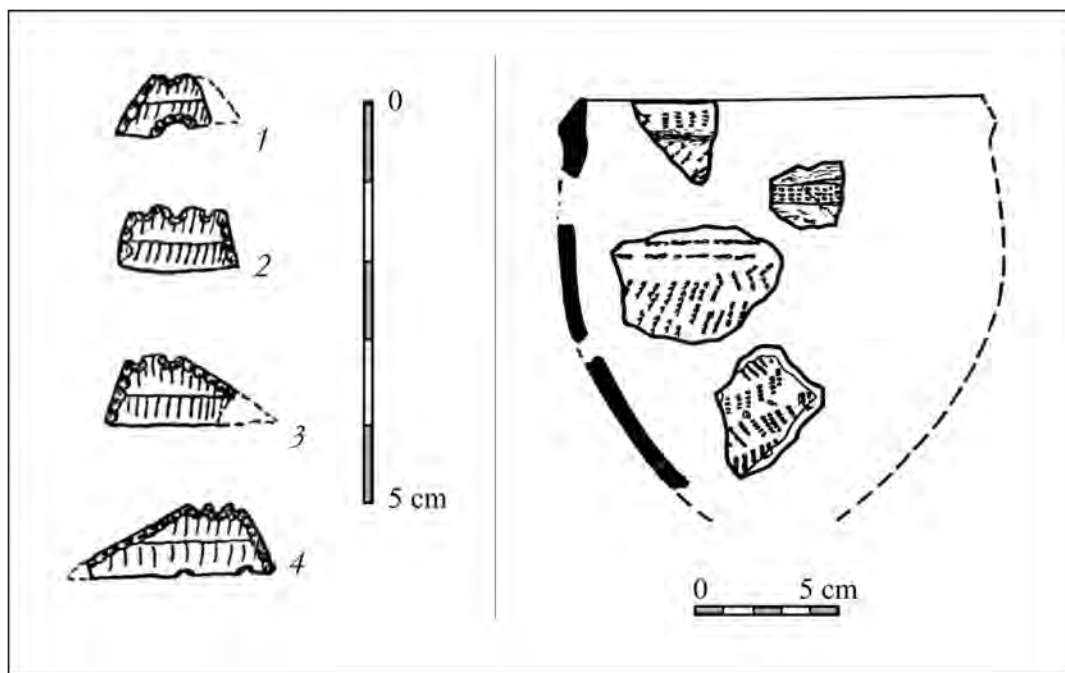
⁵⁸ Крижевская, 1968; Чернецов, 1968.

Туркменистан и Кавказ. Дам-Дам-Чашма 2 и частично Дам-Дам-Чашма 1 (Туркменистан (рис. 2, 20)⁵⁹, так же как Шох уровни 3 и 4 (Дагестан (рис. 2, 22)⁶⁰ в общем отнесены к мезолитической триалетской культуре (XIV / XI – VI тысячелетия)⁶¹. Единственная аналогия, которая отмечается с Кельтеминаром, видна в присутствии треугольников, иногда вытянутых, и «рогатых» трапеций. Однако она недостаточна, чтобы выстроить «генетическую» связь с Кельтеминаром.

Очень мало известно об объектах со стоянок Ойюклы 1 и 4⁶² (рис. 2, 19), но следует отметить присутствие асимметричных трапеций, треугольников и украшений, аналогичных кельтеминарским. Керамика тонкостенная представлена либо овоидными формами с простым декором из горизонтальных линий, оттиснутых гребнем, либо сферическими формами с выделенным перегибом стенки. Этот последний тип, как считает Г. Е. Марков, уникален, а как считает А. В. Виноградов⁶³, близок типу из Учачи 131 (Узбекистан). Отметим однако, что перегиб стенки, представленный на керамике Ойликли 4, очень хорошо выделен и более высокий по сравнению с перегибом на кельтеминарских сосудах. Прочерченный или оттиснутый орнамент на сосудах из Ойликли 4, напротив, напоминает декор из Джанбаскала 4 (нижний уровень). Связь между стоянками Ойликли и Кельтеминар остается, тем не менее, не очень ясной из-за нехватки данных.

Украина и Крым. Каменная индустрия многочисленных мезолитических стоянок Крыма, датированных концом VII – началом VI тысячелетий⁶⁴, показывает аналогии с кельтеминарской

Рис. 10. Крым [Мацкевой, 1977]. Каменная индустрия: 1-4 - трапеция с ретушированными выемками (1. Ленинское 1 (уровень I); 2-3 - Луговое 1 (уровень I); 4 - Фронтное 1 (уровень III). Керамика: Фронтное 1.

⁵⁹ Марков, 1966; 1981.

⁶⁰ Амирханов, 1987.

⁶¹ Kozłowski, 1996.

⁶² Марков и Хамракулиев, 1980.

⁶³ Виноградов, 1981а.

⁶⁴ Телегин, 1989.

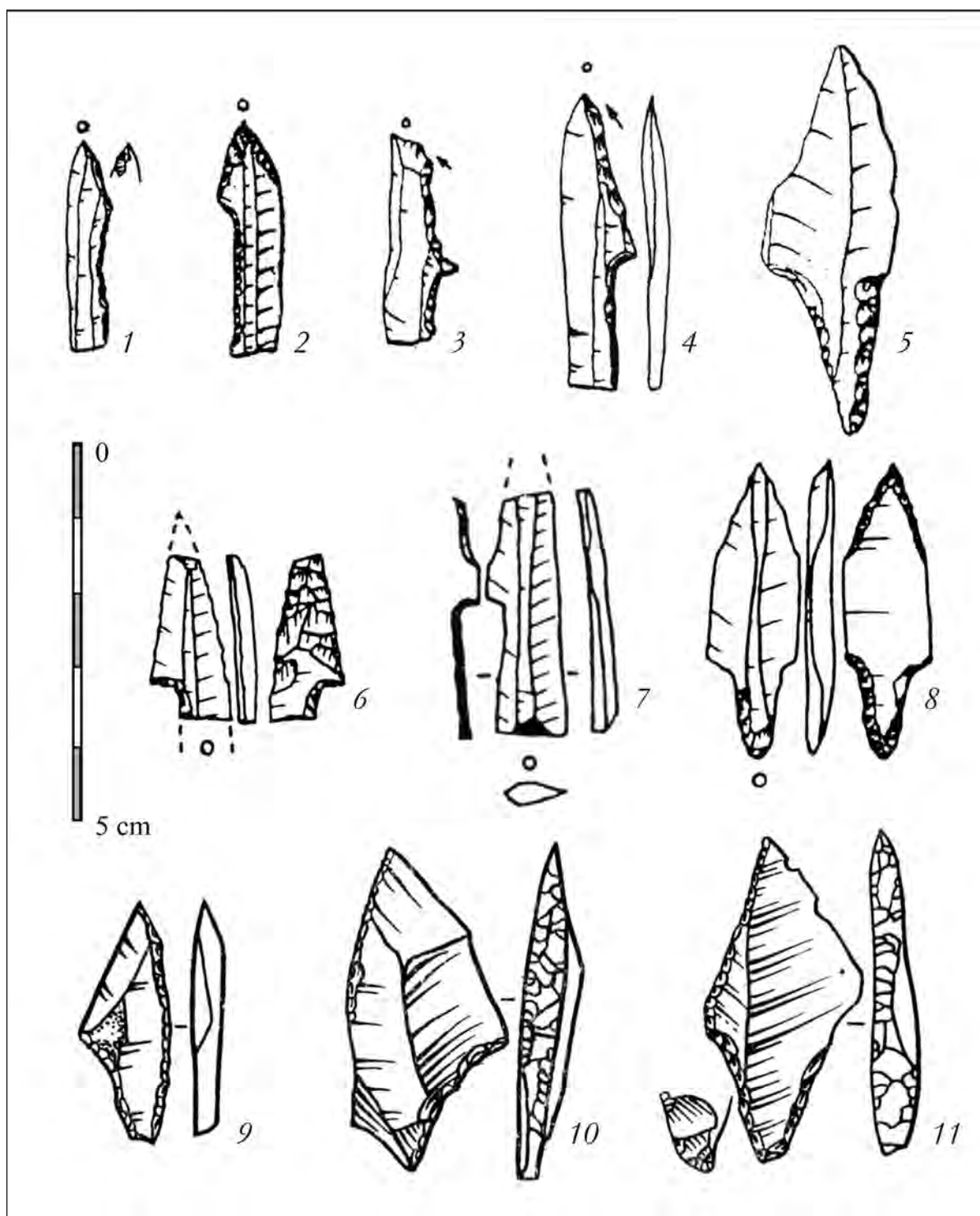

Рис. 11. Волга / Ока. Наконечники стрел с выемкой и черешко: 1-5 - рессетинская культура [Сорокин, 2004] (1, 4 - Суконцево 9; 2,5 - Рессета; 3 - Суконцево 8); 6-8 – бутовская культура [Кольцов и Жилин, 1999] (6 - Прислон; 7 - Культино 3; 8 - Пекуново); 9-11 - Иневская культура [Кольцов, 1989] (9-10 - Староконстантиновская 4; 11-Ладыжино).

культурой: продукция на пластинах, суженные пластины и трапеции. Однако выявлено, что они сопровождаются равнобедренными треугольниками и двусторонними острями - характерными предметами из северных регионов (балтийские страны, Белоруссия, верхнее и среднее течение Волги, междуречье Волги и Оки). Отметим и тип керамики из Фронтное 1 – грубое тесто с отощителем из раковин, песка или кварцита; открытого типа горшки с полуконическим дном и скошенным венчиком и рельефной шейкой; с декором в виде мотивов шевронов, оттиснутых гребнем, аналогична керамике стоянок Агиспе (Приаралье), Аймора (нижнее течение Сырдарьи), то есть двух регионов в контакте с кельтеминарской культурой. Кроме того, представлены варианты предметов, неизвестные в кельтеминарской культуре, а также «рогатые» трапеции из Фронтное 1 (уровень I – конец VI – V тысячелетие), Ленинское 1 (уровень I) и Луговое 1 (уровень II)⁶⁵ (рис. 2, 24 и рис. 10). Можно было бы рассмотреть существование косвенных связей между Крымом и Кельтеминаром.

Кельтеминарский наконечник и наконечник с выемкой: пример из междуречья Волги и Оки и Западного Казахстана

Наконечники стрел с выемкой на основе пластины или пластинки характерны для мезолита некоторых северных регионов, таких как Русская равнина, в особенности в месте слияния Оки с Волгой. Они представлены в культурах – бутовской⁶⁶ (или культинской)⁶⁷ и рессетинской⁶⁸ (рис. 2, 29–30 и рис. 11), датированных концом пре-бореала и бореала, то есть концом VIII тысячелетия. Однако как предварительные наблюдения, так и более углубленный анализ, проведенные на месте, показывают, что эти наконечники могли бы рассматриваться как промежуточные варианты в классе вкладышей с выемкой и черешком, представленном в этих культурах. Кроме того, они часто обработаны ретушью, отличной от ретуши Кельтеминара, и вписываются в технический контекст, далекий от этой последней культуры, который к тому же иной, чем в неолите. Вариант этих наконечников с морфологией, акцентированной на треугольники, часто выполненный на отщепе, существует в мезолите соседней Иневской культуры⁶⁹ (рис. 2, 31 и рис.11), но также в Грузии (стоянка Квачара (рис. 2, 23)⁷⁰ и на нижнем течении Волги (сероглазовская культура, Казахстан (рис. 2, 25)⁷¹. Гипотеза о связях с регионом Волги не должна быть упущена, так как в неолите многие казахстанские стоянки в Северном Прикаспии вплоть до полуострова Мангышлак⁷² (рис. 2, 16) указывают на сосуществование местных элементов, происходящих из региона Волги и Урала, и кельтеминарских (орнаментация керамики и наконечники стрел с выемкой). Повторяемость слабовыраженных элементов, таких, как наконечники (двойное конвергентное скребло) на пластинах и своеобразные дротики, в регионе Акчадарьи и в мезолите региона Волга / Ока усложняют вопрос связей между этими двумя регионами.

Заключение

Локализованная в степях и оазисах Узбекистана кельтеминарская культура (VII / VI – IV / III тысячелетия) характеризует полуоседлое общество, жившее за счет разведения быков, а может быть баранов / коз, и позже верблюдов, а также охоты и рыболовства. Несмотря на нехватку

⁶⁵ Мацкевой, 1987.

⁶⁶ Кольцов, Жилин, 1999.

⁶⁷ Сорокин, 2004.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Кольцов, 1989.

⁷⁰ Бадер и Церетели, 1989.

⁷¹ Мелентьев, 1977; Васильев и др., 1988.

⁷² Мерперт, 1989.

датировок, можно выделить три хронологических этапа, на протяжении которых развивались и подтверждены следующие образующие принципы кельтеминарской традиции: расщепление «через посредника» пластин, расщепление микропластинок техникой отжима, асимметричные и симметричные трапеции, в их числе «рогатые», разносторонние треугольники, наконечники стрел с выемкой, многочисленные пластины с выемкой и со многими выемками, керамика с разными типами отощителей (растительный, песок, шамот или кварц), с выдавленными или прочерченными геометрическими мотивами, со сферическим или прямым туловом, с округлым или слегка коническим дном. Последний этап может быть отнесен к энеолиту из-за контактов с первыми обществами степной бронзы. Появившаяся раньше всего в регионах Зарафшана и Лявлякана (Узбекистан) эта культура впоследствии наблюдается и в регионе Акчадарьи, где она развивает своеобразные черты, некоторые из них являются результатом контактов с обществами оседлых земледельцев Южного Туркменистана. Открытие региональных вариантов кельтеминарской культуры в настоящее время упирается в недостаточность данных, в особенности датировок; они всегда предположительны для Узбекистана и Туркменистана. Предварительное исследование вопроса происхождения этой культуры позволяет предложить несколько гипотез, среди которых предпочтительна гипотеза о местном ее происхождении (Зарафшан или Лявлякан), сопровождающемся связями с Зауральем или может быть с регионом Волги / Урала. Исследования, проведенные в настоящее время на раскопках стоянок, нацелены на открытие новых кельтеминарских стоянок, без чего нельзя решать эти два последних вопроса, так же как и вопрос, касающийся возможности наличия земледелия внутри этого пастушеского общества.

В заключение хотелось бы тепло поблагодарить наших коллег из Института археологии Академии наук Республики Узбекистан (Самарканд), Института археологии Варшавского университета (Польша), Института археологии (Москва), Института этнологии и антропологии (Москва), Института материальной культуры (Санкт-Петербург) Российской академии наук.

Библиография

- Алпысбаев Х.А.** Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археология и исследования в Отраре. Алма-Ата: Наука, 1977. С. 93-103.
- Амирханов Х.А.** Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. Москва: Наука, 1987.
- Авизова А.К.** Неолит Устюрта (в свете экспериментально-трассологических исследований орудий труда). Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ленинград, 1980.
- Авизова А.К.** К вопросу о культурном своеобразии неолита Устюрта – по данным типолого-статистического анализа каменной индустрии // Археология Приаралья / под ред. В.Н. Ягодина. Ташкент: АН РУз, 1990. С. 3-28.
- Бадер Н. О., Церетели Л. Д.** Мезолит Кавказа / Мезолит СССР. / под ред. Л. И. Кольцова. Москва: Наука, 1989. С. 93-105.
- Белова Л.А.** К вопросу о месте асимметричного наконечника в орудийных комплексах каменного века // Известия Серия общественных наук, 1989. С. 77-83.
- Бижанов Е.В.** Неолитические памятники Юго-Восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
- Бижанов Е.В.** Каменный век Устюрта. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ташкент, 1996.

- Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Чведзинская Е.А.** Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамьшской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов // Российская археология, 1998. № 1. С. 29-42.
- Вактурская Н.Н.** О поездке в Южные Кызылкумы в 1955 г. Материалы ХАЭЭ. Т. 1. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954-1956 гг. /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1959. С. 39-69.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М.** Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988. С. 3-41.
- Виноградов В.А.** К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская археология, 1957. № 1. С. 25-45.
- Виноградов В.А.** Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции Академии наук СССР 1957 г. Материалы ХАЭЭ. Т. 4. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1960. С. 63-81.
- Виноградов В.А.** Неолитические памятники Хорезма. Москва: Наука, 1968.
- Виноградов В.А.** Бирюза, первобытная мода, этногенез... // Советская этнография, 1972. № 5. С. 120-130.
- Виноградов В.А.** Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. Москва: Наука, 1981а.
- Виноградов В.А.** Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов // Культура и искусство древнего Хорезма / ред. М.А. Итина, Ю.А. Рапопорт, Н.С. Сычева, Б.И. Вайнберг. Москва, 1981b. С. 88-98
- Виноградов В.А., Мамедов Э.Д.** Первобытный Лялвлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения внутренних Кызылкумов. Москва, 1975.
- Виноградов В.А., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д.** Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов // Советская археология, 1977. № 4. С. 267-269.
- Виноградов В.А., Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. Москва, 1986.
- Джуракулов М. Д., Мамедов Э. Д.** Геология археологических памятников Зеравшана: каменный век. Учебное пособие. Ташкент: Укитувчи, 1986.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У.** Мезолит и неолит Зарафшана. Ташкент: Фан, 1991.
- Гулямов Я.Г., Исламов У.И., Аскарлов А.А.** Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент: Фан, 1966.
- Итина М.А.** Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя // Труды ХАЭЭЭ. Т. 2. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1949–1953 /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1958. С. 259-310.
- Итина М.А.** Первобытная керамика Хорезма // Труды ХАЭЭЭ. Т. 4. Керамика Хорезма / под ред. С.П. Толстова и М. Г. Воробьевой. Москва, 1959. С. 5-62.
- Исламов У.И.** Многослойная стоянка кельтеминарской культуры // ИМКУ. Вып. 4. Ташкент, 1963. С. 31-45.
- Кольцов Л.В.** Мезолит Волго-Окского Междуречья // Мезолит СССР / Ред. Л.В. Кольцов. Москва, 1989. С. 68-86.
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.** Мезолит Волго-Окского Междуречья. Памятники бутовской культуры. Москва, 1999.
- Крижевская И.Я.** Неолит Южного Урала Ленинград, 1968.

- Лисицына Г.Н.** Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении: опыт исторического анализа материалов комплексного исследования на юге СССР и Ближнем Востоке. Москва, 1978.
- Марков Г.Е.** Грот Дам-Дам Чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская Археология, 1966. № 2. С. 104-125.
- Марков Г.Е.** Памятник первобытности в Восточном Прикаспии – грот Дам-Дам Чешме // Вестник МГУ, 1981. № 3. С. 41-45.
- Марков Г.Е., Хамракулиев.** Новая стоянка ойюклинской культуры в Северном Прибалхашье // Вестник МГУ. 1980. № 4. С. 67-76.
- Матюшин Г.Н.** Мезолит Южного Урала. Москва, 1976.
- Мацкевой Л.Г.** Мезолит, энеолит Восточного Крыма. Киев, 1977.
- Мелентьев А.Н.** Мезолит северного Прикаспия. Памятники сероглазовской культуры // КИ-ИМК. 1977. Вып. 149. С. 100-108.
- Мерперт Н.Я.** Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Никольский Г.В., Радаков Д.В., Лебедев В.Д.** Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбаскала 4 // Труды ХАЭЭЭ. Т. 1. / под ред. С.П. Толстова. Москва, 1952. С. 205-212.
- Сериков Ю.Б.** Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Российская археология, 1998. № 1. С. 117-125.
- Сорокин А.Н.** О мезолите Волго-Окского бассейна // Проблемы первобытной археологии Евразии / под ред В.А. Гуляева и С.В. Кузьминых. Москва, 2004. С. 164-186.
- Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И.** Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан, 1998.
- Телегин Д.И.** Мезолит юго-запада СССР – Украина и Молдавия / Мезолит СССР. Москва, 1989.
- Толстов С.П.** Труды ХАЭЭ. Т. 1. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции. 1949–1953 /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1958.
- Толстов С.П.** Материалы ХАЭЭ. Т. 2. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954-1956 гг. /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1959.
- Толстов С.П.** Материалы ХАЭЭ. Т. 3. Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1960а.
- Толстов С.П.** Материалы ХАЭЭ. Т. 4. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1957 г. / под ред. С.П. Толстова. Москва, 1960б.
- Толстов С.П.** Материалы ХАЭЭ. Т. 6. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. /под ред. С.П. Толстова. Москва, 1963.
- Формозов А.А.** Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // Краткие сообщения 1950. Т. 31. С. 141-147.
- Формозов А.А.** К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК– 39. 1951. С. 3-18.
- Хотинский Н.А.** Природные условия в неолитическую эпоху // Неолит Северной Евразии /под ред. С.В. Ошибкиной. Москва, 1996. С. 10-18.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968. С. 41-53.
- Юсупов Х.Ю.** Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
- Hiebert F.T.** The Kopet Dag Sequence of Early Villages in Central Asia. Paléorient 28,2, 2002. P. 25-42.

Brunet F. Asie centrale : vers une redéfinition des complexes culturels de la fin du Pléistocène et des débuts de l'Holocène. *Paléorient* 28,2, 2002. P. 9-24.

Dolukhanov P. *Environment and Ethnicity in the Middle East*. Averbury : Ashgate Publishing Ltd, 1994

Gerasimov I.P. The Past and Future of the Aral and the Caspian Sea. In: BRICE W.C. (ed.), *The Environment History of the Near and Middle East Since the Last Ice Age*. New-York: Academic Press, 1978. P 335-349.

Korobkova G.F. Les cycles de l'économie agricole (d'après l'outillage): résultats des analyses expérimentales et tracéologiques. In : ANDERSON P.C. (éd.), *Préhistoire de l'Agriculture : nouvelles approches expérimentales et ethnographiques*. Paris: CNRS Éditions (Monographie du CRA 6), 1992. P. 271-280.

Kozłowski S.K. The Trialetian « Mesolithic » Industry of the Caucasus, Transcapia, Eastern Anatolia, and the Iranian Plateau. In: KOZŁOWSKI S.K. and GEBEL H.G. (eds), *Neolithic Chipped Stone of the Fertile Crescent and Their Contemporaries in Adjacent Regions (Proceedings of the Second Workshop on PNN Chipped Lithic Industries, Warsaw, 3rd-7th April 1995)*. Berlin: ex oriente, 1996. P. 131-170.

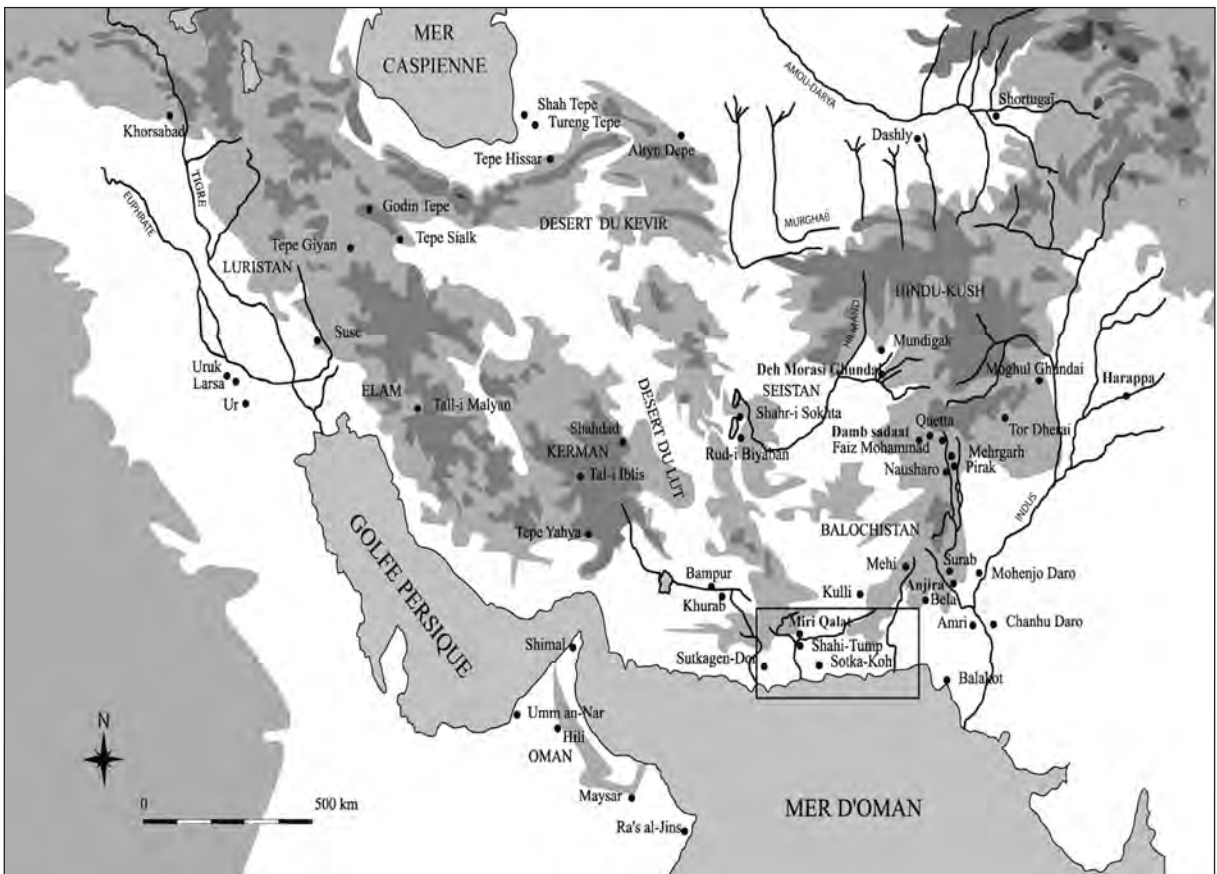
Szymczak K. and Khudzhanazarov M. Excavation in Ayakagytma The Site, SE Kyzyl-Kum, Uzbekistan. Season 1999. General Report. Varsovie-Samarcande, 2000.

Szymczak K. and Khudzhanazarov M. Excavation in Ayakagytma The Site and The Mine ; archaeological and geological survey in Central Kyzyl-Kum. General Report, Season 2003. Varsovie-Samarcande, 2004.

Letolle R. Et Mainguet M. *Grands lacs d'Asie*. Paris: L'Harmattan, 1998.

**ЗАСЕЛЕНИЕ КЕШ-МАКРАНА В ПРОТОИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ
(III ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.): КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРИОДА
IIIС НА ГОРОДИЩЕ МИРИ-КАЛАТ**

С 1989 года Кеш-Макран (юго-запад Пакистана) включен в перспективу глобальных исследований древнего заселения юга индо-иранских пределов. Раскопки городища Мири-Калат позволили определить долговременный хроно-культурный срез с V тысячелетия до н.э. до позднеисламского периода. Комплексное исследование керамической продукции Макрана III тысячелетия до н. э. подчеркивает ремесленную специфику региона, отмеченного при этом тесными связями с соседними регионами юго-востока Ирана, Оманского полуострова и юга Афганистана. В этом хронологическом срезе, отразившем непрерывность развития региона, керамический комплекс периода IIIс городища Мири-Калат, предшествующего периоду индского обживания, демонстрирует четко устанавливаемые аналогии, особенно с материалом Бампура V–VI около 2500 года

Рис. 1. Общая карта локализации главных археологических городищ на индо-иранских границах (карта MAFM).

Рис. 2. Карта южного региона пакистанского Макрана (карта МАФМ).

до н.э. В настоящей статье рассматриваются различные категории керамической продукции, составляющей этот комплекс, что делает очевидным определенное число стилистических и технологических соответствий, существующих между этим материалом и керамикой, собранной в долине Дашта (западный Макран) для периода первой половины III тысячелетия до н.э. Анализ материальной культуры периода IIIc – очень показателен. Он позволяет оценить происхождение и эволюцию ремесленной традиции Кеш-Макрана III тысячелетия до н.э.

Земли на индо-иранских пределах представляют обширную территорию на северо-западной границе Индийского субконтинента и включают среди других земель юго-восточную оконечность Иранского плато и регион Белуджистана (рис. 1). Несмотря на их очевидную географическую раздробленность, они представляют комплекс, определяющий своего рода границу между Западной и Южной Азией, роль которой не прекращала усиливаться в III тысячелетии до н.э. Очень долго игнорируемый археологами из-за «бедности окружающей среды и материальной культуры»¹ данный регион, имеющий определяющее географическое расположение, отмечен взлетом исследований в начале 1950 года. Они быстро показали существование хорошо организованных общин, которые характеризуются своеобразной материальной культурой с истоком традиции от эпохи халколита, основанной на наличии местных керамических комплексов². Широкое распространение красной и серой керамики с черным орнаментом свидетельствует о существовании единой керамической деятельности в центре самой этой территории. Развитие многих археологических программ на большей части земель индо-иранских пределов и Оман-

¹ Marshall, 1931, p. 105.

² Fairservis, 1956, 1959; Pigott, 1962; Dales, 1962; De Cardi, 1965, 1970, 1983; Lamberg-Karlovsky and Potts, 2001; Thorvildsen, 1963; Tosi, 1968, 1970.

	Kech-Makran	Tepe Yahya	Shahr-i Sokhta	Bampur	Mundigak	Oman
2000			Période IV (0)			Période de Wadi Suq (Bronze Moyen)
			Hiatus			
2500		Période IV A	Période IV (1)			Période d'Umm an-Nar
	Période IV Période Indus - Miri Qalat	Période IV B	Période III (4-2)	Période V-VI	Période V	
	Période IIIc Dasht 2 / Miri IIIc			Période IV.2		
3000	Période IIIb Dasht 1	Hiatus	Période II (7-5)	Période I-IV.1	Période IV	Période Hafit (Bronze ancien)
	Période IIIa Culture du cimetière de Shahr-Tump	Période IV C	Période I (9-8)		Période III (4-5)	
	Hiatus	Hiatus			Période III (1-3)	
3500					Période III	
	Période II Miri Qalat Shahr-Tump	Période V A			Période I	
		Période V B				
4000	Période I ? Shahr-Tump	Période V C				
		Période VI				

Рис. 3. Хронологическая таблица главных археологических городищ на индо-иранских границах (По Р. Безенвалю).

ского полуострова должно обязательно учитывать Макран в перспективе общих исследований заселенности Восточного Белуджистана в протоисторический период.

Регион Кеш-Макрана, расположенный на юго-восточной оконечности Иранского плато занимает территорию 600 км в длину и 200 км в ширину (рис. 2) между верхними северными долинами и прибрежной равниной – частично пустынной. Юг региона характеризуется последовательным чередованием нижних долин и открытых равнин, определяющим прохождение здесь «наиболее оживленного южного пути, связывавшего низовья Инда с юго-восточным Ираном и ведущего в Керман»³. Главным направлением исследований Французской археологической миссии в Макране⁴, руководимой Роланом Безенвалем и начавший свою работу зимой 1986–1987 годов, стало изучение заселенности региона на широком временном отрезке от протоистории до арабского завоевания в контексте окружающей среды⁵. Первый этап программы, осуществившийся с 1987 до 1989 года, заключался в обследовании широкой площади комплекса Макрана, позволившем составить детальную археологическую карту следов древнего обживания в регионе. С тех пор эта карта каждый год дополнялась открытием новых городищ и сбором соответствующих материалов.

³ Besenval, 1997b, p. 6.

⁴ Французская археологическая миссия в Макране (MAFM) финансируется Комиссией по раскопкам при Министерстве Иностранных дел.

⁵ Besenval, 1994. 1997 a, 1997 b, 2000.

Рис. 4. Вид на городище Мири-Калат (фото МАФМ).

Мири-Калат: период III с (середина III тысячелетия до н.э.)

Раскопки городища Мири-Калат, локализованного в 6 км к северо-западу от современного города Турбата, представляющие второй этап программы исследований миссии, завершились в 1996 году после пяти последовательных сезонов шурфовок, целью которых было определение хронологических и культурных рамок заселения региона в древности (рис. 3). Городище Мири-Калат, избранное из-за длитель-

ного хронологического среза, определенного по сбору подъемного материала на поверхности⁶, представляло, однако, значительные топографические трудности, так как холм, образованный 20-метровыми археологическими отложениями, перекрыт сверху цитаделью позднеисламского времени. Вот почему уровни протоисторического периода не всегда могли быть достигнуты. Это касается периода IIIb по относительной хронологии Кеш-Макрана, также названного «Дашт I», датированного первой половиной III тысячелетия до н.э. Только несколько керамических черепков этого времени с точностью зафиксированы на раскопах III и IX и на поверхности городища⁷. Основной керамический материал этого периода был собран в ходе программы обследований, осуществленных на равнине Дашта к западу от пакистанского Макрана (рис. 2), что восполняет пробел в информации, собранной при раскопках Мири⁸.

Этот комплекс, исключительно пластичного качества и большого разнообразия в морфологическом и стилистическом плане, происходит как из мест обитания и мастерских гончаров, так и из ныне разграбленных кладбищ. Свидетельствуя о мастерстве самих ремесленников региона Макрана, он представляет также существенное сходство с материалом Бампура периодов I–IV⁹, Шахри-Сохта II (уровни 7–5) и Мундигака III.6–IV.1.¹⁰ (рис. 3)¹¹. Могут быть выявлены и другие связи с некоторыми типами керамики городища Тепе-Яхья периода IVc1¹², культурами Нал Полихром и оманского полуострова начала периода Умм ан-Нар.

⁶ На городище Мири-Калат можно было выделить по крайней мере двенадцать культурных этапов, начиная с первого обживания городища с начала V тысячелетия до н. э. (период I) до современности. Шесть первых этапов (I, II, IIIa, IIIb, IIIc и IV) относятся к протоисторическому периоду. Шесть последующих этапов (V, VI, VII, VIIIa, VIIIb и VIIIc) включают следы обживания, датируемые периодами: предэллинистическим, парфянским и исламским. Однако существует перерыв примерно в одно тысячелетие между концом хараппского обживания (период IV) и началом исторического периода.

⁷ Besenval, 1997b, p. 22. Мири-Калат, раскоп III, уровень I и раскоп IX, уровень I.

⁸ Besenval and Sanlaville, 1990.

⁹ De Cardi, 1970, p. 257-269.

¹⁰ Salvatori and Tosi, 2001.

¹¹ Casal, 1961, p. 99-101.

¹² Lamberg-Karlovsky and Potts, 2001, fig. 2. 18, 2.25a; Potts, 2003, 3-6.

И наоборот, период Шс Мири-Калата (или Дашт 2), датированный серединой III тысячелетия до н. э., непосредственно предшествует на городище первым уровням хараппского обживания (рис. 3). Керамический комплекс этого периода более разнообразен и близок материальной культуре Бампура V–VI¹³, Шахр-и Сохта III (уровень 4–3)¹⁴, Тепе Яхья IVb¹⁵, Ношаро Id, Мундигака IV, 4–5¹⁶ и культуре Умм ан-Нар¹⁷ (рис. 3). Однако сегодня встала проблема хронологических и пространственных переоценок керамических комплексов периодов Шб и Шс. В итоге, несмотря на их сходство, отсутствие стратиграфических связей между материалом периодов Шб и Шс на городище Мири-Калат, а также присутствие некоторого количества форм и стиля декора, которые можно отнести к этим двум периодам, обязывает тщательно пересмотреть эволюцию керамической продукции Кеш-Макрана середины III тысячелетия¹⁸ до н.э. Можно ли считать, что долина Дашта была зоной преимущественного производства керамики определенных типов? Исследования керамического комплекса прединдского времени городища Мири-Калат позволяют нам отныне индивидуализировать некоторое число признаков, присущих периоду Шс и определить категории объектов, морфологическое и стилистическое разнообразие которых точно свидетельствует о происхождении гончарной традиции этого региона.

Для хронологии Кеш-Макрана периода Шс на раскопах I–восток и I–запад городища Мири-Калат выделен уровень VI¹⁹. Этот уровень – самый древний в секторе раскопа I, соответствует слою отвала толщиной около одного метра, лежащего непосредственно на материке²⁰. Он, в свою

Рис. 5. Мири-Калат. Раскоп 1, уровень VI/2: развал керамического материала (фото МАФМ).

¹³ De Cardi, 1970, p. 266-269.

¹⁴ Salvatori and Tosi, 2001/

¹⁵ Potts, 2003, p. 3-6.

¹⁶ Casal, 1961, p. 101.

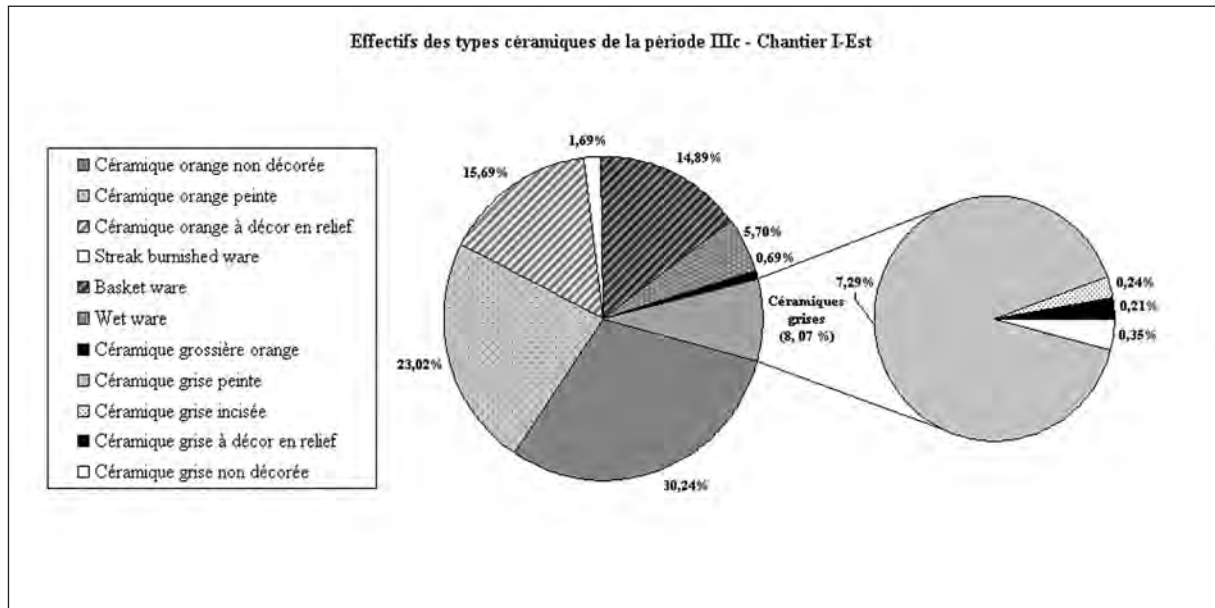
¹⁷ Frifelt, 1991, 1995.

¹⁸ Исследования керамики периодов Шб и Шс региона Кеш-Макрана является в настоящее время предметом диссертации Авроры Дидие (Университет Париж I, Пантеон, Сорбонна) под руководством С. Клэзиу.

¹⁹ Уровень VI раскопа I, открытый работами П. Монье, разделен на три этапа: VI/3, VI/2 и VI/1.

²⁰ Сразу же под уровнем VI геологический слой представляет из себя отложения песчаных осадков серовато-бежевого цвета, исключительно тонкие и появляющиеся на высоте 3 м над уровнем долины.

Рис. 6. Соотношение различных типов керамики периода IIIc – раскоп 1 – восток.

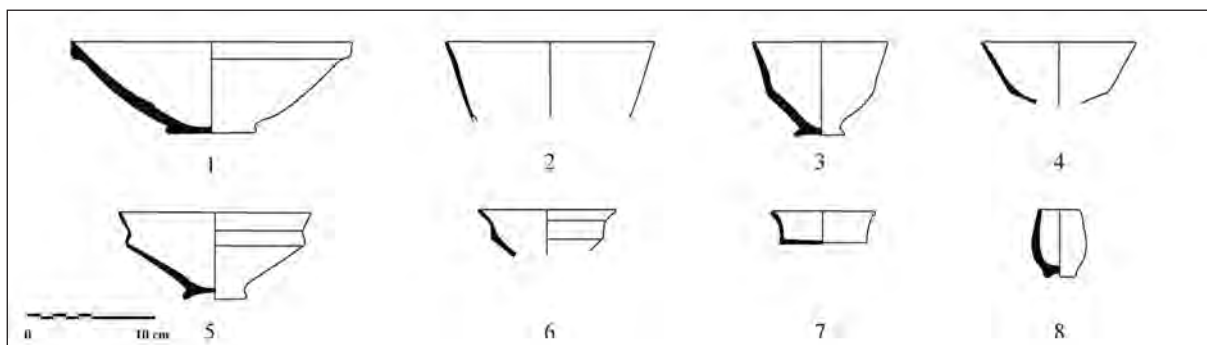
очередь, предшествует в разрезе с непрерывной стратиграфией первым уровням обживания в индский период²¹. Уровни VI/3, VI/2 – самые древние для этого периода, характеризуются серией золистых слоев с угольками, которые нельзя связать с какой-либо строительной структурой, но которые содержат обильный керамический материал предхарашпского времени (рис. 5). Речь идет, главным образом, о зонах отвалов и скоплений керамики, где могут быть открыты обширные полные комплексы. На уровне VI/1 появляются архитектурные структуры, которые будут перестроены в индский период.

Керамические формы периода IIIc

Морфологический и стилистический анализ почти трех тысяч черепков из семи тысяч, собранных на раскопе I–восток городища Мири-Калат, позволил реконструировать большое число форм керамики, которая по цвету и по тесту распадается на две большие группы: оранжевая керамика и серая керамика. В каждой группе определяемые формы сосудов принципиально отличаются по типу обработки поверхности и декору (рис. 6).

Некоторые очень близки к комплексу IIIb долины Дашта. Это касается оранжевой керамики, которая представляет подавляющее большинство сосудов в корпусе этого периода (около 92 %) (рис. 6 – 11). Две трети от количества оранжевой керамики, открытой на уровне VI раскопа I, орнаментировано. Широко преобладает рисованный орнамент, который часто сопровождается другими типами обработки поверхности, такими, как лощение под металл (или лощение типа Streak burnished ware) или наlepка рельефных прямых или волнистых шнурков. Что касается серой керамики – она составляет лишь 8 % от этого комплекса и почти всегда орнаментирована.

²¹ В результате, первые уровни, называемые «харашпскими» (уровень V), появляются непосредственно над археологическими слоями уровня VI раскопа I (период IIIc) и лежат на архитектурных структурах предыдущего периода.

Рис. 7. Оранжевая керамика без декора периода IIIc (рисунок МАФМ).

В результате 90 % серой керамики – расписная. Она представляет также продолжение форм и декора керамической продукции периода IIIb.

Для каждой формы керамики толщина стенок и плотность теста, степень открытости сосудов, их общий профиль²² и размеры являются четкими описательными признаками и позволяют выработать принципиальные физические критерии для всего корпуса и для исследования его разнообразия.

Оранжевая керамика без декора (рис. 7)

На городище Мири-Калат группа оранжевой керамики без декора периода IIIc подразделяется на две хорошо различимые категории. Первая, в преобладающем большинстве, в основном состоит из сосудов открытого типа небольшого размера с тонкими (до 4 мм толщины) стенками (рис. 8). Форма, лучше всего представленная в этой категории – маленький кубок на кольцевом поддоне, стенки которого никогда не превышают 2 мм толщины (рис. 7, 3). Этот корпус составляют чаши с выступом по стенке, с кольцевым поддоном (рис. 7, 5, 6), небольшие миски с обтекаемыми стенками и несколько горшочков среднего размера в форме усеченного конуса. Среди закрытых форм учтены несколько крупных шаровидных корчаг и миниатюрные горшочки (рис. 7, 8). Однако в комплексе формы этой группы несколько отличаются от крашенных образцов, описанных ниже.

Вторая категория оранжевой керамики без декора включает посуду крупных размеров с толстыми стенками и грубой фактурой. Внутри комплекса периода IIIc она остается, однако, многочисленной (около 1 %), и не многие формы могут быть восстановлены.

Расписная оранжевая керамика (рис. 8)

Следующая группа включает оранжевую керамику с декором черного цвета, большая часть которой имеет не очень толстые стенки (рис. 8). Этот комплекс эволюционирует очень слабо в сравнении с материалом периода IIIb (рис. 16). К тому же, большая часть собранного материала происходит с самых ранних уровней раскопа I. Единственное замеченное новшество касается формы сосудов. Так, шаровидные корчаги, очень близкие по форме сосудам периода Дашт, преобладают в нижних уровнях (рис. 8, 1). Тогда как на следующем этапе их меньше, они уступают место новым типам сосудов, таким, как миски (рис. 8, 2), чаши (рис. 8, 3, 15), блюда (рис. 8, 15),

²² Balfet et al., 1993.

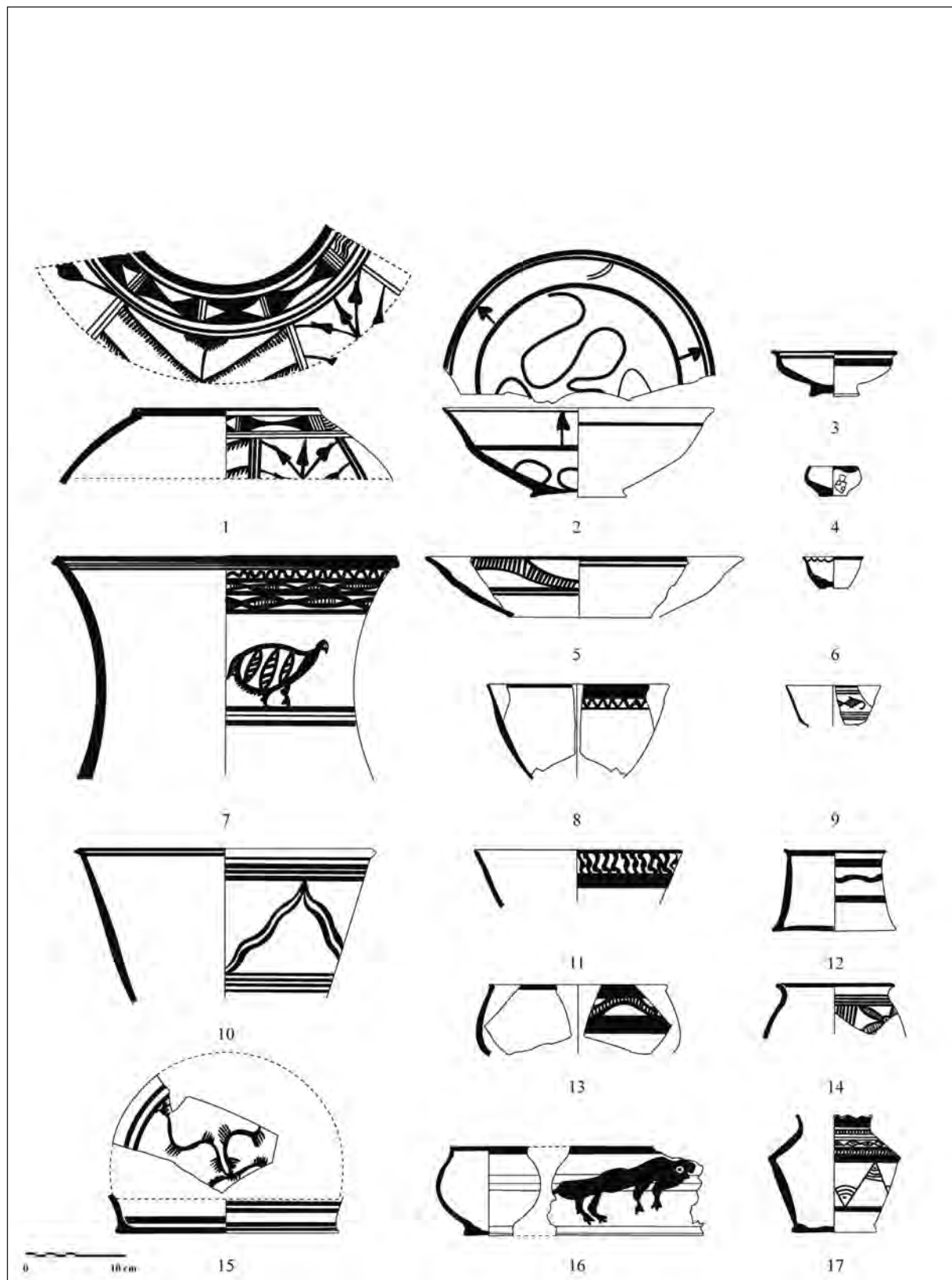
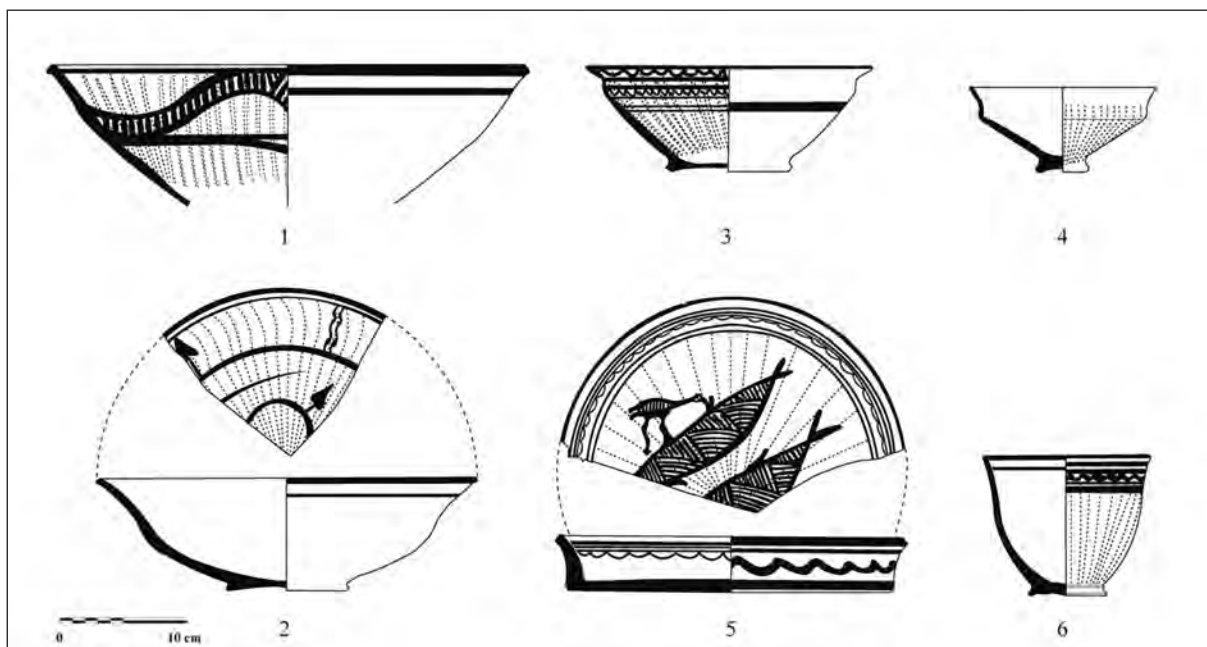

Рис. 8. Расписная оранжевая керамика периода IIIc (рисунок МАФМ).

Рис. 9. Коричневая керамика типа «Streak burnished ware», период IIIc (рисунок МАФМ).

крупные горшки с вогнутыми стенками (рис. 8, 7), горшочки в форме усеченного конуса (рис. 8, 10), горшочки закрытой обтекаемой формы (рис. 8, 17).

Однако некоторые формы остаются общими с корпусом из Дашта и с периодом IIIc: миски с заостренным венчиком (рис. 8, 5), шаровидные горшки (рис. 8, 14) и кубки (рис. 8, 12). Что касается миниатюрных сосудов (рис. 8, 4 и 6), отмеченных для периода IIIb – их количество на городище Мири-Калат значительно возрастает в периоде IIIc. Раскрашенная оранжевая керамика с очень тонкими (по крайней мере, 3 мм) стенками уверенно отмечается в трех уровнях периода IIIc. Самые репрезентативные формы этого комплекса – горшки с кольцевым поддоном, стенки которых слегка расширяются под бортиком (рис. 8, 8) (они доминируют в корпусе), обтекаемые сосуды с прямыми стенками (рис. 8, 9 и 11), шаровидные горшочки (рис. 8, 16), а также миски и чаши небольшого размера с обтекаемыми стенками.

Расписной декор разнообразен, общий для очень тонкой керамики и керамики со стенками средней толщины. Нанесенные до обжига на внешнюю или внутреннюю поверхность сосудов рисунки часто представляют собой геометрические композиции, которые слегка эволюционированы по сравнению с предыдущим периодом: линии (рис. 8, 3, 15), волны (рис. 8, 2 и 12), заштрихованные волны (рис. 8, 5 и 13), вертикальные волны (рис. 8, 11), фестоны, полосы, фризы из заштрихованных ромбов (рис. 8, 7), параллельно расположенные шевроны, фризы из вертикальных черточек (рис. 8, 17), сетка, кресты, орнамент типа шахматной доски, «песочные часы» (рис. 8, 1), кружочки, заполненные точками (рис. 8, 17), заштрихованные метопа. Настоящим новшеством является использование мотива ломаной и волнистой линии, который в большом количестве обнаружен на этой керамике и в группе типа Streak burnished ware (рис. 8, 10). Другое существенное изменение в этот период – частое обращение к растительным мотивам, особенно на горшках и кубках (пальмы, листья пипалы, пальмовые листья, цветы с заштрихованными лепестками, рис. 8, 1–2, 14–15). Зооморфные мотивы также очень разнообразны (горные козлы, рыбы, птицы,

цесарки, скорпионы и др. неопределяемые насекомые, рис. 8, 7, 9 и 16). Однако может быть отмечено прогрессирующее уменьшение крашенного декора на оранжевой керамике. На самых поздних уровнях этого периода более многочисленны сосуды без декора, что предопределяет более строгий стиль декора, который будет характеризовать керамику последующего периода IV.

Керамика типа *Streak burnished ware* (рис. 9).

Среди расписной оранжевой керамики должна быть выделена небольшая группа сосудов, продолжающих инновацию, появившуюся в период IIIc. Она отмечена появлением техники типа *Streak burnished ware* или лощение под металл; для обработки поверхности сосуда в этой технике характерно применение на некоторой части этой керамики особого лощения (рис. 9). Этот метод заключается в том, что после высушивания местами поверхность некоторых частей сосуда в декоративных целях обрабатывались лощилом. После обжига сосуда следы лощения дают яркий блеск, выделяющийся на матовой поверхности. Керамика этой категории немногочисленна. Она составляет лишь 2% от комплекса сосудов с оранжевым тестом. Однако, как бы то ни было, по форме и расписному декору, эти сосуды напрямую родственны предыдущей группе керамики. Главными формами открытого типа, относящимися к этому комплексу, являются миски (рис. 9,1), некоторые из них с обтекаемыми стенками (рис. 9,2), чаши (с бортиками с выступами или на кольцевом поддоне) (рис. 9,3,4) и горшки (рис. 9,6).

Расписной орнамент снаружи или внутри этих сосудов – геометрический или натуралистичный; мотивы, использованные здесь, идентичны таким же на других расписных сосудах. Среди геометрических мотивов наиболее распространены линейные, горизонтальные полосы (рис. 9,

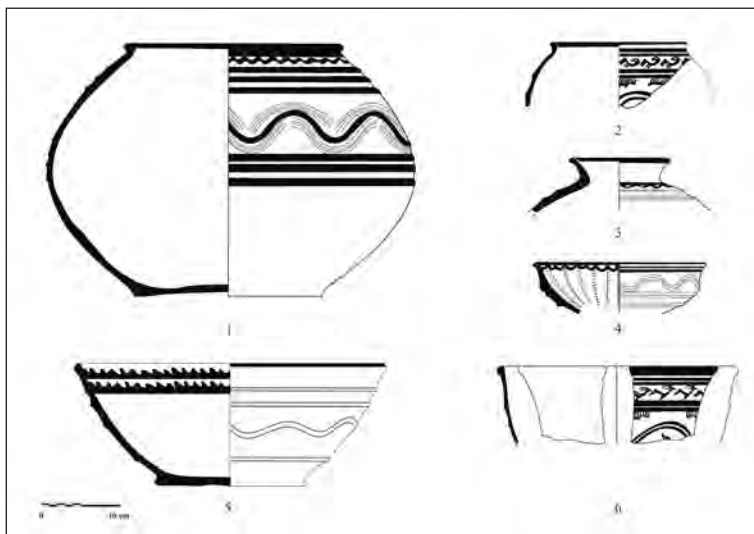

Рис. 10. Оранжевая керамика с рельефным декором, период IIIc (рисунок МАФМ).

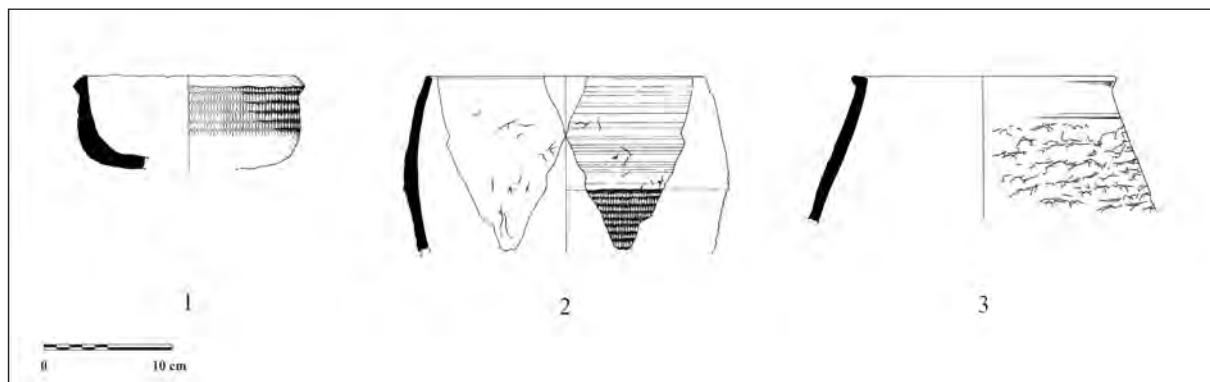

Рис. 11. Иная оранжевая керамика периода IIIc (рисунок МАФМ).

1–3, 5–6), волнистые линии (рис. 9,3,5–6) и заштрихованные волнистые элементы (рис. 9, 1)²³. В отличие от предыдущего периода довольно редким остается использование мотивов фестонов и заштрихованных треугольников (рис. 16).

Орнамент натурного характера включает большое число растительных и зооморфных мотивов (листья пипалы и рога) (рис. 9,2). Следуя форме сосудов, лощение типа *Streak burnished ware* могло быть нанесено на внутреннюю или внешнюю поверхности сосуда или на обе поверхности сразу. Некоторые миски несут также рельефный декор типа *Ridged ware*, развивая традиции корпуса периода IIIb (рис. 10,4).

Другая важная форма керамики, присутствующая в этом комплексе, – оранжевые блюда с черным рисованным орнаментом, на которых от центра лучами расходятся полосы внутреннего лощения (рис. 9, 5)²⁴. Блюда, представленные в комплексе уровня VI Мири-Калата, не фигурируют в комплексе долины Дашта. В общем, они несут на внутренней поверхности более разнообразный декор, чего нет на формах предшествующего периода. Это касается в первую очередь зооморфных мотивов (рыбы, птицы, рис. 9, 5). И в конце надо отметить, что использование этой декоративной техники касается главным образом оранжевой расписной керамики, а экземпляры чаш с серым тестом, лощенные под металл, также встречаются на уровнях периода IIIc, но реже.

Керамика с рельефным орнаментом типа *Ridged ware*

Керамика с рельефным орнаментом типа *Ridged ware* (рис. 10) составляет около 16 % от материала периода IIIc.

Волнистые горизонтальные шнуры, которые украшают внешнюю поверхность сосудов, в верхней части почти всегда сопровождаются рисунками черного цвета. Многочисленные параллельные полосы лощения, наблюдаемые вокруг наклепных шнуров, свидетельствуют о технике их исполнения. Эта оранжевая керамика городища Мири-Калат отмечена на трех этапах уровня VI. Однако эти выделенные формы в каждом из этих этапов представлены не одинаково. На ранних – преобладают шаровидные корчаги с отогнутым наружу венчиком (рис. 10, 1–3). Их диаметр варьирует от 22 до 46 см. Кажется, ими отмечен переход или соответствие керамическому материалу IIIb долины Дашта, где этот тип корчаги представлен широко (рис. 16). На поздних этапах отмечается увеличение числа отрывных форм, среди которых абсолютное большинство представляют тазы с утолщенным краем и особенно миски с прямым венчиком, которые будут также обнаружены на уровнях периода IV (рис. 10, 4–5)²⁵. Что касается стилистики, декоративные мотивы рисунков в черном или коричневом цвете главным образом геометричны. Шаровидные корчаги и тазы характеризуются более разработанными композициями сочетаний линий, волн, фестончатых полос, прерывистых линий, полукругов и заштрихованных треугольников. Можно найти также сочетания геометрического декора и природных мотивов (горные козлы, параллельные рога, рыбы, мотивы листьев и пальм, рис. 10, 2 и 6). Что касается мисок, то они несут более мелкий орнамент, особенно с использованием волнистых шнуров, чаще всего не раскрашены, а подчас с прочерченной горизонтальной линией под бортиком (рис. 10, 4–5). На ранних уровнях периода IIIc преобладают миски с обычным декором – лощением под металл типа *Streak burnished ware* (рис. 10, 4).

²³ Possehl, 1986: 35.

²⁴ Блюда обозначены общим названием «flat-bottomed dishes».

²⁵ Блюда или корчаги с прямым венчиком представляют в период IIIb одну из главных групп керамики, производимой в долине Дашта. Если их форма слабо эволюционирует в периоде IIIc, то декор имеет тенденцию к более широкому использованию наклепных шнуров.

В индский период эти миски всегда четко выделены, но в комплексе керамики типа *Ridged ware* будет видна тенденция к отказу от рисованного орнамента в пользу покрытия более массивных форм сосудов коричнево-красным ангобом.

Другие категории керамики (рис. 11)

И, наконец, в корпусе керамики с коричневым тестом периода IIIc отмечены две последние категории форм керамики *Basket ware* и *Wet ware* (рис. 11). Керамика с оттиском плетенки, так называемая *Basket ware*, появляющаяся с начала IV тысячелетия до н.э., стабильно представлена во всех керамических комплексах III тысячелетия до н.э.²⁶ Для начала периода IIIc отмечены только две формы сосудов: миски с толстыми стенками и утолщенным бортом (рис. 11, 1) и корчаги (рис. 11, 2). Керамика типа *Wet ware* примечательна использованием орнамента, вероятно, выполнявшегося пальцами по еще сырой глине. В период IIIb этот прием прилагается в обработке внутренних поверхностей открытых форм, таких как миски, тогда как в Мири-Калат его применение видно и на внешней поверхности шаровидных корчаг, найденных во всех уровнях раскопа I (рис. 11, 3).

Серая керамика

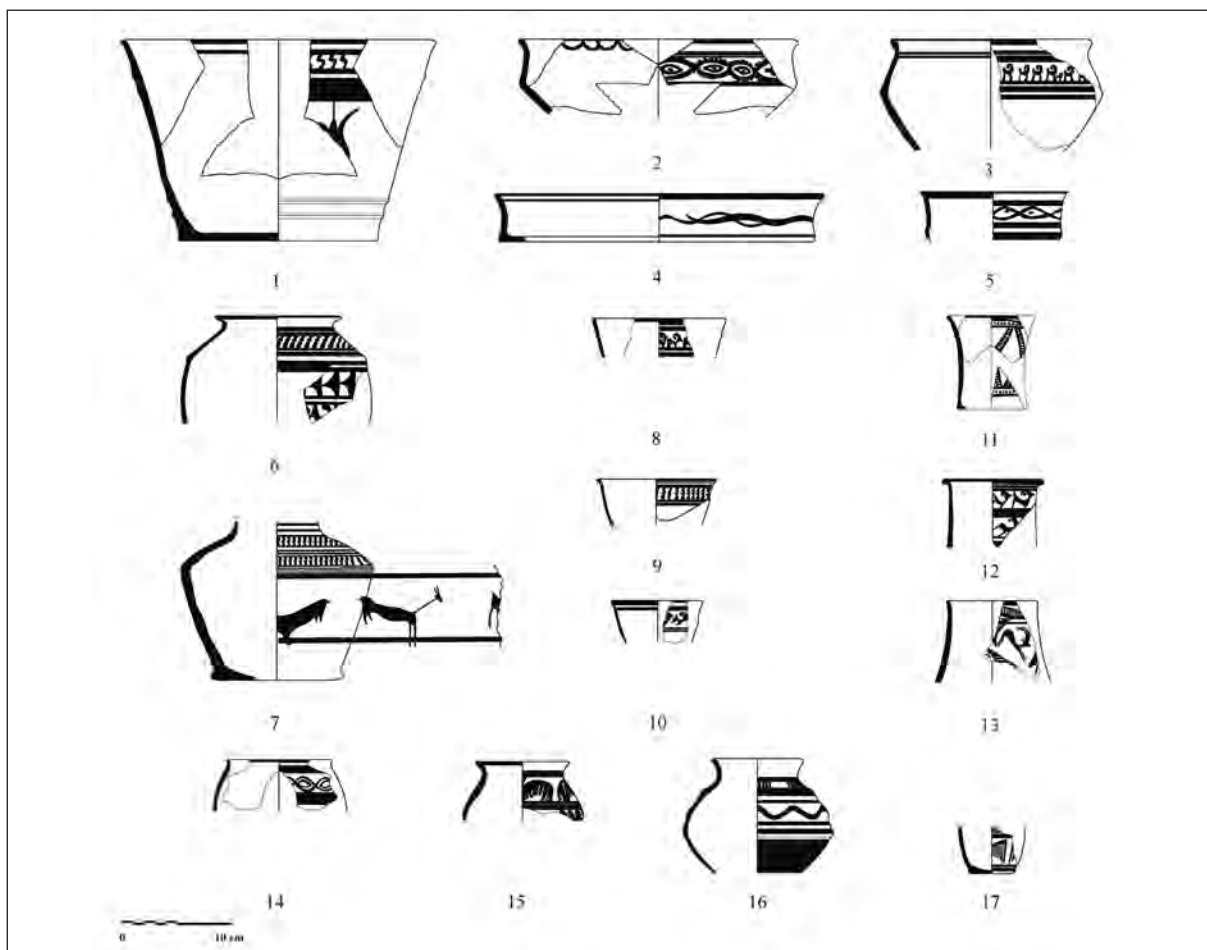
Тонкая серая керамика, хотя, если она и составляет лишь 8 % от комплекса периода IIIc, тем не менее остается одним из лучших маркеров керамической традиции Кеш-Макрана. Ее производство, кажется, удостоверено в этом регионе с конца IV – начала III тысячелетия до н.э. (периода IIIa), а в долине Дашта становится более интенсивным на протяжении периода IIIb. Для середины III тысячелетия до н.э. серая керамика, выявленная на городище Мири-Калат в небольшом числе, характеризуется эволюцией стиля Дашт, но не сопровождается обеднением форм и декора.

Серая расписная керамика (рис. 12)

Серая керамика периода IIIc с уровня VI/3 почти всегда орнаментирована, за исключением небольших шаровидных горшочков или таких же с обтекаемыми стенками. В целом, большинство собранных черепков с уровня VI раскопа I показывает продолжение существования форм и декора керамики предшествующего периода. Можно констатировать, однако, отсутствие небольших кубков с геометрическим или натурным орнаментом и с очень тонкими стенками, то есть, характерной категории, называемой *Emir Grey ware*²⁷, которые отмечают комплекс периода IIIb долины Дашт (рис. 16, 1–5). Однако новые типы кубков серой орнаментированной керамики были выделены в двух первых этапах периода IIIc, это – кубки с расширяющимися бортиками и их обтекаемые формы с расширяющимися стенками (рис. 12, 8–10). Другая характерная форма этого периода – «канистра», или большой обтекаемый горшок с выпуклыми стенками и расширяющейся горловиной (рис. 12, 6). Этот тип «канистры» появился в конце периода IIIb в керамическом комплексе долины Дашта (рис. 16, 6). В верхнем уровне периода IIIc отмечается появление новой формы обтекаемого горшка с усеченно-коническим туловом, который исчезнет в следующем периоде (рис. 12, 7) и будет заменен обычной «канистрой». Другие формы серой орнаментированной керамики – это обтекаемые миски (рис. 12, 2–3, 5), кубки с выгнутыми или вогнутыми стенками и расширяющимся бортиком (рис. 12, 11–13), горшки усеченно-конической формы (рис. 12, 1) и шарообразные

²⁶ Керамика типа *Basket Ware* стала предметом дипломного сочинения на получение метризы В. Mutin (Univ. Paris I Panthéon-Sorbonne).

²⁷ De Cardi, 1970; Wright, 1984.

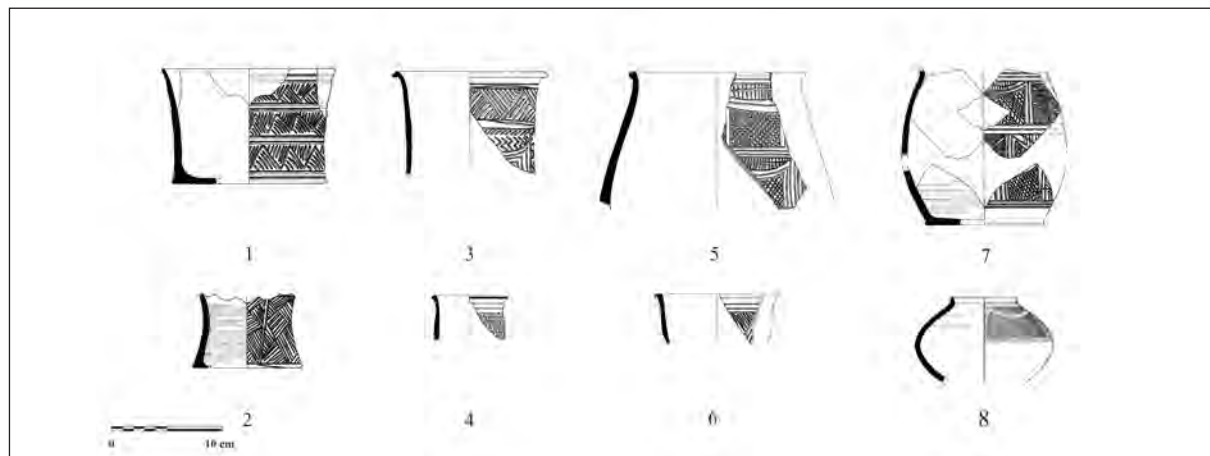
Рис. 12. Серая расписная керамика периода Шс (рисунок МАФМ).

(рис. 12, 14–15), миниатюрные горшочки (рис. 12, 17) и блюда (рис. 12, 4). Что касается рисованного декора, то всегда наблюдается нанесение геометрических мотивов на внешнюю или внутреннюю поверхности. Они близки тем, что описаны для оранжевой керамики (рис. 12, 4–6, 9), но с большим процентом использования рисунка «шахматной доски», вертикальных лесенок (рис. 12, 11) и вертикальных черточек. Однако в общем ансамбле геометрические мотивы остаются в меньшей вариантности, чем в предыдущем периоде. Оригинальность периода Шс, без всякого сомнения, заключается в обогащении репертуара натуральных композиций, унаследованных от стиля «Дашт», особенно на закрытых формах, таких, как обтекаемые горшки (рис. 12, 7). Чаще всего преобладают зооморфные (фризы с горными баранами, рогами, рыбами, рис. 12, 3, 7–8, 10, 12–13) и растительные (пальмы, листья, рис. 12, 1, 15, 17) мотивы. Мотивы пальм, расходящиеся лучами от дна сосудов, и фризы с упрощенными изображениями «глаз» встречены почти исключительно на обтекаемых формах (рис. 12, , 5, 14). Сами по себе эти мотивы представляют настоящее новшество в орнаментальном репертуаре периода Шс. В конце периода рисованный декор на серой керамике становится более стилизованным.

Серая керамика с процарапанным орнаментом (рис. 13)

Серая керамика с процарапанным орнаментом – один из самых показательных типов керамики периода Шс на городище Мири-Калат, даже если он составляет менее 1 % от всего учтенного мате-

Рис. 13. Серая керамика с процарапанным декором периода IIIc (рисунок МАФМ).

риала (рис. 13). Она в разной степени представлена на иранском юго-востоке (долина Бампура)²⁸, Сеистане²⁹, в Кермане³⁰ и на Оманском полуострове (Умм ан-Нар, Хили, Бат)³¹, хотя в целом, слабо присутствует в этих регионах³². В Макране она появилась в конце периода IIIb в материале, собранном поблизости от керамических мастерских в долине Дашт. На городище Мири-Калат она в основном обнаруживается в нижних уровнях периода IIIc³³ в очень малом количестве, но как прямое продолжение корпуса из Дашта. Эта слабо представленная керамика исчезает совсем в индских слоях периода IV.

Главная форма серой керамики с процарапанным орнаментом – кубки: цилиндрические (рис. 13, 1), с вогнутыми стенками и расширяющимся бортиком (рис. 13, 2), с прямым или отогнутым венчиком (рис. 13, 3–4), с выпуклыми стенками и отогнутым венчиком (рис. 13, 5, 7).

Также зафиксированы один экземпляр неполного маленького горшочка с шарообразным туловом (рис. 13, 8) и несколько кубков (рис. 13, 6). Процарапанный декор, выполненный по сырой глине острием, состоит, главным образом, из полос заштрихованных треугольников (рис. 13, 1–2) с «архитектурными» мотивами (это – фризы в виде изогнутых «перемычек») (рис. 13, 5, 8), иногда их комбинации (рис. 13, 3, 7). Редко встречаются мотивы фестонов и заштрихованных ромбов.

Серая керамика с рельефным орнаментом типа Ridged ware.

Серая керамика с рельефным орнаментом в комплексе периода IIIc (до 1 %) встречается мало. Но ее формы и орнамент более разнообразны, чем в корпусе оранжевой керамики. Ее геометрические и натурные композиции, зафиксированные только на самом раннем этапе на раскопе I, сближают ее с керамикой периода IIIb Дашта (рис. 12, 16). Вновь на Мири-Калат четко проявился

²⁸ Stein, 1937 Pl. IX. Mau. 19, 21, Pl. VI. Khur. F.i.263, Pl. VIII. A. 34, A. 140-142, A. 365; During Caspers, 1970. 319–325, fig. 45, 46; Tosi, 1970, fig. 23 a et b.

²⁹ Stein, 1928 Pl. 113. RR.VII. 01, Pl. 115. RR. VII. 015; 1937 Pl.VI et XXXII. 12, IX. Mau. 19 et 21

³⁰ Potts, 2003, p. 199.

³¹ Thorvildsen, 1963, fig. 20-21; Bibby, 1966, fig. 12; Al-Tikriti, 1981. Pls. 81, 86-89, 110. A, C-F; Cleuziou, 1989, 64; Frifelt, 1975, fig. 17b and 1991, 62-63, fig. 122-124, 199 and 1995 65, figs. 68, 236.

³² На городище Бампур найдены только 62 черепка серой с процарапанным рисунком керамики, большинство из которых происходит с поверхности городища. Они распределены Е.К.Л Дюринг-Касперс на шесть групп.

³³ The UF 752 с уровня VI/2 представляет богатую коллекцию серой с процарапанным декором керамики, в которой присутствует большинство форм указанных кубков.

Рис. 14. Серая раскрашенная керамика с городища Мири-Калат (фото МАФМ).

степени тонкости, которой добились в изготовлении керамики мастера Дашта в период IIIb. На большинстве форм оранжевой керамики крупных размеров наблюдаются подтечка на внутренней и внешней поверхности и следы окончательной доработки на круге быстрого вращения. Лощение объекта часто оставляло на внешней поверхности следы в виде косых полос, полученные при использовании инструмента типа гребня или палочки. В качестве декора, выполненного до обжига, гончары использовали роспись коричневого цвета на керамике оранжевого цвета и красно-черную – на серой керамике. Оттенки росписи зависели, главным образом, от состава теста и процесса обжига. В общем, обжиг однородный. Серый цвет большого количества сосудов, видимо, получался при температуре, близкой к 650°C с пониженным доступом воздуха.

Внешние связи (рис. 3)

Комплекс керамики с уровня VI Мири-Калата показывает тесную связь с городищем Бампур V–VI³⁴. В 1937 г. А. Стэйн обращал внимание на сходство, существовавшее между материалом из Бампура и собранным с поверхности городищ в пакистанском Макране, особенно на городище Кулли³⁵.

Другие связи, установленные В.А. Файрсервисом между протоисторической керамикой юга Сеистана и хурабским этапом в долине Бампура³⁶, тесно связаны с временем перехода в Макране от периода IIIb к IIIc.

Наиболее ярким проявлением связей между культурами Бампур и Мири IIIc является тип керамики *Streak burnished ware*, который появился на городище Мири Калат одновременно с серой керамикой с процарапанным орнаментом на этапе IV.2. Этот тип эволюционирует в техническом и морфологическом плане на этапе V.1, особенно с появлением новых форм. В 1970 году Б. Де Карди проследил изменения направления контактов между городищем Бампур и соседними регионами в связи с появлением на этапе Бампур IV.2 последовательных волн эмигрантов, происходивших

³⁴ De Cardi, 1970, p. 266-269.

³⁵ Stein, 1937, p. 108.

³⁶ Fairervis, 1961, p. 98.

из Дашта, которые окончательно могли обосноваться здесь на этапе V.2³⁷. Иными словами, культуры пакистанского Макрана середины III тысячелетия до н.э. оказали большое влияние на регион. Но керамика типа *Streak burnished ware* из Мири-Калата отличается от керамики, найденной на городище Бампур. В Бампуре использование этой техники обработки поверхности сосудов на протяжении периодов IV.2 и V остается ограниченным на серой керамике, более грубой и редко декорированной. В период IV посуда *Streak burnished ware* светло-оранжевого цвета будет заменена серой керамикой, менее распространенной. И, наоборот, в Мири-Калат оранжевая керамика – почти всегда декорированная – преобладает. Более того, возвращение к этой технике проявляется не очень ярко на обоих городищах³⁸. Несмотря на эти различия и отсутствие других возможностей сравнения, географическая и хронологическая близость Бампура и Кеш-Макрана объясняет существование тесных связей между этими двумя регионами.

Что касается керамики с рельефным декором типа *Ridged ware*, она проявляет известную стилистическую утонченность по сравнению с культурами Юго-Восточного Ирана и особенно с Бампуром II–VI³⁹, Дамином⁴⁰, Курабом⁴¹, Катуканом⁴² и Шахдадом⁴³. В Белуджистане ее присутствие фиксируется в середине III тысячелетия до н. э. в Нале и Кулли, всегда в виде крупных тарных сосудов. Однако корчаги с рельефным декором также широко распространены в тот же период в Омане и в Заливе на городищах Умм-ан-Нар⁴⁴, Хили⁴⁵, Гханада⁴⁶, Шимал⁴⁷, Телль Абрак⁴⁸, Рас ал-Джинс, Бат⁴⁹, Азимах⁵⁰ и Амилах⁵¹. Серая орнаментированная керамика представлена в большом

Рис. 15. Серая керамика с процарапанным орнаментом (фото МАФМ).

³⁷ De Cardi, 1970. Кроме керамики типа *Streak burnished ware*, Б. Де Карди отмечает даже более 50 случаев аналогий с керамикой, собранной А. Стейном на ключевых городищах Макрана, и 16 – с Оманским полуостровом.

³⁸ Там же, рис. 42.

³⁹ Там же, рис. 20, 22-24, 29.

⁴⁰ Stein, 1937, Pl. XXXI. 14.

⁴¹ Там же, Pl. XIII. Khur. B. II. 198, 201-202.

⁴² Там же. Pl. XI. Kat. 011, Kat. 23, Kat. 33.

⁴³ Hakemi, 1972. Pl. VA et c.

⁴⁴ Frifelt, 1995, p. 162-163, figs. 65, 87, 217, 219-220.

⁴⁵ Thorvildsen, 1963., fig. 20.

⁴⁶ Al-Tikriti, 1985 Pl. II. D-G.

⁴⁷ Vogt and Franke – Vogt (eds.), 1987, fig. 46,1-4.

⁴⁸ Potts, 1990, fig. 24.

⁴⁹ Bibby, 1966, fig. 12.

⁵⁰ Vogt, 1994, fig. 74, 8-10.

⁵¹ De Cardi et al., 1976. fig. 20, n° 164.

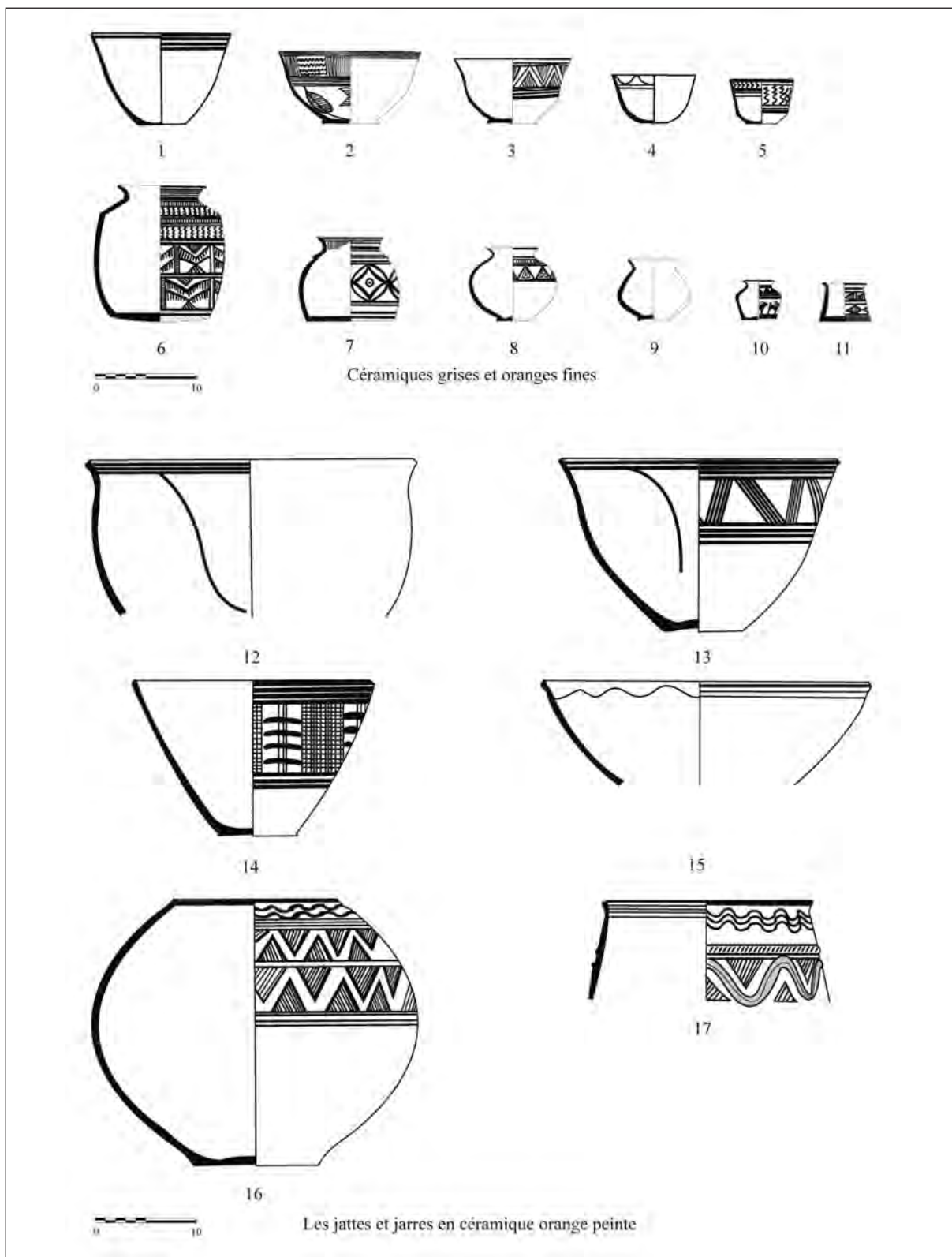

Рис. 16. Керамический комплекс периода IIIb (рисунки МАФМ): вверху - серая и оранжевая керамика тонкой выделки; внизу - оранжевые расписные хумчи и миски.

количестве в индо-иранских пределах в целом⁵² и на Оманском полуострове⁵³ на протяжении всего III тысячелетия до н. э. Однако керамика типа *Emir Grey ware*, характерная для периодов I–IV Бампура и в массовом количестве производившаяся в долине Дашт в период IIIb, отсутствует на уровне IIIc городища Мири-Калат, в то время как серая орнаментированная керамика, в общем, составляет значительную часть изучаемого корпуса. Технические трудности в достижении уровней залегания этого материала на городище Мири-Калат не позволили проследить во времени эволюцию этой керамики. Однако это не исключает постановки ряда важных вопросов о ее технических и культурных соответствиях. Является ли комплекс *Emir Grey ware* характерным только для долины Дашт? Ограничено ли его использование в начале III тысячелетия до н.э. только как погребального инвентаря? Должно ли быть поставлено под вопрос его определение как специфического типа в целом?

В пакистанском Макране, при том, что техника изготовления тонкой серой орнаментированной керамики зафиксирована с периода IIIa⁵⁴ (культура могильника Шахи-Тумп около 3 000 лет до н. э.), именно на протяжении периода IIIb (2 800–2 600 лет до н.э.) производилась керамика типа *Emir Grey ware*, характеризующаяся большой однородностью в морфологическом и стилистическом плане и выдающимся техническим качеством. Открытие многочисленных мест нахождения керамических мастерских на юго-западе Макрана позволяет высказать предположение, что эта территория, как и долина Бампура, входила в ареал, откуда могла происходить большая часть материала, выявленного в Омани и в некоторых местностях Юго-Восточного Ирана.

Однако название *Emir Grey ware*, предложенное В. Файрсервисом в 1961 году⁵⁵, в настоящее время, видимо, следует пересмотреть на основании результатов последних работ, проведенных в Макране и в соседних регионах. Материал, собранный в долине Дашта, показывает, что гончары периода IIIb не производили исключительно серую керамику, но также посуду оранжевого цвета идентичных форм и орнамента; кроме того, существуют тонкие керамические кубки с полихромным орнаментом, родственные этой категории посуды. Наконец, серая орнаментированная посуда городища Мири-Калат, хотя она и проявляет морфологические отличия от корпуса из Дашта, остается близко связанной, как в плане технологии, так и стилистики, с комплексом керамики периода IIIb. Таким образом, серая орнаментированная керамика периода IIIc может рассматриваться как результат эволюции керамики типа *Emir Grey ware* периода IIIb.

При отсутствии археологических раскопок в настоящий момент невозможно с точностью ответить на многие вопросы, даже если по этой тематике ведутся и другие работы. Так, открытие в Иране и Омани тонкой серой керамики с рисованным орнаментом в контексте конца III тысячелетия до н.э. ставит сегодня вопрос ее хронологического соответствия с материалом, который имеется в нашем распоряжении⁵⁶.

Пока можно констатировать, что комплексы серой орнаментированной керамики, в особенности «канистры», серая керамика с процарапанным орнаментом и керамика с рельефным декором, происходящая из Макрана, свидетельствуют о наличии культурных аналогий как с материалом из Юго-Восточного Ирана, Оманского полуострова, так и с комплексами Юго-Западного Белуд-

⁵² Stein, 1931 et 1937; De Cardi, 1970; Tosi, 1970; Lamberg-Karlovsky and Tosi, 1973; Miragiulo, 1979.

⁵³ De Cardi et al., 1976; Al-Tikriti, 1981, 1989; Frifelt, 1991, 1995; Benton, 1996; Méry, 2000.

⁵⁴ Керамика периода IIIa исследована в настоящее время в рамках диссертации В. Mutin (Université de Paris I-Panthéon Sorbonne).

⁵⁵ Fairservis, 1961, p. 86.

⁵⁶ Potts, 2003.

жистана. Ожидаемые результатов датировок по С 14 позволят подтвердить эти контакты, а может быть вновь сосредоточиться на них. Следует добавить, что керамика периода IIIc может также рассматриваться как переход между культурой Дашта и культурами Инда и Кули⁵⁷. Керамика типа *Ridged ware*, производившаяся в Макране в середине III тысячелетия, проявляет континуитет с материалом городища Кули и местными комплексами индского периода. Керамика того же периода была также выявлена на городище Шахи-Тумб⁵⁸, но она происходила из вырытых колодцев, то есть, получена при работах, не контролируемых специалистами. Хотя выделяют аналогии между древней культурой Дашта (период IIIb), долиной Бампура периодов I–IV и с севером индо-иранских пределов (Мундигака)⁵⁹, которые твердо относятся к периоду IIIc, переход между периодами IIIb и IIIc четко отмечен усовершенствованием технологии, которое во второй половине III тысячелетия до н. э. наблюдается в районе Залива и Западном Белуджистане. Существование связей по оси восток–запад выявляет, однако, значительную специфику Белуджистана в области внутрорегионального культурного развития и местных традиций, восходящих еще к халколиту. В этом заключается отличие региона Белуджистана от Оманского полуострова, где развитие керамических комплексов основывается, главным образом, на ассимиляции внешних влияний⁶⁰.

Заключение

Период IIIc на городище Мири-Калат характеризуется разнообразным керамическим комплексом, в нем некоторые категории керамики очень близки к аналогиям культуры Дашт первой половины III тысячелетия до н.э. Неточность в отношении материала периода IIIb не выявляет существования заметной ремесленной традиции и знаний, которые были утрачены в середине III тысячелетия до н.э. Серая расписная керамика Мири-Калата четко свидетельствует об этом культурном континуитете. Около 2500 года до н.э. на городище Мири-Калат происходит переход от периода IIIc к периоду IV, отмеченный выявлением оригинальной материальной культуры, основанной на сосуществовании местной керамической традиции в прямом континуитете с керамикой предыдущего периода и типичного керамического комплекса первого этапа цивилизации Инда⁶¹. Эта ассоциация потому более интересна, что другие индские городища, идентифицированные в пакистанском Макране для того же периода, такие как Сотка-Кох или Суткаген-Дор, представляют исключительно хараппские материальные комплексы.

В перспективе расширения исследования комплексов в индоиранских пределах стилистические и технологические соответствия, существующие между комплексом периода IIIc и происходящие с северо-востока Ирана, из Омана и оставшегося Белуджистана, показывают важность региона Макрана в системе обменов в III тысячелетии до н.э.

⁵⁷ Некоторые элементы уровня VI были найдены в комплексе Кули периода IV, вместе с хараппским материалом. Это можно сказать, например, об оранжевых блюдах с черным орнаментом, известных в Кули и в Бампуре V–VI (De Cardi, 1970, fig. 36, 90).

⁵⁸ Обнаружение археологического материала, относимого сегодня к периоду IV, но происходящего из колодцев, прорезавших самые древние уровни на городище Шахи-Тумп, в свое время побудило датировать извлеченную из могильника периода IIIa керамику II тысячелетием до н. э.

⁵⁹ Культура Дашта периода IIIb находит свое близкое родство с Мундигаком периода III.5.

⁶⁰ Méry, 2000, p. 98 ; Blackman et al., 1989.

⁶¹ Это наблюдение было сделано на индском материале периода IV Мири Калата: Quivron, 1994, 2000: 160.

Библиография

Al-Tikriti W.Y. Reconsideration of the Late Fourth and Third Millenium BC in the Arabian Gulf, with Special Reference to the United Arab Emirates. Cambridge University of Cambridge, Trinity College, Unpublished Ph.D. Thesis. 1981

Al-Tikriti W.Y. The Archaeological Investigations on Ghanada Island, 1982- 1984 Further Evidence for the Coastal Umm an-Nar Culture. Archaeology in the United Arab Emirates IV. Al-Ain Department of Antiquities and Tourism. 1985

Al-Tikriti W.Y. Umm an-Nar Culture in Northern Emirates Third Millenium Tombs at Ajman. Archaeology in the United Arab Emirates V, 1989, p. 89-99.

Balfet H., Fauvet-Berthelot M.-F. et Monzon S. Lexique et typologie des poteries: pour la normalisation de la description des poteries. Paris CNRS Éditions. 1993.

Benton J.N. Excavations at al Sufouh. A Third Millenium Site in the Emirate of Dubai. Leiden Brepols (Abiel I). 1996.

Besenal R. The 1992-1993 Field Season at Miri Qalat New Contributions to the Chronology of Protohistoric Settlement in Pakistani Makran. In Parpola A. and Koskikallio P. (eds), South Asian Archaeology 1993, vol. I. Helsinki Suomalainen Tiedeakatemia, 1994, p. 81-91.

Besenal R. The Chronology of Ancient Occupation in Makran: Results of the 1994 Season at Miri Qalat, Pakistan Makran. In: Allchin R. and B. (eds), South Asian Archaeology 1995. New Delhi Oxford & IBH Publishing Co. 1997a, p. 199-216.

Besenal R. Entre le sud-est iranien et la plaine de l'Indus le Kech Makran. Recherches archéologiques sur le peuplement ancien d'une marche des confins indo-iraniens. Arts Asiatiques 52. 1997b, p. 5-36.

Besenal R. New Data for the Chronology of the Protohistory of Kech- Makran (Pakistan) from Miri Qalat 1996 and Shahi-Tump 1997 Field-Seasons. In Taddei M. and De Marco G. (eds), South Asian Archaeology 1997. Rome Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. 2000, p. 161-188.

Besenal R. Chronology of Prehistoric Kech-Makran. In Jarrige J.F. and C. (eds), South Asian Archaeology 2001. Paper read at the 16th International Conference of the European Association of South Asian Archaeologists. Collège de France, Paris, July 2nd. 6th 2001.

Besenal R. and Sanlaville P. Cartography of Ancient Settlements in Central and Southern Pakistani Makran. New Data. Mesopotamia 25, 1990, p. 79-146.

Bibby T.G. Arabiens Arkaeologi, Dansk arkaeologisk ekspedition 11 Kampagne 1965. Kuml 1965, p. 75-95.

Blackman J., Méry S. and Wright R. Production and Exchange of Ceramics on the Peninsula of Oman from the Perspective of Hili. Journal of Field Archaeology 16,1, 1989, p. 61-77.

Casal J.-M. Fouilles de Mundigak. 2 vols. Paris C. Klincksiek (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan XVII). 1961

Cleuziou S. Excavations at Hili 8 a Preliminary Report on the 4th to 7th campaigns. Archaeology in the United Arab Emirates. Vol. V 67-87. Al-Ain Department of Antiquities and Tourism. 1989

Dales G. F. Harappan Outposts on the Makran Coast. Antiquity, 1962, 36-92.

De Cardi B. Excavation and Reconnaissance in Kalat, West Pakistan. The Prehistoric Sequence in the Surab Region. Pakistan Archaeology! 1965. P. 86-182.

De Cardi B. Excavations at Bampur, a Third Millenium Settlement in Persian Baluchistan, 1966. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History 51 .3, Part 3, 1970, p. 233-355.

De Cardi B. Archaeological Surveys in Baluchistan, 1948 et 1957. London University of London (Institute of Archaeology, Occasional Publication 8). 1983

De Cardi B., Collier S. And Doe B.S. Excavations and Survey in Oman, 1974-1975. *Journal of Oman Studies* 2, 1976, p. 101-187.

During Caspers E.C.L. A Note on Carved Stone Vases and Incised Gray Ware. In: DE CARDI B. (éd.), *Excavations at Bampur, a Third Millenium Settlement in Persian Baluchistan, 1966. Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* 51 .3, Part3. New York. 1970, p. 319-325

Fairservis W.A. Jr. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* 45, Part 2, 1956, p. 169-402.

Fairservis W.A. Jr. Archaeological Surveys in the Zob and Loralai Districts, West Pakistan. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* 47, Part 2, 1959, p. 277-448.

Fairservis W.A. Jr. Archaeological Studies in the Seistan Basin of South-Western Afghanistan and Eastern Iran. *Anthropological Papers of the American Museum of Natural History* 48, Part 1, 1961, p. 5- 128.

Frifelt K. On Prehistoric Settlements and Chronology of the Oman Peninsula. *East and West* 25, 1975, p. 329-424.

Frifelt K. The Island of Umm-an Nar, vol. I : The Third Millenium Graves. Aarhus (Jutland Archaeological Society Publications 26,1), 1991

Frifelt K. The Island of Umm-an Nar, vol. 2 : The Third Millenium Settlement. Aarhus (Jutland Archaeological Society Publications 26,2). 1995

Hakemi A. Catalogue de l'exposition Lut Xabis (Shahdad). Premier Symposium Annuel de la Recherche Archéologique en Iran. Teheran. 1972

Lamberg-Karlovsky C.C. and Potts D.T. Excavations at Tepe Yahya, Iran. The Third Millenium. Cambridge Harvard University, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology (*American School of Prehistoric Research Bulletin* 45). 2001

Lamberg-Karlovsky C.C. And Tosi M. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. *East and West* 23 (1-2), 1973, p. 21-57.

Marshall Sir J. (ed.) Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. 3 vols. London Probsthain. 1931

Méry S. La céramique d'Oman et l'Asie moyenne. Une archéologie des échanges à l'Age du Bronze. Paris CNRS Éditions. 2000

Miragliuolo J. Non-urban Sites and Mobile Settlement Patterns : A Survey of an Unknown Corner of Baluchistan (c. 3000-2400 BC). Washington DC The American University, Unpublished Doctoral Dissertation. 1979

Pigott S. Prehistoric India to 1 000 BC. London Penguin Books. 1962

Possehl G.L. Kulli: an Exploration of Ancient Civilization in Asia. Durham Carolina Academic Press. 1986

Potts D.T. A Prehistoric Mound in the Emirate of Umm al-Qaiwain, U.A.E., Excavations at Tell Abraq in 1989. Copenhagen Munksgaard. 1990.

Potts D.T. Tepe Yahya, Tell Abraq and the Chronology of the Bampur Sequence. *Iranica Antiqua* XXXVIII 1-24. 2003.

Quivron G. The Pottery Sequence from 2700-2400 BC at Nausharo, Baluchistan. In Parpola A. and Koskikallio P. (eds), *South Asian Archaeology 1993*. Helsinki Suomalainen Tiedeakatemia. 1994, p. 629-644.

Quivron G. The Evolution on the Mature Indus Pottery Style in the light of the Excavations at Nausharo, Pakistan. *East and West* 50 (1-4), 2000, p. 147-190.

Salvatori S. and Tosi M. Shahr-i Sokhta Revised Sequence. Paper read at the South Asian Archaeology Conference. Paris. 2001.

Stein Sir A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. London Oxford University Press. 1928

Stein Sir A. An Archaeological Tour in Gedrosia, Memoirs of the Archaeological Survey of India 37. Dehli. 1931

Stein Sir A. Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London Macmillan & Co Ltd. 1937

Thorvildsen K. Burial Cairns on Umm an-Nar. Kuml 1962. 1963, p. 191-219.

Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta, a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan. Preliminary Report on the First Campaign, October-December 1967. East and West 18(1-2), 1968, p. 9-66.

Tosi M. A Tomb from Damin and the Problem of the Bampur Sequence in the Third Millenium BC. East and West 20 (1- 2), 1970, p. 9-50.

Vogt B. Asimah, an Account of a two Months Rescue Excavation in the Mountains of Ras al-Khaimah, United Arab Emirates. Ra's al-Khaimah Department of Antiquities and Museums. 1994.

Vogt B. And Franke-Vogt U. (eds) Shimal 1985-1986, Excavations of the German Mission in Ra's al-Khaimah, UA. Berliner Beitrage zum Vorderen Orient 8. Berlin Dietrich Reimer Verlag. 1987.

Wright R.P. Technology, Style and Craft Specialization: Spheres of Interaction and Exchange in The Indo-Iranian Borderlands, Third Millenium BC. Cambridge: University of Harvard, U.M.I., Ph.D. Harvard University. 1984.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ОКСА И ПРОБЛЕМА ИНДОАРИЕВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

«Цивилизация Окса» обозначает археологическую культуру эпохи бронзы Средней Азии, ставшую известной науке тридцать лет тому назад. Она была распространена, главным образом, на территории Туркмении, Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, а признаки ее выявлены также в Иране и Пакистане (рис. 01).

Название «Цивилизация Окса» предпочтительнее определения ее как «БМАК» (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс), так как здесь мы имеем дело не просто с комплексом археологического материала, но с особой культурной общностью, которая сложилась на обширной территории от Каспия до Памира и просуществовала на протяжении значительного отрезка времени (около восьми сотен лет, от 2300 до 1500 года до н.э. (с хронологическим колебанием + 200 лет)². В этот период в долинах, предгорьях и дельтовых протоках части бассейна Окса (Амударьи), не впадавших в водоемы, обитали группы земледельцев и скотоводов, которые пользовались искусственным орошением, богатым разнообразием животного и растительного мира и разрабатывали минеральные ресурсы окружающей среды³. Эта цивилизация явственно отличалась от культур соседних с ней областей Восточного Ирана или Инда с их полихромной расписной керамикой, так как обладала хорошо узнаваемой гончарной продукцией, главным образом, специфических форм с монохромным беловато-охристым покрытием и без росписи.

Архитектурные сооружения цивилизации Окса сконцентрированы в оазисных поселениях, самые крупные из которых не превышают нескольких десятков гектаров (Гонур-депе, Джаркутан). Они, по всей видимости, контролировались храмами или дворцами (Дашлы, Джаркутан, Сапаллитепа, Тоголок, Гонур, Аджикуи, Келлели). Примечательно и производство так называемых престижных изделий, т.е. образцов искусства и художественного ремесла (металлические, золотые и серебряные изделия, торевтика, бронза) с использованием резных полудрагоценных камней (лазурит, бирюза, стеатит, сердолик, алебастр). В последние десятилетия стали известны

¹ Благодарю г-на Ж. Фюссмана и г-на Ж. Келленза, организаторов семинара в Коллеж де Франс за предоставленную возможность продемонстрировать археологическую концепцию данного вопроса.

² Цивилизация Окса обладает всеми надлежащими признаками, определявшими само понятие «цивилизация». Это следующие характеристики: искусство, развитое ремесло и строительство, значительные поселенческие агломерации, монументальная архитектура, знаки социальной иерархии и административного управления, нет только одной – письменности, на сегодняшний день не открыто ни одного письменного документа, за исключением привезенных из Ирана или Месопотамии. Термин «*chefferie complexe*» (сложное тождество) без сомнения лучше некоторых других удовлетворял бы определение этого исторического общества, но ссылки на африканские и гавайские этнические примеры столь далеки от реальности цивилизации Окса, что нам кажется искусственным относить их к концептуальным построениям одного порядка (складывать в единый ящик). Кроме того, не будет абсурдной мысль, что цивилизация Окса это «протогосударство». Эти термины означают довольно схожие реальности и высокий уровень обобщения, что не всегда легко выделить в археологии из-за ее сугубо материальных критериев познания. Нам кажется более полезным принять простую терминологию и пытаться углубить описание характерных признаков этой цивилизации со всеми ее региональными и хронологическими нюансами.

³ Об экономике цивилизации Окса и общей панораме ее истории см.: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 339–456; Hiebert, 1994.

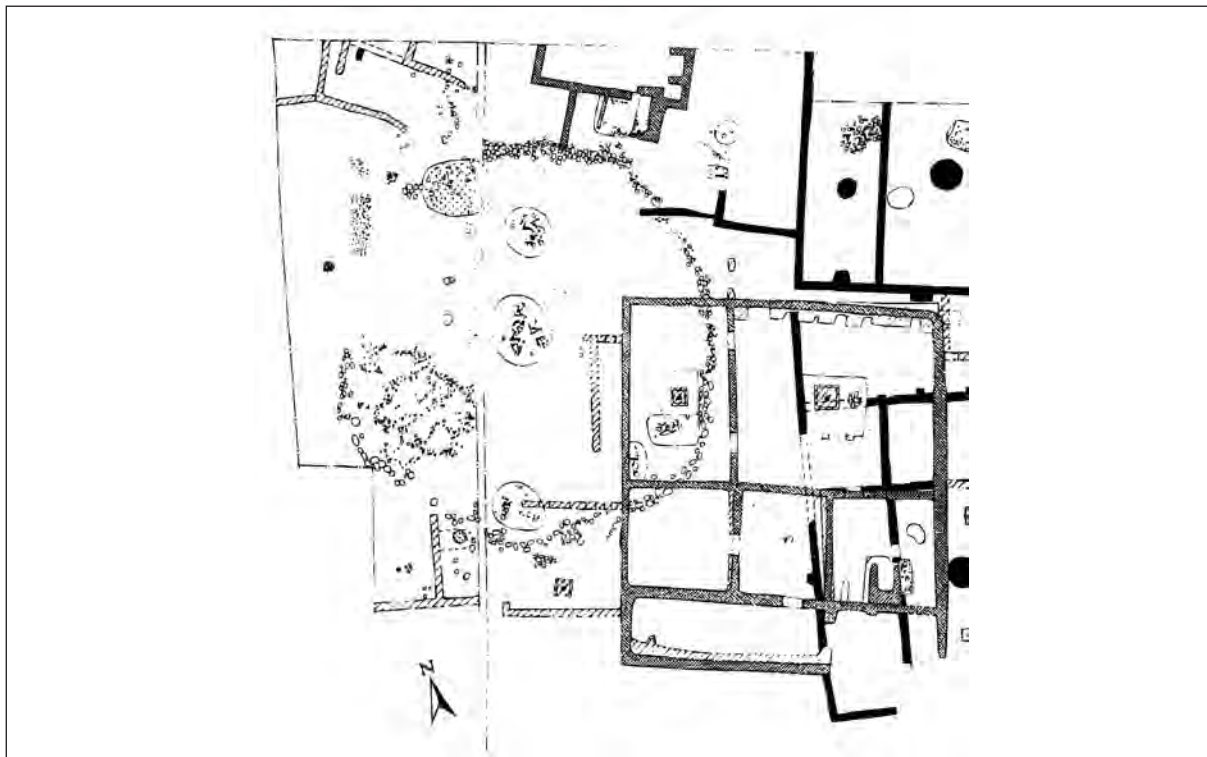
Рис. 1. Общая карта городищ (Г. Лекюйо, Ж.-Б. Уаль, Ж. Сюир).

сосуды, украшения, оружие и печати разнообразных форм, но, увы! Большая часть этих предметов происходит из грабительских, а не из официальных раскопок. Находки были сделаны как в жилых зонах, так и в обширных могильниках. Наиболее изученные из них дают ценную информацию о погребальных обрядах, из них же происходят и костные останки, ставшие объектами антропологических исследований.

Происхождение цивилизации Окса точно неизвестно: этот вопрос остается предметом дискуссии, которую мы не будем здесь приводить, так как прежде всего она касается сложного периода (энеолита – конца IV и первой половины III тысячелетия до н.э.), очень неравномерно изученного в регионе от Ирана до Белуджистана и от Персидского залива до Зауральских степей. Кроме того, она не дает ничего полезного для проблемы индоариев, которая нас сейчас занимает. Однако уже на этом так называемом «этапе формирования» цивилизации Окса обнаруживаются факты ее связей на дальние расстояния, которые станут характерной чертой в период ее окончательного сложения. Это – связи с Иранским плато, с зоной Инда–Белуджистана и миром степей. Вопрос прихода индоариев на субконтинент может быть затронут в археологии при углубленном исследовании исторической динамики взаимоотношений цивилизации Окса с разными регионами только в период между 2300 и 1300 годами до н.э.

Что же конструктивного может дать археологическая информация для лингвистического и этнолингвистического аспектов этого вопроса?

В вопросах лингвистики одна археология без эпиграфики не способна точно решить этнолингвистические проблемы. В то же время, самые древние тексты, которыми мы располагаем, не содержат абсолютно ничего, относящегося к материальной сфере, составляющей предмет археологических реконструкций.

Рис. 2. Саразм. Таджикистан. План погребальной ограды типа «Афанасьевое» и последующее сооружение (по Исакову, 1993, рис. на с. 30). Датированная этапом формирования цивилизации Окса эта погребальная структура в круговой ограде может быть сопоставлена только с такими же структурами афанасьевской культуры Сибири и Казахстана. Однако, погребения, обнаруженные внутри, демонстрируют все признаки захоронения области Окса. Одно из них – так называемая гробница «принцессы» – обладало богатым погребальным инвентарем в виде серебряных сосудов и бус.

Практически связь между археологическими данными и текстами, помимо выраженной в эпиграфических находках (при условии, что надписи читаемы), могла бы быть только если письменно характеризуется материальное содержание какой-либо одной культуры или цивилизации, подразумеваемой однородной, однако на практике так никогда не бывает⁴.

Другой подход (также не лучший) – это поиски изоморфизмов между мыслительными, языковыми конструкциями и материальным, техническим устройством обществ⁵. Неясность царит как в соответствующих научных дисциплинах, которые призваны дать точные доказательства, так и в древних данных, которые всегда неопределенны и во все времена интерпретировались по-разному.

Остается лишь признать действенными и вероятными одни из предложенных гипотез и отбросить другие – как слабо обоснованные. Именно в установлении этого перечня гипотез мы

⁴ Лингвистические попытки таких действий мы рассмотрим ниже.

⁵ Случай с функциональной трехчастной структурой индоевропейского общества, предложенной Дюмезилем, есть пример того, когда им было утрачено видение социальной реальности, при этом в угоду более идеализированной или даже мифической концепции. См.: Dubuisson, 1993.

продвинулись вперед за двенадцать лет, истекших с момента первого семинара, организованного по той же проблеме⁶.

По этой тематике археологические факты сопоставлены с лингвистическими данными, а также с антропологической информацией. Однако, если относительно легко связать между собой археологические и антропологические материалы, по крайней мере, в определенном масштабе, в масштабе городища или микрорайона в соответствии с тем, в каком материальном, физическом окружении и археологическом контексте открыты тела погребенных, то абсолютно невозможно установить связь между данными лингвистическими и вышеуказанными материальными, так как ни предметы, ни кости не говорят.

Мы должны были бы признать, что группы, которые предстоит идентифицировать, обладающие единством археологической культуры, должны быть в этнолингвистическом и вообще культурном смысле однородны, говорить на одном языке и производить идентичный материальный комплекс. Общеизвестно, что такой постулат – ложный. На самом деле достаточно обратиться к археологии Митанни или микенской культуре, чтобы это понять⁷. Поэтому нам не следует замыкаться в бесплодных поисках общих характеристик столь обширных групп, именуемых индоиранцами или индоариями, которые, как было показано для Переднего Востока, никоим образом не могут обнаружиться в разнообразии археологических культур Центральной Азии и Северо-Западной Индии тех эпох, где их ищут: их всего девять – этих археологических «культур» у одной или другой из предполагаемых этнолингвистических групп⁸. Но если теперь признано, что авестийские и ведические тексты не представляют единой лингвистической реальности и еще меньше единой реальности культурной, становится возможным не фиксироваться больше на единой археологической культуре – генетическом предке всех последующих культур – наследников, то есть на образе дерева с расходящимися ветвями, что приводит в тупик, как мы и видим в случае с индоиранцами и индоариями. Археологическая реальность очень сложна, и, несмотря на неполноту данных, может отныне рассматриваться параллельно с лингвистической и этнической реальностью, также сложной⁹. Тогда возникает неизбежный парадокс: противоречие между большой точностью археологических данных, принимаемых в расчет, и применяемыми к ним интерпретационными концептами, вносящими расплывчатость в существующее разнообразие понятий «индоиранцы» и «индоарии». Во всяком случае, мы больше не находимся ни на той стадии исследования, когда археологи любой ценой пытались дать немного «плоти» своим объектам, обращаясь не в очень строгой манере к текстам, ни в том времени, когда лингвисты или филологи обращались к археологии, чтобы «иллюстрировать» абстрактные макротории. При этом каждый стремился выбрать лишь немногие описательные признаки из комплекса материалов другого, старательно избегая того, что могло разрушить его построения, тогда результатом оказывалось обратное «фальсификационистское» действие.

⁶ Fussman, 1989.

⁷ Хотя эти области изучены лучше, чем Средняя Азия, но ничто не позволило историку или археологу, у которого нет письменных данных, определить появление ариев или греков, опираясь только на материалы раскопок. Treuil, Darceq, Poursat et Touchais, 1989, p. 277–278

⁸ Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 446–456

⁹ В особенности понятие не индоиранского/индоарийского субстрата и явного существования диалектов во всех этих языках показывает, что дошедшие до нас тексты (Ригведа и ранняя Авеста) больше не единственный и уникальный источник возможных этнолингвистических сведений. Но не следовало бы, тем не менее, делать заключение, что каждая археологическая культура или ее вариант обязательно соответствуют определенной этнолингвистической группе.

Однако, когда пытаются поставить вопрос таким образом, в первую очередь, надо привести в соответствие друг с другом перечни подходящих признаков (увязать элементы комплексов) и искать

- либо прямые материальные маркеры предполагаемой этнолингвистической группы для избранного периода и соответствующего ареала: реалии, география, религиозные обряды, погребальные и другие традиции;
- либо косвенные маркеры мира легенд этих этнолингвистических групп: мифологические представления, эпопеи, ритуальные сцены и пр.;
- либо исторические явления, механизмы культурной трансформации, как, например, миграции, то есть речь может идти о материальном обмене между двумя пунктами пространства, при условии, что они предполагаются подходящими для данной эпохи, которая, в свою очередь, также подразумевается подходящей.

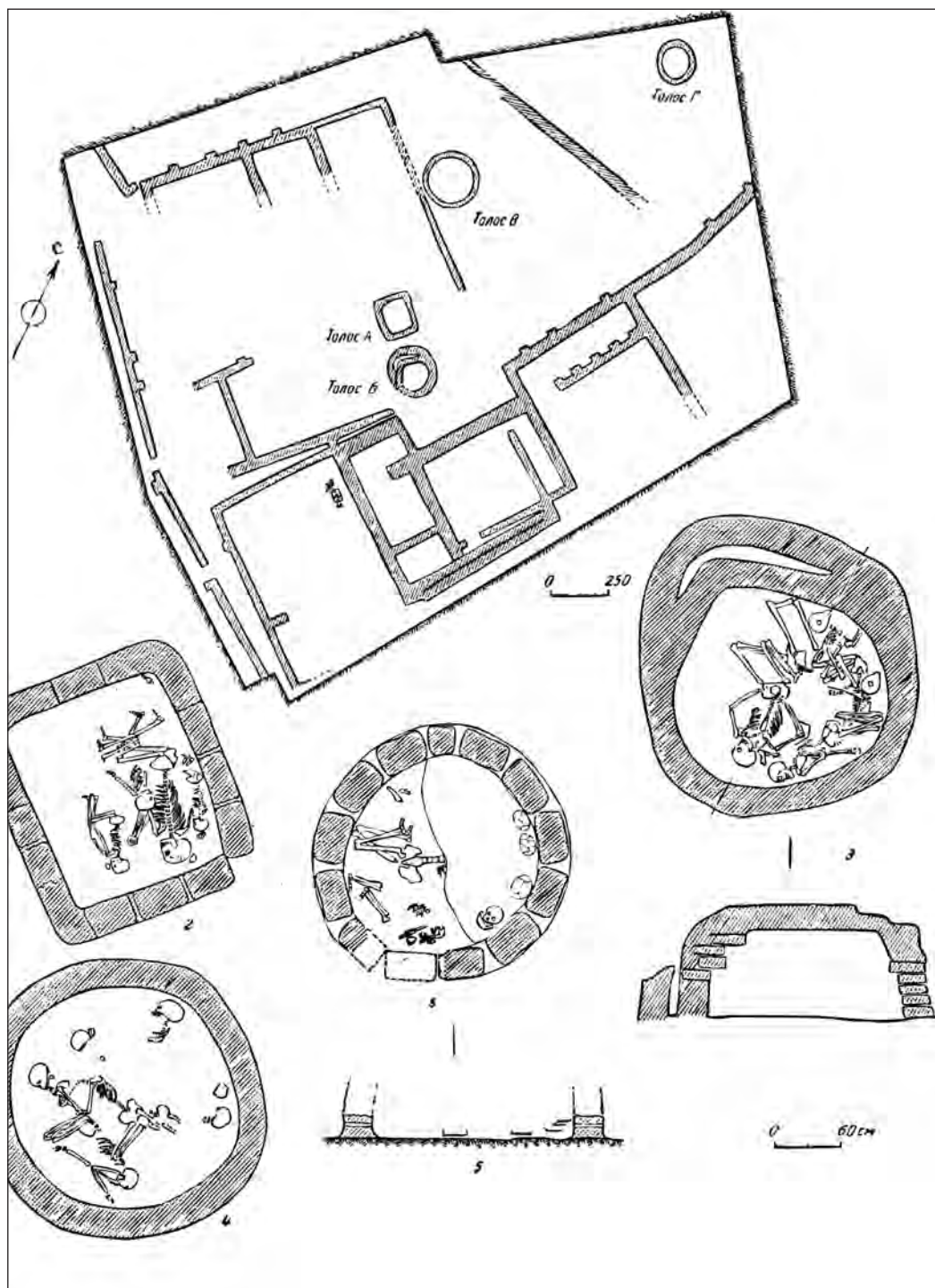
Следует уточнить, что в любом случае пространственно-временные соответствия всегда определяются лингвистикой, а не археологией, которая на это не способна все по той же причине отсутствия подтверждающих письменных документов, поддающихся интерпретации.

В рамках поставленной здесь проблемы, то есть связи цивилизации Окса с индоиранцами и индоариями, мы лишь немного займемся самим регионом предполагаемого прихода этих народов, субконтинентом (исключая гипотезу о кандидатуре хараппского Инда как исходного очага) и гипотетическим регионом исхода (исключая дискуссионный вопрос степного или анатолийского происхождения индоиранцев и индоариев).

В вопросе связей между языком, этносом и археологической культурой мне с давних пор представляется единственно разумным методологический подход, существовавший ранее: действительно, мы можем спросить себя, настолько ли слабы аргументы, выдвигаемые археологами, чтобы прекращать их обсуждение перед нестыковкой полученных результатов, которая заключается в том, что единственному этнолингвистическому концепту (индоиранскому или индоарийскому) обычно соответствует плюрализм археологических культур, среди которых каждый может выбирать по своему усмотрению и своим предположениям. Мне кажется, пришло время отказаться от этого стереотипа, чтобы не уступать поле гипотезам, слабо обоснованным в научном плане, или ожидать пока наши коллеги – специалисты в области религиоведения и лингвистики не предоставят нам более монолитные этнолингвистические комплексы, а не множество разрозненных групп. Теперь следует перейти к серьезным опровержениям и стремиться сократить поле допустимых с точки зрения археологии предположений. Вместе с тем ясно, что мы и сейчас не сможем предложить ничего иного, чем гипотезы, хотя и намного лучше сформулированные, чем двадцать лет назад. Их аргументация никогда не станет достаточно весомой без подкрепления текстами.

Исходя из сказанного, мы построим исследование следующим образом:

- 1) анализ основных гипотез, в которых признается связь цивилизации Окса с индоиранцами и индоариями;
- 2) анализ аргументов, объясняющих, почему эта цивилизация на ее урбанизированном этапе, то есть примерно до 1700 г. до н.э., не может быть индоиранской или индоарийской;
- 3) рассмотрение предложений для гипотетического сценария развития Цивилизации Окса на постурбанизированном этапе (учитывая при этом, что между 1700 и 1500 годами были индоиранцы и индоарии, и примерно с 1500 до 1000 гг. до н.э. – предполагаемые иранцы).

Рис. 3. Погребение в толосах Геоксюра в Маргиане эпохи Намазга III (по Сарияниди, 1965, рис. 10). Эти коллективные или, по меньшей мере, семейные захоронения, которые датируются этапом формирования цивилизации Окса, являются предками коллективных захоронений очищенных костяков развитого периода этой цивилизации. Они встречены также для той же эпохи в Мундигаке около Кандагара в Афганистане.

I. Цивилизация Окса простиралась на всей территории Центральной Азии между 2500 и 1500 годами до н. э. (даты широкие и символические)

Эта хронология теперь принята еще не всеми, но большинством исследователей и подтверждена всеми новыми открытиями и методами датировок в отличие от существовавших двадцать лет тому назад. Тогда были противопоставлены друг другу два взгляда на хронологию: советские исследователи выдвигали поздние датировки, основанные на цепочке аналогий, связывающих Центральную Азию с Европой северным путем, а западные ученые придерживались ранней хронологии, основанной на радиоуглеродном анализе и цепочке аналогий, связывающих Центральную Азию с Ближним Востоком и Египтом южным путем¹⁰.

А. На стадии формирования Цивилизации Окса, то есть до 2500–2400 годов до н. э., уже фиксируются ее собственные аутентичные культурные черты. Долгое время, следуя советским гипотезам, считалось, что исходным очагом этой цивилизации были предгорья Копетдага, а сама она является результатом миграции племен, которая привела к освоению в конце периода Намазга V обширных земель в дельтах рек Маргианы и Бактрии, а также в долинах Узбекистана и Таджикистана¹¹.

Эта теория сейчас имеет сторонников на постсоветском пространстве и даже в Соединенных Штатах¹², хотя она и стала предметом серьезной критики¹³. В настоящее время важно учесть тот факт, что Средняя Азия не была пустыней до 2500 года, даже если состояние исследования таково, что мы знаем еще очень мало городищ. Сейчас можно без труда выявить «фазу формирования» цивилизации Окса и датировать ее примерно между 3000 и 2500 годами. Для этого мы располагаем кроме городищ близ Копет-Дага, таких как Намазга-Депе, Алтын-Депе, Улуг-Депе, Хапуз-Депе¹⁴ и дельты Теджена¹⁵, также городищами Саразм (Таджикистан)¹⁶, Мундигак¹⁷ и Таликан (Афганистан)¹⁸ и даже Шахри Сохта в Иранском Сеистане¹⁹. Это – поселения, основанные частью в дельтах, частью – в предгорьях. Их жители занимались земледелием, базировавшимся на искусственном орошении. Культуру этого времени очень схематично можно охарактеризовать в следующих чертах:

¹⁰ О датировках см.: Аванесова, 1995; Черных, Авдилова и Орловская, 2000; Francfort, 1984 a; Он же, 1984 b; Francfort et Kuz'mina, 2000, Gösdorf, 2003; Gösdorf et Huff, 2001; Gösdorf, Parzinger, Nagler et Leont'ev, 1998; Gubaev, Koshelenko, et Tosi, 1998; Hiebert, 1993; Kaniuth, Teufer, 2001; Кирчо, Попов, 1998; Kuz'mina, 1998; Salvatori, 1995a; Он же, 1995 b.

¹¹ Biscione, 1977 дает ясное изложение этой старой теории.

¹² Hiebert, 1994; Он же, 1998; Hiebert, Lamberg-Karlovsky, 1992.

¹³ Francfort, 1984 a; Он же, 1984 b; Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 339 и особенно, p. 380–381. Ошибка основана на путанице между Намазга VI и комплексом цивилизации Окса. Намазга VI – это одна из форм финальной фазы цивилизации Окса, а не ее исток. Этап Намазга V просто синхронен цивилизации Окса.

¹⁴ Эпоха Намазга III и IV в стратиграфической колонке предгорий Копет-Дага; для общего обзора хорошо документированы данные у Kohl, 1984.

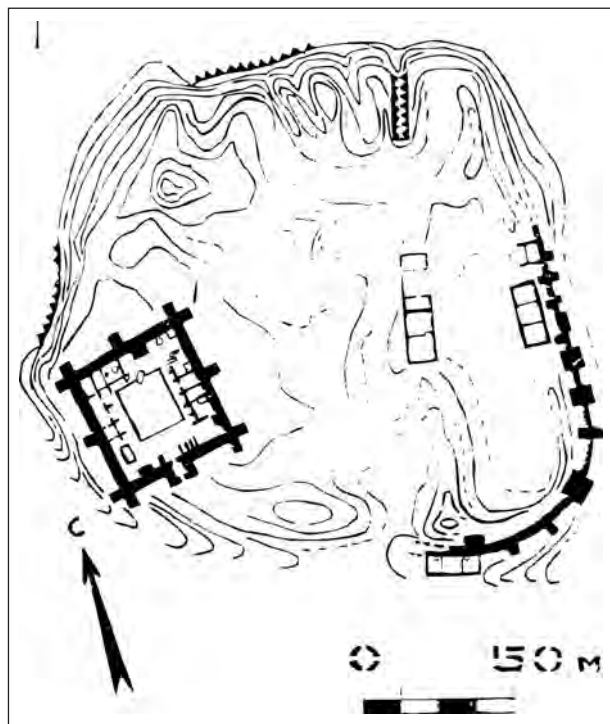
¹⁵ Поселения геоксюрского периода полностью современны Намазга III. См.: Хлопин, 1963; Массон, 1962; Сариниди, 1961.

¹⁶ См. особенно: Он же, 2003b; Besenval, 1987; Besenval et Isakov, 1989; Isakov, 1985; Он же, 1991; Исаков, Безенваль, Раззаков и Бобомуллаев, 2003a; Исаков, Безенваль, Раззаков и Курбанов, 2003b; Lyonnet, 1996.

¹⁷ Casal, 1961.

¹⁸ Lyonnet, 1977; 1981; 1988; 1997.

¹⁹ Salvatori et Vidale, 1997; Tosi, 1983a.

Рис. 4. План цитадели Джаркутана в Северной Бактрии (по Аскарову и Ширинову, 1993, рис. 2). Джаркутан – это небольшой город с укрепленной цитаделью в долине Сурхандарьи. На плане видна цитадель, снабженная оборонительной стеной и жилищем– «дворцом» правителей. Последние стратиграфические раскопки выявили в нижнем городе остатки древней укрепленной усадьбы, датированной III тысячелетием до н.э., которая долгое время, да иногда еще и теперь, принимается за «храм огня» с более поздней датировкой.

1. Керамика полихромная, ручной лепки, расписана характерными мотивами в виде крестов и ступенчатых ромбов, близкими мотивам керамики из Белуджистана²⁰;

2. Обработка камня (алебастр, стеатит) и металлургия (например, первые перегородчатые печати из меднистого сплава, изготовленные в среднеазиатском регионе), которые являются прямыми предшественниками тех же ремесел в развитом периоде цивилизации Окса)²¹;

3. Но встречаются также элементы, происходящие из степного региона, такие, как обширная погребальная ограда в Саразме, исходный тип которой известен в восточном степном ареале афанасьевской культуры²² (рис. 02), или кельтиминая керамика²³, встречающаяся также на городище Саразм;

4. Некоторые характерные элементы чисто местного происхождения, присущие также цивилизации Окса, такие как «камни с ручкой» и «камни с бороздкой» – «предки» «гирь» и «колонок» развитого периода²⁴;

5. И что особенно важно, начиная с этого времени, проявление связи цивилизации с протоэламской областью в Иране: это – табличка с письменами из Шахри Сохта²⁵, цилиндрические печати из Бактрии²⁶ и Саразма²⁷, монументальная архитектура Мундигака и Саразма, изобразительные сюжеты (мотивы печатей)²⁸;

6. Гробницы, либо коллективные, либо индивидуальные, в некрополях или на окраине поселений²⁹ (рис. 03).

²⁰ Исаков, Безенваль, Раззаков и Бобомуллаев, 2000; Jarrige, 1988b; Sarianidi, 1983.

²¹ Kohl, 1979.

²² Аванесова, 2001.

²³ Lyonnet, 1996.

²⁴ Исаков, Безенваль, Раззаков и Бобомуллаев, 2003а; Winkelmann, 1997b.

²⁵ Amiet et Tosi, 1978.

²⁶ Amiet, 1977.

²⁷ Isakov, 1996.

²⁸ Winkelmann, 2000.

²⁹ Коллективные гробницы в круглых толосах в Туркменистане (Геоксюр, Алтын) и прямоугольные в Мундигаке. Шахри-Сохта располагал некрополями с коллективными или индивидуальными погребениями.

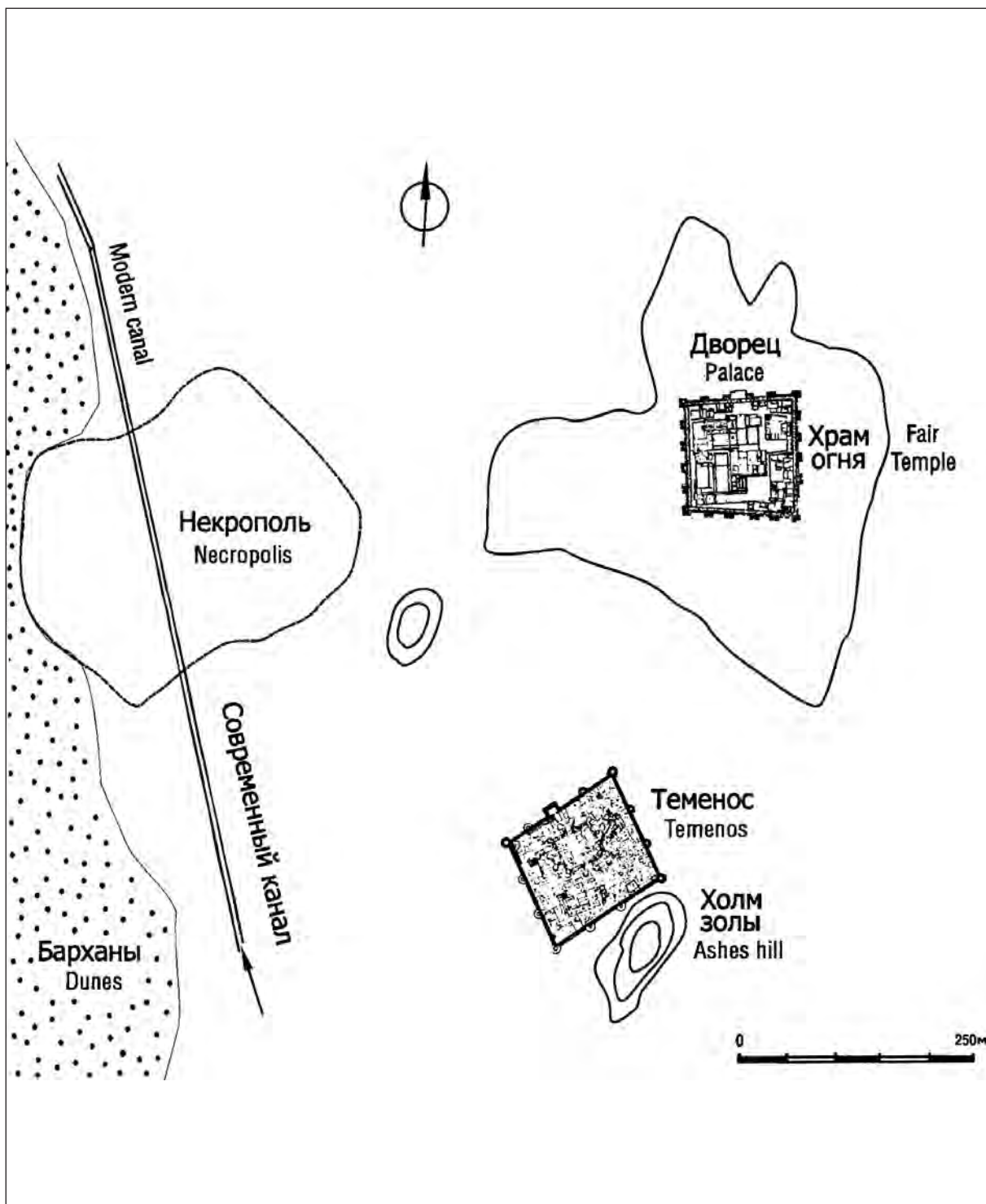

Рис. 5. План городища и некрополя Гонур-депе в Маргиане (по Сарияниди, 2001, рис. 1, с 15). Гонур – это самое большое известное в настоящее время городище цивилизации Окса. Его площадь превышает 30 га. Различается Северный Гонур – самый древний, Южный Гонур – более поздний и обширный некрополь, а также удаленные от центра ремесленные кварталы.

Такова комплексная подоснова, к которой примешиваются то проявления урукской и протоэламской экспансии³⁰, то влияния культуры предхаррапского Инда³¹, а также результаты столкновения с миром степей от среднего Окса до Заравшана, Кельтиминара и Афанасьево. На этой сложной формирующей базе, а не путем внезапного вторжения инноваций, заселялись дельты в Бактрии и Маргиане на протяжении развитой стадии цивилизации Окса³².

Б. Позднее 2500/2400 годов развивается зрелая стадия цивилизации Окса. На очень обширной территории процветала тогда блестящая цивилизация, отличавшаяся однородностью как керамики беловато-розового цвета, изготовленной на гончарном круге, так и архитектуры, художественных изображений, погребальных обрядов и пр. Отметим, что эта развитая стадия в большей части хронологически совпадает с периодом зрелости харрапской цивилизации Инда (2500–1800 гг.) и с периодами Намазга V и VI предгорных городищ Туркменистана (2200–1500 гг.). Пик процветания цивилизации Окса, отмеченный значительным развитием искусств и связей на дальние расстояния, приходится на время примерно между 2200 и 1750 гг. до н. э. Синхронность цивилизаций удостоверена радиоуглеродными датировками, многочисленными артефактами, предметами импорта с Инда в Средней Азии³³ и среднеазиатскими предметами на Инде – в Харappe и Мохенджо-Даро³⁴. Более того, раскопки городища Шортугай (Северо-Западный Афганистан) позволяют представить хронологический срез от развитой стадии Харappy до бактрийской фазы, в котором цивилизация Окса занимает верхний ярус³⁵.

Основные городища Средней Азии, центры оазисов или групп оазисов следующие: Сапалли-тепа³⁶ и Джаркутан³⁷ (рис. 04) в Узбекистане, Дашлы-депе³⁸ в Афганистане, Келлели³⁹, Гонур-Депе (рис. 05) и Тоголок-Депе⁴⁰ в Туркменистане. В каких-то трех сотнях поселений, известных на сегодняшний день, проживало значительное население, сгруппированное на орошаемых землях в трех оазисах. Сюда следует добавить городища в предгорьях Копетдага, самые крупные из которых Намазга, Улуг, Хапуз, Алтын-Депе (эпохи Намазга V–VI), а также поселения на периферии ареала, в которых выявлены элементы, относящиеся к этой цивилизации: в Иране в Луте (Сахдад)⁴¹ и в Гургане (Тепе Хиссар)⁴²; в афганском Сеистане (Годар-и-Шах, верхняя терраса Над-и-Али)⁴³; в пакистанском Белуджистане (Мергар VIII, Кветта, Сибри)⁴⁴.

³⁰ Речь идет о сложном явлении, которое послужило причиной появления обильной литературы: Algaze, 1993; Butterlin, 2003. В отношении восточного направления этой экспансии см. соответствующие главы из Amiet, 1986b; Potts, 1997; Урукские миски были найдены Р. Безенвалем в Макране: Besenval, 1997a; 1997b. Другой тип посуды, найденной в северном холме Анау, позволил Ф. Хиберту выявить связь с протоэламской экспансией в Среднюю Азию (Hiebert, 2003)

³¹ Lyonnet, 1981; 1988; 1997.

³² Археологические исследования в высохших дельтах Средней Азии еще далеки от завершения, но всё приводит к мысли, что дельта Теджена не была единственно обжитой (Геоксюр).

³³ В особенности сердоликовые серьги типа «etched carnelian beads».

³⁴ В особенности печати: During-Caspers, 1994b; 1994c.

³⁵ Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989.

³⁶ Для всех этих перечисленных городищ кроме упомянутых выше обобщающих работ по Средней Азии я указываю лишь главные публикации, но библиография обильна: Аскарлов, 1973; 1977.

³⁷ Аскарлов и Абдуллаев, 1983; Аскарлов и Ширинов, 1993.

³⁸ Сариниди, 1977.

³⁹ Масимов, 1980.

⁴⁰ Sarianidi, 1998a; 2001; 2002b.

⁴¹ Nakemi, 1997.

⁴² Dyson et Howard, 1989; Schmidt, 1937.

⁴³ Besenval et Francfort, 1994.

⁴⁴ Jarrige, 1988a; Santoni, 1984; 1988.

Цивилизация Окса обладала богатыми источниками минеральных ресурсов, разрабатывавшихся в ее бактрийской и согдийской землях: золото, олово, бирюза, лазурит – самые ценные из них, а медь, серебро, свинец были обыденными металлами. Она была связана не только с областью Инда, Восточным Ираном и степями, но еще с Западным Ираном (находки в Сузах)⁴⁵, а также с Заливом⁴⁶ и с сиро-анатолийским миром (мы к этому вернемся). Конечно, упомянутые минералы, в виде сырья и в изделиях, были объектом торговли и других форм обмена с периферийным окружением и с отдаленными странами. Взять хотя бы один простой пример, лазурит, единственные залежи которого и их разработки, достоверно известные для этой эпохи, расположены в горах афганского Бадахшана. Можно говорить о «лазуриновом пути» на манер «шелкового пути», который связывал Бактрию с Ближним Востоком через Иран⁴⁷. Шортугай был местом, где обрабатывали этот камень и экспортировали его, без всякого сомнения, на Запад, так как хараппцы не были ни любителями, ни потребителями этого минерала⁴⁸. При раскопках поселений цивилизации Окса встречены и импортные предметы, привезенные отовсюду с периферии, а также из упомянутых отдаленных областей.

Но этот блестящий урбанистический период имел свой срок.

В. Со времени примерно от 1700 до 1500 гг. до н. э. наступает период, который мы назвали «поздней» или «постурбанистической» фазой цивилизации Окса⁴⁹, отмеченной некоторым экономическим упадком, нашедшим отражение в архитектурном строительстве, ремесленной или художественной продукции и связях на дальние расстояния, которые тогда пришли в полное расстройство.

Тем не менее, именно в это время произошли важные события, выразившиеся в освоении новых территорий на лессовых холмах Таджикистана⁵⁰, в появлении большого числа материалов степного типа, изменений в технике производства керамики, в эволюции погребальных обрядов. Ниже мы вернемся к этим изменениям в более подробном описании городищ и соответствующего материала от Каспия до Памира.

II. Самые последние гипотезы, которые связывают цивилизацию Окса с индоиранцами или индоариями, можно разделить на два типа: 1) те, в которых эта цивилизация признается эманацией индоиранцев / индоариев (Сарианиди, Хиберт), и 2) те, в которых считается, что новые, пришедшие из степей племена, наследовали цивилизации Окса (Кузьмина) или захватили ее территорию (Парпола, Мэллори). Этот разнобой в определениях, который может показаться удивительным, проистекает из того факта, что при археологических работах на местах не отмечается никаких следов вторжения, и никакая культурная трансформация также не выявляется присутствием соответствующего археологического материала, происхождение которого можно было бы связать с периферийными регионами. Такие выражения как «доминирующая элита»

⁴⁵ См. многочисленные атрибуции, предложенные П. Амье, среди материала, происходящего из Суз или Луристана.

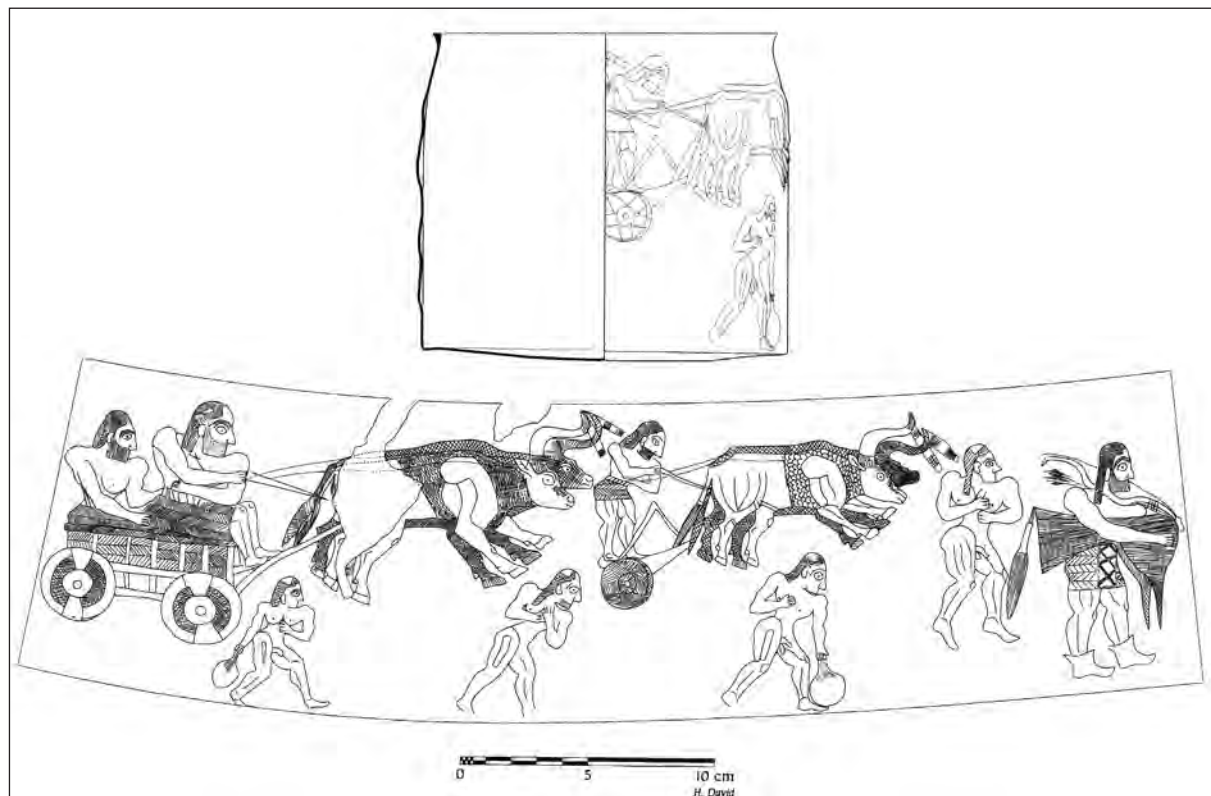
⁴⁶ During-Caspers, 1992; 1994a; Potts, 1993.

⁴⁷ См., например: Bulgarelli, 1979; Deshayes, 1977; Herrmann, 1968; Majidzadeh, 1982; Muhly, 1973; Piperno et Tosi, 1973; Porada, 1982; 1992; Сарианиди, 1971; Talion, 1995; Tosi, 1974; Vidale, Bianchetti et Cattani, 1998.

⁴⁸ См.: Francfort, Boisset, Buchet, Dese, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 251, 257, 270-71, 362, 374, 393-95, 444-45.

⁴⁹ О трансформации от урбанизма в постурбанизм см. там же, p. 384-388 и выше.

⁵⁰ Francfort, 1985; Tosi, 1983b.

Рис. 6. Цилиндрический серебряный кубок с изображением процессии (Музей Лувр, АО 28518). Этот кубок несет декор, выполненный тиснением: две колесницы, запряженные галопирующими быками. Одна повозка с четырьмя сплошными колесами, в ней сидят два важных персонажа, одетых в каунакес. На второй легкой колеснице с двумя сплошными колесами стоит бородатый персонаж в набедренной повязке. В нижнем регистре шагают один бородатый лучник в набедренной повязке и две маленькие фигуры – юноши, абсолютно нагие (прорисовка Г. Давид).

или «проникшая элита», несмотря на их власть рождают образы, не более чем искусственная риторика, которая никоим образом не может замаскировать нашу теперешнюю неспособность составить представление о предполагаемом историческом явлении.

Вышеуказанный исторический феномен может быть схематично выражен следующим образом: возможное появление (приход или возникновение) неразделенных индоиранцев в Средней Азии, потом вероятное прохождение индоариев и, наконец, появление только иранцев. Первых разыскивают в степях и, возможно, в оазисах юга или в других местах; вторые должны были обнаружиться в степях или в оазисах и оказаться также в Индии; тогда как последние обнаруживаются только в Средней Азии и в Иране. Ни в одном из этих регионов, тем не менее, не находят археологического материала, который можно было бы бесспорно соотнести с индоиранцами, так же как с индоариями или с иранцами. Но нормально ли это, учитывая тот факт (как показано выше), что без эпиграфических документов и только по археологическому материалу невозможно

обнаружить индоариев в Митаннийской Анатолии, как, например, и греков в Микенской Элладе⁵¹. В этих двух типах гипотез, упомянутых выше, связь цивилизации Окса с индоариями определяется либо сопоставлением характерных археологических признаков с описаниями, взятыми из текстов, либо путем сравнения изменений, выявленных по археологическому материалу, с этнолингвистическими перемещениями⁵².

Основываясь на соответствии мест и дат, а именно Средней Азии и Северо-Западной Индии в период 1800–1600 годов до н.э., Ф. Хиберт связывает цивилизацию Окса с аналогичным материалом из Белуджистана и Макрана (на юге Гиндукуша), чтобы соотнести наличие этого материала с присутствием индоариев⁵³. К сожалению, эта гипотеза непригодна. Действительно, прежде ведь следует признать, что этот материал, происходящий из нескольких гробниц в Макране или Кветте (и очень различный) и с таких городищ, как Мергар VIII или Сибри, – разнородный. Затем отметим, что эти связи существовали по большей части ранее 1800–1600 годов до н.э. и могли носить характер дипломатических и торговых обменов или отмечать передачу престижных ценностей, не указывая на какую бы то ни было миграцию⁵⁴. И, наконец, ничто в выявленном материале не соответствует тому, что могло бы характеризовать ариев письменных источников. И напрасными будут поиски следов колесниц или кавалерии, поскольку в Пираке – в соседнем городище, ничем не обязанном цивилизации Окса, они присутствуют⁵⁵. Что касается Белуджистана, то он также с успехом может рассматриваться

Рис. 7. Завершение скипетра или боевого молота в форме головы лошади, из меднистого сплава (по Ligabue et Salvatori, 1989, fig. 98). Изображения лошади нередки в цивилизации Окса. Эта протома лошади, грива которой на шее, указывает, что животное одомашненное, образует завершение молота – инсигнии власти.

⁵¹ Сам факт присутствия индоариев в Митанни, известный благодаря имеющимся текстам, определяет *ipso facto* и возможность отнесения к ним части археологического материала, облик которого, однако, ничем не отличается от материальной культуры хурритов или других народов, населявших регион. Колесница с колесами на спицах, запряженная лошадьми, поэтому сделалась для многих исследователей материальным признаком этих народов, хотя известно, что ее также использовали и египтяне. См. ниже.

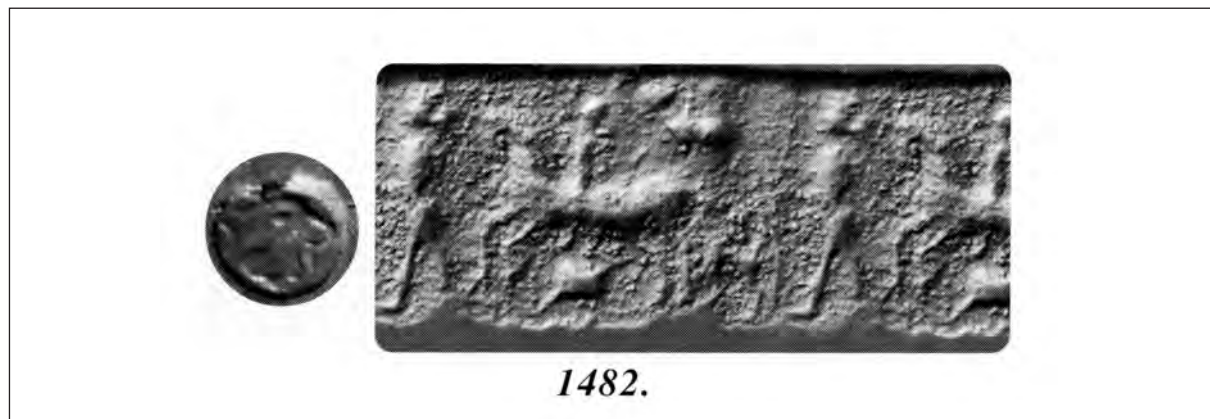
⁵² О более детальном анализе традиционных гипотез, проделанном до того, как цивилизация Окса не сфокусировала еще на себе внимание многих исследователей, с археологической точки зрения см.: Francfort, Boisset, Buchet Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 446–456.

⁵³ Hiebert, 1994; 1998; Hiebert et Lamberg-Karlovsky, 1992. К.К. Ламберг-Карловский в недавней публикации настаивает на этой гипотезе, что читается между строк: Lamberg-Karlovsky, 2002. Ж. Меллори связывает свою теорию «Kulturkugel» с этой же гипотезой; мы увидим ниже, что следовало бы выделить нюансы.

⁵⁴ Jarrige, 1990

⁵⁵ Jarrige et Santoni, 1979: фигурки всадников и вырезанное из кости изображение лошади относятся ко времени после 1700 г. до н. э.

Рис. 8. Цилиндрическая печать из афганской Бактрии с изображением всадника (по Sarianidi. 1998 b. n 1482). Верховая езда была отчасти известна населению цивилизации Окса, но мы еще пока не знаем в какое точно время она там появилась (без сомнения, после XVIII века до н.э.), и была ли она достоянием говорящих на индоиранских языках (нет ничего менее определенного).

в эту эпоху как юго-восточная часть ареала, тяготевшего, скорее, к Средней Азии и Иранскому плато (район Кветты), чем как часть мира долины Инда. Возвышенная терраса Над-и-Али так напоминает нам о распространении цивилизации Окса в южном направлении, что ее с трудом можно квалифицировать как индоиранскую⁵⁶. Эти данные не указывают на приход индоариев в Индию. Лучший способ – это избегать грузить в один блок археологический материал цивилизации Окса со всем тем, что мы знаем об индоариях, так как тогда нужно будет распространить подобное заключение на все ее проявления, что станет абсурдным. Аргумент, указывающий на трудности перехода через Гиндукуш, не кажется непреодолимым, поскольку, начиная с фазы формирования, цивилизация Окса была представлена одновременно в регионах пред- и за Гиндукушем, а городище Шортугай никогда не рассматривалось как эманация миграционного движения из Инда в Среднюю Азию, а только как торговая фактория или хараппская колония⁵⁷. К тому же, переход через эти горные барьеры между Средней Азией и Северной Индией осуществлялся постоянно, по крайней мере, с эпохи бронзы, как это видно по наскальной живописи (петроглифам) в верховьях Инда⁵⁸. Эти заключения, часто игнорируемые, перечеркивают исторические реконструкции, которые опираются только на тексты и в которых не учитывается факт, что центальноазиатские племена переходили через эти горы, по крайней мере, дважды: индоа-

⁵⁶ См. ниже о высоких террасах.

⁵⁷ Шортугай ни в коей мере не может быть принят за показатель миграции из Индии в Среднюю Азию, она остановилась бы на Кокче. Если бы это было не так, нашлось бы намного больше проявлений ее последствий в среднеазиатском археологическом материале. Напротив, материалы среднеазиатского типа из Белуджистана или городов Инда (см. выше), такие как присутствие лошади в Пираке и другие указатели (см. ниже) намекают на то, что существовало чередование исторических полюсов в таких направлениях: Средняя Азия в культуры Инда во II тысячелетии до н. э. после 1750 г. до н. э. (Ахемениды, греки, саки, кушаны, моголы, например) и обратное, которое также кажется очевидным в иные моменты (фаза формирования цивилизации Окса примерно до 2500 г. до н. э., распространение буддизма и так далее). Все эти явления по природе своей отличаются одно от другого, но демонстрируют лишь одно общее обстоятельство – постоянное преодоление горных преград, так называемых «естественных границ» (см. следующую ссылку и ниже).

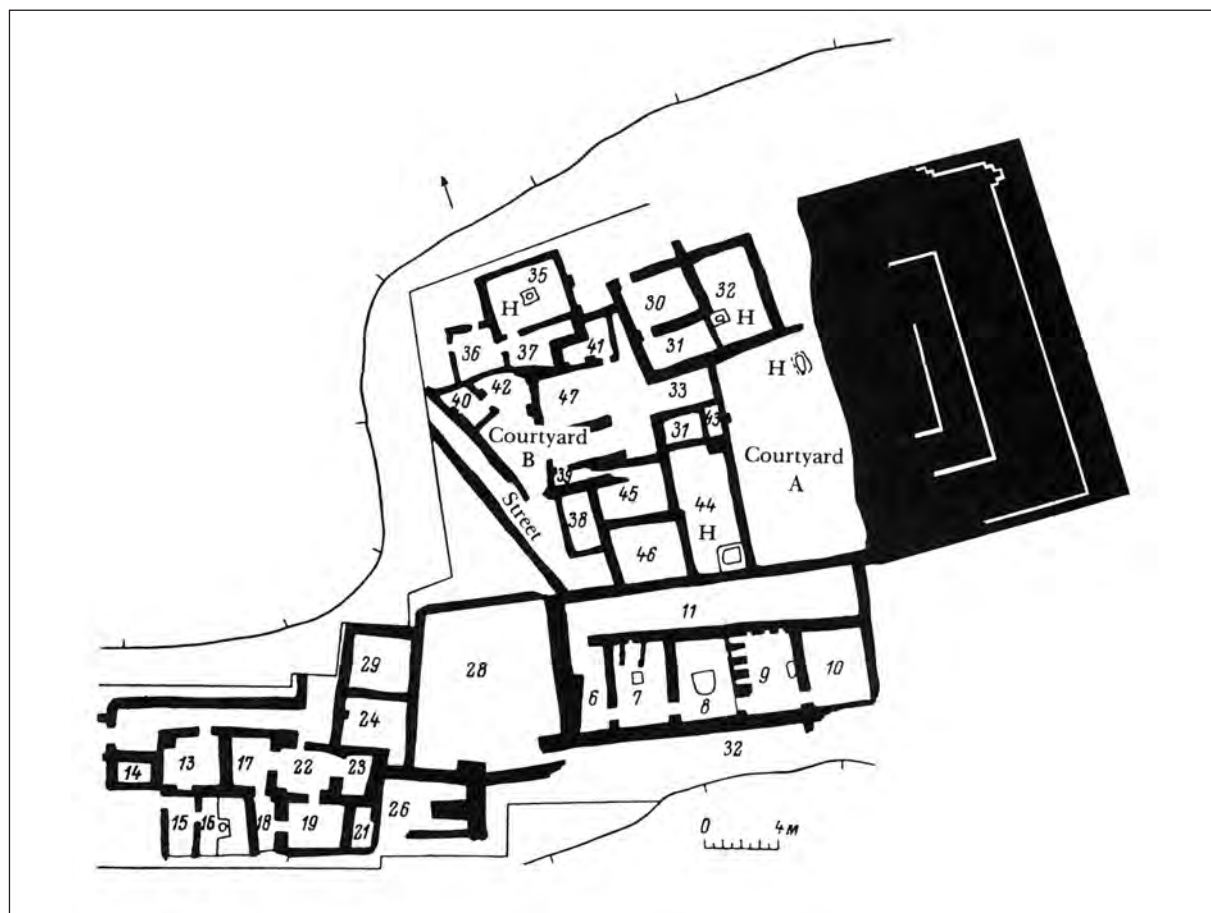
⁵⁸ Francfort, 1991; 1992b; 1993b; 1994b; Francfort, Klodzinski et Masclé, 1990; 1992; Jettmar, 1983; 1991; Jettmar et Thewalt, 1985.

Рис. 9. Алтын Деле, Туркменистан. Погребальная камера с коллективными погребениями очищенных костей, расположенная в жилище. Период Намазга V (по Массону, 1988, рис. 16, с. 52). Погребения очищенных костей – древнейшие в Средней Азии. Они не являются принадлежностью Маргианы и не связаны в эту эпоху с маздеизмом. Наличие погребальных структур внутри поселения – не исключительное явление.

рии между 1800 (?) и 1400 (?) годами до н.э. и саки во II веке до н.э. Аргумент хронологии (в 1800 (?) и 1400 (?) годах) больше не имеет значения, так как он стал уже расхожим, в самом деле, это – нормально. Он же становится абсолютно абсурдным в тех условиях, когда надо увязать хронологическую специфику с какой-нибудь археологической культурой, так как всегда найдется некая археологическая культура в заданном месте и в заданную эпоху, чтобы ответить на запрос письменных источников, мало склонных проявить интерес к конкретной сущности вещей. Следовательно, если брать только тексты, которые обязывали бы искать индоариев без того, чтобы учитывать дату (между 1400 (?) и 1800 (?) годами – обе даты в равной мере имеют значение с точки зрения их роли в археологии Средней Азии) без того, чтобы придавать значение месту (в Средней Азии, на ее периферии или в Северо-Западной Индии) и без того, чтобы происхождение археологического материала имело хоть малейшее значение, тогда мы могли бы предложить цивилизацию Окса как связанную с ариями. Однако так не бывает, и все эти параметры учитываются: поздняя дата устраняет существование цивилизации Окса, тогда как ранняя дата позволяет

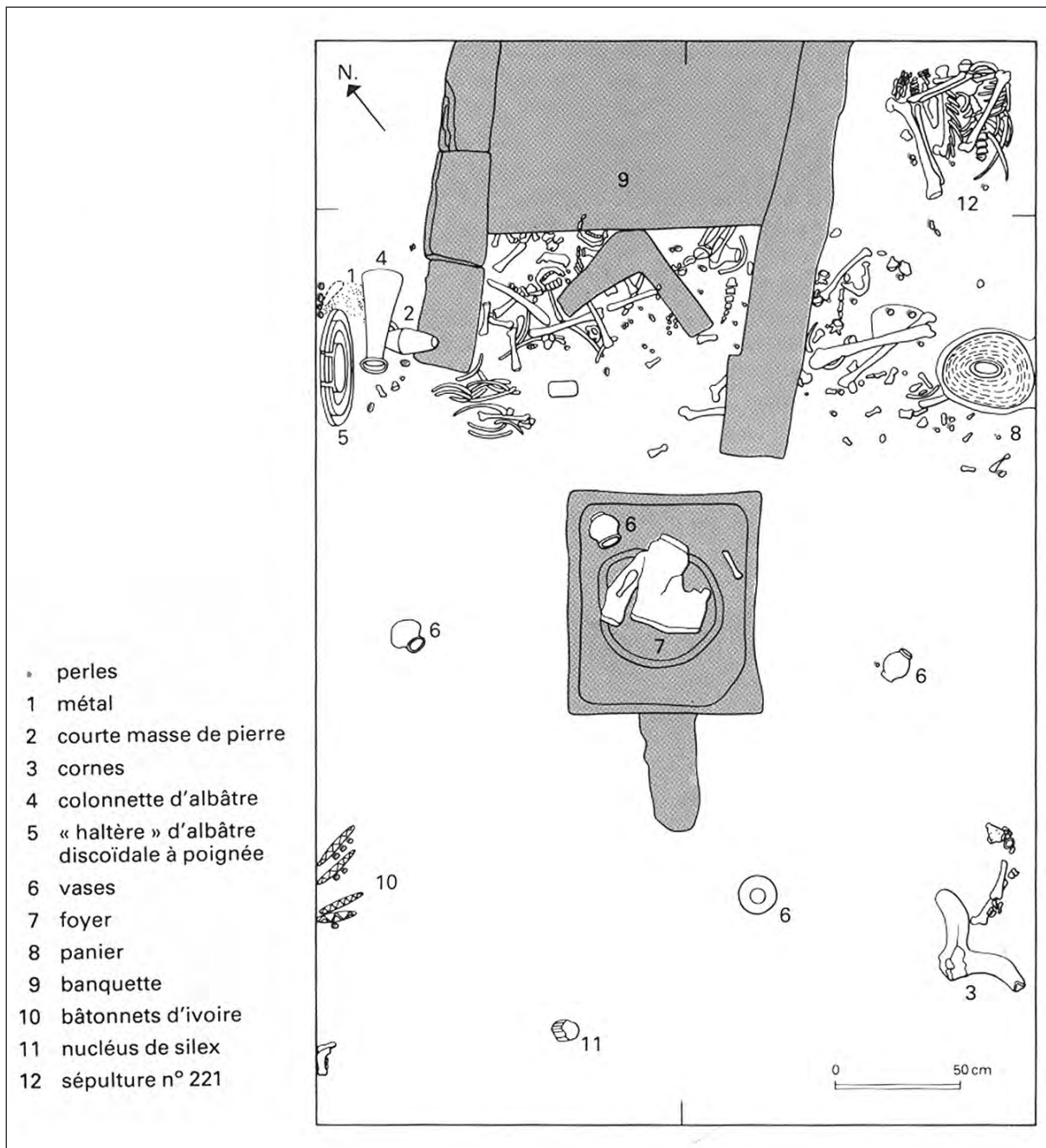

Рис. 10. Алтын Депе, Туркменистан. Погребальный комплекс и ступенчатая терраса. Период Намазга V (по Массону, 1988, рис. 19, с. 62). Этот погребальный комплекс, прилегающий к ступенчатой платформе, прежде всего, напоминает сочетание высоких террас с погребальными структурами в эламском мире, главным образом, в Сузах.

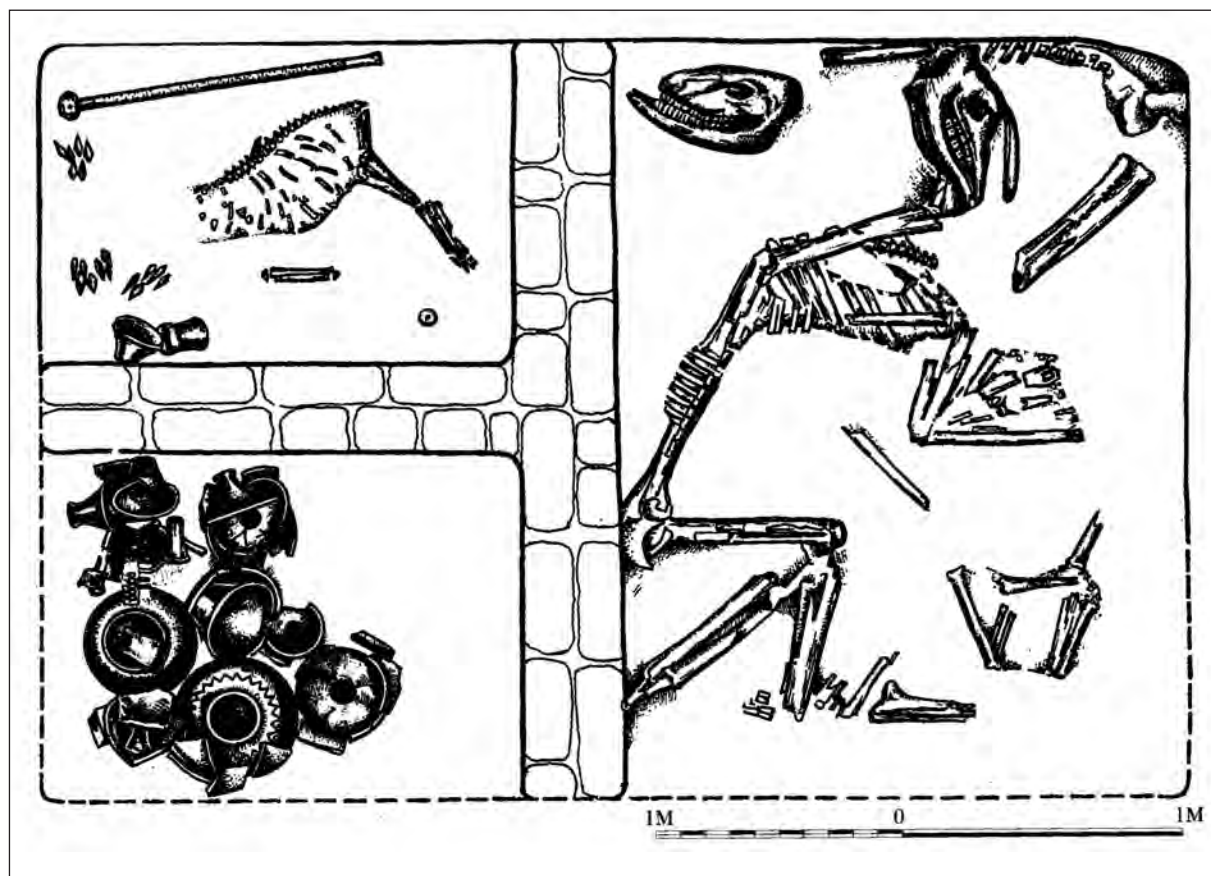
ее сохранить, но в этом случае она не более значительна, чем другие, современные ей местные археологические культуры по указанным выше причинам, которые заставляют учитывать характер ее материала и возможные объяснения ее присутствия за пределами индогангской равнины. В итоге, если верить тем, кто считает, что цивилизация Окса – это вектор, указывающий на индоариев, то надо также объяснить, почему она относится только к ним, исключая других, и почему она не распространилась в долину Инда, чего упомянутые авторы не делают. Кроме того, должно быть объяснено отсутствие материальных определителей для индоариев. Нельзя ограничиваться только общностью пространственно-временных показателей.

Отложив пока эту гипотезу, посмотрим – есть ли другие, которые отождествляют цивилизацию Окса с индоариями?

Многие года В. И. Сарияниди энергично отстаивает гипотезу, согласно которой индоарии пришли из сиро-анатолийского региона северным путем, и затем с юга обошли иранские пусты-

Рис. 11. Алтын Депе, Туркменистан. Помещение с очищенными костями погребального комплекса. Период Намазга V (по Массону, 1988, рис. 20, с. 63). Это – первое из трех погребальных помещений, вблизи платформы. Оно предназначалось, собственно говоря, для очистки костей от плоти и в качестве хранилища приношений. Два следующих анфиладно расположенных помещения были резервированы для размещения очищенных костей. Этот примечательный комплекс современен крупным мавзолеям Гонура в Маргиане, которые не очень отличались и по назначению. Этот способ погребений восходит к толосам эпохи Намазга III в Геоксюре (рис. 3).

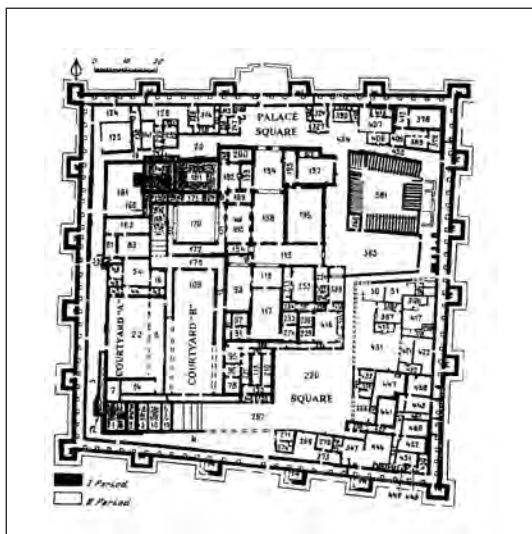

Рис. 12. Погребение, содержащее скелеты ягненка и верблюда, снабженное обильными приношениями. Тоголок Деппе, Маргиана, Туркменистан (по Sarianidi. 1998 a, fig. 33. n 2, p. 73). Погребения некоторых животных – это один из характерных признаков погребальной практики цивилизации Окса. Все они сопровождаются богатыми приношениями, такими же, как в захоронениях людей высокого социального положения, что видно по грунтовым могилам. Здесь это богатство выражено в кирпичной архитектуре гробницы, как и в количестве сопровождающих сосудов, и в наличии длинного каменного «скипетра», увенчанного ажурным серебряным шаром.

ни, и что формирование цивилизация Окса связано с ними⁵⁹. Прочерчивая стрелку миграций на карте, он разом решает проблему происхождения цивилизации Окса, прихода индоариев в Среднюю Азию и Северо-Западную Индию и даже проблему иранцев и зороастризма. Он выделяет на городищах Маргианы форму «язычества», которую называет «протозороастризмом». Этот исследователь – крупный археолог Средней Азии, которому мы обязаны большей частью наших знаний о цивилизации Окса, составил перечень археологических артефактов (погребения, ритуал, архитектура, иконография). Он связывает их, с одной стороны, с ведическими и, особенно, с авестийскими текстами, а с другой – с археологическими объектами из сиро-анатолийского мира. Естественно, ничто не позволяет намечать трассы миграций создателей цивилизации

⁵⁹ Об этой теории см. недавние публикации: Сарияниди, 1993а; 1994; 1996; 1998а; 1998b; 1999а; 1999b; 2000b; 2001; 2002b

Рис. 13. План дворца Гонур-депе в Маргиане, Туркменистан (по Sarianidi. 2002 b, p. 215). В нем представлен самый обширный дворец, известный в настоящее время в цивилизации Окса. Он датируется III тысячелетием до н.э. Дворец Южного Гонура более позднего времени. Его архитектура очень похожа на архитектуру усадеб региона в бронзовом веке. Назначение разнообразных помещений с точностью не определено, в особенности функции помещений, которые, как предполагается, были посвящены религиозным действиям.

Окса в Среднюю Азию ни из Ирана, как раньше думал В. Сарияниди, ни из Северной Сирии, как он полагает сегодня, так же как нельзя относить их к 2200 году или позже, что он признает теперь, после того, как долгое время придерживался очень поздней даты. Однако мы должны будем тщательно проанализировать некоторые из выдвинутых им аргументов, так как сирокликийский мир – это регион, который увидел появление индоевропейцев и даже индоариев в Митанни в период около 1600–1400 годов до н. э.⁶⁰ Эти арии из Митанни, присутствие которых удостоверяется текстами, хорошо известны всем исследователям, интересующимся вопросами этнолингвистических процессов в Азии, никогда не были исторически достоверно связаны с регионами Средней Азии и Северо-Западной Индии, где эпиграфические документы отсутствуют и где археология молчит⁶¹. Отношения цивилизации Окса с Северной Сирией и Анатолией – это отдельная интересная археологическая и историческая проблема, осложненная слабостью и разрозненностью документации, имеющейся в распоряжении исследователей по Северному и Восточному Ирану III–II тысячелетий до н. э. и времени до середины I тысячелетия до н. э. С миграциями или лучше без них, однако, следует сознавать, что Иранское плато времени эламитов оставалось еще *terra incognita* в археологическом смысле на всем своем широком пространстве, что затрудняет исследования связей Средней Азии с Ближним и Средним Востоком, что было бы, однако, необходимо учесть в контексте нашей темы. Поэтому следует обратиться к результатам археологических работ в степях.

⁶⁰ Freu, 2003; Garelli, Durand, Gonnet et Breniquet, 1997.

⁶¹ Freu, 2003, p. 26–31. Автор рассматривает «проблему происхождения (Митанни) и цивилизации Центральной Азии» по общим опубликованным археологическим работам, одни из которых полностью устарели (Гиршман), что приводит его к таким поразительным утверждениям, как: «трудно сомневаться в том, что в Центральной Азии батальоны колесниц служили для борьбы с иранскими кочевниками (андроновской цивилизации), близкими и по месту обитания и по языку ариям Бактрианы, но отличающимися от последних образом жизни и религиозными верованиями». Следует все же напомнить, что если батальоны колесниц и были, то скорее со стороны «носителей» андроновской культуры, и оказывается (см. погребения с колесницей), что эти последние ни в коей мере не были ни кочевниками (см. ниже Синташту, Аркаим и др.), ни «иранскими» (это определение нельзя поддержать для эпохи более ранней, чем период «валиковой керамики» и культур Амирабад, Тагискен, Бегазы-Дандыбай, Ирмен и, может быть, Карасук). Сценарий миграции *magiyanu* через Иран по югу Каспийского побережья, которая началась бы в начале XVIII в. до н. э. опровергает теорию В. Сарияниди, меняет направление стрелок, но также не убеждает из-за отсутствия малейшего археологического доказательства.

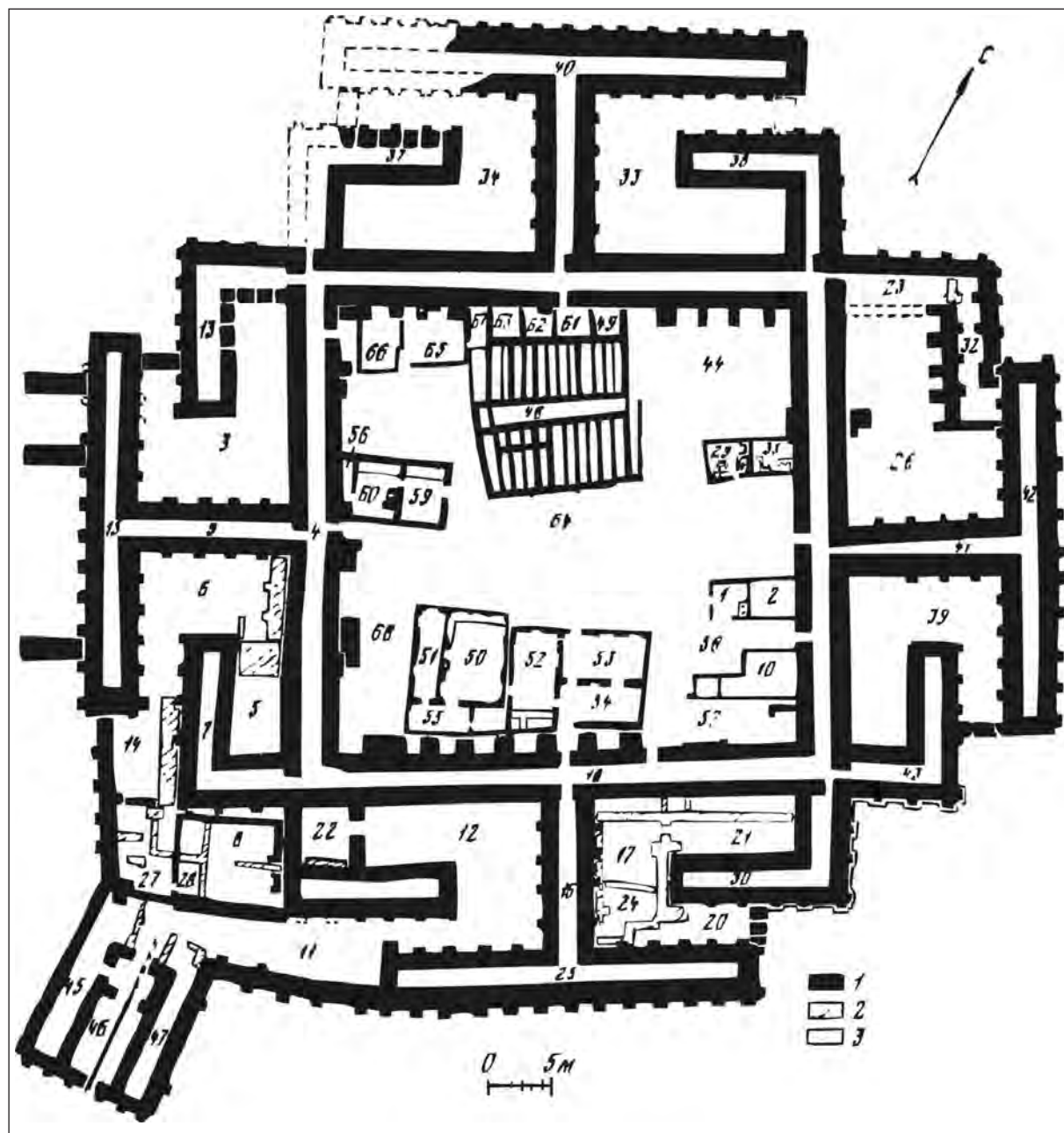

Рис. 14. План усадьбы Дашлы – 3 в афганской Бактрии (по Сариянии. 1977, рис. 152, с. 42). Эта усадьба около 1 га площади обладает архитектурой с защитной функцией и коридорами, план которых похож на греческую букву «гамму», а также пилястрами, напоминающими такие же в раннем Мундигаке. Семьи правителей цивилизации Окса могли жить в этих усадьбах в гуще жилищ населения оазисов.

Е.Е. Кузьмина, которая занимается этим уже более тридцати лет, поддерживает гипотезу отождествления индоариев и ведических ариев с «носителями» синташтинско-петровской культуры Центрального Казахстана, относящейся к группе так называемых андроновских культур,

Рис. 15. Вид на монументальную террасу Над-и Али, Сеистан, Афганистан. (по Besenval et Francfort, 1994). Эта монументальная терраса, долгое время неверно датированная раннежелезным веком, теперь была передатирована эпохой бронзы. Тяготеющая к миру цивилизации Окса она должна быть в принципе соотнесена с террасами Алтын Депе в Туркменистане, Тюренгтепе и др. в Иране. Культы, связанные с этими памятниками, принадлежат Вселенной, которая, однако, не является Вселенной индоиранцев.

известных от Урала до Западной Сибири⁶². Согласно этой гипотезе, индоарии отождествляются с одной из групп азиатских степных культур (андроновцы в России, Казахстане и Киргизии). Следовательно, материальное проявление этих культур на юге Средней Азии интерпретируется как отражение «миграций» или «инфильтраций». Аргументы не могут быть детализированы, но, для тех, кто придерживается степной гипотезы, совсем недавно появилась на свет лучшая разработка, которой мы располагаем на сегодня – с обновленной хронологией, более ранней и лучше всего соответствующей современным данным и концепту о роли степного культурного горизонта Новокумака и всего того, что отсюда проистекает⁶³. Группа андроновских культур в Азии, как и параллельная ей срубная культура в Европе, дают повод поддержать миграционные теории в отношении народов, пришедших из степей. Однако остаются нерешенными три важных проблемы. Прежде всего, поражает неточность соотнесения выбранных археологических признаков с характеристиками арийской ведической культуры, странным образом реконструированной лишь по выборочным особым примерам⁶⁴. Невольно возникает вопрос, что дают эти сравнения текстов с археологией, и почему степная гипотеза в итоге держится больше на лингвистических сопоставлениях с группой языковых урало-алтайских заимствований и ссылок на природные факторы (климат, растительность, общая экология)⁶⁵, чем на рассмотрении способа

⁶² Kuz'mina, 1977; 1981; 1986a; 1986b; 1994a; 1994b; 1994c; 2001a ; можно найти полезные выводы в Mallory, 1997. См. также по вопросу степных «протогородов» в степи: Зданович, Иванова, Предеина, 1999; Зданович, 1995b; Зданович и Зданович, 1995.

⁶³ Кузьмина, 2001b; 2000.

⁶⁴ Fussman, 2003.

⁶⁵ Carpelan, Parpola et Koskikallio, 2001 недавно разъяснили этот вопрос.

изготовления керамики, форм очагов или архитектуры гробниц⁶⁶. Связи в культурном и техническом контекстах игнорируются в пользу ссылок на ритуальные гимны, мало подходящие и, по крайней мере, сочиненные не для этого случая. В результате, вопрос о воинах-колесничих и использовании лошади, что составляет сильный и рекуррентный аргумент степной гипотезы, как бы, взят как этнолингвистический маркер, а не как социально-экономический признак, что мы увидим ниже. В итоге, соотношение андроновских материалов с артефактами цивилизации Окса, которые весьма разнообразны в самой Средней Азии, показано неубедительно. Складывается впечатление, что раз андроновская гипотеза принята, то уже самый незначительный черепок степного происхождения, обнаруженный в любом контексте на юге Средней Азии, свидетельствует о «проникновении» индоариев. Однако вопрос не так прост. Андроновский материал, найденный на территории цивилизации Окса, включает хорошо узнаваемые предметы из металла специфических форм⁶⁷ и, особенно, серую керамику ручной лепки с грубым отощителем в тесте, украшенную насечками и вдавлениями, которую также легко опознать. Она присутствует во всей зоне цивилизации Окса наряду с местным материалом в различных пропорциях в зависимости от региона и времени, но количественно увеличиваясь после 1700 г. до н.э.⁶⁸ На юге Средней Азии андроновский материал широко распространен и очень интересен. Можно прочертить южную границу его проникновения, проходящую с запада на восток через Копетдаг, Гиндукуш, Памир (через который он никогда не переваливает), Алтай и некоторые оазисы подножья Тяньшаня и Синьцзяня (Ксинтала у озера Бостан)⁶⁹. Что касается известных, собственно андроновских, городищ, то они никогда не встречаются на юге дальше линии, проходившей по Средней Сырдарье (кайракумская культура)⁷⁰, низовьям Амударьи (тазабагъябская культура)⁷¹, через Согд (захоронения в Муминабаде)⁷², долину Зарафшана (могильник Дашт-и Козы)⁷³, затем по зоне Алтай – Тяньшань в Семиречье (многочисленные городища). В остальном – это только отдельные изолированные погребения (как, например, Киров, Бишкент II в Таджикистане⁷⁴, или предметы, в основном из металла (в Синьцзяне)⁷⁵. Андроновский материал был также открыт в относительно небольшом, но показательном количестве в смешанном виде на городищах цивилизации Окса, как в Согде (Джам, Тугай, Зарда Халифа)⁷⁶ в Южном Таджикистане (Тегузак, Кангурт-Тут, Ташгузар, Кумсай)⁷⁷, так и в Бактрии (Шортугай, Дашлы)⁷⁸, в Маргиане и в предгорьях Копетдага (многочисленные городища)⁷⁹. Ниже мы увидим, к каким размышлениям и к каким заключениям приводят эти недавние значимые открытия, но сейчас важно подчеркнуть два факта. Прежде

⁶⁶ См. выше сноску 62.

⁶⁷ Мы упрощаем здесь степную гипотезу, не объясняя транскультурный феномен Сейма-Турбино, который часто упоминается в связи с предполагаемым движением индоарийцев, некоторые аспекты которого будут приняты во внимание в последующем изложении. См.: Бобров и Ковтун, 2002; Chernykh, 1992; Parzinger, 1997.

⁶⁸ См. выше.

⁶⁹ Debaine-Francfort, 2001.

⁷⁰ Baratov, 2001; Литвинский, Окладников и Ранов, 1962.

⁷¹ Итина, 1961; 1977; Яблонский, 2002; Кутимов, 1999; 2002.

⁷² Аскарлов, 1970; Лев, 1966.

⁷³ Исаков и Потемкина, 1989.

⁷⁴ Литвинский и Соловьев, 1972; Литвинский, Зеймаль и Медведская, 1977.

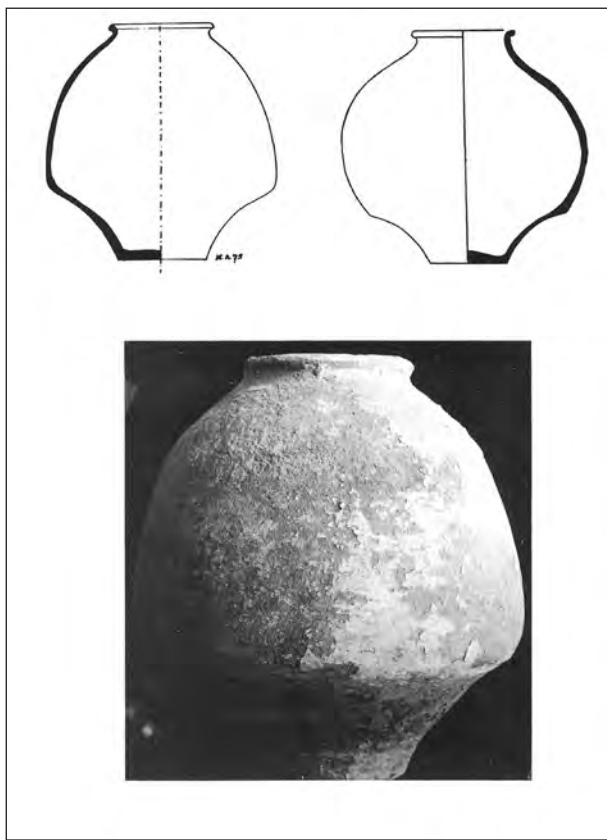
⁷⁵ Mei, 2000.

⁷⁶ Avanesova, Shajdullaev et Ėrkulov, 2001; Avanesova, 1996b; Bobomullaev, 1997.

⁷⁷ Литвинский и Ранов, 1998: прекрасный синтез, обязанный перу Л. Т. Пьянковой: р. 149–190.

⁷⁸ Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, р. 82, 242, 269, 424–430, 437, 450.

⁷⁹ См. специальный номер журнала «Stratum Plus» (Кишенев), № 2, 1999, посвященный этому вопросу, а в отношении Туркмении: Кутимов, 1999; Щетенко, 1999.

Рис. 16. Керамические пифосы из Над-и Али и из Джаркутана (по Besenval et Francfort, 1994). Эти пифосы обладают морфологическими и техническими характеристиками, присущими гончарной продукции цивилизации Окса времени около 2000 г. до н.э. Такая керамика в Над-и Али получена из кирпичной кладки высокой террасы.

жения из степи через территорию цивилизации Окса, воспринимая от нее некоторые материальные и религиозные черты, затем выливается в ту или иную археологическую культуру неизвестной природы, которые обнаруживают в Индии, где индоарии заканчивают свой поход. А. Парпола пытается уточнить эту трансформацию, предположив, что захват власти и языковая мутация произошли внутри цивилизации Окса: цивилизация Окса стала бы культурой «Даса» индоевропейцев / прото-индоариев, а андроновцы представляли бы индоариев, которые затем должны были трансформироваться в носителей одной из культур своей эпохи в Северной Индии и «Gandhâra Grave Culture» в «PGW»⁸¹. Это широкое толкование теорией «Kulturkugel», как и другими, такими же очень смелыми, кажется слишком детализированным в поиске историч-

всего, андроновская культура не имела продолжения в южной части Средней Азии, тогда как в степях она была усвоена культурой «валиковой керамики» (европейская и азиатская степь) или культурами суярганской, амирабадской, тагискенской (Арал), бегазы-дандыбаевской (Казахстан), ирменской (южная лесостепь Сибири), карасукской (Южная Сибирь, степная Монголия). Далее она найдена только там, где господствовала цивилизация Окса, к которой она, однако, никогда не относилась и которую она ни в коем случае не сменяет. Все современные миграционные гипотезы согласуются в том, что цивилизация Окса исчезла в результате контакта с Индией, а степная андроновская культура - в процессе контактов с цивилизацией Окса и никогда не распространялась южнее линии, которую можно провести от Копетдага до Памира-Коракорума. Это ставит серьезные проблемы: как объяснить с исторической точки зрения переселение индоариев на юг. В последние годы некоторые исследователи предложили новые решения этих проблем. Ж. Мэллори настаивает на верности гипотезе степной миграции, но он попытался разрешить трудности с помощью оригинального исторического сценария, который он назвал «Kulturkugel»⁸⁰. По этому сценарию андроновская археологическая культура степной бронзы, язык носителей которой индоиранский / индоарийский, трансформируется по мере своего продви-

⁸⁰ Mallory, 1998.

⁸¹ Parpola, цит. соч.; 1999a; 2002.

Рис. 17. Серебряный декор, воспроизводящий фигуру богини или принцессы, восседающей на троне. Происходит из некрополя Гонур-депе в Маргиане, Туркменистан (по Sarianidi, 2000 b, p. 231). Это изображение показывает богиню на троне в профиль, одетую в свое платье каунакес (с четко обозначенными прядями нитей), с обычной прической в виде круглого валика позади головы. Мы склоняемся видеть вообще в большинстве этих женских образов, скорее богинь, чем принцесс, так как при отсутствии иконографических мужских эквивалентов было бы трудно дать иное объяснение.

ности в археологической культуре и в таких терминах как «Даса». Если Ж. Мэллори оставляет возможность витать сомнению над затронутым историческим механизмом, то А. Парпола, желая его слишком детализировать поиском точных соответствий между археологической культурой и этнолингвистической группой, кончает тем, что совсем лишает его правдоподобия. В недавно выдвинутой версии «Kulturkugel» Ж. Мэллори комбинирует достаточно разработанную африканскую этнолингвистическую модель и социальную иерархизацию, предложенную Бенвенистом, для того, чтобы попытаться объяснить овладение степными индоиранцами / индоариями обширной территорией цивилизации Окса, заимствование ею социально-экономической структуры «ханатов» (маленьких княжеств)⁸² и ее организацию в единую страну (дахью), которая затем расширяется до границ долины Инда, как и в теории, рассмотренной выше⁸³.

Любопытным пунктом этой новой версии является признание Ж. Меллори вслед за А. Любоцким основательных мифологических и религиозных заимствований индоиранцами в неиндоевропейском субстрате⁸⁴. Кажется, что эта теория, в общем прогрессивна, но по ней индоиранцы / индоарии выявляются как бы «заочно», что требует подкрепления фактами. Они должны стать более убедительными и многочисленными, чтобы теория, которая приводит в качестве

⁸² Термин, заимствованный К. Ламберг-Карловски на современном Востоке (Lamberg-Karlovsky, 1994), который позволяет довольно хорошо понять характер обживания территории, но который не соответствует историческим условиям существования единства материальной культуры, наблюдаемого на очень обширной территории в эпоху бронзы.

⁸³ Mallogu, 2002. Можно заметить, что дахью / дасью у Меллори не воспринимается в том же смысле, как «Даса» Парполы.

⁸⁴ Lubotsky, 2001; Mallogu, 2002, p. 39. Отметим, что с некоторых пор возможность присутствия в цивилизации Окса заимствований из неиндоевропейского языка, предложена М. Витцелем и Г. Пинольтом также и в отношении тохарского (Pinault, 1998; 2003). То, что эти заимствования касаются также области ритуалов и мифов и пронесены через обширные зоны Евразии, кажется нам очень вероятным (каков бы ни был исторический сценарий, где это признается), см., например: Sinor, 1998. См. также ниже: сражение с драконом, орел и змея и пр.

доказательства только социальную структуру, претендующую на изоморфизм индоиранцев и цивилизации Окса во всем ее комплексе, могла стать, если еще не доказанной, то более подходящей для доказательства. Существует ли такая, увидим дальше, но критический разбор аргументации еще не окончен.

В пределах этой, даже кратко набросанной панорамы⁸⁵ и невооруженным взглядом видно, что в интерпретации индоарийской принадлежности цивилизации Окса на выбор есть две гипотезы: одна – степного происхождения индоариев, другая – митаннийского (сироанатолийского) их происхождения, но которое может также вернуть нас в степи.

При археологических исследованиях Средней Азии для периода между 2500 и 1000 гг. до н. э. должны быть приняты в расчет три крупные этнолингвистические группы (или просто лингвистические, но в этом случае, без того населения, коему обязан археологический материал?): индоиранцы и иранцы. Отсюда вытекает вопрос: индоарии – пребывали ли они в Средней Азии или появились только на субконтиненте? Мы ничуть не претендуем на полное выяснение этого вопроса. Вот почему, возвращаясь к связанной с ним археологической проблематике, удовлетворимся тем, что будем придерживаться неразделенной альтернативы – «индоиранцы» или «индоарии», или еще раз примем заключение лингвистов в данном случае «индоиранцы» или «индоарии». Мы последуем здесь по теоретическому пути, который ничуть не обоснован научно с археологической точки зрения, но который позволяет провести сравнение с некоторыми данными, а именно с тем фактом, что момент разделения между индоариями и иранцами неопределим без эпиграфических документов, тогда как разделение в области религии может быть прослежено по материальным следам культовой деятельности и ритуалов.

Так, Ж. Фюссман полагает, что группа неразделенных индоиранцев могла находиться где-то в степи в период между 2200 и 1800 годами, и он показал, что разделение на иранцев и индоариев в области религии произошло позднее языкового разделения, поскольку одна иранизированная часть Средней Азии стала маздеистской, в то время как другая (степная скифская часть) – ею не была⁸⁶. Имея эту базу мы можем вернуться к археологическому материалу. На территории самой Средней Азии выделяются, последовательно сменяя друг друга, три крупных культурных комплекса: цивилизация Окса эпохи бронзы, начиная от фазы ее формирования во время ранее 2500 года, затем развитой фазы между 2500 и 1700 годами (расцвет в период 2200 – 1700 гг.) и

⁸⁵ Мы не детализировали все аргументы, выдвинутые теми или другими, но выбрали только самые выразительные публикации, где изложены основные теории. Чтобы представить их во всей полноте, следовало бы упомянуть теории, которые помещают индоиранцев / индоариев или иранцев в Копетдаге, в Таджикистане или других местах Средней Азии, и привести идеи А. Аскарлова, А. Исакова, К. Йетмара, И. Хлопина, Б. Литвинского, В. Массона, Н. Негматова, В. Ранова так же как Д. Антони или Б. Сержанта. Это не является целью нашего сообщения, которое ничуть не претендует быть исчерпывающим, а некоторые аргументы этих авторов более подробно будут проанализированы ниже. Только в отношении идеи о том, в какой степени вся среднеазиатская археология насыщена индоиранской / индоарийской проблематикой см.: *Découvertes des civilisations d'Asie centrale (Les dossier d'Archéologie, n° 185, sept. 1993)*, p. 3: «Там изложена рекуррентная гипотеза об индоарийских миграциях в Индию и центральноазиатском происхождении народов Авесты и Вед. В Атреке, в Маргиане, в Бактрии, на Зарафшане, в степях – повсюду археологи открыли артефакты, заставляющие вспомнить индоариев. Кто же были эти полиморфные и вездесущие индоарии?» Дополнительная информация найдется еще в некоторых общих публикациях или коллективных трудах: Азимов, 1977; Азимов, Литвинский, Мирошников и Раевский, 1981; Carpelan, Pärpola et Koskikallio, 2001; Mair, 1998; Mair et Mallory, 2000.

⁸⁶ Fussman, 2003, p. 800-801. Это очень важное уточнение, так как именно с индоариями связана среднеазиатская археология, как можно судить по содержанию письменных источников, тогда как индоиранцы не могут быть на этом месте. Если конечно, не считать, что неразделенные индоиранцы в культурном отношении были идентичны будущим индоариям, чего мы не знаем.

Рис. 18. Печать из меднистого сплава, с изображением богини, которая пьет, восседая на драконе (Музей Лувра, АО 26067). Богиня плодородия, плодovitости была верховной в пантеоне цивилизации Окса. Она подчиняет дракона, сидя на нем, но без сражения, в отличие от героя с головой хищной птицы, который должен сражаться с чудовищем, чтобы его укротить. Эта иерархия мифических существ сильно напоминает существовавшую в эламитском Иране, а не в индо-иранском мире.

кончая поздней фазой со всеми ее нюансами, длившейся до 1500 года. Затем цивилизация Окса развивалась в эпоху раннего железа, это – цивилизация культур лепной расписной керамики, так называемая культура «Яз – Тиля – Кучук», существовавшая между 1400 и 1000 годами до н. э. И, наконец, в Средней Азии устанавливается культура позднежелезного века, дожившая до завоевания Александра Македонского (330-е годы). Этот период характеризуется появлением вновь керамики с гончарного круга особого типа, производство которой начинается примерно с 1000 года – то есть еще до персидских завоеваний.

III. Могла ли цивилизация Окса быть индоиранской или индоарийской ранее 1500 г. до н.э?

В принципе, ничто не мешает такому предположению, даже если цивилизация Окса до 1500 года на первый взгляд не проявляет никаких признаков, отвечающих соответствующим критериям. Теоретически, критерии, предлагаемые при текстуальном анализе письменных документов, дошедших до нас, остаются единственными, которые могут подтвердить, какой перед нами язык: индоиранский или индоарийский; и если при этом есть еще и другие критерии, конечно, мы не можем от них отказаться. Сугубо теоретически, мы должны признать также, что группы, различные по языку и религии (и которые не оставили текстов), могли быть одинаково или индоиранцами, или индоариями. И хотя не исключено, что индоиранцы стояли у истоков цивилизации Окса⁸⁷, ничто, в принципе, а особенно такая теория как «Kulturkugel», не противоречит тому, что между 2200 и 1700 годами до н. э. часть населения цивилизации Окса изъяснялась на индоиранском или индоарийском диалекте, но это крайне трудно удостоверить. И если это было так, мы не можем предложить какого-либо подхода, который бы нацеливал на то, чтобы усилить или ослабить возможность опознать индоарийскую или индоиранскую принадлежность населения, так как письменные источники остаются всегда одними и теми же. Следовательно, чтобы быть обоснованным, критический подход должен не только подчеркивать недостаточность или бессвязность этой предложенной идентификации, но должен также предусмотреть альтернативную гипотезу – не индоиранской и не индоарийской его принадлежности. Это то, что я попытаюсь сделать в отно-

⁸⁷ Там же, р. 800.

Рис. 19. Серебряная перегородчатая печать, изображающая крылатую богиню на драконе. Некрополь Гонур-депе в Маргиане, Туркменистан (по Sarianidi. 2002 b, fig. p. 261). Эта печать представляет иконографический вариант предыдущей. Она демонстрирует возможную вариантность изображения богини и дракона. Здесь богиня крылатая, а дракон – львиный, однако с шеей, покрытой чешуей, как у рептилии.

шении цивилизации Окса периода ранее 1700 года, зная (и напомним это), что мы в области, где никакой вывод, достигнутый археологическим методом, не может быть достоверным и для этнолингвистики. Начиная с фазы формирования ранее 2500 года цивилизация Окса представляется связанной с соседними регионами, в особенности с протоэламским миром, но языковый вопрос при этом исключается. Он и не может быть разрешен для этой эпохи, так как протоэламская письменность не дешифрована и передает либо неизвестный язык, либо какую-то форму эламского.

Главными аргументами в дискуссии об индоиранской или индоарийской идентификации цивилизации Окса развитого периода являются: лошадь и колесница, погребальные обычаи, святилища и культовые сооружения, иконография и связь мифологических структур с эламо-месопотамским миром, индской цивилизацией, а также с сиро-анатолийским ареалом и областью Митанни.

А. Лошадь и колесница.

Мы знаем, что одомашнивание лошади и запряжка ее в легкую колесницу с колесами на спицах, экипаж, скорее престижный, чем предназначенный для военных действий – фактор технический и социальный⁸⁸, общий для всей Евразии, начиная со степей⁸⁹. В Бактрии, как

⁸⁸ Мы рассматриваем «колесницу» как социальный фактор, потому что с «колесницей» связана группа людей, способных выращивать, тренировать лошадей, изготавливать и поддерживать в хорошем состоянии экипажи и амуницию, предназначенные для особого способа запряжки. Речь идет о важном престижном для рассматриваемой эпохи признаке, но можно сомневаться в существовании «армий», «эскадронов» колесниц. В этом же смысле см. публикацию с хорошими замечаниями о роли колесниц в погребальных культурах в степных областях: Teufer, 1999, p. 131–132.

⁸⁹ Эти знания основаны на обнаруженных при археологических раскопках и датированных останках лошадей из жилых помещений и гробниц, а также на находках удил и псалиев (гробница с колесницей хорошо известны в Синташте, Берлике, Сатане и т. д.). См. публикации, указанные выше: Е. Кузьминой и А. Парполы, которые делают этот признак определяющим в степной теории. Нельзя упустить и многочисленные изображения упряжек и колесниц в петроглифах на пространстве от Памира до Монголии, датированные II тысячелетием до н. э., собранные и изученные В. Новоженовым [1994].

Рис. 20. Печать-амулет из Мургаба (Музей Лувра, АО 26500). На одной ее стороне – изображение верблюда и плетенки, на другой – коленопреклоненного крылатого гения в набедренной повязке, с головой хищной птицы, держащего задними лапами некое козлиное существо. Разновидность помощника богини – он мог бы также подносить скот и дичь. Позади него изображена змея.

части цивилизации Окса, колесница и повозка со сплошными колесами, запряженные быками, известны еще до 1700 года⁹⁰ (рис. 06), но нет никаких легких колесниц, ни одной гробницы с колесницей, похожей на захоронения в степях 2000–1800 гг. до н.э.. Опубликованы находки ободьев колес из медных сплавов: это четырнадцать фрагментов от двух колес, имевших диаметр 80–85 см, происходящие из разграбленного погребения в Бактрии⁹¹. Однако, очень трудно узнать какие животные запрягались в эту двухколесную повозку (может быть, колеса были на спицах). Лошадь там не была неизвестна, отнюдь нет. Изображения лошадей найде-

⁹⁰ На серебряном кубке из музея Лувр изображен парад или процессия, в котором участвуют два экипажа; один – это повозка с четырьмя колесами, прямоугольным корпусом и сиденьями, с пассажиром и сидящим возницей; второй – колесница с двумя колесами, треугольной платформой и стоящим возницей; запряженные быки галопируют [Amiet, 1983].

⁹¹ Pottier, 1984, n°326, fig.44. Приводятся аналогии с гробницами из Суз, где найдены идентичные обкладки [Talton, 1987, n°1304 à 1308, p. 301–307], твердо датированные началом II тысячелетия до н. э., особенно гробница A89, раскопанная в Донжоне, с топором типа Аттахушу. Элементы упряжки с останками лошадей происходят и с центральной площадки перед ахеменидским дворцом из слоя Ур-III. Согласно мнению Ф. Таллона, колеса из Суз, которые, возможно, были сплошными, датируются несколько более ранним временем, чем тип колесниц с колесами на спицах, происходящих с уровня III Асемгююка (XIX–XVIII вв.), и чем примеры этого типа, фигурирующие на каппадокских и сирийских цилиндрах XVIII–XVII вв. Кузов другой колесницы из Суз был украшен костяными пластинами с витым гравированным орнаментом, аналогичными тем, которые найдены в Аншане того же времени [Amiet, 1986b, p. 152]. Наличие в Сузах начала II тысячелетия гробниц с колесницами, вероятно, имевшими колеса на спицах и запрягавшимися лошадьми, очень важно, так как эти колесницы имеют четко выраженные отличия (в типе колес и упряжи) от повозок III тысячелетия, запряженных быками и еквидами, найденных на том же городище и в Луристане. Однако, мы не можем следовать за Б. Сержаном, который строит такую цепочку связей: бактрийский колесный обод – колесница с колесами на спицах – индоарии [Sergent, 1997].

Рис. 21. Обратная сторона перегородчатой серебряной печати, с изображением двух змей, нападающих на орла. Происходит из некрополя Гонур-депе, Маргина Туркменистан (по Сарияниди, 2001, с. 82). В иконографии цивилизации Окса сцены противостояния хищной птицы и змей, весьма многочисленны. Мы полагаем, что речь идет о натуралистично переданном варианте борьбы, в противовес другим изображениям, где противостоят дракон и божество с головой хищной птицы.

ны в Бактрии и Маргиане⁹² (рис. 07); на одной цилиндрической печати также представлены всадники⁹³ (рис. 08). Эта печать относится к тому же времени, что и цилиндрическая печать из Тепе Хисара в Северо-Восточном Иране⁹⁴. В некрополе Гонур-депе в Маргиане раскопана

⁹² Сарияниди, 1982, рис. 2, № 3, с. 71: кисть руки со скипетром; Ligabue et Salvatori, 1989, fig. 97: военный молот или бронзовая кисть руки со скипетром; Sarianidi, 2001, pi. 10, fig. 1 et 2 : на кисти руки со скипетром из некрополя Гонура; Sarianidi, 1998b, n°1441, 1444, 1751: на печатях. На обухе военного молота из Metropolitan Museum (колл. Н. Шиммеля) нанесена протома лошади, близкая по стилю такому же изображению, опубликованному В. Сарияниди [1982] [Pittman, 1984, fig. 32]. Изображение всадника из бронзы, опубликованное Ботмером [Bothmer, 1990], – странного стиля, абсолютно точно не может принадлежать цивилизации Окса. Прекрасное навершие булавки из медного сплава украшено сидящим персонажем, который держит лошадь под уздцы [Ligabue et Salvatori, 1989, fig. 82]. Примечателен топор с плавником из Лувра, украшенный протомой лошади, помещенной над нережущим лезвием [Amiet, 1986 b, fig. 167, p. 315]; раньше он был отнесен к Луристану [Amiet, 1976, n°29].

⁹³ Sarianidi, 1986 c, fig. 6, n°10 = Sarianidi, 1998 b, n°1482: печать-цилиндр из стеатита, с бараном, характерная для цивилизации Окса печать, на которой воспроизведен один из видов капридов, в лежащей позе, и рядом полумесяц, на ней же изображен всадник, следующий за идущим персонажем, который держит стержень (копье?).

⁹⁴ Schmidt, 1937, n°H892, p. 198, может быть с уровня Хисар IIIВ, что должно быть немного раньше, но полная картина хроностратиграфии городища указывает только на дату ранее 1800 года [Dyson et Howard, 1989], что синхронизирует ее с цивилизацией Окса. Сходство типа колесницы с колесами на спицах на этом цилиндре с реконструкцией повозки из Синташты с ее изогнутым дышлом, не должно порождать иллюзию тождества: колесница из гробницы Синташты № 12 восстановлена графически, и она того же типа что и колесницы из погребений № 28 и 30 [Генинг, Зданович и Генинг, 1992. С. 167–168, рис. 80; С. 204–206, рис. 108 и С. 214–219, рис. 116]. Колесницы из гробниц № 10 и 16 реконструированы как имевшие сплошные колеса [Генинг, Зданович и Генинг, 1992. рис. 72, с. 154].

Рис. 22. Печать-цилиндр с изображением обезьян-музыкантов и акробатов. Тоголок Депа. Маргиана. Туркменистан. (по Sarianidi, 2002 b, p. 276). Ее форма типична для печатей цивилизации Окса, на которых изображения выгравированы не только на поверхности цилиндра, но и на его торцах, чего нет нигде больше на древнем Востоке. Сцена воспроизводит животных (обезьян-акробатов и музыкантов). Если речь не идет о собственно музыкальном дивертисменте, то, возможно, изображены участники костюмированного действия, относящегося к церемониям типа шаманских.

даже гробница с обезглавленным жеребенком⁹⁵. Примерно к этому же времени около 1800–1700 годов относится гробница, раскопанная в Зардча-Халифа (Таджикистан, долина Зарафшана), в которой покойный лежал в сопровождении скелета барана, а также фрагментов костяных щитковых псалиев и бронзовых украшений степного типа. Там также находилась фигурка лошади, венчавшая булавку⁹⁶, сосуды с гончарного круга, принадлежащие цивилизации Окса (периода Джаркутан – Кузали по узбекистанской периодизации), а также оригинального типа псалии

⁹⁵ Sarianidi, 2001, pl. 12, n°7 et p. 178–182, в английской версии в приведенной дискуссии степная теория отброшена в пользу представления о том, что цивилизация Окса распространилась до Индии через долину Свата, где раньше были открыты два захоронения лошадей. Следует заметить, что культурные связи между Сватом и цивилизацией Окса точно не установлены и еще меньше есть оснований говорить о связи этой цивилизации с бишкентской культурой. И, наконец, захоронение лошади не обязательно указывает на «ашвамедха», как это может показаться некоторым исследователям. В цивилизации Окса практиковались захоронения животных: захоронения барана и козы широко распространены, но можно встретить также крупный рогатый скот, верблюда и, вероятно, собаку.

⁹⁶ Булавки с навершием, украшенным изображениями животных, такие же, как в цивилизации Окса, но стиль этой фигурки лошади близок тем, что украшают головки ручек ножей из Сейма-Турбино [Teuffer, 1999, p. 132; Parzinger, 1997, p. 235, fig. 4.1].

из медного сплава со стерженьком⁹⁷. Недавно в Джаркутане (Узбекистан, долина Сурхандарьи) были найдены костяные дисковидные псалии, также очень хорошо известного степного типа⁹⁸. Находки из Зардча-Халифа и Джаркутана датированы 1800–1600 гг., щитковые псалии древнего степного типа в настоящее время датируются временем от XXI до XVIII века, по типологии, разработанной Е. Кузьминой и В. Новоженовым⁹⁹. Аналогии этих псалиев с некоторыми микенскими, более поздними, чем степные находки, не дают сделать иного заключения, чем признание факта снаряжения лошади в микенской культуре иногда на степной манер, что не удивительно в контексте международных связей, которые существовали во II тысячелетии до н. э.¹⁰⁰ Изделия из обработанных костей, найденные на территории к югу от Гиндукуша, так же как фигурки лошадей и всадников из Пирака (около 1700 года), показывают, что лошадь и искусство верховой езды достигли в это время региона Кветты с общим движением и распространением конного дела на юг от степного пояса¹⁰¹. Однако, кроме указанной выше находки колесного обода, в этом регионе известна только одна гробница с колесницей, по-видимому, запрягавшейся лошастью; ее колеса сплошные, а ободья эламского типа из медного сплава, аналогичные тем, что показаны выше (открытие сделано В. Сарияниди весной 2004 года на Гонуре, и я приношу ему глубокую благодарность за эту информацию). Еще одна гробница с колесницей в комплексе с материалом цивилизации Окса – возможно, это погребение с быками из Тоголок 1, но сохранность ее небезупречна¹⁰². Эта редкость находок здесь погребений с колесницами контрастирует со среднеазиатской ситуацией (Египет, Микены, хетты) и даже с Китаем, где гробницы с колесницей очень быстро появились даже в Аньяне – столице государства Шань. Итак, исходя из всех рассмотренных примеров, нельзя принять факт наличия лошади как привилегированный маркер племен, говорящих на языке индоевропейцев, индоиранцев или индоариев. Отсюда вытекает заключение, что единство археологических и лингвистических выводов, предложенное Д. Антони, есть тавтология, особенно там, где он хочет показать, что в индоевропейских языках словарь, связанный с лошастью и колесницей, собственный – индоевропейский¹⁰³. Следует добавить, что самые ранние изображения колесниц в Центральной Азии – это гравюры на стелах

⁹⁷ Бобомуллаев, 1997; Kuz'mina, 2001b; Littauer et Crouwel, 2001. В этом недавнем исследовании, к сожалению, не учтена капитальная находка удила из медного сплава, происходящая из Зардча-Халифа.

⁹⁸ Teufer, 1999, тщательно изучил комплекс этих псалиев и исторические выводы, вытекающие из изучения этих находок. « Mit dem Fund in Dzharkutan ist nun erstmals indirekt das Vorhandensein des leichten zweirädrigen (Streit) wagens in Baktrien belegt. Die Einführung dieses Wagens dürfte wohl aus den Norden erfolgt sein, da die bisherige Wagentradition in Baktrien eine andere war». И справедливы выводы: «Ob daraus allerdings auf ein Vordringen von Bevölkerungsguppen aus dem Norden geschlossen werden kann, ist fraglich».

⁹⁹ Кузьмина 2000; Teufer (предыдущая ссылка).

¹⁰⁰ Долгое время археологи, работавшие в степной зоне бывшего СССР [Зданович, 1995а], ориентируясь на довлеющие над ними некоторые параллели с микенским миром, вносили в хронологию степных культур значительно более поздние датировки. Сегодня превагирует более уравновешенное видение, что позволяет найти место предметам, импортированным, напротив, из степи в микенский мир и на Балканы после XIV в. до н. э. См., например: Lichardus et Vladař, 1996.

¹⁰¹ Jarrige et Santoni, 1979, p. 79, 171–177, fig. 90, 92, периоды I и II.

¹⁰² Sarianidi, 1990; см. также: Sarianidi, 1998a, p. 104–110 fig. 55–56. Если речь идет действительно о гробнице с колесницей, запряженной быками, то ее можно присоединить к большой серии таких погребений вплоть до Кавказа и Южной России.

¹⁰³ Anthony, 1995; старался показать, что лексика, связанная с лошастью и колесницей, – индоевропейская, индоиранская, индоарийская и т. д. заимствована у неиндоевропейских народов. Ведь Ж. Янхунен показал, что термины, связанные с лошастью (так же как с domestикацией и верховой ездой и т. д.), проникшие в Восточную Азию не индоевропейского происхождения [Janhunen, 1998]. А Люботски предлагает распознать некоторые связанные с колесницей заимствования в древнекитайском языке из индоевропейского словаря (конкретно из тохарского) [Lubotsky, 1998].

Рис. 23. Печать с изображением сцены охоты, тавромахии на рельефном очертании спины верблюда. Этот предмет является локальным изделием цивилизации Окса. Его иконография инспирирована ближне- и средневосточными моделями. (Courtesy V.I. Sarianidi).

афанасьевской культуры. Они показывают ее в профиль и запряженной быками, как в Месопотамии, в Индской цивилизации и повсюду на Востоке в III тысячелетии до н. э., как и знак в месопотамском пиктографическом письме, обозначавший колесницу, также показывающий ее в профиль. В степной области во II тысячелетии до н. э. в многочисленных изображениях колесницы в петроглифах она предстает, как бы во взгляде сверху, в раздвоенном воспроизведении и запряженной или быками, или лошадьми, следуя в этом самому древнему изображению колесницы в китайском пиктографическом письме¹⁰⁴. Примечательное исключение встречено в петроглифах Саймалы-Таш (Киргизия), где колесницы показаны сверху, а упряжка и возница в профиль¹⁰⁵. Эту особенность для мест, где изображения эпохи бронзы выполнены в би-треугольном стиле, как и рисунки на керамике Среднего Востока протоисторического периода, можно объяснить тем фактом, что население Ферганской долины составляли земледельцы, происходившие от андроновских племен степей (чустская культура). Следовательно, находки легких колесниц на колесах со спицами, запряженных лошадьми, элементов сбруи, самих лошадей, как и их изображения в скальном искусстве, не могут служить индикатором прохождения здесь индоиранцев / индоариев, если китайцев и египтян также не считать за индоариев. Соображения технического порядка (быстрота передвижения) и социального (престиж) превалировали в очень быстрой

¹⁰⁴ Francfort, 2002.

¹⁰⁵ Марьяшев, 1995; Шер, 1978; Ташбаева, 2001. Упряжки из Саймалы-Таша (на высоте 3600 м) не являются точными реалистичными изображениями (на некоторых показаны козлы как тягловые животные, а колеса повозок очень маленькие), несмотря на веризм некоторых деталей [см.: Francfort, 2003b]. Но важно, что это указывает на создание образа колесницы в Средней Азии, как вещи самой по себе, и упряжного животного. И они не являются индикаторами связи с индоиранскими / индоарийскими языками.

Рис. 24. Составная статуэтка из камня, воспроизводящая богиню (или принцессу?). Восточный Иран или Бактрия (Музей Лувра, АО 22918). Женские составные статуэтки довольно часто встречаются в погребениях цивилизации Окса. Изготовленные по композиционным художественным схемам средневосточного происхождения они представляют, скорее, богиню Окса, чем принцесс.

похожи также и на эламские погребения, например, из Суз¹⁰⁶. Он попытался также связать фракционные погребения с результатом выставления тел на дахме и погребением костей в наусах по авестийскому обряду¹⁰⁷. В том, что касается этого обряда, я соглашусь сделав одно замечание: в предгорьях Туркменистана в эпоху Намазга V, например на Алтын-Депе, известны многочисленные случаи такого метода погребения и в жилищах, и в святилищах¹⁰⁸ (рис. 9, 10а, 10б). Они

адаптации этого способа передвижения по всей Евразии во II тысячелетии до н. э., начиная со степей, но присутствие или, наоборот, отсутствие в гробницах лошадей и колесниц объясняется другими факторами.

Совершенно очевидно, что в поисках однозначного этнолингвистического маркера, который бы указывал на принадлежность экипажей колесниц, нельзя исключить возможность, что некоторые пользователи этого средства передвижения в степях или за их пределами говорили на индоиранских или индоарийских языках.

Б. Погребальные обряды.

Погребальные обряды часто рассматриваются как фундаментальные определяющие признаки для этнокультурной идентификации. Погребальные ритуалы цивилизации Окса на ее развитом этапе разнообразны и хотя там доминируют погребения в земле, но существовавшая также практика выставления трупов или кремация часто интерпретируются как показатель маздеизма или ведизма в верованиях ее населения. Ниже мы вернемся к кремации, которая появилась лишь на поздней постурбанистической стадии развития культуры. В. Сарияниди, чтобы усилить аргументацию для идентификации индоиранцев или индоариев, сравнивает кирпичные погребальные конструкции из некрополя Гонур-депе с «домом мертвых» ведической литературы, не приведя, однако, доказательств, хотя эти склепы

¹⁰⁶ Sarianidi, 1999a; 2001, p. 175, 214: автор приводит аналогии с гробницами месопотамского и сироанатолийского регионов и странным образом обходит стороной подходящие случаю эламские параллели.

¹⁰⁷ Речь идет о помещении 92 дворца Северного Гонура [Sarianidi, 1998a, fig. 32, p.70-71; 2001, p.214-216; 2002a].

¹⁰⁸ Массон, 1981а, с. 50-52 – о помещениях для очищения костей трупа от плоти и стр. 55 – о погребальном комплексе для очищения от плоти, связанного с культовой террасой. В Юго-Западной Туркмении в Сумбаре, в Пархае II коллективные погребения очищенных костей встречаются часто [Хлопин, 2002. Погребение 72 с останками 17 индивидов]. Дискуссия о фракционных погребениях с очищенными от плоти костями в Кангурт-Тут (Южный Таджикистан) приведена Н. Виноградовой [Виноградова, 1996а].

никогда не рассматривались, как маздеистские или иранские ни В. Массоном, ни кем-нибудь другим, а наоборот, этот способ погребения был месопотамским, и эти помещения для очистки костей от плоти могут быть предшественниками дахмы в этом обряде Средней Азии с первой половины III тысячелетия. На самом деле, коллективные захоронения внутри или снаружи жилищ элементарны в этом регионе, начиная с эпохи Намазга III и Геоксюра, а также в Шахр-и Сохта и Мундигаке¹⁰⁹. Надо остерегаться связывать этот тип помещений и обрядов с маздеизмом.

Гробницы цивилизации Окса в большинстве случаев представляют собой индивидуальные погребения, где покойник лежит в скорченной позе: захоронения сопровождаются богатым в разной степени материалом в зависимости от статуса погребенного. Они расположены внутри поселений, иногда после запустения какого-нибудь из сектора (Джаркутан, Сапаллитепа, Дашлы), или в могильниках за их пределами (Бустан, Гонур, Дашлы, Бишкент).

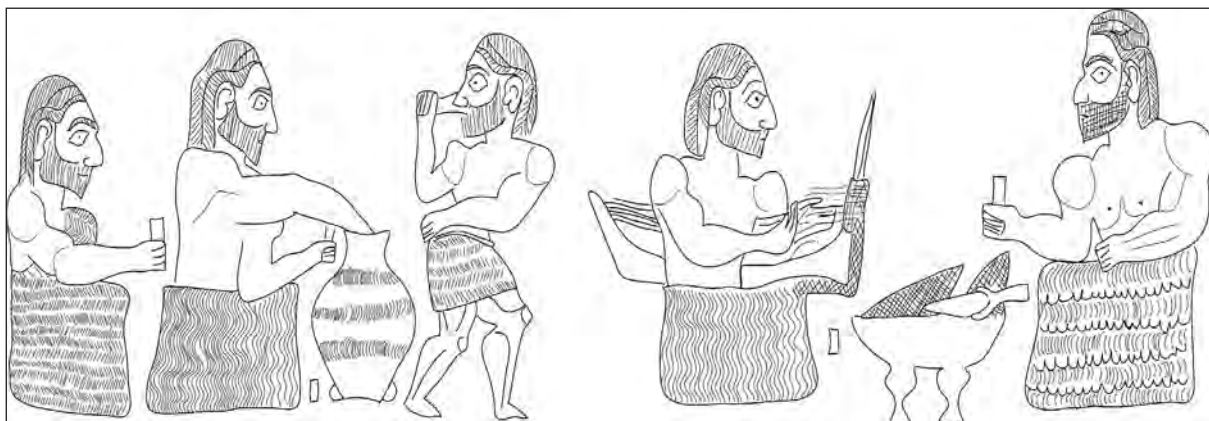
Для цивилизации Окса типичны также многочисленные погребения коз или баранов, которые не были жертвоприношением в собственном смысле этого понятия, так как мы встречаем их в погребальных комплексах. Эти погребения снабжены приношениями, точно так же как богатые человеческие захоронения, а не средние ординарные могилы. В этой же серии были раскопаны погребения верблюда, лошади или собаки (?) (рис. 11). Погребения животных абсолютно несравнимы с практикой маздеизма. Более того, открыты «кенотафы», то есть погребения без покойника, но снабженные погребальным инвентарем. Это не позволяет связывать с погребальным обрядом очищения костей. Одним словом, по крайней мере, до 1500 года нет ничего доказательного для тех, кто ищет следы погребального обряда, восходящего к маздеизму или ведизму: очищение трупа от мягких тканей, осуществлявшееся внутри или снаружи строений, и последующий сбор костей – это очень древний погребальный обряд, имевший место в Средней Азии. Совмещение в одном комплексе погребальных структур с высокой террасой, что пока

Рис. 25. Бусы и детали декора из гробниц некрополя в Гонур-депе, Маргиана. Туркменистан (по Rossi-Osmida, 2002, p. 118–119). Эти комплексы указывают на богатство и разнообразие типов бус, как из местных ценных камней (сердолик, лазурит), так и привезенных (например, бусина из агата с золотыми капсулами на концах происходит из Месопотамии). Эти экзотические бусы показывают, как далеко могли распространяться сети обменов у представителей элиты, которые резидировали в усадьбах цивилизации Окса.

¹⁰⁹ Очень хорошо известны погребальные памятники с очищением трупа от плоти в эпоху Намазга III и Геоксюра, названные археологами «толосами» [Массон, 1981b, с. 68, рис. 3; Хлопин, 1963; Сарияниди, 1959; 1972]. Коллективные захоронения очищенных костей, относящиеся к той же эпохе, были раскопаны в Шахр-и Сохта [Piperino et Salvatori, 1983; 1987, p. 44–46, pl. X].

Рис. 26. Серебряный сосуд с изображением сцены пира, отражающей влияние месопотамских и эламских моделей. Особая коллекция (по Francfort, 2003 a, fig. p. 44). Главный персонаж – это участник пира, находящийся напротив четырех других пирующих, из которых один – пьет, другой черпает напиток из сосуда, следующий стоя пьет из бокала, последний – играет на арфе особого типа, предшественника эламской арфы (drawing J. Suire).

открыто лишь на городище Алтын-Депе, напоминает подобное же сочетание, существовавшее в эламском мире, в Сузах.

В. Святилища и культовые сооружения

Помимо высоких террас, к ним мы еще вернемся, редко встречаются памятники, культовое назначение которых можно считать очевидным при внимательном изучении раскопанных остатков. Абсолютное большинство известных на сегодняшний день монументальных зданий относится к категории усадеб. Название «храм» или «дворец», которое в большинстве случаев им атрибутируется, ни на чем существенном не основано. Выделяются две категории помещений, входящих подчас в структуру памятника, которым приписывается культовое назначение. Это – комнаты с нишами, покрытые белой штукатуркой, и помещения с очагами и скоплениями золы.

Комнаты с нишами покрыты белой штукатуркой, переходящей на пол (как в Гонуре и Тоголоке 1 и 21), часто оформлены суфами с углублениями для установки в них хумов¹¹⁰. Поскольку в Тоголоке 21 были найдены остатки семян конопли, мака или эфедры (но некоторые их анализы дали противоречивые результаты), В. Сарияниди определил такие помещения как предназначенные для ритуала приготовления хаомы или сомы¹¹¹. На самом деле, они помещения с таким же успехом могли быть залами, связанными с водой, без какой-либо связи с указанными семенами, якобы, использовавшимися в ритуалах. Пример этому дают такие же помещения в харапских городах Индской цивилизации, в которых бани никто не принимает за святилища. Если мы, однако, допустим, что эти семена (если они корректно определены) связаны с назначением этих помещений, остается факт, что использование галлюциногенных или просто опьяняющих напитков было рас-

¹¹⁰ Сарияниди, 1998а. С. 95 и сл.

¹¹¹ В отношении этой идентификации высказаны сомнения: Houben, 2003; Parpola, 1998; Sarianidi, 2001, p. 212 отмечают всякое отрицание, как и сомнения в определении.

пространено по всей Евразии и не только преимущественно в среде людей, говорящих на индоиранских, индоарийских или иранских языках, даже если эти последние оказались бы лучше определяемы именно по этому признаку и религиозной литературе на них. В особенности шаманизм никогда не порывал с этим обычаем. Кроме того, россыпь семян конопли и эфедры в отдельных помещениях Тоголок 21 указывает скорее на случайное их присутствие. Можно было бы спросить себя, не связано ли это с природным окружением (дикорастущее состояние и сильные ветра, отмечаемые там): эфедра произрастает везде в пустынях Средней Азии, а мак (*Papaver*) – в диком состоянии, в степях. И, наконец, было бы неплохо серьезно рассмотреть возможность изготовления в этих комнатах пива или вина¹¹². В цивилизациях Древнего Востока выработан обычай церемониального, если не ритуального, возлияния широко распространенных напитков.

Рис. 27. Деталь предыдущей сцены пива.

Помещения с очагами и золой, как те, что находятся под открытым небом в северо-западной части ограждения Тоголока 21, могли быть связаны с какими-то действиями при участии огня, но ничто не указывает на то, что это следы культа, и, особенно, что это – остатки алтарей огня, как легко можно подумать. В Тоголок 21 в северо-восточной части ограждения открыты устройства, связанные с ритуальными возлияниями: они имеют круглую форму и вписаны в четырехугольное помещение; на самом раннем уровне были зафиксированы следы огня и перевернутые вверх дном сосуды; затем обнаружены нарощие и засохшие корочки жира и молока¹¹³. Здесь, без сомнения, присутствуют следы возлияний и, вероятно, отправлявшегося погребального, или скорее, хтонического культа. Можно заметить, что ритуалы, сопровождавшиеся переворачиванием сосудов, зафиксированы еще на Алтын-Депе периода Намазга V, на финальном этапе в Шортугае (около 1600 г. до н. э.), потом в Ай-Ханум (III–II вв. до н. э.) и они не имеют связи с маздеизмом¹¹⁴. Можно ли прийти к заключению, что Тоголок 21 был неким «кафедральным» святилищем, посвященным возлияниям галлюциногенного растительного сока и культу огня, что в итоге резюмировалось бы как «протозороастризм» индоиранских или арийских племен? Решительно ничто пока не указывает на эту связь. Если бы не культ огня, ничего не остается от индоиранской, индоарийской гипотезы, тем более что в одном из помещений этого комплекса открыто трид-

¹¹² Некоторые сцены распития людьми напитков изображены на лазуритовых жетонах [Amiet, 1986b, fig. 128, p. 296] и на сосудах с сюжетами пива [Sarianidi, 1998b, n°47 и 49, p. 58–59]. На печатях выгравированы гроздь винограда. Эламские печати-цилиндры, так называемые «аншанитские», из Ирана того же времени иногда воспроизводят сцены с участием принцев, распивающих вино в беседках, увитых лозами [Amiet, 1986b, fig. 113–114]. Сцены возлияния божествами также присутствуют на печатях [Amiet, 1986b, иллюстрация на обложке; Sarianidi, 2001, pl. 8, 4].

¹¹³ Сарианиди, 1998а, рис. 44, с. 93.

¹¹⁴ Francfort et Pottier, 1978; Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p.257, примечание 32; Массон, 1981а, с. 44; Bernard, 1970, p. 327–330. Напомним также многочисленные «кенотафы» цивилизации Окса и особенно происходящие из Кангурт-Тут, ямы которых уменьшены иногда до просто углубления, содержащего сосуд: Виноградова, 1996а.

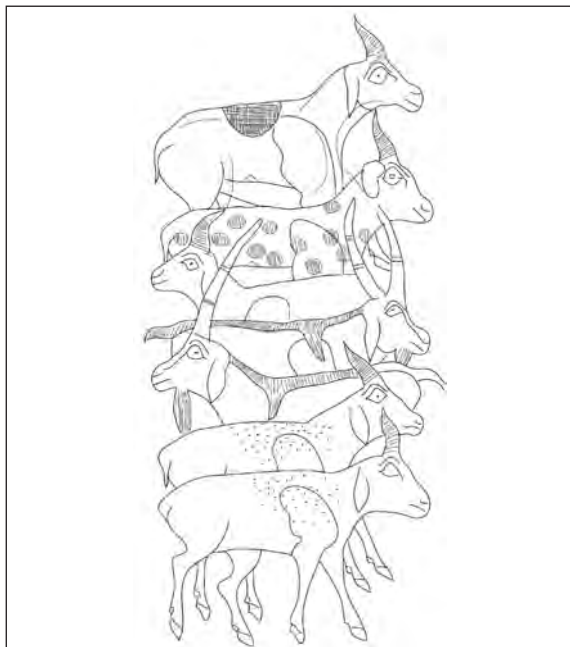

Рис. 28а.

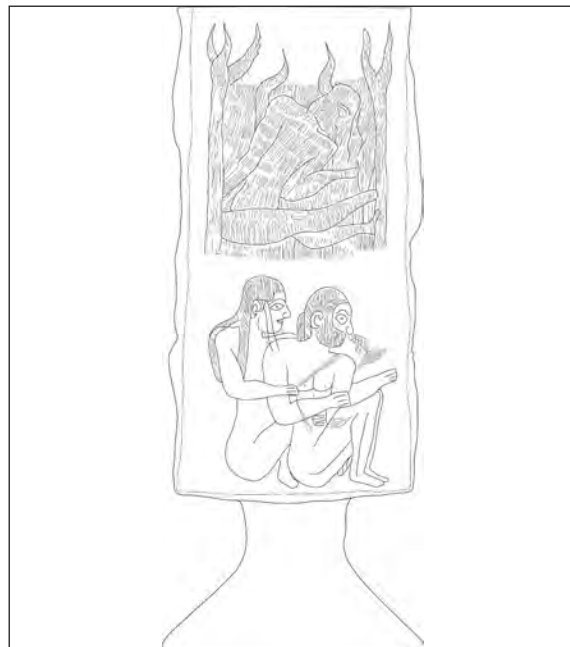

Рис. 28 б.

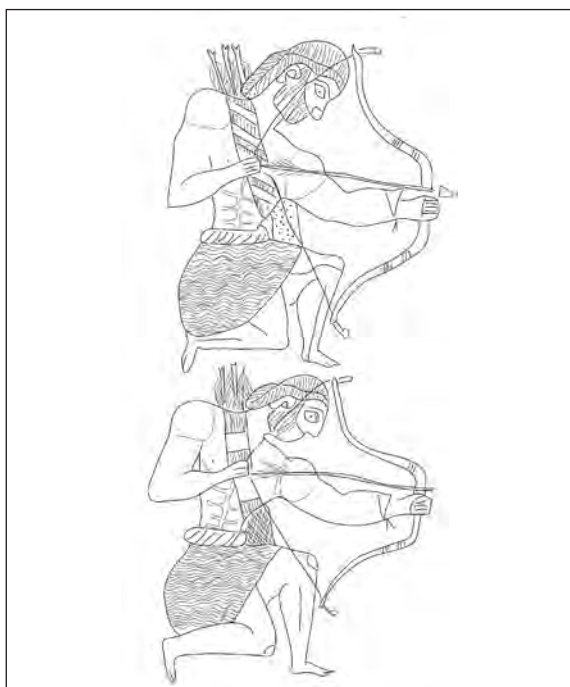

Рис. 28 в.

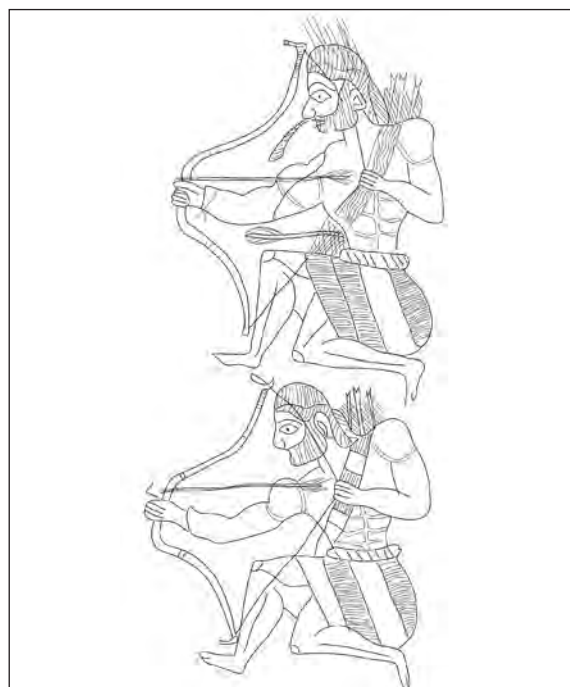

Рис. 28 г.

Рис. 28 а, б, в, г. Серебряный сосуд в форме параллелепипеда со сценой битвы и смерти. Бактрия. Особая коллекция (по Francfort, 2003 а, fig. p. 49). С одной стороны изображено стадо баранов и коз, с другой - две группы противостоящих друг другу лучников, позади них – молодой человек поддерживает раненого, в то же время, над всей сценой доминирует погибший, переданный в сидячей позе, то ли опущенный в могилу, то ли помещенный на еще не зажженный костер (drawing J. Suire).

цать колонок с желобком, вероятно, также бывших культовыми предметами¹¹⁵. Эти колонки распространены на всей территории цивилизации Окса в гробницах или культовых сооружениях: они присутствуют и на Алтын-Депе в святилище, где, как это часто бывает, они сопровождаются другими символическими предметами из камня: «гантелями», называемыми также «камни с ручкой» или даже «ручная сумка»¹¹⁶. Такие культовые символические камни, смысл и назначение которых нам не известны, происходят из глубин фазы формирования цивилизации Окса в Средней Азии, где они сохраняли еще форму толстых лепешек, на которых вырезаны канавки¹¹⁷. Эти предметы призывают нас обратиться к другим материалам, не связанным с индоиранцами и индоариями, но, возможно, относящимся к субстрату, который мы квалифицировали бы как эламский или иранский, поскольку такие объекты были найдены в Сузах¹¹⁸, а другие – как стеатитовые предметы с вырезанными на них мифологическими мотивами, происходят из Кермана¹¹⁹. В Тоголоке 1 в «святилище» небольшого размера открыты «белая комната» и погребение, названное «гробница жрицы(?)», а также инкрустированная колонка, сотня керамических сосудов, остатки костей птицы и двух быков, принятые за жертвоприношения. Речь, однако, могла бы идти о «сельской церкви», посвященной скорее культу напитков, чем культу огня¹²⁰. Можно также видеть здесь ни что иное, как усадьбу и гробницу кого-то из местной элиты.

В Гонуре известно «святилище» на южном холме городища и «храм», смежный с «дворцом» – на северном. В «святилище» Южного Гонура обнаружались «белые комнаты», круглые конструкции, содержащие золу, а в юго-западном углу – прямоугольные устройства, которые В. Сарияниди связывает с культом огня. На этом городище были открыты также маленькие оштукатуренные «залы с водой» (№ 137), где найдены сосуды с остатками семян конопли, эфедры и одно ситечко для процеживания. Считается, что, изготовленный здесь напиток затем приносился во двор, окруженный коридором (№ 221). Но в реальности все могло быть иначе: не находим ли мы здесь далеких истоков планировок домов и дворцов греко-бактрийского и кушанского времени, для которых также характерны парадный зал, обведенный коридором с выходом через вестибюль во двор, расположенный с северной стороны, и хозяйственные, складские помещения в глубине с южной стороны. Зольные холмы, где угольки смешаны с костями животных, ни в Тоголоке, ни в Гонуре не производят впечатления культовых: может быть это просто отбросы хозяйственной стряпни из кухни и со стола местных династов и их сотрапезников¹²¹. Я бы также отнюдь не настаивал на интерпретации «храма огня» на Северном Гонуре¹²², который мог быть ничем иным, как пристройкой типа «кухни» к дворцовому комплексу, или комнатами с очагами, откуда и происходили отбросы. Жилища знати усадебного типа были правилом для Маргианы, как и для Бактрии, с их престижными помещениями, которые могли показаться некоторым культовыми

¹¹⁵ Sarianidi, 1998b.

¹¹⁶ Библиография об этих каменных предметах («колонок с желобком», скипетрах и «гирях») в настоящее время обширна. См., например, в: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 404–405; Boroffka et Sava, 1998; Muscarella, 1993; Winkelmann, 1997b. Эти артефакты были обнаружены на Алтын-Депе в погребальном комплексе, относящемся к верхней террасе.

¹¹⁷ Как в Саразме [Исаков, 1991, рис. 30 и 31].

¹¹⁸ Период II [Amiet, 1986b, fig. 13–16].

¹¹⁹ Madjidzadeh, 2003.

¹²⁰ Sarianidi, 1998a, p. 104–110.

¹²¹ Там же, p. 11 и сл., а также ниже. Та же проблема стоит в отношении интерпретации слоев с костями и золой во дворе А Алтын Депе, прилегающем к высокой террасе: ничто не указывает на то, что здесь были остатки жертвоприношений, а не результаты хозяйственной деятельности.

¹²² Sarianidi, 1998, 1998a, p. 120 и сл.

Рис. 29. Деталь предыдущей иллюстрации.

Северного Гонура, который занимает площадь примерно в гектар и мог быть дворцом правителя Маргианы (рис. 12), но есть они также в Тоголоке 21 и на Дашлы 3¹²⁴ (рис. 13). Другой элемент архитектуры – столб, помещенный в центре дверного проема и предназначенный для поддержки балки-перемычки. Он рассматривается не иначе как важный аргумент для сравнения архитектуры цивилизации Окса с зодчеством Северной Сирии (Алалах), что абсолютно верно, но недостаточно, чтобы иллюстрировать идею о миграциях¹²⁵. Нет ли другого возможного объяснения этой структурной аналогии? Все же приходится сожалеть, что для оштукатуренных гипсом залов, снабженных хумами, и для помещений с очагами или печами, доказывается только одно «прочтение», а именно: религиозное индоиранское. Предположение о культовом их назначении очень затрудняет объективную оценку.

Тем не менее, в среднеазиатской части цивилизации Окса существуют памятники неоспоримо культовые, – высокие террасы. Это – разновидность зиккурата, которая впервые появилась на Алтын-Депе (рис. 10а), возможно, также на Улуг-Депе, затем в Над-и Али (рис. 14а, 14b), в Мундигаке и Тюренг-Тепе, далее на западе в Сиалке и Сузах¹²⁶. Известно, что это понятие, как и сама постройка, в Месопотамии, возможно, происходит с Иранского плато. Очень затруднительно как уточнить назначение этих террас, так и отнести их к какому-то определенному культу, но неоспоримо, что они происходят из области Ирана протоэламского или эламского времени без какой-либо связи с индоиранцами или индоариями.

Итак, мы уверенно констатировали здесь, что до 1700 года до н. э. ничто не указывает на присутствие индоиранцев, индоариев, или иранцев в цивилизации Окса. Однако многие черты этой

¹²³ Там же, р. 130–131

¹²⁴ Sarianidi, 2000a; 2002 a; 2002c

¹²⁵ К значению наблюдаемых связей между цивилизацией Окса и анатолийским миром и возможному их объяснению мы вернемся ниже.

¹²⁶ Besenval et Francfort, 1994; Boucharlat, 1987; Deshayes, 1977; Ghirshman, 1942a; 1942b; Huot, 1988; Masson, 1968; 1970; 1976; Vallat, 1989. Эти высокие террасы эпохи бронзы являются, быть может, предками таких же сооружений железного века, они обладают одним общим качеством – своей древностью, своей массивностью и связью (там, где они раскопаны) с погребальными комплексами, находками «колонок» и «каменей с ручками». Открытие нового памятника этого типа в Иране в Конар Санда (Jiroft), датированного И. Маджизаде около 4000 года до н. э., может подтвердить эту информацию, даже если дата возведения памятника окажется несколько более поздней [Archéologia, 413, juillet-août, 2004, p. 14–25].

цивилизации – такой самобытной и в то же время столь близкой протоэламской или эламской культуре Иранского плато, могли быть заимствованы или адаптированы индоиранцами или индоариями. Посмотрим теперь, что может внести в этот вопрос иконография: мы найдем в ней снова мир, чуждый индоиранцам или индоариям.

Г. Иконография и состав «пантеона»

«Пантеон» цивилизации Окса известен благодаря художественным образам из области искусства малых форм – глиптики, изделий из металла, а также скульптуре и резьбе по камню. Расцвет этого искусства датируется периодом 2200–1700 годов до н. э. В 1970–1980-е годы было предпринято несколько попыток интерпретировать иконографию цивилизации Окса на основе индоиранской или авестийской мифологии. Эти попытки мало к чему привели и были оставлены¹²⁷. В настоящее время В. Сарияниди предпочитает настаивать на связях этой иконографии с сиро-анатолийским миром, чтобы подтвердить свою миграционную гипотезу¹²⁸. Однако, если некоторые стилистические элементы или изобразительные мотивы хорошо увязываются с этим миром (мы к этому вернемся), наибольшая часть ее тем, мотивов и в общем стиль восходят к местному искусству или имеют эламское / месопотамское происхождение, как это прекрасно показал П. Амье до 1980 г. и еще раз совсем недавно¹²⁹. Однако состав этого «пантеона» и интерпретация, которую можно для него предложить, показывают, что это не просто распространение средневосточной мифологии. Для того чтобы только представить себе этот «пантеон», мы можем выделить три главных мифологических образа: богиня, некий герой – хищная птица и дракон, к которым только что добавились божество – каменный баран и другие существа. Мы не будем здесь рассматривать в деталях божество в облике барана, ведущее свое происхождение из глубин мифологии населения Западного Ирана, известное еще по печатям из Луристана, датированным IV тысячелетием до н. э.; на его примере можно говорить о выживании, архаизме или возрождении образа¹³⁰.

Три других божества располагаются в иерархическом порядке, который мы выводим из структурного анализа этого «пантеона» и изображений, иллюстрирующих повествовательные жанры¹³¹. Сюжеты легенд, воплощенные чеканщиками на серебряных кубках, показывают людей, отражают иерархию, согласно роду деятельности, роль в художественных композициях, одежду и украшения. Что касается божеств, то они распределены иерархически таким же образом. Богиня появляется в человеческом облике; она спокойно стоит, держа руки на талии и господствуя над всеми, как хозяйка животных – «*potnia theron*», либо сидит на троне (рис. 15) или на драконе

¹²⁷ См.: Pottier, 1981 и работы В.И. Сарияниди.

¹²⁸ См. карты распространения мотивов иконографии и стрелки-указатели направления миграций, нанесенные на картах Среднего Востока: Sarianidi, 1998a; 1998b.

¹²⁹ Amiet, 1977; 1978; 1981; 1983; 1986a; 1986b; 1988; 1989; 1997; 1999.

¹³⁰ Amiet, 1976; 1979; Barnett, 1966.

¹³¹ Francfort, 1992a; 1993a; 1994a; 2003a; 2004.

(рис. 16, 17); она дает жизнь скоту и диким животным, козе или барану, а также растительности (дикой и культурной)¹³².

Герой в человеческом облике, но с головой хищной птицы (рис. 18), сражается с драконом и не убивает его (в этой борьбе в очень натуралистичной манере может также быть показано противостояние орла и змеи). Герой – рангом пониже богини; он подчиняет себе барана, но также заботится о стадах и диких животных. Дракон может быть львиный или змеиный (он порождает змею), но он также крылат, имеет рог и хвост скорпиона; он может быть изображенным очень натуралистично: как змея, например, нападающая на травоядного барана или птиц. Существует также его антропоморфное изображение в виде рогатого демона, покрытого чешуей и рубцами¹³³.

Этот представленный кратко и обобщенно «пантеон» может быть связан с очень древними евразийскими мифами, но не конкретно с индоиранскими или индоарийскими. Следовало бы проанализировать мифы, где герой убивает дракона, которые отличаются от мифов, где дракон не убит, и показать, что под покровительством дракона циклично освобождаются воды и растительность, сезонно обновляется плодородие, происходят перелеты птиц, и выяснить, почему противник дракона – птицеголовый. Цивилизация Окса принадлежит, как и Китай, к тому ареалу, где дракона не убивают, в противоположность индоевропейскому миру, Индии, Ирану и Европе¹³⁴. Эта структура сверхъестественного мира, где господствует богиня, выходит из глубин евразийской мифологии очень древних обществ охотников с их шаманистскими верованиями, где господствовал женский дух леса (природы) – податель плодородия¹³⁵ (рис. 20). Подобная композиция известна также в эламской области в сюжете с одной или несколькими богинями, божеством змеи и бьющими ключом водами¹³⁶.

По всей видимости, подобная структура ничем не обязана мифологии индоиранцев и индоариев, где женщина не доминирует и где дракона убивают. Естественно, очень трудно распознать

¹³² В сюжетах представлена именно богиня, а не принцесса, так как только она одна изображалась иногда с крыльями или в позе «*rotnia theron*», или в виде статуи, тогда как изображения мужчин – принцев или династов, появляются на сосудах в сценах из светских повествований. Иначе невозможно объяснить отсутствие мужских статуэток. Несмотря на аналогию, по сути, бородатое божество со львами и козлами, выходящими из плеч, изображенное на матрице из Карагойюка (эпохи «карум») не может быть аналогом бактрийской богине [Alp, 1993]. Эта бактрийская богиня тесно связана с богинями транс-эламскими или эламскими [Amiet, 1994; id., 1996; Winkelmann, 1997a]. Опираясь на иконографию печатей, С. Винкельман подчеркнул еще раз: «a strong connection between the proto-Elamite, trans-Elamite and bactrian cultures, as well as a partial influence on the Harappan culture» [Winkelmann, 2000, p. 92].

¹³³ Этот покрытый шрамами демон, известный по десятку составных статуэток, создан как противоположность богине, что подчеркнуто чередованием разноцветных камней, стеатита и арагонита.

¹³⁴ Watkins, 1995.

¹³⁵ Namayon, 1990. Мы не увидим здесь шаманизма как простой амплификации ритуалов транса. Существование шаманизма, разновидности «религии» охотничьих народов, у пастухов и земледельцев ставит интересные проблемы адаптации и выживания. В центре дискуссии находятся дефиниции, которые касаются, прежде всего, степного мира Средней Азии и особенно наскального изобразительного искусства, систематически неправильно объясняемого с помощью индоиранских и шаманистских ключей, тогда как в петроглифах шаманизм явно проявляется ранее V в. до н. э. Мы далеки от мысли, что шаманизм и впадение в транс были универсальной формой первобытной религии, мы предпочитаем разделять проявление древних верований по эпохам и регионам, даже если по большей части их можно было бы свести в широко распространенную форму – «шаманистский тип», определяемую скорее как связь с природным или сверхъестественным миром, чем как субъективные обряды состояний транса [Francfort, 1997; 1998a; 2003b; Francfort, Namayon et Bahn, 2001]. Об этих архаизмах см. также выше о божестве-баране. Очень близкую концепцию выдвинула Е. Антонова [Антонова, 2000].

¹³⁶ Miroschedji, 1981; Божество, восседающее на троне в форме змеи, – мужское и его самые ранние атрибуты, по-видимому, более позднего типа, чем у божеств со змеями цивилизации Окса. См. важные замечания П. Амье: божество, интронированное на змее, появилось в Сузах на печатях высших чиновников со времени правления Аттахушу [Amiet, 1986b, p. 153].

заимствования, взятые индоиранцами и индоариями из этих архаичных евразийских глубин. Однако в этой ситуации я бы обратился к тому источнику, откуда возник сюжет сражения с драконом (Траетаона против Аджи Дахака или Врити) и в натуралистичной версии сюжет – «хищная птица» и «змея» (Гаруда), но не Дурга¹³⁷. Стиль этих изображений в цивилизации Окса, их «художественный язык» всегда вдохновлен образами из эламо-месопотамского региона, за исключением нескольких сиро-анатолийских элементов, к которым мы еще вернемся. Мотивы и их трактовка – все эламо-месопотамского происхождения: чешуйчатые горы (как в Месопотамии и Эламе), одежда «каунакес» (как на ситуте из Фарса, в Сузах и в Месопотамии и т.д.) и даже мотив трилистника, который может быть скорее аккадским и типа «Ур III» чем хараппским, и лист «пипала», который изначально более протоэламский, чем индийский¹³⁸. Ничто ни в иконографических сюжетах, ни в манере их трактовки не указывает на индоиранцев или индоариев.

По этому случаю следует упомянуть несколько знаков линейного эламского письма, найденных в Маргиане, датируемых последней четвертью III тысячелетия до н. э., письма, связанного с царствованием Пузур (Кутик) – Иншушинак¹³⁹. Нет никаких доказательств того, что предметы, на которые были нанесены эти знаки, не привезены, как и цилиндрическая печать с клинописной надписью, найденная в Гонуре¹⁴⁰; она датирована временем третьей династии Ура. Даже если бы эти предметы были местного производства, мы все равно не знаем, передают они эламский язык или местный. Однако известен один сосуд типа керамики цивилизации Окса, на котором есть оттиск печати, по-видимому, со знаками эламского линейного письма, такого же, как на нескольких сосудах из Шахдада. Как бы то ни было, эламский мир четко представлен и в парадных топорах – символах власти, широко распространенных в цивилизации Окса: они похожи на топор, который вручен сановнику Кук-Симуту, бывшему канцлером правителя Идаду II, в сцене на печати, датированной XX в. до н. э.¹⁴¹ Эти признаки, которые уводят в мир эламского Ирана, в итоге не более чем продолжение истории тесных связей Средней Азии с Иранским плато, начиная с фазы формирования цивилизации Окса.

Нет необходимости настаивать на том, что архитектура, искусство и мифология цивилизации Окса местные, но находятся под большим влиянием Элама, хотя и мало известного из-за недостаточности археологических исследований в Восточном Иране. Следовательно, если, например, попытаться восстановить происхождение ритуала культовых возлияний в цивилизации Окса, то это – не обязательно культ Сомы–Хаомы. Его, прежде всего, надо рассматривать как связанный с религией этой цивилизации, отраженной в «пантеоне» и его иконографии. В иконогра-

¹³⁷ Parola, 1999b, понимает цивилизацию Окса как индоиранскую и индоарийскую, тогда как мы ее понимаем как явление, инспирированное протоэламским, потом эламским миром, каким бы ни был язык, на котором говорили ее носители. Естественно, эти вероятные заимствования предполагают контакт на территории цивилизации Окса, как мы это увидим ниже.

¹³⁸ Francfort, 2004. Исчерпывающий перечень аналогий еще не составлен, но он должен включить из мира Леванта также летящий галоп, тавромахию и т. д., а из Месопотамии серьги в виде лодки, бусины с крылышками, бусины в виде капсул, парики статуи и т. д.; а из Индии «гравированные сердоликовые бусины» и т. д. В общем, отмечается повсеместное появление постоянного внутриконтинентального обмена на дальние расстояния.

¹³⁹ Клочков, 1995; 1998; Winkelmann, 1999, речь идет об эламском линейном письме.

¹⁴⁰ Sarianidi, 2001, pl. 10. n°7.

¹⁴¹ Amiet, 1986b, fig. 83, p. 276. Эти топоры или молоты, и особенно те, что имеют лопасти с завершением перекрестием в форме птичьих голов, а иногда драконов, столь широко распространены от Суз до пунктов цивилизации Окса, что в них можно видеть символы власти, указывающие на схожий способ управления в Эламе, за Эламом и во внешнем Иране. Один из них, найденный в Сузах, был знаком власти Шульги [Caubet, 1994, n°56, p. 92], другой, – происходивший из Луристана, посвящен Аттахушу [Amiet, 1986b, fig. 84, p. 276].

фии цивилизации Окса напиток распивают все: и богиня, и мужчина, и зайцы, и баран, а бык, как человек, подносит жертвенный напиток и т. д. Нередки конические сосуды из драгоценных металлов, подчас они украшены посаженными на борт и припаянными фигурками, напоминающими такие же на керамических культовых кратерах¹⁴².

Это видение мира во всем своем ансамбле мало сравнимо с тем, которое сведения письменных источников позволяют нам относить к индоиранцам, к индоариям или к иранцам. Однако мы отнюдь не исключаем возможность присутствия носителей языка индоиранцев или индоариев в цивилизации Окса. Они не более видны здесь в искусстве и в археологии, чем их соплеменники – арии из текстов Митанни, не выделившиеся в искусстве и археологии хурритов сиро-анатолийского региона. Посмотрим, как можно понять имеющиеся аналогии материалов из цивилизации Окса с сиро-анатолийским регионом, исходя из этого исторического контекста и зная, что одни арии жили в Митанни, а другие могли (или нет) пересечь территорию цивилизации Окса до 1400 (в общем) г. до н. э.?

Д. Связи цивилизации Окса с сиро-анатолийским миром

Нам остается рассмотреть связи цивилизации Окса с сиро-анатолийским и митаннийским миром, которые реальны и образуют основное ядро аргументации миграционной теории. Поскольку мы оставляем архитектуру в стороне, все аргументы будут только иконографического характера, а так как мы не можем здесь все детализировать, то ограничимся двумя примерами, чтобы попытаться узнать, имеем ли мы дело с миграциями или с культурными связями типа, называемого в археологии «обмен на дальние расстояния». Если мы коснулись обменов на дальние расстояния, их также надо будет разъяснить. Для нашего анализа достаточно рассмотреть такие артефакты, как печать из Тоголока, образ героя – хищной птицы и некоторые стилистические черты изображений. Сразу отметим, что, в общем, формы предметов, на которые наносились изображения в цивилизации Окса, всегда отличаются от таких же в сиро-анатолийском мире. Сосуды цивилизации Окса с наклепными изображениями животных не могут сопоставляться с сосудами хетов, так как их мифология иная¹⁴³. Что касается печатей, то эти предметы из цивилизации Окса относятся к самым разнообразным (анормально) типам. Перечислим только главные: цилиндрическая печать (эламо-месопотамского происхождения, но с гравированным торцом), прямоугольный амулет (напоминает хараппский Инд, но с гравировкой на обеих плоскостях), призматическая печать (вариант предыдущей), круглая каменная печать (напоминает такую же из Залива), перегородчатые металлические печати (медная, серебряная или золотая, выполненные в местной традиции – среднеазиатской или иранской)¹⁴⁴. Эти печати имели, скорее, символическое значение, чем выполняли чисто административную функцию (несмотря на несколько находок булл в Маргиане), так как общество, которое не было тотально урбанизированным, вряд ли имело государственную администрацию. Одна печать, на которой мы сосредоточили внимание, – уникальна, она была найдена на Тоголок Депе: на ней вырезана сцена тавромахии и охоты, и в рельефе изображена борьба двух верблюдов (рис. 21). Тема тавромахии, со всей очевидностью, происходящая из Леванта, привлечена исследователем, чтобы проиллюстрировать тезис о миграции сиро-анатолийского происхождения. Однако в этой атрибуции не принят в рас-

¹⁴² Francfort, 2004; Сарияниди, 1980. Эти сосуды могли быть типа «*imaginés mundi*», со змеями на дне (жидкость), млекопитающими и птицами на бортике.

¹⁴³ Сарияниди, 1998 b, fig. 1, p. 16 для этих аналогий.

¹⁴⁴ Francfort, 1998b.

чет факт, что эта же иконографическая тема в своем проникновении на Восток достигла хараппской цивилизации Инда, как это видно по двум (или трем) печатям (форма и стиль характерны), найденным: одна – в Мохенджо Даро, а другая – в Банавали¹⁴⁵. Здесь перед нами хорошо знакомое явление распространения иконографического сюжета независимо от этнолингвистической принадлежности среды. В охотничьей сцене представлен стрелок, пускающий стрелы в барана, который поднимается по склону горы, преследуемый охотничьей собакой. Тема охоты на горного барана в иконографии заимствована, как и мотив горы, и сам изысканный стиль изображения. Эти модели неизменно приводят нас к месопотамскому искусству глиптики эпохи Акада и Ура III¹⁴⁶. Что касается борьбы верблюдов (бактрианов), то здесь сюжет чисто местный, который будет воспроизводиться в центральноазиатском искусстве в степной области вплоть до железного века (см. бронзовые бляхи из Филипповки и Казахстана, и резьбу по дереву из Синьцзяня), но который зафиксирован в петроглифах эпохи бронзы в Алатау и у Байконура в Казахстане¹⁴⁷. Печать из Тоголока – прекрасный пример того, как темы, мотивы и стили могли передаваться на дальние расстояния еще с конца III – начала II тысячелетия до н. э., и художники цивилизации Окса привлекали их, включая в оригинальные композиции на своих изделиях. Эта печать на самом деле уникальной формы и не имеет никаких известных параллелей¹⁴⁸.

Другой пример – герой с головой хищной птицы. П. Амье ранее отмечал его, считая изображением гения. Он представлен, например, на луврской бронзовой печати¹⁴⁹ и на топоре из музея Метрополитен¹⁵⁰, оба принадлежат к цивилизации Окса. Этот герой сближается с орлиноголовыми гениями сиро-анатолийского мира. В них, возможно, воплощен образ хозяина животных, каким был герой на печати из Гонура¹⁵¹. Хронология цивилизации Окса определена еще недостаточно подробно, и при таком состоянии вещей нельзя считать, что сиро-анатолийские антропоморфные изображения с орлиными головами были более древними, чем такие же из цивилизации Окса, и что последние вели от них происхождение¹⁵².

Наряду с близкими иконографическими сюжетами в искусстве цивилизации Окса обнаруживаются и некоторые стилистические черты сиро-анатолийского, левантинского или месопотамского происхождения. Это: полоса переплетенного орнамента, разделяющая два регистра

¹⁴⁵ Catalogue, 2000; Joshi et Parpola, 1978. Тема тавромахии, распространенная в эгейском мире, Анатолии и Леванте, достигла Египта [Caubet, 1999].

¹⁴⁶ Francfort, 2004, по поводу сосудов с сюжетами легенд и изображением охоты в цивилизации Окса.

¹⁴⁷ Francfort, 2001b.

¹⁴⁸ «Амулеты» из Мургаба своей формой (как и оттиск на торце цилиндрической печати из цивилизации Окса) обязан изобретательности среднеазиатских гравиров. О деталях на этих изделиях, адаптации древних местных моделей или средневосточных модемов см.: Francfort, 1998b.

¹⁴⁹ Amiet, 1986b, fig. 186, p. 320.

¹⁵⁰ Ligabue et Salvatori, 1989, fig. 100.

¹⁵¹ Sarianidi, 1986a; 1993b, fig. 1 и 2.

¹⁵² Не забудем, что в афанасьевской культуре (в степях в эпоху, предшествовавшую цивилизации Окса или современной фазе Окса до 1700 г. до н. э.) изображения персонажей с головой хищной птицы встречены на петроглифах и резных стелах. Здесь надо четко различать наши опорные объекты (перегородчатая среднеазиатская печать и топор эламского типа из цивилизации Окса), представленный сюжет (персонаж с головой хищной птицы, который может иметь более древнее центральноазиатское происхождение) и стиль (известная сиро-анатолийская манера изображения на этих двух конкретных объектах, но не на всех изображениях персонажа с головой хищной птицы из цивилизации Окса). Такой же персонаж на булле из Южного Гонура [Sarianidi, 1998a, fig. 28, 5, p. 65] может быть сближен с оттиском из Карагуюка [Alp, 1993, pl. 19, p. 8]: структура и сюжет схожи, но это же можно сказать о сходстве изображений, присущих цивилизации Окса, со всем Средним Востоком, начиная с эпохи Акада (см., например, выше, что касается богини). Существуют затруднения в уточнении исторической интерпретации этих аналогий.

на печатях¹⁵³, летящий галоп лошадей, четкая передача мускулов ног героев, наличие завитка на плече львов, утолщенные полосы вдоль хребта у животных¹⁵⁴. Техника изображения также может быть единого происхождения, как, например, способ изготовления составных статуэток, который одинаков и в цивилизации Окса (рис. 22), и в Сирии (Эбла)¹⁵⁵; надо также напомнить парики статуй и статуэток из Суз и Аккада¹⁵⁶. Однако рассматривать вопрос о путях появления этой техники через Иран было бы слишком просто, его следует изучать в широком масштабе, как часть проблем сложного мира обменов на дальние расстояния. Вместо того чтобы представлять эти аналогии как прямое отражение миграции в том или ином смысле, или выводить происхождение цивилизации Окса и ариев Митанни из общего источника в степях между Кавказом и Аралом, следует поместить их в исторический контекст эпохи. Мы поймем тогда, что эти перемещения образов, техник и ценностей, естественно, неизбежны и не зависят от этнолингвистического фактора. Интернациональный контекст эпохи, выраженный в торговле и дипломатии (обе часто связывают с передачей даров и контрдаров суверенам), определяет появление интенсивных обменных отношений во всех регионах Востока. Не углубляясь в вопрос вероятного политического и военного вмешательства в Иран со стороны правителей Аккада и Ура III, мы лучше сосредоточимся на тех сведениях сохранившихся текстов, которые можно связать с памятниками археологии, чтобы понять историческую ситуацию того времени¹⁵⁷. Установлено, что в XIX в. до н. э. ассирийские купцы «карум» из Кантиша жили на территории, населенной народами, говорящими на разных языках. По этой территории в Сирии и Анатолии пролегла сеть путей сложных мультикультурных и полиэтнических обменов, связывавших эти регионы с Иранским плато и Средней Азией. По этим дорогам провозились товары и, прежде всего,

¹⁵³ Collon, 1987, p. 142: «That contact with the sealing practices of the west existed is demonstrated by the « / discovery of two seal impressions on a potsherd from Taip-depe (599-600): these are patently inspired by / contemporary Syrian seals (e.g. 146-7) precisely at a period when Assyria was involved in a flourishing trade with I Turkey via Syria and was receiving tin from the east (ch. 4a)». П. Амье датирует XVIII в. появление витых узоров в Сиро-Анатолии [Amiet, 1986b, p. 190].

¹⁵⁴ Наблюдения В. Сарияниди и П. Амье [Amiet, 1999] дополнены: Francfort, 2004. Исходя из среднеазиатской хронологии эти аналогии относятся скорее к периоду 1700–1600 гг. до н. э., то есть, к концу эпохи расцвета цивилизации Окса.

¹⁵⁵ Aguz, 2003, n°108, составная статуэтка сидящей женщины из Эбла, голова и руки которой из известняка, а одежда из стеатита, дополненного яшмой; по этой же схеме изготовлены бактрийские составные статуэтки.

¹⁵⁶ Там же, p. 169–172, n° 109a-d из Эбла и Тель Баната. Речь идет о париках на составных статуэтках, которые нередки в Эбла (в особенности Дворец G), и, в общем, при архаической династии; см. также парик из Ура, посвященный Шульги. В этом исследовании не упомянуты парики из битума, происходящие из Суз конца III тысячелетия до н. э. [Dechesne, 2003, p. 191–192]. У большинства составных статуэток богини цивилизации Окса парик и прическа съёмные. Еще один парик из стеатита был найден в Харашпе и, как кажется, он происходил из цивилизации Окса [Meadow, 2002, p. 114–116].

¹⁵⁷ Potts, 1994, рассматривает этот вопрос хронологически до 2000 г. до н. э. С полным основанием частично использованы и материалы цивилизации Окса, хотя они не всегда хорошо датированы. В принципе, этот период еще не подходит для рассмотрения проблемы индоиранцев и индоариев. Однако появляется возможность проследить контакты Средней Азии с Месопотамией в III тысячелетии до н. э. на динамичном отрезке времени и гораздо шире, чем только с точки зрения торговли лазуритом, единственным, что обычно привлекается. С другой стороны, письменные документы в этой книге представлены для этого периода царскими надписями, но перспектива их использования не столь полна, как впоследствии. Ведь только во II тысячелетии до н. э. дворцовые документы значительным образом пополнились торговыми текстами других источников. Поттс (1994) подчеркивает, что в III тысячелетии до н. э. олово привозилось, главным образом, из Мелухи (Индская цивилизация), то есть, вероятно, из той части Афганистана, что на юг от Гиндукуша. См. ниже.

сырье¹⁵⁸. Как осуществлялись дипломатические, торговые и военные связи, перемещались ценности и сами люди между Северной Сирией, Египтом и страной хеттов в более позднее время (XVI–XIV вв. до н. э.) свидетельствуют тексты из Митанни¹⁵⁹. В них отражено такое же многообразие языков и этносов, и среди прочих народов присутствуют знаменитые арии из Митанни. Такое многообразие может указать нам путь и к лучшему пониманию среднеазиатской ситуации, но без того, чтобы она была обязательно отражением другого пути, искаженного вектором, непременно указывающим на этнолингвистические миграции. Таким образом, можно считать, что аналогии и связи между Средним Востоком и цивилизацией Окса вряд ли обязаны присутствию (реальному в одном случае и предполагаемому – в другом) индоариев. Международная обстановка была такова, что позволяет предполагать их возможное присутствие в обоих регионах. И в то же время, если индоарии жили в Митанни, в Египте и у хеттов, это не говорит об их присутствии или отсутствии в пределах цивилизации Окса, несмотря на то, что существовали реальные связи между этими регионами, засвидетельствованные аналогиями в материалах, кстати, несколько не указывающими исключительно на индоариев. Этот вывод подтверждается всем содержанием текстов, происходящих из Сирии. В самом деле, благодаря текстам из Мари, изученным Д. Шарпэном и Ж.М. Дюраном, Ф. Жоаннесом и Б. Лафонтон, мы знаем, что «суккалмахи» (императоры) Элама осуществляли сюзеренитет над Месопотамией и аморитской Сирией, и, в то же время, Зимри-Лим (1767–1765 гг. до н. э.) – правитель Мари, между седьмым и девятым годом своего царствования владел большим количеством олова, купленного по хорошей цене у Шепларпака из Аншана и Кудушумуша из Суз¹⁶⁰. Вспомним еще ассирийских купцов из Каппадокии, торговцев «карума» из Каниша в XIX в. до н. э. и их официальную торговлю оловом, которое, как и лазурит, привозилось с Востока¹⁶¹. Однако теперь мы точно знаем, откуда происходит олово для более поздней эпохи. В самом деле, после попыток, оставшихся гипотетическими, локализовать рудники в Архандабе (где руды в наличие, но нет доказательства их древней разработки), мы недавно узнали, что в долине Зарафшана было месторождение, действующее в эту эпоху. Древний рудник в Мушистане был изучен и датирован немецкими и узбекскими исследователями¹⁶², там была найдена андроновская керамика, датированная 1645–1250 (2 сигмы) годами до н. э. по результатам дендрохронологического анализа образца из деревянной подпорки. Этот рудник XV в. до н. э. был дополнением к исследовавшемуся го-

¹⁵⁸ Таблички из Кюльтепе хорошо изучены и опубликованы. Их содержание может косвенно касаться и Средней Азии, как возможного источника олова. См.: Garelli, 1963; Garelli, Durand, Gonnet et Breniquet, 1997, p. 96–100 = Veenhof, 1972; Michel, 2001.

¹⁵⁹ Об альянсах и конфликтах между египтянами, хеттами и ассирийцами см.: Garelli, Durand, Gonnet et Breniquet, 1997, p. 136 s.; 328–331; Freu, 2003, p. 93 s. – о подарках династам; p. 117 и сл. – о перечне даров (приданого). Средняя Азия могла фигурировать там, только если допустить, что арии в этот регион пришли из Митанни: см. ниже. П. Амье предложил интерпретировать изображение на печатях цивилизации Окса как инспирированное мифом о Телепину [Amiet, 1999]; эта дефиниция недостоверна, детальный анализ показывает, что крылатое существо, помещенное наверху бюста, как бы восходящего из горы, на самом деле хищная птица, а не пчела.

¹⁶⁰ Charpin et Durand, 1991; Durand, 1992; Joannes, 1991; Lafont, 1992. Обычно торговля оловом проходила через Ассур и, особенно, Эшнунна. Об истории периода Симашки и «суккалмахи» см.: Miroshedji, 2003, p. 26 и сл.; об истории Суз, начиная с Саргона Аккадского и хронологии одним веком приблизительно позднее см.: Steve, Vallat et Gasche, 2002, p. 422–451.

¹⁶¹ Michel, 2001; Potts, 1994.

¹⁶² Alimov, Boroffka, Bubnova, Burjakov, Cierny, Jakubov, Lutz, Parzinger, Pernicka, Radillilovski, Ruzanov, Shirinov, Starshinin et Weissgerber, 1998; Boroffka, Bubnova, Vajsgerber, Luc, Parcinger, Pernicka, Starshinin, Cierny et Jakubov, 2000; Cleuziou et Berthoud, 1982; Muhly, 1973; Parzinger et Boroffka, 2002; Parzinger, 2002; id., 2003; Ruzanov, 2000.

родищу Карнаб, где, без сомнения, жили сами рудокопы (XVIII–XIV вв. до н. э.)¹⁶³. Полученные материалы дополняют исследования, осуществленные некогда Б.А. Литвинским и позднее Р. Безенвалем на рудниках олова в долине Зарафшана, а также результаты исследования им же связей на дальние расстояния Саразма с Керманом, Белуджистаном и Северо-Восточным Ираном в 2400 г. до н. э.¹⁶⁴. Доказанные даты древних выработок не очень ранние, чтобы признать олово сироанатолийским; и вполне возможно, что олово на грани тысячелетий поступало из Южного Афганистана – с Гиндукуша.

С какого-то времени во II тысячелетии до н. э. цивилизация Окса могла быть посредником в торговле оловом, каковым она долго была в отношении лазурита. Эта обменная деятельность в торговле, как и в области дипломатии, осуществлялась на уровне снабжения дворцов и усадеб («калы» – по К. Ламберг-Карловски) в масштабе более крупном, чем «cottage industry», но всегда, и прежде всего, она касалась элит¹⁶⁵ (рис. 23). Однако не надо переоценивать возможности

¹⁶³ Parzinger et Boroffka, 2002; Parzinger, 2003. Там найдена керамика тазабагъябского типа и фрагменты каменных сосудов типа цивилизации Окса. Проблема в том, что, как показали анализы, олово из бронз Сапаллитепа и Джаркутана не происходило из Зарафшанского района: Welcher Raum mit dem Zinn aus Karnab, Lapas, Changali und Mushiston versorgt wurde, ist derzeit noch ungelöst. Jedenfalls stammen die bislang aus Sapalli und Dzarkutan beprobten Zinnbronzen nicht aus den Lagerstätten des Zeravshan-Tales, obwohl in in der Bergbau bzw. Metalurgensiedlung von Karnab-Sichkonchi einige Importfunde (Keramikscherbe, Steingefäßfragment) aus dem baktrischen Raum vorliegen, was auf weitreichende Fernbeziehungen schliessen lässt. Ob mittelasiatische Zinn gar Mesopotamien und Anatolien erreicht oder versorgt haben könnte, scheint derzeit schwer abschätzbar und würde weitere analytische Untersuchungen voraussetzen» [Parzinger, 2003, p. 206]. Мы принимаем это осторожное утверждение, которое разделяет также Ф. Кол [в: Ratnagar, 2001]; он оставляет открытым вопрос о возможности разработок афганских месторождений в III тысячелетии и начале II тысячелетия до н. э. В. Пиготт в недавнем обобщающем труде пришел к тому же заключению [Pigott, Rogers et Nash, 2003]. Со своей стороны В. Рузанов получил результаты анализов, которые позволяют подтвердить это мнение, указывая на тот факт, что в процентном соотношении в оловянистой бронзе содержание олова таково: 10 % в Туркменистане эпохи Намазга V (XXII–XVIII вв., по его хронологии), до 44,6 % в культуре Сапалли в Узбекистане и 68,9 % на юге Таджикистана (XVII – VIII вв. до н. э., по его хронологии) [Рузанов, 1999]. Речь идет об анализах шлаков и предметов различного происхождения (какая-то часть из них относится к 2200 и 1400 годам до н. э., по нашей хронологии). Процентное соотношение с высоким содержанием олова касается только поздних периодов после 1700 года, что ведет к досадной ошибке в хроно-культурной дефиниции. К. Ламберг-Карловски [Lamberg-Karlovsky, 2003, P. 16] нашел, что процентаж варьирует «from 12 % in the period preceding the VMAC to over 50 % within the VMAC period». В таком случае надо понимать, что процентаж выше 50 % относится только к финальной стадии цивилизации Окса, а самый низкий – от 10 %, свойственен этой цивилизации до XVIII в. до н. э. Сам В. Рузанов, анализирувавший недавно содержащие медь остатки (но не оловянистую бронзу), сохранившиеся на отливочной форме топора из Дашлы 3, пришел к заключению, что руда могла происходить из полиметаллических залежей Афганистана, но без цинка, тогда как большинство медных сплавов из Дашлы (68,5 %) и культуры Сапалли (52 %) содержат цинк [Рузанов, 2002]. Но при этом нет разделения на хронологические этапы. Эти результаты анализов, где шлаки и предметы разных датировок взяты вне их хроно-стратиграфического контекста, оставляют нас в недоумении.

¹⁶⁴ Besenval, 1988; Исаков, 1985; 1993. В изучении металлургии цивилизации Окса постоянно присутствует важная проблема: эта металлургия больше базируется на мышьяковистой бронзе, а оловянистая бронза, хотя и встречается в Туркменистане спорадически с периода Намазга IV, но реально присутствует только в последней фазе. Тогда, кажется, стала преобладать мода на степную андроновскую металлургию [см. ниже]. Недавние исследования на Алтын-Депе подтверждают доминирующее использование в III тысячелетии до н. э. сплавов меди с мышьяком и со свинцом [Salvatori, Vidale, Guida et Gigante, 2002].

¹⁶⁵ Лазурит из Бадахшана, часто в сопровождении олова, перевозили через Бактрию и Восточный Иран на всем протяжении III тысячелетия до н. э. Этому «лазуритовому пути» посвящены многочисленные исследования. Путь связал цивилизацию Окса, начиная со стадии ее формирования со Средним Востоком. О недавних обобщениях и мнениях по этому поводу см.: Potts, 1994; Lamberg-Karlovsky, 1997, p. 91; Guichard, 1996; Kohl dans Ratnagar, 2001.

грузоподъемности ослов, которая определяет масштаб этой торговли¹⁶⁶, и полагать, что своим развитием цивилизация Окса полностью обязана торговле лазуритом или оловом¹⁶⁷. Конечно, были и другие факторы исторического, экономического, политического порядка, сыгравшие в этом свою роль. Что касается роли минералов при этом, то мы не можем обойти молчанием значение серебра и, прежде всего, золота; последнее было в изобилии в водных протоках на территории цивилизации Окса от реки Окса до Кокчи и в долине Зарафшана¹⁶⁸. Как не задуматься с этого момента об отношениях обмена и посредничества на дальние расстояния между отдельными правителями и целыми династиями, не только в культурном плане, но может быть даже об иранском, эламском сюзеренитете над цивилизацией Окса, существовавшем в определенные периоды? Не удивительно, что с тех пор могли перемещаться престижные предметы, сюжеты искусства, мотивы орнамента и даже сами мастера. Сеть дорог, которая начала складываться еще на стадии формирования цивилизации Окса и прошла через все перипетии, которые мы здесь опускаем, стабильно функционировала уже в развитый период жизни этой цивилизации, то есть полутысячелетием раньше XVI–XIV вв. – времени, когда «арии» пребывали в Митанни, а также за добрых три столетия до торговых операций ассирийцев в Каппадокии. Изучение этих связей показывает, что торговые обмены цивилизации Окса с сиро-анатолийским миром могли продолжаться почти до середины II тысячелетия до н. э. (до 1600 года).

Итак, тезис о миграции или наплыве народов сиро-анатолийского происхождения не имеет абсолютного значения, также как недоказуемо индоиранское или индоарийское присутствие на территории цивилизации Окса. Ее отношения с хараппским Индом, Эламом, Средним Востоком, которые мы выявили, вполне объяснимы в рамках экономических, дипломатических и династических обменов. Культы и «пантеон» цивилизации Окса – местного происхождения со значительным присутствием эламских элементов, а способ графического выражения образов божеств заимствован из вышеупомянутых регионов. Обменная деятельность проявилась в самых разных сферах жизни общества: в области поставок продовольственных товаров, движении техниче-

¹⁶⁶ Оценки объема торговли очень трудны, но как пример можно насчитать до 150 000 кусков ткани и до 100 тонн олова, привезенных в Анатолию ассирийцами в период «карум II», что не составляет огромного количества в год. Самый большой из ассирийских караванов насчитывал 300 ослов и 300 купцов, см.: Michel, 2001, p. 171 s.; 186–188.

¹⁶⁷ Б. Лионне обрисовала панораму этой торговли и сделала упор на связи цивилизации Окса с Северной Сирией в своей работе «*Mary et la Margiane ou la circulation des biens, des personnes et des idées dans l'Orient ancien à la fin du 2ème et au début du 2ème millénaire avant notre ère*» («Мари и Маргиана или движение ценностей, людей и идей на Древнем Востоке в конце III – начале II тысячелетия до н. э.»), представленной в качестве диссертации на звание руководителя исследований (апрель 2001, Париж–1, Сорбонна). Она видит в торговле оловом главный фактор генезиса и развития цивилизации Окса. Можно привести и другую точку зрения на включение цивилизации Окса в «концерт наций Востока» [см. в: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 393–421].

¹⁶⁸ Хотя Анатолия могла быть источником олова (шахты Кестель: Yener, 2000), также как золота и серебра, в обмен на которые купцы Ашура торговали оловом и тканями, но в не меньшей степени имели то же значение Иранское плато и Средняя Азия. Иран изобилует медью, серебром и свинцом, а в Средней Азии к этому добавлялись золото и лазурит (можно еще прибавить сердолик, агат, бирюзу и т. д.). Промывка золота из золотоносного ила в Бактрии (Амударья, Кокча) и в Согдиане (Зарафшан) практиковалась в ахеменидский и греческий периоды и даже вплоть до 1970 года (в Афганистане). Использование этого метода добычи золота в меднокаменном веке и в эпоху бронзы кажется очевидным, и не исключено, что восточно-иранская керамика, найденная археологами в Саразме 2400 года до н. э. (Таджикистан), была привезена экспедициями, разыскивающими золото, а не олово, или одно олово [Besenval, 1987; Besenval et Isakov, 1989]. Однако источники золота очень трудно идентифицировать, как это показал «Шумерский Золотой проект» Британского Музея.

ских достижений, художественных образах, перемещении самих людей¹⁶⁹. Однако, зная все это, мы не можем доказать, что жители цивилизации Окса или некоторые из них говорили на языке индоевропейской, индоиранской или индоарийской группы. И если согласно индоарийской гипотезе, это в незначительном масштабе и было так, мы постарались объяснить, что религия и «пантеон» у них были абсолютно иными, чем у ариев Митанни или более ранних иранцев. В итоге, можно сказать, что индоевропейские народы никоим образом не проявили себя в цивилизации Окса как доминирующий элемент, определяющий облик культуры в период между 2200 и 1700 годами, даже если предположить, что группы индоиранцев и индоариев находились на ее территории или на ее северной периферии. Однако во временной промежутке между 1700 и 1500–1400 годами положение меняется, как мы это увидим дальше.

IV. Период между 1700 и 1000 гг. до н.э.

Для более ясного понимания сути трансформаций, которые могли происходить между 1700 и 1400 гг. до н.э., и чтобы определить, возможно ли для этого времени ставить вопрос о связях проблемы индоиранцев / индоариев с цивилизацией Окса, мы должны будем показать все, что знаем о более поздних периодах. С некоторых пор установился консенсус в понимании того, что собственные территории цивилизации Окса, начиная примерно с 1000 года, были заняты населением, говорившим на иранском языке. Без труда можно подписаться под этим утверждением, но при этом не следует забывать, что мы не знаем, каков был субстрат – индоарийским, индоиранским, эламским, а может быть общим, или в него входило несколько неизвестных языков¹⁷⁰. Для этого периода характерен комплекс сделанной на гончарном круге керамики бело-розового цвета, не отличающейся разнообразием форм. Отметим также отсутствие изобразительного искусства, слабое присутствие ремесленных изделий престижного характера, чтобы не сказать – их отсутствие, и ослабление связей на дальние расстояния. Эти виды искусства и эти связи возобновятся лишь с завоеванием этих территорий Ахеменидами, а затем греками. Однако социальные и экономические отношения, которые выражены в таких категориях расселения, как усадьба и город внутри ирригационного района, не изменились с эпохи бронзы. Очень важен отмечае-

¹⁶⁹ Эти отношения, все больше принимающие во II тысячелетии до н. э. форму товарного обмена, не являются новшеством. Мы уже указывали выше на урукскую и протоэламскую экспансию, аккадские войны. Некоторые исследователи полагают, что организованная коммерческая деятельность уже существовала в более ранние эпохи в Гавре, Гиане и Сузах, включая торговлю лазуритом [Caldwell, 1976]. Такой взгляд, однако, не дает по ряду пунктов полного представления. По нашему мнению, должно выделять нюансы, чтобы понять и качественно оценить то, что зовется «торговлей», значение которой очень часто переоценивается как фактор, стимулирующий развитие культур. Это свойственно археологии, где часто просто отбираются ключевые артефакты, принимаемые за показательные без всякого обсуждения и аргументации [Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 413–420]; (Ratnagar, 1999, p. 211: Even when artefact parallels between different places are noticed for the first time, archaeologists provide little discussion of the details, of just how similar two sets of items are ; In our case artefacts similarities are pointed out but there is little attention to numbers involved, or to other classes of artefacts which show no resemblance whatever »)]. Сказанное со всей очевидностью можно отнести также к цепочке связей: цивилизация Окса – Сирия – Анатолия или в общем Средний Восток. К. Ламберг-Карловски недавно предложил иной взгляд на роль «торговли» в процессах экспансии и колонизации в протосторическую эпоху и не стал больше придавать ей значения стимулятора прогресса [Lamberg-Karlovsky, 1999].

¹⁷⁰ Эламский язык оставался в обиходе в Фарсе, по крайней мере, до Ахеменидов. В Средней Азии языки дардов и кафиров, а также иранские диалекты Памира, такие как бурушасский, указывают на реальную возможность сохранения этой стойкой традиции. Обильная документация для периода железного века указывает на то, что синтез шел по линии «Achemenet. com»: Henri-Paul Francfort, Colloque «Archéologie de l'empire achéménide» L'Asie centrale; См., также, например: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 438–446; о Восточной Бактрии см.: Gardin, 1998; Lyonnet, 1997.

мый повсюду в ахеменидский период факт (который можно назвать определяющим) полного отсутствия могильников и гробниц. Такое положение существовало вплоть до прихода греков и, вероятно, объясняется господством в это время какой-то формы маздеизма. Иное положение отмечается в степном мире, где кочевники продолжают хоронить умерших в земле и будут делать так всегда.

А. Эпоха раннего железа (около 1500/1400 – 1000 гг. до н.э.)

Вышеописанные признаки культуры были таковыми, начиная примерно с 1500/1400 гг. до н. э., то есть с начала периода господства лепной расписной керамики типа Яз–Тиля–Кучук с ее показательными особенностями¹⁷¹. Между 1500/1400 и 1000 годами керамику перестали изготавливать на гончарном круге, как это было раньше, и к чему вернуться позже, но лепили вручную и расписывали простыми геометрическими мотивами. Кроме того, основным типом организации жилья была усадьба, а город, окруженный оборонительной стеной, по-видимому, еще не существовал. Это была эпоха появления металлургии железа, делавшей еще первые шаги. Не были известны также изобразительное искусство и престижные ремесленные изделия. Примечательный факт, установленный исследователями, – это отсутствие гробниц. В оазисах Средней Азии в период от 1500–1400 гг. до н.э. не известно никаких погребений, и такое положение сохранялось вплоть до прихода греков. Оно, возможно, объясняется тем, что примерно с 1500 г. до н.э. на всей территории цивилизации Окса распространяется какая-то форма маздеистской религии. Для подобного утверждения нужно рассматривать отсутствие гробниц как показательный фактор, но, как известно, аргумент «a silentio» в нашей науке применим с осторожностью. В данном конкретном случае, однако, если рассматривать время, с которого начались продуктивные раскопки и разведки, и если принять в расчет масштаб грабежа некрополей Бактрии, который выбросил на тротуары Кабула и в международную торговлю антиквариат эпохи бронзы, эллинистической, кушанской, средневековой эпох (и если прибавить факт последних исследований А. Сагдуллаева¹⁷² и недавних разведок итальянских археологов в дельте Мургаба¹⁷³), нахождение человеческих костей на городищах в количестве, которым нельзя пренебречь, после всего этого трудно не допустить, что ритуал очищения костей от плоти был распространен на широкой территории. Отсюда следует, что мы должны были бы признать распространение на территории цивилизации Окса развитого маздеизма, и, как следствие, считать ираноязычное население доминирующим в области, которая будет названа в Авесте Арьянем Вайджах. Эта маздеистская доминанта должна бы быть в Средней Азии более прочной, чем в Западном Иране, где известны гробницы и где эламский язык продолжал существовать вплоть до Ахеменидов.

Однако следует обратить внимание на три обстоятельства. Во-первых, очищение трупа от костей на поверхности земли практиковалось с глубокой древности шаманистским населением Северной Евразии – и необязательно ираноязычным, что доказано тщательными раскопками в

¹⁷¹ Об этом периоде и культуре существует большое количество работ. См. собранные данные: Francfort, Boisset, Buchet, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 430–438.

¹⁷² Сагдуллаев, 1990.

¹⁷³ Genito, 1998; Jøgeklar, 1998.

Минусинской котловине¹⁷⁴. Один только этот ритуал не может быть доказательством существования маздеизма, к тому же он практиковался раньше цивилизации Окса эпохи бронзы (см. выше). Очищение костей не может быть принято как маздеистское в контексте оазисов Средней Азии в период между 1500 / 1400 годами и временем завоевания Александра Македонского. Далее следовало бы убедиться что кремация как способ погребения в эту эпоху не практиковалась, а это нелегкая задача, так как необходимо проводить широкие и тщательные раскопки в окрестностях усадеб, которые пока только сами притягивают внимание исследователей. Эта выверка должна быть однажды произведена. И, наконец, следовало бы убедиться в том, что гробницы полностью отсутствуют и в других районах распространения этой культуры.

Если же признать существование маздеистской доминанты на среднеазиатской территории цивилизации Окса в эпоху железа, то к этому можно добавить ряд интересных наблюдений. В-первых, бросается в глаза отличие иранской цивилизации Окса всей эпохи железа не только от культуры (предполагаемых) иранцев степей, но также от культуры населения Ирана и юга Гиндукуша. В Иране господствует большое разнообразие местных культур и последствий их эволюции, выраженной в погребальных обрядах, там, где они известны. Результаты изучения Марлик, Амлаш, Сиалк Б, Хасанлу, Годинтепе, Тепе Нуш-и Джан, Хафттепе и др. дают представление о контрастном облике культур, очень сильно отличавшемся от среднеазиатской однородности. На юге Гиндукуша, там, где, возможно, прошли индоарии, археологическая ситуация периода между 1400 и 1000 годами также иная; хотя культуры там мало известны, они, однако, не похожи одна на другую: Мундигак VI–V в. Арахозии, Над-и Али в Сеистане, «курумы» в Белуджистане. Отметив все это, вернемся назад, чтобы понять, каким образом осуществился переход от цивилизации Окса эпохи бронзы эламского типа (внешний Иран или Трансэлам) к иранской цивилизации Окса в эпоху железа?

Б. Гипотеза, касающаяся постурбанистической фазы цивилизации Окса (около 1700–1500/1400 гг.)

Чтобы попытаться это понять, нам остается рассмотреть финальную фазу цивилизации Окса, время ее экономического упадка в 1700–1500/1400 годы¹⁷⁵. Это – время, когда повсюду доминирует белая керамика с гончарного круга, названная типа Намазга VI в предгорьях Копетдага, Аучин и Тахирбай 6 в Маргиане, Моллалы и Бустан VI в долине Сурхандарьи в Узбекистане, Бишкент и Вахш в Южном Таджикистане, Дашлы 19 в Бактрии и Шортугай IV в Северо-Восточном Афганистане.

¹⁷⁴ В Евразии обычай выставления тел не редок, то же фиксируют этнологи: этот обычай принят у шаманов на Алтае; он особенно распространен в буддийской Монголии. В железном веке он выражен в датированных радиоуглеродным методом остатках костей, обнаруженных на погребальных памятниках, таких, как «керексур» в форме курганов, но это не гробницы сибирско-монгольского региона. В Хорезме и у скифов Приаралья оссуарии и мавзолеи, пришедшие на смену кремации, не использовались ранее III в. до н. э.; в Согде и Бактрии памятники, связанные с очищением костей (наусы), также не древние. См.: Grenet, 1984; Яблонский, 1998; Rtveldze, 1987; Sulejmanov, 1991; Вайнберг и Левина, 1993.

¹⁷⁵ Об этом периоде см.: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 371; 374–376; 385–388; 422–430; Абдуллаев, 1977; 1979; Антонова и Виноградов, 1979; Avanessova, 1995; id. 1996a; Беляева и Хакимов, 1973; Francfort, 1981; Götzelt, P'jankova et Vinogradova, 1998; Kaniuth et Teufer, 2001; Кузьмина, 1996; Lombardo, 2001; Lyonnet, 1994; Мандельштам, 1968; Массон, 1959; Пьянкова, 1996; 1982a; 1982b; 1982c; 1985; 1986; 1987; 1999a; 1999b; 2001; 2003; Равич, 1985; Виноградова, 1984; 1987; 1994; 1996a; 1996b; 1999; 2000; 2001a; 2001b; 2003; Vinogradova et Kuz'mina, 1996; Hiebert et Di Cosmo, 1996; Masson, 1992.

Культурные слои этой эпохи находятся в верхнем горизонте ранних городищ цивилизации Окса, таких как Намазга Депе и Джаркутан, или на материке под отложениями эпохи лепной крашеной керамики на городищах Яз Депе, Кучук или Тилля. Традиция производства белой керамики на гончарном круге, собственно говоря, никогда полностью не исчезала, но верхние слои обживания городищ менее важны, чем предшествующие. Следует добавить, что мы имеем дело также с могильниками (Моллали, Бустан, Бустан VI, Аучин) или небольшими городищами типа Ташгузар, Каримберди, Тегузак или Кангуртут (Таджикистан), где материал цивилизации Окса обнаружен в смеси со степным. Можно видеть также прекращение связей на дальние расстояния, упадок ремесленного производства, экономики в целом¹⁷⁶ и изобразительного искусства, а также увеличение присутствия материалов степных культур (количество их в Шортугае) керамики и металла¹⁷⁷. Пропорционально увеличивается доля лепной керамики, имитирующей гончарные формы посуды. Вместе с тем, заметно расширяется освоение лессовых возвышенностей в Южном Таджикистане, демонстрирующее новые формы хозяйства: богарное земледелие и, в особенности, скотоводство¹⁷⁸. Исследования городищ в Таджикистане, проведенные Л. Пьянковой и Н. Виноградовой, выявили сосуществование двух керамических традиций: первая – изготовление белой керамики на гончарном круге в традиции цивилизации Окса и вторая – ручная лепка сосудов в андроновской степной манере. Л. Пьянкова также убедительно показала, с чем согласна и Е. Кузьмина, что в это время традиция андроновской культуры распространяется и в металлургии меди (можно добавить формы и сплавы). Интересно отметить, что разработка месторождений олова на Зарафшане, то есть расположенных севернее, но датированных этим же временем, может быть тесно связана с андроновцами. Без этих связей нельзя объяснить прогресс металлургии оловянистой бронзы в Средней Азии¹⁷⁹.

Выше мы отметили, что все андроновские новшества к 1700 году всегда проникали происходило с севера в долину Зарафшана, особенно в низовья этой реки: андроновский могильник Дашт-и Козы, городище Тугай (где андроновское присутствие надо отделить от находок черепков типа Саразм IV, которые немного более ранние, находка в Зарча Халифа и Джаме, где материал смешанный (андроновский и цивилизации Окса). На Средней Амударье финальной фазе цивилизации Окса хронологически соответствуют поселения тазабагьябской культуры с их примитивной ирригацией и земляночными жилищами. В общем, кажется неоспоримым продвижение андроновцев на юг в период между 1700 и 1400 годами до н.э. Но означает ли оно продвижение индоиранцев или индоариев?

В ту же эпоху происходят изменения и в погребальной обрядности в некрополях оазисов. Наряду с классическими формами гробниц цивилизации Окса обнаруживается обряд кремации, как в Бустан VI (могильник города), в Бишкенте (кладбище в высохшей долине); отмечаются кенотафы, а в Конгурт-Тут даже целое кладбище захоронений в горшках (каждый в индивидуальной яме). Встречены погребальные приношения из терракоты (статуэтки, жетоны, прясла). Считается, что обряд кремации, имевший степное андроновское происхождение, распространен от

¹⁷⁶ Для объяснения этого общего упадка, который не коснулся только продовольственной сферы, был предложен технико-экономический подход: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 303–338; Francfort, 1988; Francfort, Lagrange et Renaud, 1989.

¹⁷⁷ Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 80; 101–103; 207–209; 248–250.

¹⁷⁸ Francfort, 1985; Tosi, 1983b.

¹⁷⁹ См. предыдущее примечание: на современной стадии исследований можно считать, что металлургия меди в оазисах Средней Азии в это время не претерпела упадка, распространяется оловянистая бронза (что ранее было реже, когда превалировала выплавка мышьяковистой меди).

Казахстана до Тянь-Шаня, но замечено, что в могильниках, лучше всего изученных, кремация всегда сосуществует с ингумацией (Лисаково), а самые последние тщательные исследования показывают, что этот обряд не может быть принятым за маркер индоариев¹⁸⁰. В погребениях бишкентской культуры иногда встречаются маленькие каменные очаги. В самой вахшской культуре в Южном Таджикистане распространены погребения в кургане (из камней), ярко выраженного степного происхождения¹⁸¹, но керамика относится к традиции чисто местной, хотя она изготавливалась без применения гочарного круга ручным способом. В Шортугае, в культурном слое периода IV, отмеченного довольно длительным экономическим упадком, (вероятно, между 1700 и 1400 годами), была не только найдена степная керамика, но также вскрыты два погребения: одно типа Бишкента и другое – типа Моллала. Там же раскопаны хранилища типа Бустан VI и найдена керамика, близкая формам посуды вахшской культуры, но при этом присутствуют каменные сельскохозяйственные орудия китайско-гималайского типа. Это дает четкое представление об изменениях и передвижениях, которые происходили в эту эпоху. Как их можно интерпретировать/объяснить в масштабе цивилизации Окса?

Это – сложный период, наполненный изменениями и мутациями. Есть попытки связать с ним появление разнородных групп индоариев, но не обязательно доминирующих повсюду и всегда. Неоспоримо присутствие степного населения с лошадьми и с собственной керамикой, но в его составе могли быть различные группировки. Таким образом, можно отметить, что ни курганы, ни керамика ваханской культуры не являются чисто андроновскими, что четко фиксируется и в других местах. В тазабагыябской же культуре не отмечено ни использования лошади, ни кремации как погребального обряда. Не следует забывать, что потомки населения, принадлежавшего к цивилизации Окса и, возможно, к более ранним ее субстратам, могли говорить на разных языках. Теперь, есть ли у нас причины допускать присутствие индоариев в цивилизации Окса в это время и была ли их материальная культура смешанной? Логически, «метод выбывания» заставляет нас удалить индоариев (и индоиранцев) из цивилизации Окса в период между 2500 и 1700 годами в пользу присутствия «эламского культурного притяжения», но он же позволяет нам опознать присутствие иранцев после 1400 года, а теперь заставляет поместить в Средней Азии индоариев между этими двумя периодами, то есть в 1700–1400 гг., до или в то время, когда они прокладывали себе путь на юг. Отсутствие интереса к торговле, искусству и ремесленному производству и наличие обряда кремации – это лишь второстепенные из базовых элементов этой гипотезы¹⁸². Выходцы из степей не обязательно стали единственными виновниками экономического упадка после 1700 года, но они присутствовали в тот период, когда этот упадок происходил, и даже в их рядах наличествовали пионеры прогресса металлургии, основанной на оловянистой

¹⁸⁰ Х. Бендесу-Сармиенто показал в своей докторской диссертации, посвященной погребальным обрядам эпохи бронзы и железа Казахстана, что кремация в степях несколько не древнее, чем в оазисах, что в погребальных обрядах ее роль второстепенна и мала, но что в историографии ее слишком переоценили, сделав этническим маркером. Кремация может иметь иное объяснение, чем этнические и религиозные причины. Участники организованного по инициативе Л. Башело в апреле 2004 года коллоквиума, посвященного обряду кремации в Северной Сирии и Анатолии (область хеттов и Митанни), пришли к аналогичному заключению: причины кремации могут быть различны и из нее нельзя обязательно делать этнический маркер.

¹⁸¹ Lyonnet, 1994, полагает, что погребальная структура типа кургана указывает на приход индоиранцев из степей.

¹⁸² Francfort, Boisset, Buchet, p. 454–456: Мы предложили взять за основу исследование Бенвениста [Benveniste, 1970] и связать упадок торговли и ремесленного производства в постурбанизированный период цивилизации Окса с индоиранской или иранской хозяйственной системой.

бронзе. Как они могли исчезнуть, почему археологическая культура, им принадлежавшая, не распознается на территории южнее Гиндукуша?

Можно было бы попытаться принять вслед за Ж. Фюссманом гипотезу о племенных группах типа кузнецов-номадов (как «лахары» Индии) – легкие, передвигавшиеся на периферии страны они оседали в предместьях городов и на полях, где нет ирригации¹⁸³. Но как тогда соотнести это простое видение сначала со значительным распространением андроновской керамики внутри и за пределами городищ цивилизации Окса¹⁸⁴, а затем с образом завоевателей Индии – воинов-колесничих, а также если не с господством их элиты, то, по крайней мере, с очень мощным ее присутствием, вплоть до внедрения в регион языка и религии. Лучше всего представить это население (что также предположил Ж. Фюссман) подобием племен кочевников-пуштунов, многочисленных, динамичных и хорошо вооруженных, которые захватывают земли крестьян Хазара Гиндукуша после того, как сделали их должниками. Однако (по данным археологии) ничто не указывает на такой же сценарий в нашем случае. Эти этнологические примеры игнорируют факт, что современные оседлые жители и кочевники закупают посуду и хозяйственные изделия на одних и тех же базарах, и, следовательно, не различаются с этой точки зрения. В эпоху бронзы было иначе, и следует признать, что должны были быть важные причины для того, чтобы степное население в какой-то момент отказалось от изготовления собственной посуды, чтобы заимствовать ее у оседлых жителей цивилизации Окса. Следует подчеркнуть и другой важный момент – мы не должны считать андроновцев кочевыми пастухами. У них были поселения, стабильные пункты металлургии. Они занимались земледелием, иногда орошаемым, и разводили скот¹⁸⁵. Эти агро-пастухи степей уже, возможно, мигрировали, но они, конечно, встретили других агро-пастухов в цивилизации Окса на их собственной территории. Здесь речь идет об очень большом отличии от этнологической модели Хазара-Пуштуна. Мог сложиться и другой сценарий, чему нет этнологической аналогии, но имевший пример в истории, то есть это могли быть передвижения небольших групп, состоявших только из молодых мужчин, по греческой модели колонизации или «*ver sacrum*». Они захватывали территорию и власть над ней там, где это было возможно, но были, однако, неспособны принести с собой свою материальную культуру, должны были брать жен на месте, а иногда и окультуриваться, сохраняя при этом в определенной степени только часть своей исконной культурной модели. Таким образом, было бы иллюзорным искать материальную культуру, перенесенную целиком блоком, и понятно, что племена, более или менее близкие друг другу, но, тем не менее, различные, могли вначале производить смешанные культурные формы типа «цивилизация Окса – степь». На «линии культурного фронта» от Тянь-Шаня и Памира до Копет-Дага они встречаются чаще, чем такие, как формы бишкентской, вахшской культур и других по ту сторону Гиндукуша. В цивилизации Окса ситуация могла быть осложнена тем, что андроновская керамика изначально изготавливалась вручную женщинами, тогда

¹⁸³ Fussman, 2003.

¹⁸⁴ См. специально результаты археологического обследования памятников на Мургабе, обнаруживающие здесь промежуточный пункт движения населения [Gotzelt, 2001; Gubaev, Koshelenko et Tosi, 1998]. Возможность усвоения населением цивилизации Окса андроновского образа жизни признает Готцельт. Однако, если такое явление и имело место, оно никогда не возростало до того, чтобы культура андроновского типа заменила традицию цивилизации Окса, которая сама, как мы видим, была заменена реально и без пробы лепной крашеной керамикой (Яз-Тилля-Кучук). Исследователем М. Каттани недавно раскопано жилище тазабагьябского типа около Тахирбай 3; в нем была найдена керамика «Окса» и «Андронов» [Salvatori, 2003, p. 12–13].

¹⁸⁵ Об ошибочном представлении, что у всего степного населения было только кочевое пастушеское хозяйство, см.: Francfort et Lecomte, 2002.

как посуда цивилизации Окса – на гончарном круге мастерами-мужчинами. В этом предположении приняты в расчет хозяйственные и технологические изменения вплоть до моделирования керамической посуды. Все это может показаться слишком гипотетичным, однако достойно быть включенным в сценарий, в котором «инфильтрации» и даже «Kulturkugel» связываются с появлением в регионе индоиранцев или индоариев. Посмотрим, нет ли какого-либо позитивного фактора, чтобы это подкрепить? Антропология, на которой мы вкратце остановимся ниже, могла бы когда-нибудь ответить на вопрос о миграции – интеграции (но не языка), результатами исследований митохондриальной ДНК и Y-хромосомы, но еще нужно было бы, чтобы индоарии и иранцы не уничтожили все человеческие останки обрядами кремации или очищения костей!

В ожидании этого мы пока вернемся к иконографии, дав несколько новых замечаний и предложив новую альтернативную интерпретацию серии серебряных сосудов цивилизации Окса с повествовательными сюжетами. Эта серия, принадлежащая к большому комплексу изделий торевтики, – однородна по стилю и датирована периодом ранее 1700–1600 гг. до н. э. Изображения позволяют определить существовавшую у земледельцев цивилизации Окса иерархию людей и божеств, близкую культуре эламского Ирана. Однако поражает факт, что изображения на этих сосудах имеют мало точек соприкосновения с обильной иконографией на предметах торевтики, печатях, топорах, навершиях булавок или сосудах, которая не имела повествовательных сюжетов. Стиль этих сосудов четко инспирирован влиянием эламо-месопотамского мира. Их иконография включает сцены пиршества (рис. 24а, рис. 24в), пахоты, процессий колесничих и пеших персонажей (рис. 0б), сражений лучников (рис. 25а, 25 в), охоты, т. е. сюжеты, отвечавшие запросам элитной части общества Востока в эпоху бронзы, каким бы ни был его разговорный язык¹⁸⁶. Ничто не позволяет предполагать их прочтение по-индоирански, но ничто и не запрещает этого, однако есть наблюдения, которые делают возможным их определение, ориентированное на индоариев. Так, на одном сосуде со сценой битвы¹⁸⁷ изображен умерший, что встречается относительно редко в протоисторическом искусстве. Он показан то ли в гробнице, чему нет известных аналогов, то ли на незажженном костре, и в этом случае должен будет подвергнуться кремации – ритуалу, который, как мы видели, практиковался в цивилизации Окса после 1700 г., в период, когда андроновское присутствие стало наиболее ощутимым. Далее замечено, что с некоторых пор на большей части таких сосудов выведены на сцену исключительно мужчины, они четко распределены на три возрастные категории. И наиболее показательна роль молодых: юноши выполняют простые задачи; они – из низшего класса, помощники взрослых мужчин, происходивших из доминирующих активных групп. Они всегда показаны небольшого роста, обнаженными, безбородыми¹⁸⁸. Поразительно, что этим маленьким юным персонажам оказано так много внимания: они – помощники пахарей или хозяев на охоте, носильщики дичи при возвращении с охоты, грузов в процессиях, они – на ролях пажей или оруженосцев на войне. Не менее поразительно, что им вообще отведено столь значительное место в галерее образов цивилизации Окса, что не свойственно восточной иконографии, где молодежь обычно не видна¹⁸⁹. Подчеркнутая возрастная градация мужского населения, как и завышенная оценка деятельности

¹⁸⁶ См., например, сюжеты в аккадской глиптике, близкие схемам на объектах из цивилизации Окса: Boehmer, 1965. P. 126–129, pl. LX, LXI; со сценами пахоты и охоты: Collen, 1982.

¹⁸⁷ Francfort, 2003a; 2004.

¹⁸⁸ Francfort, 1994a; 2004.

¹⁸⁹ Танцоры-музыканты известны в Месопотамии. Реже представлены слуги и рабы, как например, на цилиндрической печати писца Калки – служителя Уби-Иштар, где он несет стул и мешок (Collon, 1982. p 141).

молодых людей, больше напоминает их роль в обществах индоевропейцев и даже «марианну» Митанни, чем у шумеров, аккадцев, вавилонян или эламитов¹⁹⁰. И еще одна особенность: она видна в уникальном стилистическом приеме изображений сцен пахоты и пиршества на сосуде, хранящемся в музее Михо. Сцена с быками, тянущими соху, и посевом симметрично дублируются в нижнем регистре. Прием повторения композиции не был незнаком художникам цивилизации Окса, но симметрия была характерна лишь для геометрического орнамента или диктовалась содержанием самого действия (дуэль), а также мифологическим сюжетом (например, фронтальное изображение божеств с повторяющимися телами животных по бокам). В сюжете с пахотой, где нет необходимости в зеркальном изображении, такое «близнячество» в мифологическом прочтении может намекать на близнецов Насатъя – производителей, принадлежащих к третьему сословию, согласно трехчастного деления индоевропейского общества по Дюмезилю¹⁹¹. Если бы подобная идентификация была однажды подтверждена, следовало бы допустить, что определенная часть династов цивилизации Окса даже в период до 1700 года принадлежала к группам, говорившим на индоевропейских, индоиранских или индоарийских языках. Мы далеки еще от подобного утверждения, но аналогии с ситуацией в Северной Сирии, хеттской и митаннийской Анатолии, известной по текстам, позволяют не исключать такую возможность. В таком случае мы должны будем рассматривать эти группы как меньшинства в древнеземледельческом мире Ирана протоэламской и эламской культурной традиции, в котором совсем иначе воспринималась роль женщин, торговли и ремесленников.

Таким образом, продвижение на юг андроновского или родственного ему населения степей, имевшее место на территории от Зарафшана до Окса, примерно на протяжении двух, трех или четырех веков между 1800 и 1500 годами могло совпадать с очень важными изменениями внутри самой цивилизации Окса. Предположение о том, что некоторые выходцы из этих степей говорили на индоиранских или индоарийских языках, – возможно (но, однако, не гарантировано, как всё в Азии), иначе это нельзя было бы объяснить ни последующей иранизацией степей, ни иранизацией оазисов Средней Азии. В пользу такой интерпретации можно привести ряд признаков, но все они упираются в одно и то же: каким образом объяснить аналогичные ситуации, дипломатические и торговые связи и потом этот квазисинхронизм «ариев» Митанни с финальной стадией цивилизации Окса. Решительно ничто не может дать однозначного ответа, но, исходя из того, что арии процветали в регионе, близком к Средней Азии и Индии, а не на Среднем Востоке, где их след теряется, можно считать, что их появление в Северной Сирии было в ее истории, скорее, единичным эпизодом. Все указания и гипотезы смогут обрести свою истинную

¹⁹⁰ Freu, 2003, p. 36 и сл.; Sergent, 1997, p. 215–216; 1995. P. 221, 283–285. Эта высокая оценка молодежи также поразительна в надписи на гробнице Дария в Накш-и-Рустеме (Лесоq, 1997. P. 224).

¹⁹¹ О тождестве Насатъя см. в особенности у Dumezil, 1994. Может быть недостаточно обращено внимание на то, что на сосуде из Хасанлу возможно (хотя и не подтвержденное) «lectio iranica» наряду с хурритской или какой-либо другой интерпретацией (Dumezil, 1994. P. 97-99; Barrelet, 1984). «Двое мужчин ведут каждый по барану» можно прочесть так: «персонаж, который приводит барана» продублирован: просто повтор одного образа или близнячество? Я воздержусь от заключения.

значимость лишь тогда, когда мы будем располагать надежной хронологией, т.е. результатами контролируемых стратиграфических раскопок в Бактрии¹⁹².

Физическая антропология, при современном состоянии ее знаний, не может оказать нам помощь в том, чтобы появилась возможность характеризовать миграции на основе сравнения признаков, внедренных ранее, и других – появившихся позже, а также происходивших из степи. Среди остеометрических данных нет ничего, что указывало бы на связи, которые могли существовать между изначальным населением цивилизации Окса и народами степей. По антропологическим меркам следует считать, что эти этносы абсолютно разные. Отсутствие данных о связях свидетельствует о том, что, если и были миграции, то для этого времени они не показательны. Если смешение населения степей и оазисов и становится показательным, то только не ранее эпохи, в которой господствовали обряды кремации и выставления, а тела умерших не сохранялись. Исследования последних лет показывают постоянство состава местного населения, начиная с эпохи халколита, что не исключает, однако, возможности некоторых ограниченных изменений¹⁹³. Эти исследования помогают нам найти отправную точку для аналогий археологических и культурных и их хотя бы частичной интерпретации в палеодемографическом и этнолингвистическом смысле.

Можно считать, что степной вклад, внесенный в цивилизацию Окса на протяжении II тысячелетия до н.э., неоспорим. Он был постоянным, очень разнообразным и разнородным. В недавнем исследовании Ф. Кол попытался отнести значимый демографический вклад степных народов в генезис цивилизации Окса ко времени, к началу III тысячелетия до н.э., что я считаю преувеличением. В его работе хорошо подчеркнута трудность перемещения из степей в III тысячелетии до н.э. народа – бычьих пастухов. Однако в вопросе генезиса цивилизации Окса он не отрицает этих передвижений на ее территорию, но склоняется к признанию основного влияния культуры протоэламского и эламского Иранского плато и субконтинента, подчеркивая при этом значение местной традиции. К этому заключению приводят также исследования в таких очень важных

¹⁹² Попытки упорядочить хронологию археологического материала цивилизации Окса были показаны выше. Надо приветствовать новую хронологическую классификацию печатей, что очень важно, т. к. она нюансирует эволюцию (Salvatori, 2000), и дополнить ее одним замечанием: в Маргиане на Гонур-Депе буллы были найдены только на Южном Гонуре – более позднем городище (II тысячелетие), а не на Северном Гонуре, который более ранний. Связи типа «торговых» или скорее «обмены на дальние расстояния» со странами Среднего Востока предшествовали периоду III и начала II тысячелетия. Относительный упадок цивилизации Окса, возможно, совпадает по времени с приходом ариев около 1700 г. до н. э. Связи цивилизации Окса на дальние расстояния в период ранее середины II тысячелетия приняли бы тогда иной, не торговый оборот.

¹⁹³ Б. Хэмфилл возвращается к костному материалу, некогда изученному советскими исследователями, и показывает, что Вахш с антропологической точки зрения близок Шахр-и Сохта, Алтын-Депе, Тепе-Хисару и т. д. В основе всего этого материала лежат старые халколитические фонды (Hemphill, Christesen et Mustafakulov, 1995). Его самые последние исследования позволяют сделать заключение, что «the data provide no support for any model of massive migration and gene flow between the oases of Bactria and the Indus Valley. Rather, patterns of phonetic affinity best conform to a pattern of long-standing, but low-level bidirectional mutual exchange» (Hemphill, 1998; 1999). Концепт «gene flow» в этом контексте вызвал критику К. Ламберг-Карловского, но основной смысл этой работы остается. То же изучение (около 500 индивидуумов и 29 образцов) исключает возможность объяснить состав населения в цивилизации Окса как результат миграции из Индии или неважно откуда, из предгорий Туркменистана или тем более из Анатолии. Наибольшая близость населения культуры Сапалли или даже ее Моллалинского этапа обнаруживается с Геоксюрюм и исконным местным населением. Из этого следует вывод, что население цивилизации Окса эпохи бронзы имело местное происхождение, по крайней мере, со времени меднокаменного века. Эти исследования показывают несостоятельность теорий массового притока населения из Сиро-Анатолии, Ирана, Инда или степей приблизительно до 1500–1400 гг. до н. э.

регионах, как северные предгорья Гиндукуша и Западный Афганистан¹⁹⁴. Кроме того, в первой половине II тысячелетия до н.э. местные земледельческо-скотоводческие племена переходят от типа скотоводства, где доминировал бык, к разведению мелкого рогатого скота (овец и коз)¹⁹⁵. Это увеличение вновь в стаде числа баранов до сего времени не было отмечено достаточно точно, но оно облегчало передвижения населения, так как пастухи мелкого рогатого скота более мобильны, чем бычьи, к тому же они одомашнили лошадь. Однако это не проясняет основную причину перемещений, но показывает, как один из стимулирующих их факторов мог бы объяснить интенсивность миграций некоторых степных племен в сторону южных оазисов. Напомним вскользь, что вероятная аридизация климата в Средней Азии во II тысячелетии до н.э. является для некоторых исследователей неисчерпаемым источником для определения безоговорочных причин миграций. При этом остается без внимания, что вопрос может рассматриваться только с привлечением данных палеоэкологии, подтверждающих это климатическое изменение. Если оно и было, мы все равно не знали бы, как связать эти явления окружающей среды с культурными изменениями¹⁹⁶. В результате, такими факторами, как усыхание и аридизация можно хорошо объяснить как активизацию ирригационных работ и увеличение численности земледельческого населения, так и запустение территорий, покинутых земледельцами или разоренных кочевниками. Со всеми нашими знаниями мы, однако, очень далеки от объяснения реальности, которую хорошо знаем и в которой даже без аридизации климата несколько лет подряд засухи или большие холода, убивающие скот и т.д. достаточны, чтобы отправить в путь целые группы людей. Стимулировать миграции может и относительная перенаселенность, к которой приводят несколько хороших лет, благоприятствующих увеличению численности скота и людей.

В общем, археология может показать, что мир степей (Афанасьев, Кельтими́нар, Андронов) в эпоху от халколита до бронзового и железного века был по отношению к цивилизации Окса источником притока населения, но с нестабильным дебитом. Это население распределялось во времени и пространстве неравномерно, иногда его приток ускорялся, и ускорялись культурные мутации. Мы уже показали, анализируя в этом смысле изображения, особенно петроглифы, которые являются по природе своей стационарными, что контакты между среднеазиатской степной зоной и севером Индии, осуществляемые через Западные Гималаи, продолжались в период между III и I тысячелетиями¹⁹⁷. Нельзя больше ограничиваться упоминанием только одного эпизода – ведической миграцией, ведь ей будет наследовать вторая миграционная волна, где главной действующей силой станут саки, преодолевшие «Hanging Passes» во II веке. Что касается групп мигрантов, говоривших на индоевропейских, индоиранских, индоарийских и арийских языках, то их участие в таких передвижениях в сторону цивилизации Окса вполне возможно, но на археологических материалах показать их нельзя. Следовательно, если принять методологию лингвистов, которые считают, что произошли необратимые языковые разъединения, то, оста-

¹⁹⁴ Kohl, 2002. Теория степного происхождения цивилизации Окса уже выдвигалась (B. Sergent). Контакт степей и оазисов виден уже в Саразме III тысячелетия до н. э. (афанасьевское погребение, кельтими́нарский сосуд); в Кызылкумах (имитация декора типа Намазга во врезном орнаменте на кельтими́нарской керамике); в петроглифах Верхнего Инда (изображения окуневского типа). Речь может идти, по крайней мере, о линии фронтального раздела между старой аграрной средневосточной цивилизацией и культурами, происходившими из степной и лесостепной зоны, которые прекрасно различимы. Ф. Брюне в своей докторской диссертации 2001 года, посвященной неолитизации Средней Азии, прекрасно показала эти различия.

¹⁹⁵ Ахинджанов, Макарова и Нурумов, 1992.

¹⁹⁶ Гипотеза М. Този во введении к книге Gubaev, Koshelenko et Tosi, 1998. и наши замечания в Francfort et Lecomte, 2002

¹⁹⁷ Francfort, 1992b; 1993b; 1994b.

вив попытки связать этнокультурные монолиты с монолитами этнолингвистическими, надо, наконец, принять в расчет разнообразие внутрикультурных и надкультурных явлений¹⁹⁸. Тогда станет возможным начать серьезно подходить к тому, что после долгого протоурбанистического или урбанистического периода с культурной ориентацией на Средний Восток (главным образом, на Иран) и с незнакомым языком (эламским или другим?) часть населения к северу от Окса, по крайней мере, в Маргиане и в Восточной Бактрии, в период между 1700 и 1400 годами заговорила на индоиранских или индоарийских диалектах. Так это было на постурбанистическом этапе развития цивилизации Окса до тех пор, пока не произошло более радикальных изменений экономического, религиозного и, вероятно, лингвистического порядка, следствием чего стал тот факт, что в Средней Азии сформировалось маздеистское население, говорящее на иранском языке.

Библиография

- Абдуллаев Б.Н.** Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана, 13, 1977. С.33-40.
- Абдуллаев Б.Н.** Могильник Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана, 15, 1979. С. 22-33.
- Аванесова Н.А.** У истоков урбанистического Афрасиаба // История материальной культуры Узбекистана, 32. 2001. С. 57-68.
- Антонова Е.В.** «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // Вестник древней истории, (2), 2000. С.46-52.
- Антонова Е.В., Виноградова Н.М.** О летних и осенних разведках в регарском районе в 1974 г. // Археологические работы в Таджикистане, 14. 1979. С. 93-109.
- Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н.** К истории скотоводства и охоты в Казахстане. Алма-Ата: Гылым, 1992.
- Асимов М.С., Литвинский Б.А., Мирошников Л.И., Раевский Д.С.,** Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. Москва: Наука, 1981.
- Аскарлов А.** Могильник эпохи бронзы в Муминабаде / Краткие сообщения, 1970. С. 122.
- Аскарлов А.А.** Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973
- Аскарлов А.А.** Древнеземледельческая культура бронзового века южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977.
- Аскарлов А.А.** Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш.** Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Беляева Т.В., Хакимов З.А.** Древнебактрийские памятники Миршада. В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана, под ред. Пугаченковой Г.А. Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1973. С. 35-51.
- Бобров В.В., Ковтун И.В.** Иконографические особенности комплекса сеймино-турбинских бронз. В кн.: Первобытная археология. Человек и искусство / Сб. науч. труд., посвященный 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск, 2002. С.156-162.

¹⁹⁸ Об этих понятиях см.: Francfort, Boisset, Buchet, Desse, Echallier, Kermorvant et Willcox, 1989, p. 409-421.

Бороффка Н., Бубнова М.А., Вайсбергер Г., Люк Й., Парсингер Г., Перника Е., Старшин Д., Черный Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в северном Таджикистане (Мишистон и Такфон). Археологические работы в Таджикистане, XXVII, 2000. С. 71-120.

Генинг В.Ф., Жданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-казахстанских степей, 1. Челябинск: Южно-уральское книжное издательство, 1992.

Виноградова Н.М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ. Археологические работы в Таджикистане, XVIII, 1984. С. 74-83.

Виноградова Н.М. Новые памятники эпохи бронзы на территории южного Таджикистана. В кн.: Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства / Сборник статей, под ред. Б.Пиотровского и Г.Бонгард-Левин. Москва: Наука, 1987. С. 76-91.

Виноградова Н.М. Первое поселение бишкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана, в: Древность: историческое знание и специфика источника. Тез. докл. конф., посвященной памяти Грантовского (25-27 сентября 1996 г.). Москва: Институт Востоковедения, 1996b. С. 32-34.

Виноградова Н.М. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы. В кн.: Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Москва: ГЕОС, 2000. С. 89-109.

Виноградова Н.М. Поселение эпохи бронзы - Ташгузор в южном Таджикистане. В кн.: Древние цивилизации Евразии. История и культура. Москва: Восточная литература, 2001a. С. 142-168.

Виноградова Н.М. Земледельческие памятники эпохи бронзы и раннего железа в Юго-Западном Таджикистане в: Центральная Азия - источники, история, культура. Тез. докл. конф., посвященной 80-летию Е. Давидович и В. Литвинского. Москва: Институт Востоковедения, гос. музей Востока, 2003. С. 45-47

Жданович Д.Г. Синташтинско-микенский культурно-хронологический горизонт: степи Евразии и элладский регион в XVIII-XVI вв. до н.э. Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Т.1. Москва, 1995a. С. 63-65.

Жданович Г.Б. Аркаим. Исследования, поиски, открытия / Труды заповедника Аркаим. Научно-популярная серия. Челябинский государственный университет, 1995b.

Жданович Д.Г., Иванова Н.О, Предеина И.В. Комплексные общества центральной Евразии во II тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим. РАН: Челябинский государственный университет, 1999.

Жданович Г.Б., Жданович Д.Г. Протогородская цивилизация «страна городов» южного Зауралья (опыт моделирующего отношения к древности). Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Т.1. Челябинск, 1995. С. 48-62.

Исаков А.И., Безенваль Р., Раззоков А.Р., Бобомуллаев С. Работы советско-французской экспедиции в 1990 г. Археологические работы в Таджикистане, 28. 2003. С. 131-149.

Исаков А.И., Безенваль Р., Раззоков А.Р., Курбанов Ш.Ф. Работы саразмского отряда в 1989 году. Археологические работы в Таджикистане, 28. 2003. С. 150-167.

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология, 1. 1989.

Исаков А.И., Раззоков А.Р., Бобомуллоев С. Раскопки саразмского археологического отряда в 1988 году. Археологические работы в Таджикистане, XXVII. 2000. С. 172-188.

Итина М.А. Раскопки могильника Тазабагьябской культуры Кокча 3. В кн.: Могильник бронзового века Кокча 3 / Материалы хорезмской экспедиции. Т.5. Москва: Наука, 1961. С. 3-96.

Итина М.А. История степных племён южного Приаралья II -начало I тысячелетия до н.э. / Труды хорезмской экспедиции. Т. 10. Москва: Наука, 1977.

Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне // Российская археология, 4. 1998. С. 35-49.

Кирчо Л.В., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии. Стратум Плюс 2. 1999. С. 350-361.

Клочков И.С. Знаки на черепке с Гонура (К вопросу о маргианской письменности) // Вестник древней истории, 2. 1995. С. 54-60.

Кутимов Ю.Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана). Стратум Плюс, 2. 1999. С. 314-322.

Кутимов Ю.Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагыябской культуры южного Приаралья (по материалам могильника Кокча 3) // Археологические вести, 9. 2002. С. 191-203.

Кузьмина Е.Е. Комплексный анализ исторических источников в целях этногенетических реконструкций (на примере индоиранцев). В кн.: Древность: историческое знание и специфика источника / Тез. докл. конф. посвящённой памяти Грантовского. Москва: Институт Востоковедения, 1996. С. 77-79.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. Москва: Наука, 1977. С. 28-52.

Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). Москва: Наука, 1981. С. 101-125.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986а.

Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев. В кн.: Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока. (Переднеазиатский сборник, том IV). Москва: Наука, 1986b. С. 169-228.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарины? Москва: Восточная литература, 1994b.

Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг / Вестник древней истории, 4. 2000. С. 3-20.

Лев Д.Н. Погребение бронзовой эпохи близ г.Самарканда. Краткие сообщения, 108. 1966. С. 101-104.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе: Изд. АН Тадж.ССР, 1962.

Литвинский Б.А., Ранов В.А. История таджикского народа. Душанбе, 1998.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии, 1. 1972. С. 41-47.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Раскопки могильников в бешкентской долине. Археологические работы в Таджикистане в 1973 г. Вып. XIII. 1977. С. 76-92.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. Материалы и исследования по археологии СССР. Т.145. Ленинград: Наука, 1968.

Марьяшев А.Н. Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Вопросы хронологии, интерпретации и эволюции наскального искусства. Автореферат. Новосибирск, 1995.

Масимов И.С. Келлели - новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба. В кн.: Новые исследования по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 3-21.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 73. Москва: Наука, 1959.

Массон В.М. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть II. Памятники развитого энеолита юго-западной Туркмении. Археология СССР. Т.б3-8. Москва-Ленинград: Изд. АН СССР, 1962.

Массон В.М. Монументальная архитектура Алтын-Депе / Археологические открытия 1976 г. Москва, 1968.

Массон В.М. Раскопки на Алтын-Депе в 1969 г. Материалы ЮТАКЭ, 3. Москва, 1970.

Массон В.М. Алтын-Депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Ленинград: Наука, 1981а.

Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алматы, 1994.

Парзингер Г., Бороффка Н. Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан). В сб.: Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 163-167.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах). В кн.: Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе. 1892а.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы южного Таджикистана (по материалам могильников эпохи бронзы низовий Вахша и Кизилсу). Москва. 1982b.

Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. Археологические работы в Таджикистане, XIX. Москва, 1986.С. 89-103.

Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) / Материальная культура Таджикистана, 4. 1987. С. 43-70.

Пьянкова Л.Т. Степные компоненты в комплексах бронзового века юго-западного Таджикистана. Стратум Плюс, 2. 1999b. С. 286-297.

Пьянкова Л.Т. Поселения и жилища предгорных районов юго-западного Таджикистана в эпоху бронзы. В кн.: Древние цивилизации Евразии. История и культура. Москва: Восточная литература, 2001. С. 349-363.

Пьянкова Л.Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (московский район) в 2002 г. Археологические работы в Таджикистане, 28. Москва, 2003. С. 194-228.

Рузанов В.Д. К вопросу об истоках оловянистых бронз в металлообрабатывающих производствах племен юга Средней Азии в эпоху бронзы / История материальной культуры Узбекистана, 30. 1999. С. 37-40.

Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение - источник олова эпохи бронзы / История материальной культуры Узбекистана, 31. 2000. С. 54-57.

Рузанов В.Д. Некоторые сведения об источниках сырья бактрийского металла и характере перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки / История материальной культуры Узбекистана, 33. 2002. С. 61-64.

Сагдуллаев А.С. К изучению культовых и погребального обрядов юга Средней Азии эпохи раннего железа. В кн.: Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент: Фан, 1990. С. 29-38.

Сарианиди В.И. Новый тип древних погребальных сооружений южной Туркмении // Советская археология, 2. 1959. С. 235-238.

Сарианиди В.И. Энеолитические поселения Геоксюр / Труды ЮТАКЭ.Т. X. Ашхабад, 1961. С. 229-238.

Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. Археология СССР. Т.3-8. Москва: Наука, 1965.

Сарианиди В.И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен (по материалам Геоксюрского некрополя) / Успехи среднеазиатской археологии, 1. 1972. С. 22-26.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Москва: Наука, 1977.

Сарианиди В.И. Культовый сосуд из Маргианы // Советская археология, 2. 1980. С. 167-178.

Сарианиди В.И. Новый центр древневосточного искусства. В кн.: Археология старого и нового света. Москва: Наука, 1982. С. 68-88.

Сарианиди В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. Советская археология, 2. 1986с. С. 34-46.

Сарианиди В.И. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // Вестник древней истории, 2. 1990. С. 161-167.

Сарианиди В.И. Сиро-Хетское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // Вестник древней истории, 1. 1999b. С. 53-73.

Сарианиди В.И. Дворец северного Гонура // Вестник древней истории, 2, 2000а.С. 248-259.

Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество (Necropolis of Gonur and Iranian Paganism). Москва: Мир Медиа. 2001,

Черных Е.Н., Авуилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология (Metallurgical Provinces and Radiocarbon Chronology). Москва: Институт археологии РАН. 2000.

Щетенко А.Я. О контактах культур степной бронзы с земледельцами южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-Депе и Намазга-Депе). Стратум Плюс, 2. 1999. С. 323-335.

Шер Я.А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймали-Таша. В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 1978. С. 163-171.

Яблонский Л.Т. Эпоха поздней бронзы-раннего железа в Приаралье и проблема происхождения культур сакского типа. В кн.: Степи Евразии в древности и средневековье. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2002. С. 201-204.

Хлопин И.Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть I. Памятники раннего энеолита южной Туркмении. Археология СССР. Т. 3-8. Москва-Ленинград: Изд. АН СССР. 1963.

Хлопин И.Н. Эпоха бронзы юго-западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 2002.

Algaze G. The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization, Chicago, Londres, The University of Chicago Press, 1993.

Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Burjakov Ju., Cierny J., Jakubov J., Lutz J., Parzinger H., Pernicka E., Radillilovski V., Ruzanov V. D., Shirinov T. Sh., Starshinin D., et Weissgerber G. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien, Eurasia Antiqua, 4, 1998, p. 137-199.

Alp S. Eine kârum-zeitliche Gussform und die Siegel von Karahöyük, Istanbul Mitteilungen, 43, 1993. P. 185-193.

Amiet P. Les Antiquités du Luristan (Collection David-Weill), Paris, 1976.

Amiet P. Altyn-depe and the Bull Cult, Antiquity, L, 1976, p. 14-19.

Amiet P. Bactriane protohistorique, Syria, LIV (1-2), 1977, p. 89-121.

Amiet P. Antiquités de Bactriane, La revue du Louvre et des Musées de France, (3), 1978, p. 153-164.

Amiet P. L'iconographie archaïque de l'Iran. Quelques documents nouveaux, Syria, LVI (3-4), 1979, p. 333-352.

Amiet P. Antiquités d'Iran oriental et de Bactriane, *La Revue du Louvre*, (2), 1981, p. 112-113.

Amiet P. Iconographie de la Bactriane protohistorique, *Anatolian Studies*, XXXIII, 1983, p. 19-27.

Amiet P. Au-delà d'Elam, *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 19, 1986a, p. 11-20.

Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.-C., Paris, Editions de la réunion des Musées Nationaux, 1986b.

Amiet P. Elam et Bactriane, in: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. Actes du colloque franco-soviétique*, Paris, 19-26 novembre 1985, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, Diffusion de Boccard, 1988, p. 27-30.

Amiet P. Antiquities of Bactria and outer Iran in the Louvre collection, in: *Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sands of Afghanistan*, G. Ligabue et S. Salvatori (Dir.), Venise, Erizzo, 1989, p. 159-188.

Amiet P. Un sceau trans-élamite à Suse, *Revue d'Assyriologie*, LXXXVIII (1), 1994, p. 1-4.

Amiet P. Alliance des hommes, alliance des dieux dans l'iconographie orientale, in: *Collectanea Orientalia. Histoire, arts de l'espace et industrie de la terre. Etudes offertes en hommage à Agnès Spycket*, (Civilisations du Proche-Orient, vol. Série I, 3), H. Gasche et B. Hrouda (Dir.), Neuchâtel, Paris, 1996, p. 1-6.

Amiet P. La glyptique transélamite, in: *De Chypre à la Bactriane, les sceaux du Proche-Orient ancien*, A. Caubet (Dir.), Paris, La Documentation française, 1997, p. 119-129.

Amiet P. Textes et monuments à la recherche de concordances à propos des cachets de Bactriane, *Revue d'Assyriologie*, XCIII, 1999, p. 97-106.

Amiet P., et Tosi M. Phase 10 at Shahr-i Sokhta: Excavations in Square XDV and the Late 4th Millennium B. C. Assemblage of Sistan, East and West, 28 (1-4), 1978, p. 9-31.

Anthony D. W. Horse, Wagon and Chariot: Indo-European Language and Archaeology, *Antiquity*, 69, 1995, p. 554-565.

Aruz J. (sous la direction de), *Art of the First cities. The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 2003.

Asimov M. S. (sous la direction de), *International Symposium on Ethnic Problems of the Ancient History of Central Asia. Abstract of Papers presented by Soviet scholars*, Moscou: Nauka, 1977.

Avanesova N. A., Shajdullaev Sh. et Ėrkulov A. Dzhamb-ein neuer bronzezeitlicher Fundort in der Sogdiana, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 33, 2001, p. 63-73.

Avanesova N. A. Bustan VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional): témoignages de cultes du feu», *Arts Asiatiques*, L, 1995, p. 31-46.

Avanesova N. A. Bustan VI - the Peculiarities of the Proto-bactrian Complex of Uzbekistan, *International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin*, 20, 1996a. p. 141-155.

Avanesova N. A. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du bronze : relations et influences mutuelles, in: *Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien)*, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. VII), B. Lyonnet et A. I. avec la collaboration de Isakov (Dir.), Paris, De Boccard, 1996b, p. 117-131.

Baratov S. R. Fergana und das Syr-Dar'ja-Gebiet im späten 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr., in: *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin*, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (Dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 2001, p. 161-179.

Barnett R.D. Homme masqué ou dieu-ibex ? Syria, XLIII, 1966, p. 259.

Barrelet M.-Th. (sous la direction de), *Problèmes concernant les Hourrites 2*, Paris, Editions Recherche sur les Civilisations, 1984.

Benveniste E. Les valeurs économiques dans le vocabulaire indo-européen, in: *Indo-European and Indo-Europeans*, G. Cardona, H. M. Hoenigswald, et A. Seun (Dir.), Philadelphie, 1970, p. 307.

Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan, CRAI, 1970, p. 301-349.

Besenal R. Découvertes récentes à Sarazm (R.S.S. du Tadjikistan) : attestation des relations au IIIe millénaire entre l'Asie centrale, l'Iran du Nord-Est et le Baluchhistan, CRAI, avril-juin, 1987, p. 441-456.

Besenal R. L'étain dans l'Asie centrale protohistorique : une source possible pour les métallurgies moyen-orientales. Examen de l'hypothèse, in: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. actes du colloque franco-soviétique*, Paris, 19-26 novembre 1985, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, Diffusion de Boccard, 1988, p. 229-235.

Besenal R. The Chronology of Ancient Occupation in Makran, in: *South Asian Archaeology 1995*, B. Allchin et R. Allchin (Dir.), Delhi, Oxford & IBH Publishing Co, 1997a, p. 199-215.

Besenal R. Entre le Sud-Est iranien et la plaine de l'Indus: le Kech-Makran. Recherches archéologiques sur le peuplement ancien d'une marche des confins indo-iraniens, *Arts Asiatiques*, 52, 1997b, p. 5-36.

Besenal R., et Francfort H.-P. The Nad-i Ali «Surkh Dagh»: A Bronze Age Monumental Platform in Central Asia?, in: *From Sumer to Meluhha: Contributions to the Archaeology of South and west Asia in Memory of George F. Dales, Jr.*, (Wisconsin Archaeological Reports, vol. 3), J. M. Kenoyer (Dir.), Madison, Prehistory Press, 1994, p. 3-14.

Besenal, R., et Isakov, A. I. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand, *Arts Asiatiques*, XLIV, 1989, p. 5-20.

Biscione R. The crisis of Central Asian Urbanization in II Millennium BC and Villages as an Alternative System, in: *Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Actes du Colloque international n°567 du CNRS*, Paris, 22-24 mars 1976, J. Deshayes (Dir.), Paris, CNRS, 1977, p. 113-127.

Bobomullaev S. Ein bronzzeitliche Grab aus Zardcha Chalifa bei Pendzhikent (Zeravshan-Tal), *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 29, 1997, p. 121-134.

Boehmer R. M. Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-Zeit, Berlin, Walter de Gruyter & Co., 1965.

Boroffka N., et Sava E. Zu den steinernen «Zeptern/Stössel-Zeptern, «Miniatursäulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens», *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, 1998, p. 17-111.

Bothmer D. von, (sous la direction de), *Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 1990.

Boucharlat R. Tureng Tepe : 7000 ans d'histoire, *Dossiers Histoire et Archéologie*, (122), 1987, p. 69-71.

Brunet F. De l'épipaléolithique au néolithique en Asie Centrale : quelle néolithisation ? Synthèse critique des données et étude technologique des industries lithiques, Thèse de Doctorat, Université Paris I, 2001.

Bulgarelli G. M. The Lithic Industry of Tepe Hissar at the Light of Recent Excavation, in: *South Asian Archaeology 1977*, M. Taddei (Dir.), Naples, 1979, p. 39-54.

Butterlin P. Les temps proto-urbains de Mésopotamie. Contacts et acculturation à l'époque d'Uruk au Moyen-Orient, Paris, CNRS-Editions, 2003.

Caldwell D. H. The Early Glyptic of Gaura, Giyan and Susa, and the Development of Long Distance Trade, *Orientalia (Rome)*, 45 (3), 1976, p. 227-250.

Carpelan Chr., Parpola A. et Koskikallio P. (sous la direction de), *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*, Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2001.

Casal J.-M. Fouilles de Mundigak (Mém. Dél. Arch. Fr. en Afghanistan, vol. XVII), Paris, Klincksieck, 1961.

Catalogue. Indus Civilization Exhibition, Tokyo, NHK Promotions, 2000.

Caubet A. (sous la direction de), *La cité royale de Suse. Trésors du Proche-Orient ancien au musée du Louvre*, Paris, RMN, 1994.

Caubet A. (sous la direction de), *L'acrobate au taureau. Les découvertes de Tell el-Dab'a et l'archéologie de la Méditerranée orientale*, Paris, La documentation française, 1999.

Charpin D. et Durand J.-M. La suzeraineté de l'empereur (sukkalmaḥ) d'Elam sur la Mésopotamie et le 'nationalisme' amorrite, in: *Actes de la XXXVIème RAI*, (MHE, Occasional Publications, I), Gand, 1991, p. 59-66.

Chernykh E. N. *Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age*, New Studies in Archaeology, Cambridge, CUP, 1992.

Cleuziou, S., et Berthoud Th. Early Tin in the Near East. A Reassessment in the Light of New Evidence from Western Afghanistan, *Expedition*, 25 (1), 1982, p. 14-19.

Collon D. *Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Cylinder Seals II. Akkadian Post Akkadian Ur III Periods*, Londres, British Museum Publications, 1982.

Collon D. *Firts Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East*, Londres, British Museum Press, 1987.

Debaine-Francfort C. Xinjiang and Northwestern China around 1000 BC. Cultural Contacts and Transmissions, in: *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin*, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (Dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 2001, p. 57-70.

Dechesne O. Le mastic de bitume: un matériau remis en question, *Iranica Antiqua*, XXVIII, 2003. P. 25-40.

Deshayes J. A propos des terrasses hautes de la fin du IIIe millénaire en Iran et en Asie centrale, in: *Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique. Leurs relations à la lumière des documents archéologiques. Actes du Colloque international n°567 du CNRS*, Paris, 22-24 mars 1976, J. Deshayes (Dir.), Paris, Editions du CNRS, 1977. P. 95-111.

Dubuisson D. *Mythologies du XXe siècle (Dumézil, Lévi-Strauss, Eliade)*, Racines & Modèles, Lille, Presses Universitaires de Lille, 1993.

Dumézil G. *Le roman des jumeaux. Esquisses de mythologie*, Bibliothèque des Sciences Humaines, Paris, Gallimard, 1994.

Durand J.-M. Unité et diversité au Proche-Orient à l'époque amorrite, *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*, XXXVIIIe R.A.I., Paris, 1992, p. 97-128.

During-Caspers E. C. L. Intercultural/Mercantile Contacts between the Arabian Gulf and South Asia at the close of the Third Millennium B. C. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, 22, 1992, p. 3-27.

During-Caspers E. C. L. Further Evidence for 'Central Asian' Materials from the Arabian Gulf, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, XXXVII, 1994a, p. 33-53.

During-Caspers E. C. L. Non-Indus Glyptics in a Harappan Context, *Iranica Antiqua*, XXIX, 1994b, p. 84-106.

During-Caspers E. C. L. Widening Horizons; Contacts between Central Asia (the Murghabo-Bactrian Culture) and the Indus Valley Civilization towards the Close of the Third and the Early Centuries of the Second Millennium B. C. *Annali*, 54 (2), 1994c, p. 171-197.

Dyson, Robert H. et Howard, Susan M. *Tappeh Hesar : Reports of the Restudy Project*, 1976, (Monografie di Mesopotamia, 2), Firenze, Casa editrice Le Lettere, 1989.

Francfort H.-P. The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria), in: *South Asian Archaeology 1979*, H. Härtel (Dir.), Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 1981. P. 191-202.

Francfort H.-P. Commentaires, in: Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age, (Synthèse, vol. 14), Ph. L. Kohl (Dir.), Paris, Editions Recherche sur les Civilisations, 1984a, p. 249-265.

Francfort H.-P. The Early Periods of Shortughai (Harappan) and the Western Bactrian Culture of Dashly, in: South Asian Archaeology 1981, B. Allchin (Dir.), Cambridge, CUP, 1984b, p. 170-175.

Francfort H.-P. The Relationship between Urban Lowlands and Mountainous Areas in Protohistory as seen from Shortughai, Journal of Central Asia, VIII (2), 1985, p. 125-131.

Francfort H.-P. A propos de l'urbanisation du site de Shortughai (Afghanistan). Une approche archéologique des transformations de l'économie de production», Bulletin du Centre Genevois d'Anthropologie, 1, 1988, p. 15-34.

Francfort H.-P. Note on some Bronze Age Petroglyphs of Upper Indus and Central Asia, Pakistan Archaeology, 26 (1), 1991, p. 125-135.

Francfort H.-P. Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana, in: South Asian Archaeology Studies, G. L. Possehl (Dir.), New Delhi, Bombay, Calcutta, Oxford & IBH Publishing co. Pvt. Ltd., 1992, p. 179-208.

Francfort H.-P. New Data Illustrating the Early Contacts Between Central Asia and the North-West of the Subcontinent, in: South Asian Archaeology 1989, (Monographs in World Archaeology, vol. 14), C. Jarrige (Dir.), Madison Wisconsin, Prehistory Press, 1992b, p. 97-102.

Francfort H.-P. La civilisation de l'Oxus: une zone marginale des civilisations du Proche-Orient ?", in: Grand Atlas de l'Art, Paris, Encyclopaedia Universalis, 1993a, p. 112-113.

Francfort H.-P. Note on some Bronze Age Petroglyphs of Upper Indus and Central Asia, Pakistan Archaeology, 26 (1991), 1993b, p. 125-135.

Francfort H.-P. The Central Asian Dimension of the Symbolic System in Bactria and Margiana», Antiquity, 68 (259), 1994a, p. 406-418.

Francfort H.-P. Les pétroglyphes d'Asie centrale et la route de la soie, in: Les Routes de la soie. Patrimoine commun, identités plurielles, Paris, UNESCO, 1994b, p. 35-52.

Francfort H.-P. Note sur les animaux composites de Tamgaly: Le Cheval cornu, Bulletin of the Asia Institute, 9, 1997, p. 185-198.

Francfort H.-P. Central Asian Petroglyphs: between Indo-Iranian and Shamanistic Interpretations, in: The Archaeology of Rock-Art, C. Chippindale et P. S. C. Taçon (Dir.), Cambridge, CUP, 1998a, p. 302-318.

Francfort H.-P. Les sceaux de l'Oxus: diversité de formes et variabilité de fonctions, Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 5 (1), 1998b, p. 59-71.

Francfort H.-P. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2nd-early 1st millennium BC)", in: Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (Dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 2001a, p. 221-235.

Francfort H.-P. De l'art des steppes au sud du Taklamakan, Bulletin of the Asia Institute, 11, 2001b, p. 45-58.

Francfort H.-P. Images du char en Eurasie orientale des origines à la fin du 1er millénaire av. J.-C., in: Pervobytnaja arkheologija. Chelovek i iskusstvo. Sbornik nauchnykh trudov, posvjashchennyj 70-letju po dnja rozhdenija Jakova Abramovicha Shera, V. V. Bobrov (Dir.), Novosibirsk, 2002, p. 80-89.

Francfort H.-P. La civilisation de l'Asie Centrale à l'âge du Bronze et à l'âge du Fer, in: De l'Indus à l'Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale. Catalogue de l'exposition, O. Bopearachchi, C. Landes, et C. Sachs (Dir.), Lattes, Association IMAGO - musée de Lattes, 2003a, p. 29-60.

Francfort H.-P. Les pétroglyphes d'Asie centrale : limites des interprétations indo-iraniennes et chamaniques, in: Arts et symboles du Néolithique à la Protohistoire. Séminaire du Collège de France, J. Guilaine (Dir.), Paris, Errance, 2003b, p. 189-216.

Francfort H.-P. Observations sur la torentique de la civilisation de l'Oxus, in: Afghanistan, ancien carrefour entre l'Est et l'Ouest, O. Bopearachchi, M.-F. Boussac, et C. Landes (Dir.), Brépols, Topoi, 2004.

Francfort H.-P. Avec Des Contributions De, **Boisset Ch., Buchet L., Desse J., Echallier J.-C., Kermorvant A. et Willcox G.** Fouilles de Shortughai : recherches sur l'Asie centrale protohistorique, Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale, vol. II, Paris, Diffusion de Boccard, 1989.

Francfort H.-P., Hamayon R. N., et Bahn P. G. (in Collaboration with), (sous la direction de), Shamanism. Uses and abuses of a concept, (Bibliotheca Shamanistica, vol. 10), Budapest, Akadémiai Kiado, 2001.

Francfort H.-P., Klodzinski D. et Mascle G. Pétroglyphes archaïques du Ladakh et du Zanskar, Arts Asiatiques, XLV, 1990, p. 5-27.

Francfort H.-P., Klodzinski D. et Mascle G. Archaic Petroglyphs of Ladakh and Zanska, in: Rock Art in the Old World. Papers presented in Symposium A of the AURA Congress Darwin (Australia) 1988, M. Lorblanchet (Dir.), New Delhi, Indira Gandhi National Center for the Arts, 1992, p. 147-192.

Francfort H.-P. et Kuz'mina E.E. Du nouveau dans la chronologie de l'Asie centrale du Chalcolithique à l'Âge du Fer, in: Actes du colloque «C14 Archéologie», 1998, J. Evin (Dir.), Rennes, Presses de l'Université de, 2000, p. 467-469.

Francfort H.-P., Lagrange M.-S. et Renaud M. Palamède. Application des systèmes experts à l'archéologie des civilisations urbaines protohistoriques, Paris, CNRS: LISH/UPR N° 315, 1989.

Francfort H.-P. et Lecomte O. Irrigation et société en Asie centrale des origines à l'époque achéménide, Annales Histoire, Sciences Sociales, 57 (3), 2002, p. 625-663.

Francfort H.-P. et Pottier M.-H. Sondage préliminaire sur l'établissement protohistorique harappéen et post-harappéen de Shortughai (Afghanistan du N.-E.), Arts Asiatiques, XXXIV, 1978, p. 29-87.

Freu J. Histoire du Mitanni, Kubaba, Série Antiquité, Paris, L'Harmattan, 2003.

Fussman G. Histoire du monde indien, Annuaire du collège de France 1988-1989, 89e année, 1989, p. 514-530.

Fussman, G. Entre fantasmes, science et politique. L'entrée des Aryas en Inde», Annales Histoire, Sciences Sociales, 58 (4), 2003, p. 781-813.

Gardin J.-C. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Volume 3 Description des sites et notes de synthèse, (Mém. Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. IX), Paris, E. R. C., 1998.

Garelli P. Les Assyriens en Cappadoce, (Bibl. arch. et hist. de l'Inst. Fr. d'Ist., vol. XIX), Paris, 1963.

Garelli P., Durand J.-M., Gonnet H. et Breniquet C. Le Proche-Orient asiatique des origines aux invasions des Peuples de la Mer, La Nouvelle Clio, Paris, P.U. F, 1997,

Genito, B. Trial-trench at Site n°215, in: The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95, (Reports and Memoirs, vol. Series Minor Volume III), A. Gubaev, G. A. Koshelenko, et M. Tosi (Dir.), Rome, Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1998, p. 125-135.

Ghirshman R. Les fouilles de Nad-i Ali dans le Séistan afghan, Revue des Arts Asiatiques, 13 (1), 1942a, p. 10-22.

Ghirshman R. Recherches préhistoriques en Afghanistan. Fouilles de Nad-i Ali dans le Seistan Afghan, Revue des Arts Asiatiques, XIII (1), 1942b, p. 10-22.

Gösdorf J. Datierungsergebnisse des Berliner 14C-Labors 2002, Eurasia Antiqua, 9, 2003. P. 359-366.

Gösdorf J. et Huff D. 14C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Dzharkutan, Uzbekistan, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 33, 2001, p. 75-87.

Gösdorf J. Parzinger H., Nagler A.A., et Leont'ev N.V. Neue 14C-Datierung für die Sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie, *Eurasia Antiqua*, 4, 1998, p. 73-80.

Götzelt Th. Mobilität und Ressourcen in frühen Sozialsystemen des Mittleren Ostens, in: *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin*, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (Dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 2001, p. 127-142.

Götzelt Th., P'jankova L. T. et Vinogradova N. M. Neue bronzezeitliche Fundorte im Kyzyl Su-Tal (Süd-Tadschikistan), *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 30, 1998, p. 115-144.

Grenet, F. Les pratiques funéraires dans l'Asie centrale sédentaire de la conquête grecque à l'islamisation, Paris, CNRS, 1984.

Gubaev A., Koshelenko G. A. et Tosi M. (sous la direction de), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95*, (Reports and Memoirs, vol. Series Minor Volume III), Rome, Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1998.

Guichard M. A la recherche de la pierre bleue, *N.A.B.U.*, (1), 1996, p. 30-32.

Hakemi A. Shahdad. *Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran*. Translated and Edited by S. M. S. Sajjadi, with an Introduction by Pierre Amiet and a Postscriptum by Sandro Salvatori and Maurizio Tosi, (IsMEO Reports and Memoirs, vol. XXVII), Rome, IsMEO, 1997.

Hamayon R.N. *La chasse à l'âme. Esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*, Nanterre, Société d'ethnologie, 1990.

Hemphill B.E. Biological Affinities and Adaptations of Bronze Age Bactrians: III. An Initial Craniometric Assessment, *American Journal of Physical Anthropology*, 106, 1998, p. 329-348.

Hemphill B.E. Biological Affinities and Adaptations of Bronze Age Bactrians: III. A Craniometric Investigation of Bactrian Origins, *American Journal of Physical Anthropology*, 108, 1999, p. 173-192.

Hemphill B.E., Christensen A. et Mustafakulov S.I. Trade or Travel: An Assessment of Interpopulational Dynamics among Bronze Age Indo-Iranian Populations, in: *South Asian Archaeology 1995*, vol. 2, R. Allchin et B. Allchin (Dir.), New Delhi, Oxford & I.B.H. Publishers, 1995, p. 855-871.

Herrmann G. Lapis-lazuli: the Early Phases of its Trade, *Iraq*, 30, 1968, p. 21-57.

Hiebert F.T. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates, *International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin*, 19, 1993, p. 136-148.

Hiebert F.T. *Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia*, American School of Prehistoric Research, vol. 42, Cambridge, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University, 1994.

Hiebert F.T. Central Asians on the Iranian Plateau: A Model for Indo-Iranian Expansionism, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, (Journal of Indo-European Studies Monograph Number Twenty Six, vol. 1), V. H. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 148-161.

Hiebert F.T. et Di Cosmo N. (sous la direction de), *Between Lapis and Jade. Ancient Cultures of Central Asia*, (Anthropology and Archeology of Eurasia), New York, Sharpe, 1996.

Hiebert F.T. et Kurbansakhatov K. *A Central Asian Village at the Dawn of Civilization*, Excavation at Anau, Turkmenistan, University Museum Monograph, vol. 116, Philadelphie, University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2003.

Hiebert F. T. et Lamberg-Karlovsky C. C. *Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands*, Iran, XXX, 1992, p. 1-15.

Houben J.E.M. The Soma-Haoma problem: Introductory Overview and Observations on the Discussion, *Electronic Journal of Vedic Studies*, 2003.

Huot J.-L. Les ziggurats mésopotamiennes et l'Asie centrale", in: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer (Actes du colloque franco-soviétique Paris, 19-26 novembre 1985)*, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, de Boccard, 1988, P. 37-42.

Isakov A. I. Sarazm et ses rapports avec le Sud, in: *L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque franco-soviétique de Dushanbe*, J.-C. Gardin (Dir.), Paris, CNRS, 1985, p. 229-234.

Isakov A.I. Sarazm, Dushambe: Donish, 1991.

Isakov A.I. Sarazm et la civilisation de l'Asie centrale, *Dossiers d'archéologie*, 185, 1993. P. 28-35.

Isakov A.I. Sarazm: An Agricultural Center of Ancient Sogdiana, *Bulletin Of The Asia Institute*, 8 (1994), 1996, p. 1-12.

Janhunen J. The Horse in East Asia: Reviewing the Linguistic Evidence, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, V. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 415-430.

Jarrige J.-F. Le complexe culturel de Mehrgarh (Période VIII) et de Sibri. Le «Trésor» de Quetta, in: *Les citées oubliées de l'Indus. Archéologie du Pakistan (catalogue de l'exposition du Musée National des Arts Asiatiques Guimet)*, J.-F. Jarrige (Dir.), Paris, Association Française d'Action Artistique, 1988a, p. 111-128.

Jarrige J.-F. Les styles de Geoksyur et de Quetta et la question des rapports entre les régions au Nord et au Sud de l'Hindu Kush à la fin du 4e et au début du 3e millénaires, in: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. actes du colloque franco-soviétique, Paris, 19-26 novembre 1985*, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, Diffusion de Boccard, 1988b, p. 95-101.

Jarrige J.-F. Sédentarité et semi-nomadisme dans la plaine de Kachi du 7e au 2e millénaire avant notre ère", in: *Nomades et sédentaires en Asie centrale. Apports de l'archéologie et de l'ethnologie*, H.-P. Francfort (Dir.), Paris, CNRS, 1990, p. 157-168.

Jarrige J.-F. et Santoni M. Fouilles de Pirak, Fouilles du Pakistan, vol. 2, Paris, Klincksieck, 1979.

Jettmar K. Felsbilder im Karakorum, *Spektrum der Wissenschaft*, (déc.), 1983, p. 22-32.

Jettmar K. The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley, *South Asian Studies*, 7, 1991, p. 1-20.

Jettmar K. et Thewalt V. Zwischen Gandhâra und den Seidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway. Entdeckungen deutsch-pakistanischer Expeditionen 1979-1984, Mayence, Philipp von Zabern, 1985.

Joannes F. L'étain, de l'Elam à Mari, in: *Actes de la XXXVIème RAI, (MHE, Occasional Publications, I)*, Gand, 1991, p. 67-76.

Joglekar P. P. A Preliminary Report on the Faunal Remains at Takhirbaj 1, Turkmenistan, in: *The archaeological map of the Murghab delta. Preliminary reports 1990-95*, A. Gubaev, G. Koshelenko, et M. Tosi (Dir.), Rome, ISIAO, 1998, p. 115-118.

Joshi J. P. et Parpola A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. 1. Collections in India, (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae Ser. B Tom. 239/ M.A.S.I. N°86*), Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 1978.

Kaniuth K. et Teufer M. Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 33, 2001, p. 89-113.

Kaniuth K. et Teufer M. Signs on a Potsherd from Gonur (on the Question of the Script Used in Margiana), *Ancient Civilizations*, 5 (2), 1998, p. 165-175.

Kohl Ph. L. The «World-Economy» of West Asia in the Third Millenium BC, in: South Asian Archaeology 1977, M. Taddei (Dir.), Naples, 1979, p. 54-85.

Kohl Ph. L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to the Iron Age, Paris, E. R. C., 1984.

Kohl Ph. L. Archaeological Transformations: Crossing the Pastoral/Agricultural Bridge», *Iranica Antiqua*, XXXVII, 2002, p. 151-190.

Kohl Ph. L. Horses, Chariots, and the Indo-Iranians: an Archaeological Spark in the Historical Dark, in: South Asian Archaeology 1993, (*Annales Academiae Scientiarum Fennicae ser. B*, vol. 271), A. Parpola et P. Koskikallio (Dir.), Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 1994a, p. 403-411.

Kohl Ph. L. Stages of Development of Stockbreeding Husbandry and Ecology of the Steppes in the Light of the Archaeological and Palaeoecological Data (4th Millenium BC - 8th Century BC), in: The Archaeology of the steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992, (Istituto Universitario Orientale. Dipartimento di Studi Asiatici. Series Minor, vol. XLIV), B. Genito (Dir.), Naples, 1994c, p. 31-71.

Kohl Ph. L. Three Methods of Chronologization and three Directions of Synchronization of the Sites of the Bronze Age in the Steppes of Eurasia, 4th International Conference of European Association of Archaeologists, Göteborg, 1998.

Kohl Ph. L. Contacts between Finno-Ugric and Indo-Iranian speakers in the light of archaeological, linguistic and mythological data”, in: Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations, (*Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, vol. 242), Chr. Carpelan, A. Parpola, et P. Koskikallio (Dir.), Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2001a, p. 289-300.

Kohl Ph. L. The First Migration Wave of Indo-Iranians to the South, *The Journal of Indo-European Studies*, 29 (1-2), 2001b, p. 1-40.

Lafont B. Messagers et ambassadeurs dans les archives de Mari, La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien, (XXXVIIIe R.A.I.), Paris, 1992, p. 167-183.

Lamberg-Karlovsky C.C. The bronze Age Khanates of Central Asia, *Antiquity*, 68, 1994, p. 3398-3405.

Lamberg-Karlovsky C.C. Our Past Matters: Materials and Industries of the Ancient Near East, *Journal of the American Oriental Society*, 117 (1), 1997, p. 87-102.

Lamberg-Karlovsky C.C. The Archaeological Evidence for International Commerce: Public and/or Private Enterprise in Mesopotamia?, in: Privatization in the Ancient Near East and Classical World, vol. 5, M. Hudson et B. A. Levine (Dir.), Cambridge Mass., Peabody Museum of Archaeology and Ethnology Harvard University, 1999, p. 73-97.

Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and Language. The Indo-Iranians», *Current Anthropology*, 43 (1), 2002, p. 63-88.

Lamberg-Karlovsky C.C. Civilization, State, or Tribes? Bactria and Margiana in the Bronze Age, *The Review of Archaeology*, 24 (1), 2003, p. 11-19.

Lecoq P. Les inscriptions de la Perse achéménide. Traduit du vieux perse, de l'élamite, du babylonien et de l'araméen, présenté et annoté, *L'aube des peuples*, Paris, Gallimard, 1997.

Lichardus J. et Vladar J. Karpatenbecken-Sintashta-Mykene. Ein Beitrag zur Definition der Bronzezeit als historischer Epoche, *Slovenska Archeologia*, XLIV (1). 1996, p. 25-91.

Ligabue G. et Salvatori S. (sous la direction de), Bactria an Ancient Civilization from the Sands of Afghanistan, Venice, Erizzo, 1989.

Littauer M.A. et Crouwel J.H. The Earliest Evidence for Metal Bridle Bits», *Oxford Journal of Archaeology*, 20 (4), 2001, p. 329-338.

Lombardo G. Some Problems about the Necropolis of Kangurt-Tut in Southern Tajikistan, in: *Drevnie civilizacii Evrazii. Istorija i kul'tura*, A. V. Sedov (Dir.), Moscou, Vostochnaja Literatura, 2001, p. 271-280.

Lubotsky A. Tocharian Loan Words in Old Chinese: Chariots, Chariot Gear, and Town Building, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, V. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 379-390.

Lubotsky A. The Indo-Iranian Substratum, in: *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations*, (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, vol. 242), Chr. Carpelan, A. Parpola, et P. Koskikallio (Dir.), Helsinki, Suomalais-ugrilainen Seura, 2001, p. 301-318.

Lyonnet B. Découverte de sites de l'âge du bronze dans le N.E. de l'Afghanistan: leurs rapports avec la civilisation de l'Indus, *Annali*, 37, 1977, p. 19-35.

Lyonnet B. Etablissements chalcolithiques dans le Nord-Est de l'Afghanistan : leurs rapports avec les civilisations du bassin de l'Indus, *Paléorient*, 7 (2), 1981, p. 57-74.

Lyonnet B. Les relations de la bactriane orientale avec le monde indo-baluche à partir des données céramologiques, du 3e au 2e millénaires avant notre ère, in: *L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'âge du fer. actes du colloque franco-soviétique*, Paris, 19-26 novembre 1985, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, Diffusion de Boccard, 1988, p. 143-151.

Lyonnet B. Central Asia, the Indo-Aryans and the Iranians: some Reassessments from recent Archaeological Data, in: *South Asian Archaeology 1993*, (Annales Academiae Scientiarum Fennicae ser. B, vol. 271), A. Parpola et P. Koskikallio (Dir.), Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 1994, p. 425-434.

Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze ancien), (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. VII), Paris, de Boccard, 1996.

Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Volume 2 Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe, (Mémoires de la Miss. Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. VIII), Paris, E. R. C., 1997.

Madjidzadeh Y. Jiroft. the Earliest Oriental Civilization, Téhéran, Printing and Publishing Organization of the Ministry of Culture and Islamic Guidance, 2003.

Mair V.H. (sous la direction de), *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, (Journal of Indo-European Studies Monograph Number Twenty-Six), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998.

Mair V.H. et Mallory J. P. *The Tarim Mummies. Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West*, Londres, Thames and Hudson, 2000.

Majidzadeh Y. Lapis-lazuli and the Great Khorasan road, *Paléorient*, 8 (1), 1982, p. 59-69.

Mallory J.P. *A la recherche des Indo-Européens. Langue, archéologie, mythe*, Paris, Seuil, 1997.

Mallory J.P. A European Perspective on Indo-Europeans in Asia, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, (Journal of Indo-European Studies Monograph Number Twenty Six, vol. 1), V. H. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 175-201.

Mallory J.P. "Altyn-depe during the Aeneolithic Period", in: *The Bronze Age Civilization of Central Asia*, P.L. Kohl (Dir.), New York, Sharpe, 1981b, p. 63-95.

Mallory J.P. The Decline of the Bronze Age Civilization and Movements of Tribes, in: *The Dawn of Civilization: Earliest Times to 700 B. C.*, (History of civilizations of Central Asia, vol. I), A. H. Dani et V. M. Masson (Dir.), Paris, UNESCO Publishing, 1992, p. 337-356.

Mallory J.P. Archaeological Models and Asian Indo-Europeans, *Proceedings of the British Academy*, 116, 2002, p. 19-42.

Meadow R. H. The Chronological and Cultural Significance of a Steatite Wig from Harappa, *Iranica Antiqua*, XXXVII, 2002, p. 191-202.

Mei Jianjun Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural Context and Relationship with Neighbouring Regions, (BAR International Series, vol. 865), Oxford, Archaeopress, 2000.

Michel C. Correspondance des marchands de Kanish au début du IIe millénaire avant J.-C., *Littératures anciennes du Proche-Orient*, Paris, Cerf, 2001.

Miroschedji P. De Le dieu élamite au serpent et aux eaux jaillissantes, *Iranica Antiqua*, XVI, 1981, p. 1-25.

Miroschedji P. De Susa and the Highlands. Major Trends in the History of Elamite Civilization, in: Yeki Bud, Yeki Nabud: Essays on the Archaeology of Iran in Honor of William M. Sumner, N. F. Miller et K. Abdy (Dir.), Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Monography vol. 48 (Univ. of California, Los Angeles) in association with the American Institute of Iranian Studies and the University of Pennsylvania Museum, 2003, p. 16-38.

Muhly, J. D. Copper and Tin. The Distribution of Mineral Resources and the Nature of the Metals Trade in the Bronze Age, *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*, New Haven, 43, 1973, p. 155-535.

Muscarella O. W. Intercultural Style, Weights, *Bulletin of the Asia Institute*, 7, 1993, p. 143-153.

Parpola A. Aryan Languages, Archaeological Cultures, and Sinkiang: Where Did Proto-Iranian Come into Being, and How Did It Spread?, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, V. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 114-147.

Parpola A. The Formation of the Aryan branch of Indo-European”, in: *Archaeology and Language. Artefacts, Languages and Texts*, vol. III, R. Blench et M. Spriggs (Dir.), Londres, New York, Routledge, 1999a, p. 186-204.

Parpola A. Vac as a Goddess of Victory in the Veda and her relation to Durga, *Zinbun*, 34 (2), 1999b, p. 101-143.

Parpola A. Pre-Proto-Iranians of Afghanistan as Initiators of Sakta Tantrism: on the Scythian/Saka Affiliation of the Dasas, Nuristanis and Magadhans, *Iranica Antiqua*, XXXVII, 2002, p. 233-324.

Parzinger H. Sejma-Turbino und die Anfänge des sibirischen Tierstils, *Eurasia Antiqua*, 3, 1997, p. 223-247.

Parzinger H. Das Zinn in der Bronzezeit Eurasiens, *Der Anschnitt. Zeitschrift für Kunst und Kultur im Bergbau*, 15, 2002, p. 159-177.

Parzinger H. Zinn in der Bronzezeit Eurasiens”, in: *Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I. Die Siedlungsarchäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten*, (Archäologie in Iran und Turan, vol. 5), H. Parzinger et N. Boroffka (Dir.), Mayence, Verlag Philipp von Zabern, 2003, p. 287-296.

P'jankova L.T. South-Western Tadjhikistan in the Bronze Age, *International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin*, 1, 1982, p.34-46.

P'jankova L.T. Les particularités de l'évolution historique du Tadjikistan méridional à l'Age du Bronze, in: *L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque franco-soviétique de Dushanbe*, J.-C.Gardin(Dir.), Paris, CNRS, 1985, p.147-155.

P'jankova L.T. Bronze Age Cultures of the Steppe and Highlands in Central Asia, in: *Between Lapis and Jade. Ancient Cultures of Central Asia*, (Anthropology and Archeology of Eurasia), F. T. Hiebert et N. Di Cosmo (Dir.), New York, Sharpe, 1996, p. 13-28.

P'jankova L.T. Keramik aus der Siedlung Tashguzor, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 31, 1999a. P. 49-67.

Pigott V., Rogers H.C. et Nash S.K. Sherd Size and the Banesh Phase Occupation in the ABC Operation at Malyan, Iran, in: *Yeki Bud, Yeki Nabud: Essays on the Archaeology of Iran in Honor of William M. Sumner*, N. F. Miller et K. Abdy (Dir.), Los Angeles, Cotsen Institute of Archaeology Monography vol. 48, (Univ. of California, Los Angeles) in association with the American Institute of Iranian Studies and the University of Pennsylvania Museum, 2003, p. 161-175.

Pinault G.-J. Tocharian Languages and Pre-Buddhist Culture, in: *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, V. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 358-371.

Pinault G.-J. Sanskrit kalyana- interprété à la lumière des contacts en Asie centrale, *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, XCVIII (1), 2003, p. 123-161.

Piperno M. et Salvatori S. Recent Results and New Perspectives from the Research at the Graveyard of Shahr-i Sokhta, Sistan, Iran, *Annali*, 43, 1983, p. 173-191.

Piperno M. et Salvatori S. Evidence of Western Cultural Connections from Phase 3 Group of Graves at Shahr-i Sokhta, in: *Mesopotamien und seine Nachbarn. Politische und kulturelle wechselbeziehungen im alten Vorderasien vom 4. bis 1. Jahrtausend v. Chr.*, 2. verbesserte Auflage, H. J. Nissen et J. Renger (Dir.), Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 1987, p. 79-85.

Piperno M. et Tosi M. Lithic Technology behind the Ancient Lapis Lazuli Trade, *Expedition*, XVI, 1973, p. 15-23.

Pittman H. *Art of the Bronze Age. Southeastern Iran, Western Central Asia and the Indus Valley*, New York, The Metropolitan Museum of Art, 1984.

Pittman H. South-Western Tadjikistan in the Bronze Age, *International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin*, 1, 1982c, p. 34-46.

Pittman H. Les particularités de l'évolution historique du Tadjikistan méridional à l'Age du Bronze, in: *L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du colloque franco-soviétique de Dushanbe*, J.-C. Gardin (Dir.), Paris, CNRS, 1985, p. 147-155.

Pittman H. Keramik aus der Siedlung Tashguzor, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 31, 1999a, p. 49-67.

Porada E. Remarks on the Tôd treasure in Egypt, in: *Societies and Languages of the Ancient Near East. Studies in honour of I.M. Diakonoff*, Warminster, 1982, p. 284-303.

Porada E. A Lapis Lazuli Disk with Relief Carving Inscribed for King Rimush, *La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien*, XXXVIIIe R.A.I., Paris, 1992, vol., p. 69-72.

Pottier M.-H. Le milieu religieux pré-avestique en Bactriane, *Annali*, 41 (2), 1981, p. 251-260.

Pottier M.-H. *Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze*, Paris, Editions recherche sur les Civilisations, 1984.

Potts D.T. A New Bactrian Find from Southeastern Arabia, *Antiquity*, 67, 1993, p. 591-596.

Potts D.T. *The Archaeology of Elam*, Cambridge World Archaeology, Cambridge, CUP, 1999.

Potts T. *Mesopotamia and the East. An Archaeological and Historical Study of Foreign Relations 3400-2000 BC*, (Oxford University Committee for Archaeology Monograph 37), Cambridge, CUP, 1994.

Ratnagar Sh. Does Archaeology Hold the Answers?, in: *Aryan and Non-Aryan in South Asia: Evidence, Interpretation and Ideology. Proceedings of the International Seminar on Aryan and Non-Aryan in South Asia*. University of Michigan Ann Arbor 25-27 October 1996, J. Bonkhorst et M.M. Deshpande (Dir.), Cambridge (Mass), Department of Sanskrit and Indian Studies, Harvard University, 1999.

Ratnagar Sh. The Bronze Age. Unique Instance of a Pre-Industrial World System? *Current Anthropology*, 42 (3), 2001, p. 351-379.

Ravich I.G. Tekhnologicheskoe issledovanije bronzovykh predmetov s poselenija Kangurttut, Arkheologicheskie Raboty v Tadzhiqistane, XVIII, 1985, p. 84-87.

Rtveladze E.V. Les édifices funéraires de la Bactriane septentrionale et leur rapport au Zoroastrisme, in: Cultes et monuments religieux dans l'Asie centrale préislamique, F. Grenet (Dir.), Paris, CNRS, 1987, p. 29-40.

Salvatori S. Gonur-Depe 1 (Margiana, Turkmenistan): the Middle Bronze Age Graveyard. Preliminary Report on the 1994 Excavation Campaign, Rivista di Archeologia, XIX, 1995a, p. 5-37.

Salvatori S. Protohistoric Margiana: on a recent contribution. (Review of: «IASCCA (International Association for the Study of the Cultures of Central Asia) Information Bulletin 19, Moscow 1993»), Rivista di Archeologia, XIX, 1995b, p. 38-55.

Salvatori S. Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey, East and West, 50 (1-4), 2000, p. 97-145.

Salvatori S. Pots and Peoples: the «Pandora's Jar» of Central Asia Archaeological Research. On two Recent Books on Gonur Graveyard Excavations», Rivista di Archeologia, XXVII, 2003, p. 5-20.

Salvatori S. et Vidale M. Shahr-i Sokhta 1975-1978: Central Quarters Excavations. Preliminary Report, Rome, IsIAO, 1997.

Salvatori S., Vidale M., Guida G. et Gigante G. A Glimpse on Copper and Lead Metal Working at Altyn-Depe (Turkmenistan) in the 3rd Millennium BC, Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 8 (1-2), 2002, p. 69-106.

Santoni M. Sibiri and the South Cemetery of Mehrgarh: Third Millennium Connections between the Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia, in: South Asian Archaeology 1981, B. Allchin (Dir.), Cambridge, CUP, 1984, p. 52-60.

Santoni M. Aspects matériels des cultures de Sibiri et de Mehrgarh VIII (plaine de Kachi, Baluchistan, Pakistan) à la fin du troisième et au début du deuxième millénaire Diffusion de Boccard, Paris, in: L'Asie centrale et ses rapports avec les civilisations orientales des origines à l'Age du Fer, (Mémoires de la Miss.Arch. Fr. en Asie Centrale, vol. I), J.-C. Gardin (Dir.), Paris, Diffusion de Boccard, 1988, p. 135-141.

Santoni M. The Lapis Lazuli Route in the Ancient Near East, Archaeology, 24 (1), 1971, p. 12-15.

Santoni M. The Pottery of Shahr-i Sokhta I and its Southern Turkmenian Connections, in: Prehistoric Seistan. Vol.1, (vol. XIX, 1), M. Tosi (Dir.), Rome, IsMEO, 1983, p. 183-190.

Sarianidi, V.I. The Bactrian Pantheon, International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin, 10, 1986a, p. 5-20.

Sarianidi, V.I. Le complexe culturel de Togolok 21 en Margiane, Arts Asiatiques, XLI, 1986b. P. 5-20.

Sarianidi, V.I. Margiana in the ancient orient, International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin, 19, 1993b, p. 5-28.

Sarianidi, V.I. Temples of Bronze Age Margiana: Traditions of Ritual Architecture», Antiquity, 68, 1994, p. 388-397.

Sarianidi, V.I. 1996, «Aegean-Anatolian Motifs in the Glyptic Art of Bactria and Margiana», Bulletin Of the Asia Institute, 8 (1994), p. 27-36.

Sarianidi, V.I. Margiana and Protozoroastrism, Athènes, Kapon Editions, 1998a.

Sarianidi, V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets, Moscou, Pentagraphic Ltd., 1998b.

Sarianidi, V.I. Near Eastern Aryans in Central Asia, The Journal of Indo-European Studies, 27 (3-4), 1999a, p. 295-326.

Sarianidi, V.I. The Syro-Hittite Origin of Bactrian-Margiana Glyptics, Ancient Civilizations, 6 (3-4), 2000b, p. 208-233.

- Sarianidi, V.I.** The Fortification and Palace of Northern Gonur, Iran, XL, 2002a, p. 75-87.
- Sarianidi, V.I.** Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of Murghab River, Ashgabat, Türkmen döwlethabarlary, 2002b.
- Sarianidi, V.I.** The Palace and Necropolis of Gonur, in: Margiana. Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavation by Ligabue Study and Research Centre, G. Rossi-Osmida (Dir.), Padoue, Il Punto Edizioni, 2002c, p. 16-49.
- Schmidt, E.** Excavations at Tepe Hissar Damghan, Philadelphie, The University of Pennsylvania Press, 1937.
- Sergent B.** Les Indo-Européens. Histoire, langues, mythes, Bibliothèque scientifique Payot, Paris, Payot, 1995.
- Sergent B.** Genèse de l'Inde, Bibliothèque scientifique Payot, Paris, Payot, 1997,
- Sinor D.** The Myth of Languages and the Language of Myth, in: The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia, V. Mair (Dir.), Philadelphie, The Institute for the Study of Man, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998, p. 729-745.
- Stève M.-J., Vallat F. et Gasche H.** Suse, (Supplément au Dictionnaire de la Bible, vol. 73), Paris, Letouzey & Ané, 2002.
- Sulejmanov R.X.** L'architecture monumentale d'Erkurgan. Complexes culturels et communautaires, in: Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques, P. Bernard et F. Grenet (Dir.), Paris, CNRS, 1991, p. 167-173.
- Tallon F.** Métallurgie susienne I. De la fondation de Suse au VIIe siècle avant J.-C., Notes et documents, Paris, Réunion des Musées Nationaux, 1987.
- Tallon F.** (sous la direction de), Les pierres précieuses de l'Orient ancien des Sumériens aux Sassanides, (Les dossiers du musée du Louvre), Paris, RMN, 1995.
- Tashbaeva K.I.** Petroglyphs of Kyrgyzstan, in: Petroglyphs of Central Asia, K. Tashbaeva, M. Khujanazarov, V. Ranov, et Z. Samashev (Dir.), Bishkek, International Institute for Central Asian Studies Samarkand, 2001, p. 9-79.
- Teufer M.** Ein Scheibenknebel aus Dzharkutan (Süduzbekistan), Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, 31, 1999, p. 69-142.
- Tosi M.** The Lapis Lazuli Trade Across the Iranian Plateau in the 3rd Millennium B. C., in: Miscellanea in onore di Giuseppe Tucci, Naples, 1974.
- Tosi M.** Prehistoric Seistan. Vol.1, (IsMEO Reports and Memoirs, vol. XIX, 1), Rome, IsMEO, 1983a.
- Tosi M.** The Relevance of Prehistoric Non-farming Economies in the Formation Process of the Central Asian Civilizations, Journal of Central Asia, VI (1), 1983b, p. 1-22.
- Treuil R., Darque P., Poursat J.-C. et Touchais G.** Les civilisations égéennes du Néolithique à l'Âge du Bronze, Nouvelle Clio, Paris, Presses Universitaires de France, 1989.
- Vajnbeg B.I. et Levina L.M.** Chirikrabatskaja Kul'tura, (Nizov'ja Syrdar'i v Drevnosti, vol. I), Moscou, R. A. N. Inst. Etn. i Antr. im. N. N. Miklukho-Maklaja, 1993.
- Vallat F.** Une histoire cinq fois millénaire, Les Dossiers d'Archeologie, (138), 1989, p. 16-17.
- Veenhof K.R.** Aspects of the Old Assyrian Trade and its Terminology, (Studia et Documenta ad Jura Orientis Antiqui pertinentia, vol. X), Leyde, Brill, 1972.
- Vidale M., Bianchetti P. et Cattani M.** A Semiprecious Stone-working Area Dating to the Late Iron Age on the Surface of Takhirbaj-Depe, in: The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95, (Reports and Memoirs, vol. Series Minor Volume III), A. Gubaev, G. A. Koshelenko, et M. Tosi (Dir.), Rome, Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro Scavi e Ricerche Archeologiche, 1998, p. 105-107.
- Vidale M., Bianchetti P. et Cattani M.** The Farming Settlement of Kangurtut (South Tadjikistan) in the Late bronze Age, Archäologische Mitteilungen aus Iran, 27, 1994, p. 29-47.

Vidale M., Bianchetti P. et Cattani M. Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan, *International Association for the Study of the Civilisations of Central Asia Information Bulletin*, 20, 1996a, p. 171-194.

Vinogradova N.M. Die spätbronzezeitliche Siedlung Tashguzor in Südtadzhikistan, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 31, 1999, p. 33-48.

Vinogradova N.M. Südtadzhikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit, in: *Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Akten des Internationalen Kolloquiums Berlin*, 23. bis 26. November 1999, (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, vol. 6), R. Eichmann et H. Parzinger (Dir.), Bonn, Dr. Rudolf Habelt, 2001b, p. 199-219.

Vinogradova N. M. et Kuz'mina E. E. Contacts between the Steppe and Agricultural Tribes of Central Asia in the Bronze Age, in: *Between Lapis and Jade. Ancient Cultures of Central Asia*, (Anthropology and Archeology of Eurasia), F. T. Hiebert et N. Di Cosmo (Dir.), New York, Sharpe, 1996, p. 29-54.

Watkins C. *How to Kill a Dragon*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1995.

Winkelmann S. Ein neues trans-elamisches Siegel, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 29, 1997a, p. 135-146.

Winkelmann S. Gedanken zur Herkunft und Verbreitung iranischer und mittelasiatischer 'Gewichte', *Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin*, 129, 1997b, p. 187-224.

Winkelmann S. Ein Stempelsiegel mit alt-elamischer Strichschrift, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*, 31, 1999, p. 23-32.

Winkelmann S. Intercultural Relations between Iran, the Murghabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northwest India and Failaka in the Field of Seals», *East and West*, 50 (1-4), 2000, p. 43-94.

Yener K.A. *The Domestication of Metals. The Rise of Complex Metall industries in Anatolia*, *Culture and History of the Ancient Near East*, vol. 4, Leyde, Boston, Cologne, Brill, 2000.

МЕЖДУ ИРАНОМ И ТУРАНОМ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ (2001–2006)

Введение.

Почему такое название? Контраст между Иранским плато и Тураном, который в общих чертах соответствует Средней Азии (рис. 1) и простирается от Каспийского моря и Аральского озера на западе до Синьцзяня на востоке, и от Алтая до Гиндукуша и Копетдага на юге, существует не только в географическом плане, но касается и многочисленных культурных реальностей. Термин «Туран» почти соответствует термину «Неиран», который использовали некоторые сасанидские монархи в противовес «Ирану», чтобы подчеркнуть различие между персидским оседлым миром крупных империй и туманной областью степи, где обитает кочевое, часто тюркоязычное население.

Географические рамки.

С географической точки зрения главным образующим элементом Средней Азии является бассейн рек Амударья и Сырдарья, стекающих в направлении Аральского моря, а также притоков Амударья левобережных (Кокча и р. Кундуз в Афганистане) и правобережных (Кафирниган и Сурхандарья в Таджикистане и Узбекистане). Более того, огромная экономическая роль отведена и рекам, не впадающим во внутренние водоемы, воды которых теряются сейчас в пустыне, где отмечены очень важные дельты. Это можно сказать о Балх-Аб, Герируд (продолжение Теджена в Туркменистане), о Мургабе и о Зерафшане.

Рис. 1. Общая карта Средней Азии.

На юге Гиндукуша озеро Хамун собирает воды из Аргандаба и Гельмента. Отметим также, что на западе современного Китая к востоку от Памира воды Тарима больше не доходят до Лобнора, и протоки, стекающие с гор Кун-Луна, также теряются в песках (Хотандарья и Керия).

И, наконец, последний из этих речных бассейнов – бассейн Инда на юго-востоке, также начинает историю своего сложения с глубокой древности.

Резюмируя сказанное, отметим, что три речных бассейна являются образующими в Средней Азии. Они отделены один от другого высокими горными хребтами: Копетдаг, Памир,

Рис. 2. Карта Туркменистана.

Гиндукуш, Тяньшань и Кун-Лун, где рождаются неисчерпаемые водные протоки, которые, стекая, орошают предгорья.

Другой общий компонент, дополняющий характеристику этих трех бассейнов – присутствие необъятных пустынь: Каракумы, Кызылкумы, Такламакан и Сеистан. Среди этих полупустынных равнин и плоских предгорий выделяются каменистые и илистые отложения и лессовые бугры, которые образуют более благоприятную для жизни среду. В этих регионах климат полусасушливый, и, конечно, более аридный в пустыне. Дожди выпадают весной и осенью. Зимы – холодные, а лето очень жаркое. Таяние снегов, накопившихся на вершинах гор, происходит весной, в то же время, что и дожди, все это влечет за собой наводнения. Незатопляемые нижние земли включают террасные леса, которые изобилуют растительностью и фауной. Даже если в некоторых районах можно заниматься богарным земледелием, как это делается в Северном Афганистане, оседлое население вынуждено прибегать к организации работ по орошению, чтобы удовлетворить свои потребности. Террасные леса дополняют жизненные ресурсы благодаря охоте, пастушеству, сбору ягод и фруктов, таких как ююба, фисташки и миндаль. Следует упомянуть возможность для некоторых человеческих групп разрабатывать залежи минералов: бирюзу в Кызылкумах, золото в Бактрии, лазурит в Бадахшане, и, наконец, гипс и алебастр также в Бадахшане и в Копетдаге. В этом неохватном разнообразии географических контрастов человек с момента своего появления осуществлял хозяйственную деятельность в той естественной среде, в которой оказывался. Таким образом, в целом мир степей скорее подходил для кочевого пастушества. Просторы предгорий, так же как и зоны

Рис. 3. Каменные колонки из Маргианы.

дельт, в том числе и рек, не впадающих в водоемы и крупных, как Амударья, видели появление и развитие оседлоземледельческих культур.

Хронологические и культурные рамки.

Южный Туркменистан (рис. 2) с самой глубокой древности играл главную роль в развитии этих оседлых культур. Однако так называемый регион «первичного развития» в Южном Туркменистане следует сократить до самой незначительной территории. Я прослеживаю там процессы культурного и социально-экономического развития в эпоху финального неолита типа Джейтун (городище вблизи столицы Ашхабада), но и в более позднюю протоэнеолитическую эпоху, отмеченную на городище Анау (в непосредственной близости от столицы), раскопанном в 1904 г. американским археологом Рафаэлом Пампелли¹. Городища, относящиеся к культурам Джейтун и Анау Ia, предоставляют (сознательно упростим, так как каждая из этих культур познала свое собственное развитие) данные для аналогий с городищами севера Иранского плато: в особенности Тепе Санг-и Чакмак и Тепе Сиалк. В итоге можно сказать, как это показала Ф. Брюнне², что процесс неолитизации юга Средней Азии осуществлялся со стороны Ирана.

С конца этого периода до поздней бронзы можно проследить единый и непрерывный процесс культурной эволюции, в которой Иранское плато, хотя и с некоторыми перерывами, играет важную роль. То же самое, видимо, происходило, в древние периоды в регионах, расположенных к югу от Гиндукуша, в особенности в Белуджистане. Возвращаясь к вопросу культурной эволюции указанного региона (рис. 3) в эпоху раннего энеолита, следует отметить, что этот регион ограничен зоной северных предгорий Копетдага, особенно в своей восточной части между городищами Алтын Деде

¹ Pumpelly, 1908.

² Brunet, 1998, p. 27-48.

Рис. 4. Каменный скипетр из погребения на Гонур-депе.

до настоящего времени служит хронокультурным эталоном для памятников большей части древних оседлых культур Средней Азии. Здесь выявлена последовательность периодов, пронумерованных от I до VI (от раннего энеолита до поздней бронзы (см. приложенную ниже таблицу).

Период	Датировка
Неолит (тип Джейтун)	6200 – 5000
Протоэнеолит (Анау Ia)	5200 – 4800
Ранний энеолит (Намазга I)	4800–4000
Средний энеолит (Намазга II)	4000 – 3500
Поздний энеолит (Намазга III)	3500 – 3000
Ранняя бронза (Намазга IV)	3000 – 2500
Средняя бронза (Намазга V)	2500 – 2200
Поздняя бронза (Маргиана, этап Гонур)	2200 – 1800
Поздняя бронза (Маргиана, этап Тоголок)	1800 –1500
Раннее железо (Маргиана, предгорья; Бактрия, Яз I)	1500 –1100
От раннего железа до Ахеменидов, архаический Дахистан (юго-запад Туркмении)	1300 – 500
Предахеменидский и ахеменидский периоды (Яз II–III)	1100 – 329

Три первых периода Намазга I–III охватывают комплекс энеолита (приблизительно от 4800 до 3000 гг. до н.э.).

Они составляют важный этап в экономическом, социальном и идеологическом развитии среднеазиатских народов. Так, в это время отмечается начало ирригационного земледелия в дельте

и Намазга Депе и дельтой Теджена. Эта зона занимает узкую полосу, простирающуюся на 90 км с запада на восток, ограниченную песками пустыни Каракум на севере и предгорьями Копетдага на юге. Причиной поляризации в этой зоне является наличие водных протоков с Копетдага и соседство древних русел Теджена на востоке, а также факт, что самая широкая часть равнина предгорий (до 25 км) в ее протяженности с запада на восток отмечена только на отрезке в 400 км.

Все указанные параметры, если взять в качестве параллели картину эволюции, которую я только что напомнил, и сравнить с параметрами других культурных очагов, они далеки от масштабов эламо-месопотамского мира, цивилизаций Инда или Древнего Египта. Культурная динамика во всех этих регионах сравнима в общих чертах, но главное различие в том, что процессы усложнения экономики и самого общества не завершились в Средней Азии усвоением письменности.

На раскопанном в 1950 году городище Намазга Депе получен стратиграфический разрез, который

Рис. 5. Северный Гонур-депе.

Теджена, как и усиление процесса домостикации растений и животных, а также появление предметов из ковanej меди. Поселения отныне не так многочисленны, но с большим числом жителей. Для этого периода в оазисе Геоксюра выявлены самые древние оборонительные стены, как и первые святилища.

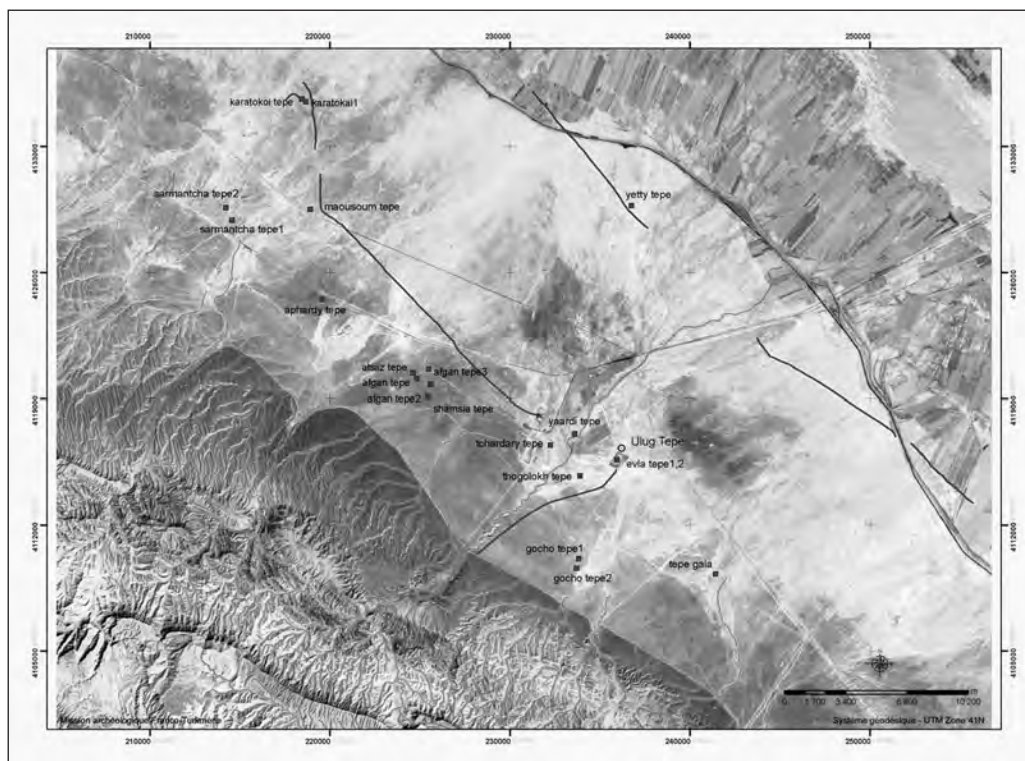
И, наконец, между 4000 и 3000 гг. до н.э. в рамках сложившегося иерархизированного общества появляется внутрорегиональная торговля, особенно бирюзой и лазуритом, а население хоронит своих умерших в коллективных гробницах.

Следующий этап – ранняя бронза, начинается со времени около 3000 г. до н.э. Обозначенный как Намазга IV он знаменует собой появление раннегородской жизни. Говорят даже об «урбанистической революции», основываясь на выявленной концентрации значительной части населения в трех крупных урбанистических центрах: Намазга, Улуг, Алтын Деде. Занимая площадь 50, 20 и 30 га соответственно, они являются самыми обширными поселениями в предгорьях.

Довольно странно, что период ранней бронзы менее известен, чем энеолит. Однако надо учесть, что на крупных городищах его культурные отложения перекрыты более поздними слоями. Удивительно, что в области архитектуры, например, мы знаем лишь оборонительные стены Алтын Деде и несколько жилых кварталов, открытых на разных городищах. Эти отложения, однако, повсюду, где они зафиксированы, представляют наиболее мощные свиты слоев. Распространение расписной керамики типа Намазга IV, которая характеризуется тонкостью выделки, еще раз указывает на то, что жизнь в этот период, кажется, ограничивалась лишь узенькой полоской предгорий.

Ко второй половине III тысячелетия, то есть от начала периода Намазга V, обозначенный регион включал территорию восточных предгорий Копетдага.

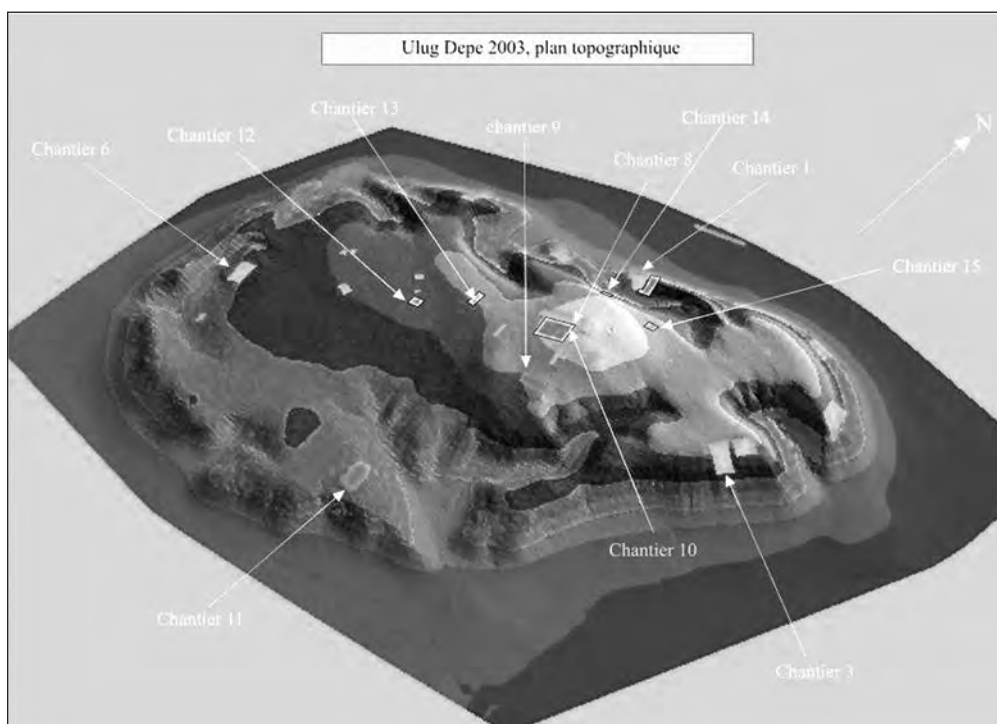

Рис. 6. Ситуационная карта Улуг Депе.

Начиная лишь с периода средней бронзы, известного как время существования цивилизации Окса, можно реально говорить о городах. Название «цивилизация Окса» предпочтительнее тому, которое применяется в советской археологии, английский акроним ее Vastro-Margiana Archeological Complex (*по-русски – БМАК – прим. перевод.*) defacto исключает городища зоны предгорий.

Эта урбанистическая культура характеризуется эволюцией в важных технологических сферах, то есть появлением гончарного круга в начале периода Намазга V, стандартизацией посуды, с которой исчезает геометрический декор, укрупнением и усовершенствованием керамических печей, усложнением средств производства и социальной организации, в которой возрастает роль внутри-региональной и, особенно, международной торговли.

Повсеместно распространяются как вооружение из меднистого сплава, точнее из мышьяковистой бронзы, так и украшения, орнаментированные перегородчатые печати, а также терракотовые статуэтки. Целые зоны на городищах теперь заняты специализированным ремеслом, так же выделяются и религиозные комплексы. Так, ступенчатая терраса на Алтын Депе находит прекрасные параллели в Месопотамии, Иране на Тюренгтепе, а в Афганистане, например, в Над-и Али и Мундигаке. Эти высокие террасы имели культовое назначение и подчас были связаны с погребальным контекстом. Некоторые предметы, такие как колонки и каменные скипетры (рис. 3–4) систематически находят в сочетании со ступенчатыми террасами или со святилищами и гробницами. На Алтын Депе общество было значительно иерархизировано (согласно его исследователю Вадиму Массону). Оно, вероятно, подразделялось на три категории, к которым следует добавить класс священнослужителей. Исходя из этих наблюдений, мы вправе думать, что в эпоху средней бронзы существовала организация власти протогосударственного типа, то есть, сложная политическая и

Рис. 7. Цифровая модель поверхности Улуг Депе.

культурная структура, вероятно, централизованная, но которая в целом не имеет еще признаков государственности, как это показывает, например, отсутствие письменности.

Как бы то ни было, предгорная равнина – не единственная территория, затронутая процессом урбанизации, поскольку в то же время, или несколько позднее, Маргиана и Бактрия также прошли подобную эволюцию.

Городище Северное Гонур-депе в Маргиане (рис. 5) по сложности архитектуры, размерам и функциям легко выдерживает сравнение с некоторыми дворцами Месопотамии и Сирии, как, например, в Мари и Угарите.

За этим урбанистическим этапом цивилизации Окса, достигшей апогея в начале II тысячелетия до н. э., последовал этап деградации или упадка, когда проникают бактрийские культуры, достигшие городищ Маргианы и предгорий, где наступает постурбанистический этап цивилизации Окса.

Эта эволюция, происходившая в эпоху финальной бронзы, показывает, что около 1500 г. до н. э. начинается железный век. Стратиграфический разрез, отразивший этот переход, заложен В. Массоном на городище Яз Деде в Маргиане.

Культура Яз I периода раннего железа представлена поселениями, рассеянными в виде скопленных типа оазисов, однако более мелких, чем в предшествующие периоды. Традиция возведения высоких террас из сырцового кирпича продолжается, но это – цитадели, где резидирует элита, отныне обживающая их вершину. Террасы потеряли культовое значение, которое они ранее имели. Теперь они предназначены для защиты укрепленных усадеб, которые усеивают окрестную равнину. Материальная культура этапа Яз I представлена специфическими керамическими комплексами, включавшими большой процент вылепленной от руки раскрашенной керамики в сопровождении нерасписной керамики с гончарного круга. В сочетании культурных элементов лепного керамиче-

Рис. 8. Интерпретация результатов магнитного обследования: следы древних структур.

ского комплекса с росписью и базового фонда керамики с круга можно видеть смешение разнородных черт, которые составляют феномен производства постурбанистического этапа цивилизации Окса в Маргиане и на городищах предгорий. Происхождение этой культуры пока достоверно не известно, но параллели можно обнаружить в долине Сырдарьи в чустской культуре Узбекистана, а также на юге Афганистана в Мундигаке и, особенно, на Пираке в пакистанском Белуджистане.

Что прежде всего характеризует юг Средней Азии в это время, так это начало использования железа. В начале периода его находят в очень незначительном количестве, что позволяет говорить для некоторых городищ о «железном веке без железа». Другая очень важная технологическая подвигка – интенсификация использования лошади под верховую езду.

Приблизительно к 1100 г. до н.э. относят начало предахеменидского периода. Он завершится к 529 г. до н.э. с приходом Ахеменидов в Среднюю Азию. В конце предахеменидского периода мы присутствуем при возрождении крупных урбанистических центров Средней Азии.

Это происходит на территории к югу от Аральского моря и в других регионах. Там прослеживается в некотором роде традиция предыдущего периода – традиция возведения крупных укрепленных поселений городского типа, вокруг которых формируются также укрепленные усадьбы меньшего масштаба. Такая организация расселения прослеживается в различных регионах: в Согде с его столицей Маракандой (Афрасиабом) и городищами Кызылтепа и Бандыхантепа, в Бактрии со столицей Бактры (Балх) и городищем Кундуз (Драпсака), в Арахосии с ее столицей Кандагаром и, наконец, в Маргиане, центром которой становится Мерв.

Обширны городища следующего периода – Ахеменидского, который начинается в VI в. до н.э. и закончится с завоеванием Александра в IV в. Часто они имеют круглую цитадель, которая образовывала административный центр сатрапии, а вокруг него рассеяны укрепленные усадьбы соци-

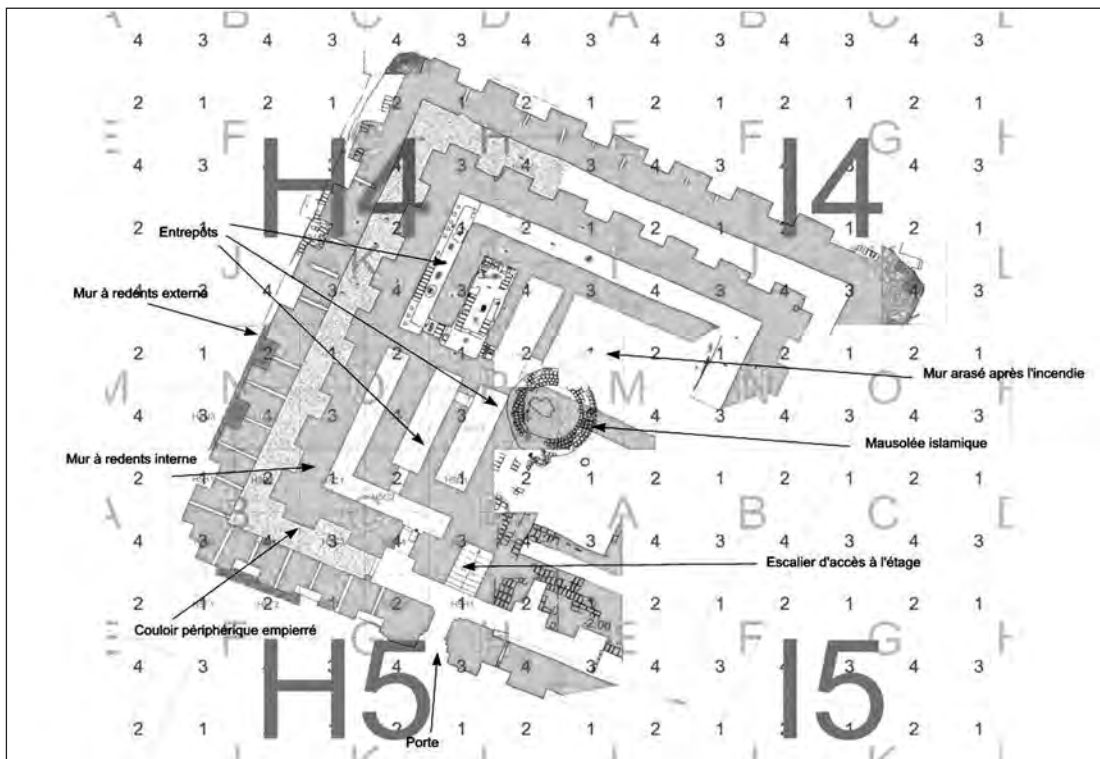

Рис. 9. План цитадели.

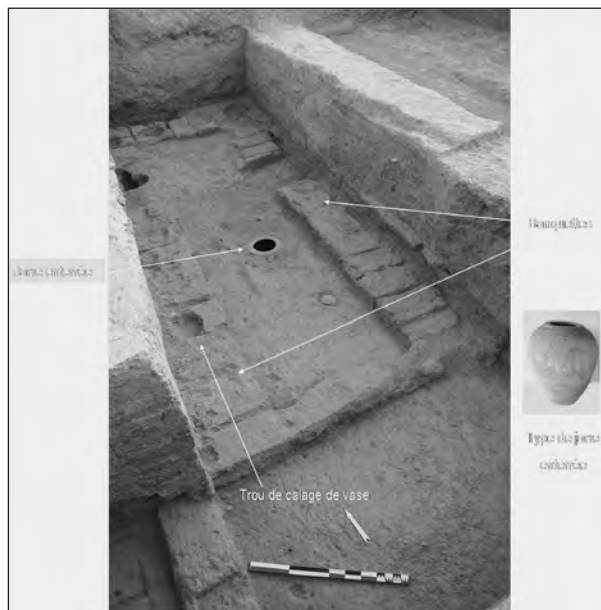

Рис. 10. Общий вид с юго-востока раскопок цитадели.

альной элиты. Начиная с царствования Кира (539–530 гг. до н. э.), сатрапы накапливали богатства и собирали у себя войска. Население говорило на восточно-иранском языке, а религией, вероятно, был маздеизм. Эта гипотеза очень правдоподобна, но, однако, базируется на элементах доказательства «от противного» – главным образом, на быстром исчезновении у оседлого населения Средней Азии с начала ахеменидского периода погребений по принципу ингумации. Мы вправе думать, что практика очищения костей от плоти на открытом воздухе заменила тогда погребения в земле. Во всяком случае, можно констатировать, что зороастризм приобретет статус государственной религии в более позднее время, при Сасанидах. Тела тогда выставляли в соответствии с зороастрийскими предписаниями. Хозяйство этого периода сравнимо с хозяйством эпохи бронзы и раннего железа: орошаемое земледелие на значительных площадях, где выращивали те же самые зерновые культуры, а также добыча тех же самых минералов. В общем, главный технический прогресс, достигнутый в ахеменидский период, заключается в стабильном использовании лошади и развитии металлургии железа. Что касается политического и административного управления в этих регионах – они отныне интегрированы в персидскую империю. Художественное ремесло этой эпохи может быть проиллюстрировано случайным открытием «клада Окса» (*Амударьинского клада – прим. перевод.*) у слияния Вахша и Амударьи, а также предметами, собранными на городище Тахти-Сангин, датированными ахеменидским периодом. Там отмечено влияние официального ахеменидского искусства, а также искусство степей и некоторые неоассирийские черты. То же подтверждают некоторые находки, происходящие из погребения в слое вечной мерзлоты в Береле на Казахском Алтае, недавно открытого французской археологической миссией под руководством А.-П. Франкфора.

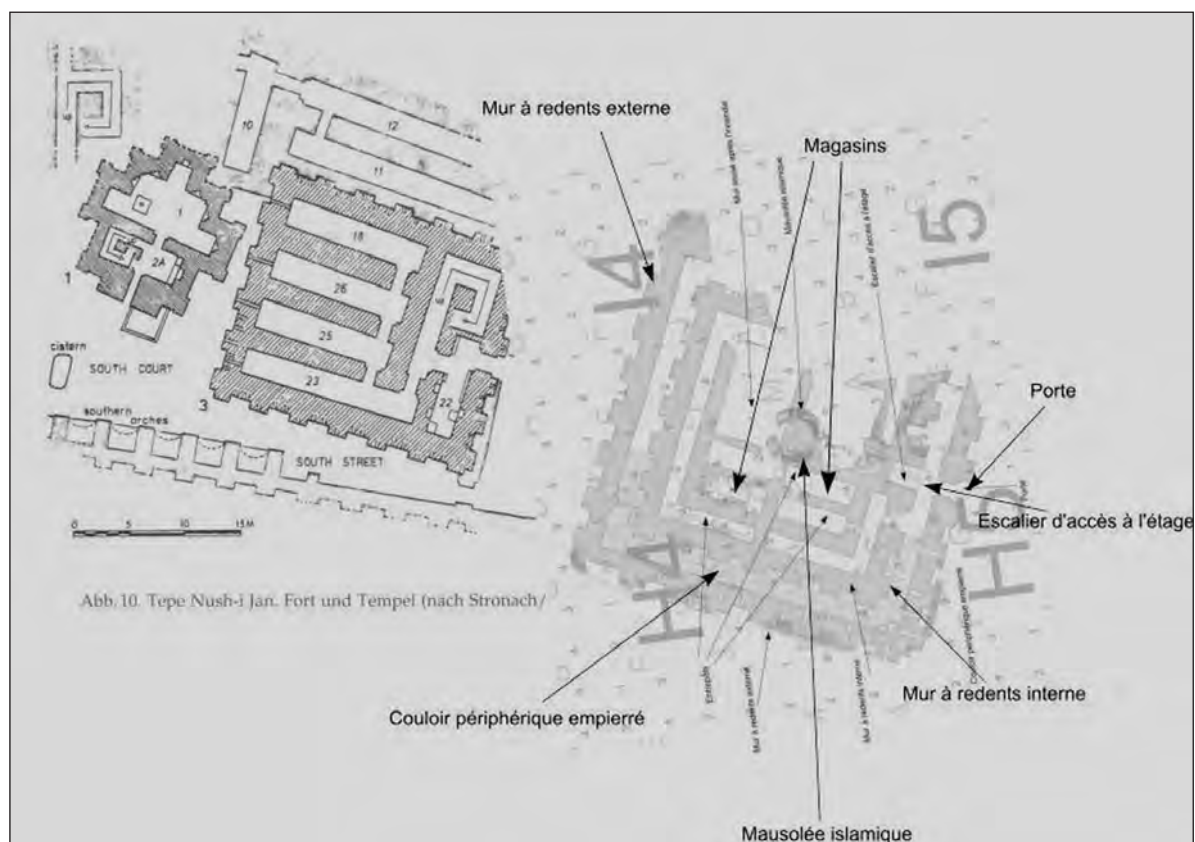
То, что происходит в мире степей, является результатом прохождения через них воинственных племен восточных скифов: саков. Их верования особенно хорошо прослежены по погребальным обрядам: погребения под курганами, в которых воины и элита погребены с оружием и верховыми лошадьми. С их культурой знакомят погребения, раскопанные на Памире, Алтае и Нижней Сырдарье, а также в Синьцзяне. Саки представлены среди других племен на рельефах Персеполя.

Материальный комплекс отмеченных выше периодов обнаруживается и на городище Улуг Депе, расположенном в 170 км к юго-востоку от Ашхабада – столицы Туркменистана. В отличие от многих других городищ, которые были широко исследованы после второй мировой войны по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), Улуг Депе лишь слегка затронуто раскопками. С конца 1960 г. один из самых известных советских археологов Виктор Сарияниди провел там четыре раскопочных сезона (1967, 1968, 1969, 1970 гг.), заложив шесть сужавшихся книзу шурфов, что позволило ему очень быстро установить в главных чертах общую хронологию городища. С 2001 г. там были развернуты раскопки, продолжавшиеся шесть сезонов.

Рис. 11. Один из хранилищ нижнего уровня цитадели.

Рис. 12. Сравнительный план Нуш-и Джан и Улуг Депе.

Улуг Депе находится на границе зон предгорий Центрального и Восточного Копетдага (рис. 6) у выхода из ущелья, пересекающего Копетдаг по прямой линии в направлении к наиболее важным залежам бирюзы на Иранском плато в Кух-и Биналуд, вблизи Нишапура. Кроме всего прочего, это городище отличается от других среднеазиатских городищ тем, что оно имеет протяженный хроностратиграфический срез от финального неолита до ахеменидского периода.

Если учесть географическое положение Улуг Депе, его площадь в 26 га и высоту в 30 м, объект можно считать самым показательным городищем, чтобы подтвердить мысль, с которой можно согласиться сегодня: предгорные городища и городища Маргианы и Бактрии принадлежат к одному и тому же «koine» и являются лишь региональными его вариантами. Его изучение могло бы поддержать гипотезу о квазиодновременном появлении культуры этих трех регионов, к которым следует еще добавить юг Узбекистана и Таджикистана.

Культурные процессы и модели, которые до последнего времени определялись только исходя из раскопок Намазга Депе, более не являются удовлетворительными. Используемая чаще модель исходит из представления о распространении человеческих коллективов, их материальной культуры от предгорий Копетдага в направлении Маргианы и Бактрии, что заставляло считать, будто предгорные долины первенствовали, особенно в эпоху бронзы, в культурном отношении по сравнению с двумя другими упомянутыми регионами. Теперь можно сказать, что это было не так³, и

³ Как это начинают показывать раскопки на городище Аджикуйи в Маргиане, проведенные археологом Г. Росси-Осмиде, вице-президентом Фонда Лигабю (личное сообщение Г. Росси-Осмиде).

Улуг Депе может служить основанием для иного взгляда в силу его географического расположения, плотности и длительности обживания, а также на основании сравнительного исследования его региональных особенностей.

И, наконец, в силу привилегированного географического расположения Улуг Депе возникает возможность получить информацию о связях между Средней Азией и югом Гиндукуша, с одной стороны, и Иранским плато – с другой. Известно, что Элам играл главную роль в формировании и развитии древней среднеазиатской индивидуальности. Городище представляется также самым показательным для того, чтобы найти ответы на множество вопросов, которые будоражат научное сообщество. Например, существуют некоторые интерпретационные разногласия между археологами, работающими в Средней Азии. Так, общая хронология, принятая советскими учеными, установленная в 50-х годах XX в. на основе результатов раскопок, проведенных по методу условного ярусного деления стратиграфии, слишком завышена. Раскопки городища Шортугай в Афганистане, проводимые с 1988 года под руководством А.-П. Франкфора, и хронологические определения, основанные на серии дат C14, как и на тщательно проделанном сравнительном анализе, значительно удревнили хронологический срез⁴. Эти датировки отныне признаны большинством западных исследователей и многими археологами бывшего СССР. Следовало, тем не менее, выявить соответствие с горизонтами Улуг Депе, в особенности для эпохи бронзы, и дополнить этот срез серией абсолютных дат, определенных для каждого из периодов.

Раскопки Улуг Депе

В статье представлены главные результаты раскопок, начиная со времени самого позднего обживания, на этом методе мы будем особенно настаивать, так как он, прежде всего, позволяет обновить знания о предахеменидском периоде, как Средней Азии, так и Иранского плато.

Город конца железного века

Исследование проведено на вершине тепе на раскопках цитадели периода Яз II–III, возведенной на платформе, как это показывает цифровая модель поверхностного исследования, построенная на основе топографического плана городища (рис. 7).

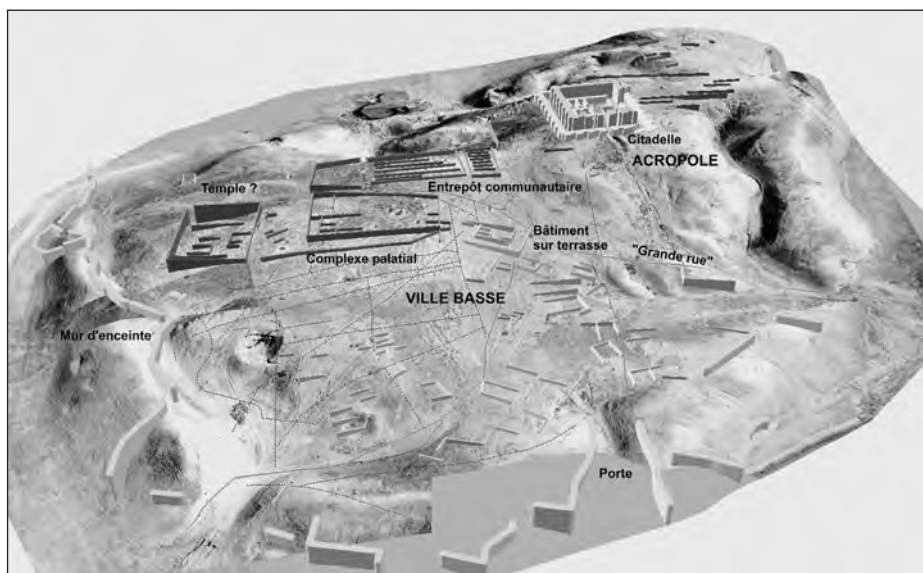
Внутреннее пространство этого укрепленного поселения, как и нижний город, над которым оно доминирует, не содержит следов обживания позже конца железного века, очень мало известного в этом регионе Средней Азии. Имеются материалы, позволяющие точно определить культурные характеристики предахеменидского и, может быть, ахеменидского времени. Следует признать, что данные такого порядка могли быть удовлетвори-

Рис. 13. Печать и оттиски печатей из цитадели.

⁴ Francfort, 1988, p. 169-193.

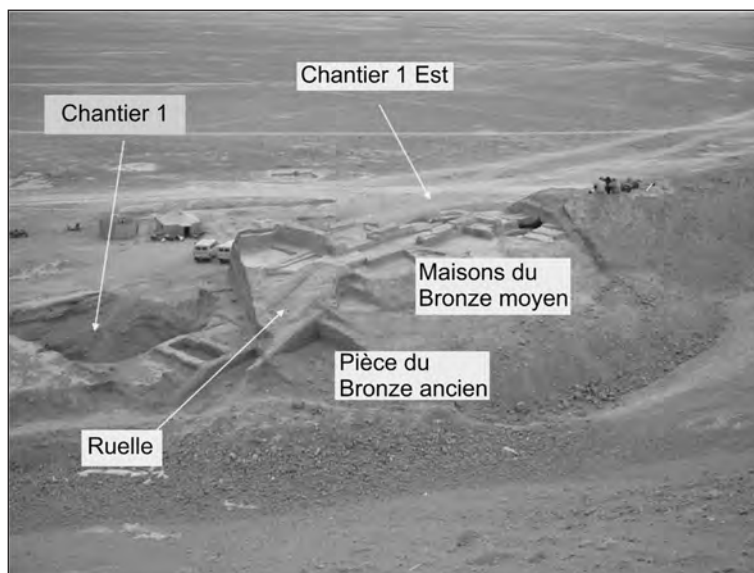

Рис. 14. Реконструкция города периода Яз II Г. Давтяном.

тельным образом получены на таком большом городище только в результате интенсивных и длительных работ с привлечением многочисленной рабочей силы и значительного научного персонала. В силу этого обстоятельства с 2003 года было организовано систематическое геофизическое изучение вершины городища (около 10 га) магнитным методом. Результаты применения этой технологии, фиксирующей магнитные аномалии и позволяющей восстановить подпочвенные структуры, не прибегая к раскопкам, – впечатляющи (рис. 8). В ходе этого исследования был дополнен план цитадели и появилась возможность рассматривать ее во всем объеме, а также восстановить большую часть уличной сети и даже многие монументальные здания и хозяйственные постройки разных размеров, то есть все структуры, относящиеся к концу железного века, как это показывает последовательное расположение (параллельные и пересекающиеся оси) этих построек. Таким же способом выявлены отрезки обводной стены с древними воротами и т. д.

Некоторые из монументальных строений, расположенных по обе стороны главной улицы, легко определяемы. Выясняется, что цитадель, по-видимому, защищала очень обширное хранилище, более 60 м длиной. Оно находилось напротив строения, которое может быть определено как дворцовый комплекс. Здание напротив на западе по другую сторону свободного пространства могло иметь культовое назначение. Эти монументальные сооружения составляли акрополь Улуг Деде. Он господствует над нижним городом, в котором вдоль улиц выявлены стены домов и определены кварталы прямоугольных очертаний. К югу от дворцового комплекса на платформе воздвигнута загадочная структура, как и цитадель, возвышающаяся над жилищами и хозяйственными службами. Через нее осуществлялся переход от акрополя к нижнему городу, но она не нависала над входом во дворец. Предахеменидские укрепления расположены на значительном расстоянии перед земляными валами, соответствующими оборонительным стенам эпохи бронзы. Прерываемость этих валов позволяет определить месторасположение древних ворот. Раскопано 4/5 квадратной площади цитадели, что позволило определить ее размеры: 40 м по сторонам (рис. 9). Она состоит из двух самостоятельных структур, а внешняя стена оживлена реданами и пробита ложными бойницами-амбразурами, предназначенными для освещения идущего вдоль нее коридора, вы-

Рис. 15. Жилой квартал периода Намазга IV и V

мощенного гальками. Коридор вел к главной зоне здания, которая являлась центральным ядром; его внешняя стена также снабжена реданами.

Направление движений внутри здания менялось много раз. Во всяком случае, на это указывают разные типы сообщения между помещениями нижнего уровня, которые все были заблокированы или переделаны на последнем этапе обживания сооружения. Эти перестроенные помещения раньше использовались как хранилища, на что указывают продольные пропорции, суфы вдоль нижней части стен, отпечатки днищ корчаг, как и крупные тарные корчаги, заглубленные в суфы (рис. 11). Вход в крепость обеспечивался по лестнице перед главными воротами, которая вела непосредственно на верхний этаж. Наличие этого верхнего этажа подтверждает также значительная толщина стен нижнего уровня, позволяющая понять, что они с архитектурной точки зрения играли роль простых опор. Назначение этих помещений и коридора, превращенных в хранилища, а затем замурованных и в большинстве покинутых было не очень важным, так как главная часть здания располагалась на верхнем этаже.

В последнем сезоне работ стали ясны причины архитектурных изменений в цитадели: сильный пожар в северо-западной части здания спровоцировал, по крайней мере, частичное обрушение этажа и превращение двух этих хранилищ в открытое пространство после выравнивания стены, которая их разделяла. План цитадели, элементы которой могут демонстрировать среднеазиатскую архитектурную традицию, также характерен для архитектуры мидийской эпохи на Иранском плато и, особенно, на городище Нуш-и Джан (рис. 12), где лестница, минуя нижние комнаты, ведет прямо на верхний этаж. Можно сделать те же наблюдения на городище Тепе Озбаки под Тегераном или на Телль Губах в Ираке. Можно ли видеть в архитектуре эпохи финального железа на городище Улуг Дене предка архитектуры «фортов» Загроса, так как это определил Дэвид Стронах в отношении Нуш-и Джан, Годин Тепе и Хасанлу⁵? Во всяком случае, на это намекает дата по анализу C14, дающему VII в. до н.э. для самого позднего этапа обживания цитадели. Смена архитектурных форм, сама стратиграфия показывают, что цитадель прошла долгий период существо-

⁵ Lanfranchi, Roaf, et Rollinger (ed.), 2003, p. 234.

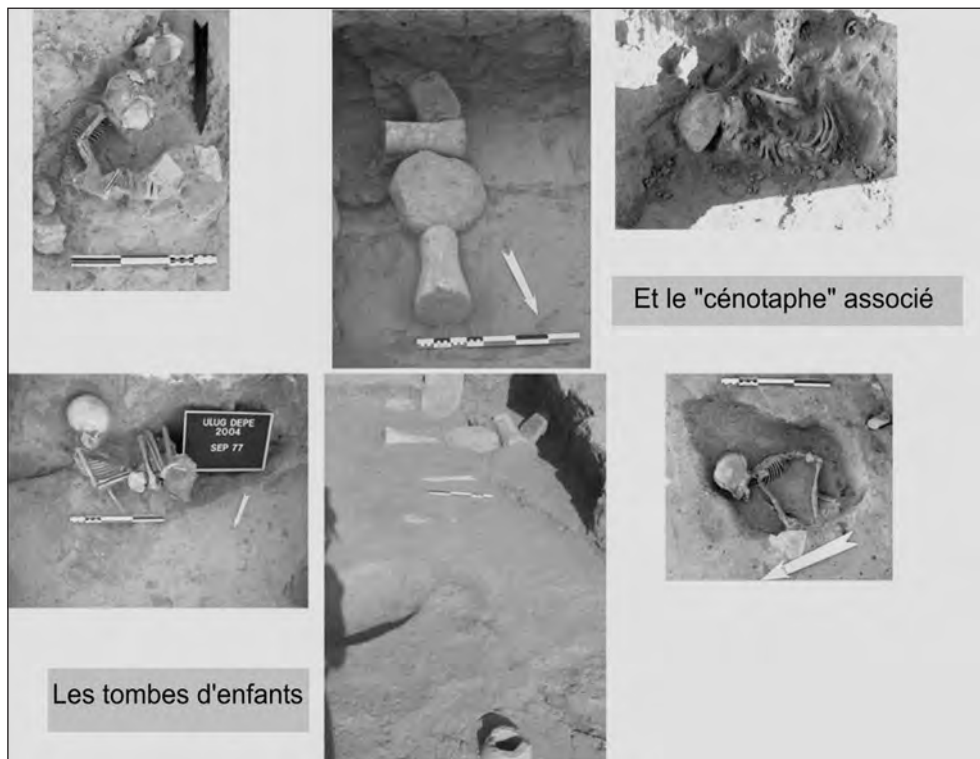

Рис. 16. Зона погребений детей.

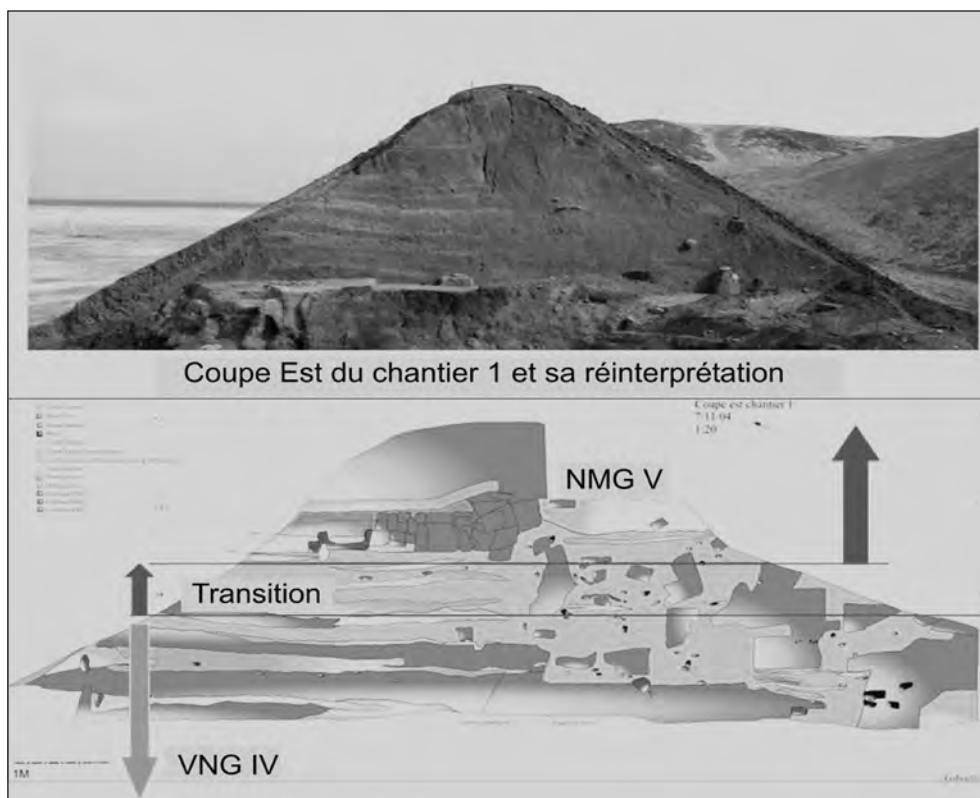

Рис. 17. Новая интерпретация стратиграфии раскопа 1.

C ramique du Bronze ancien (NMG IV)

Рис. 18. Керамика с геометрическим рисованным декором эпохи ранней бронзы.

вания и что ее основание должно было быть значительно раньше VII в. до н.э. Точно VII в. до н.э., которым датируются «форты» Загроса, отнесенные к мидийской эпохе – это век *floruit*. Оседание иранского предахеменидского населения вблизи дельты Теджена ранее VII в. до н.э. могло бы показать более глубокие датировки этих ранних человеческих групп⁶ по отношению к их «кузенам» на иранском западе. Такая родственная преемственность могла бы также объяснить среднеазиатские архитектурные влияния, которые обнаружили раскопщики «фортов» Загроса. В обводном коридоре в слое мощностью до 70 см собрано большое количество разбитых сосудов: тарных корчаг и сосудов других типов, относящихся целиком к концу железного века – к так называемому периоду Яз II–III, которые надо определить более точно в признаках материальной культуры. Возможно, эти предметы накопились на полу после падения либо с пристенных полок, либо с верхнего этажа, что более вероятно.

Сгруппированные в две кучи, как возможное содержимое корзин, стоявших у стены внутри цитадели и в самом коридоре (рис. 13), они обнаруживают многочисленные отпечатки опечатывания корчаг и буллы на комках сырой глины, сделанные разными печатями.

Судя по эти находкам, речь идет об очень важном факте, свидетельствующем о централизованном управлении поступлениями продовольствия, хранившегося в цитадели, осуществляемом чиновниками местной государственной власти. Управление поступлениями в хранилища осуществлялось, проходя многие пункты контроля, помещения которых закрывались двустворчатыми дверьми, также опечатанными. Эта находка подкрепляет мысль о том, что Улуг Деле, учитывая его размеры и

⁶ Те, которых Геродот называет «далекими мидийцами»

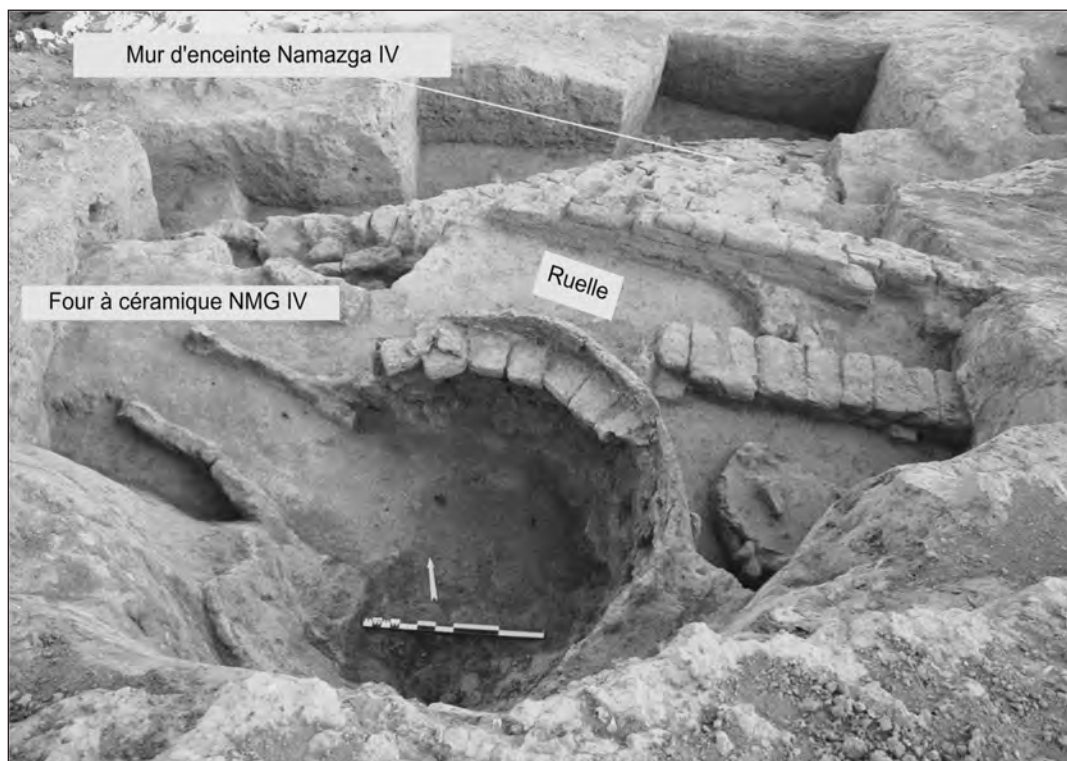

Рис. 19. Ремесленный квартал эпохи ранней бронзы: обжигательная печь.

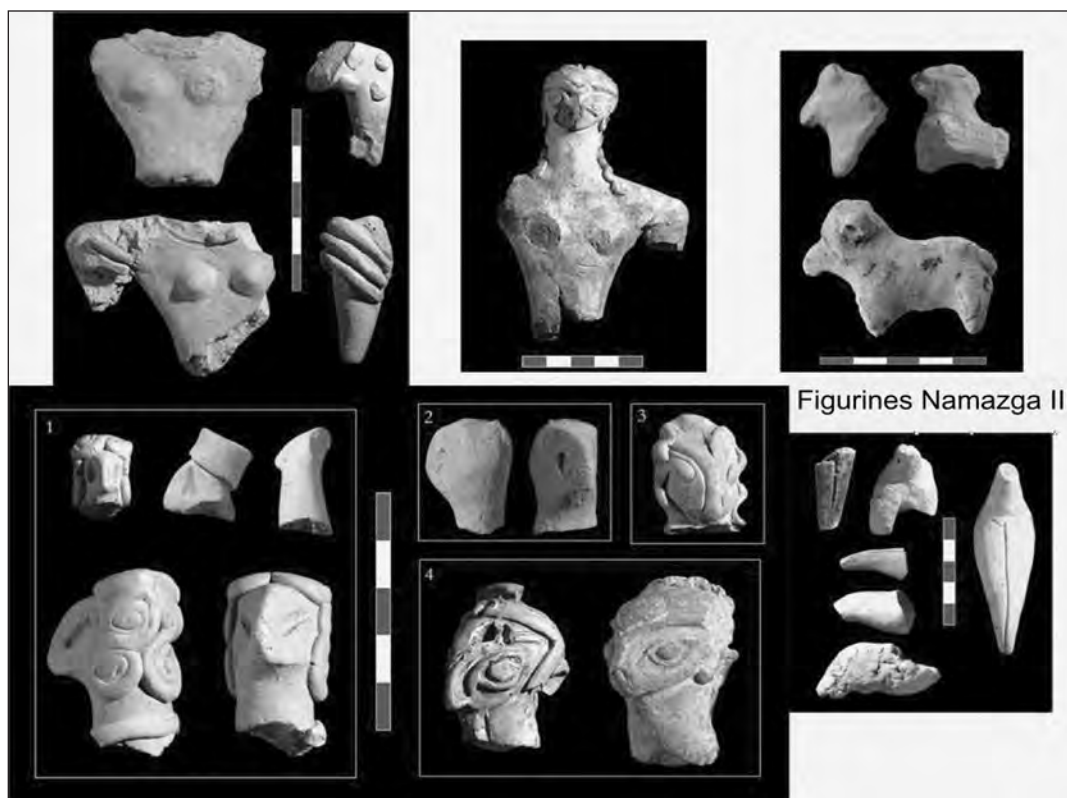

Рис. 20. Продукция мастерской эпохи позднего энеолита.

географическое положение, мог играть в железном веке важную политико-экономическую роль в регионе. Важно подчеркнуть, что в то время как Экбатана – предполагаемая столица иранских мидийцев, не дала ни одного археологического слоя ранее эпохи парфян, Улут Депе представляет из себя единственный спланированный город, относимый к мидийской эпохе (рис. 14). Другие урбанизированные современные ему пункты еще предстоит, вероятно, открыть и в Иране, где жилища представлены лишь усадьбами мелких местных властителей, и на юге Средней Азии.

Эта констатация входит в противоречие со сложившимися представлениями и приводит к тому, чтобы пересмотреть генезис культуры мидийского периода на иранском западе и по иному взглянуть на направления иранских миграций в I тысячелетии до н.э. Вероятно, следует развернуть миграционные потоки в обратном направлении: именно с территории современного Южного Туркменистана прадахеменидские племена достигали запада Ирана⁷.

Уровни эпохи средней бронзы

Они открыты на северном склоне тепе (рис. 15). Это – жилой квартал, где дома были построены ярусами на древнем склоне. Поднимались туда с расположенного ниже городища по улочке, снабженной широкими ступенями, вдоль которой также располагались небольшие дома. На последнем этапе обживания эта покинутая зона служила кладбищем.

Здесь сделано удивительное открытие. Обнаружена зона детских захоронений, осуществленных в полу, погребенных по типу кенотафов (рис. 16). По меньшей мере, так интерпретируют странную структуру, выполненную с помощью двух колонок в сопровождении двух зернотерок таким образом, что в общих чертах образуется человеческий силуэт. По вертикали кенотафа предварительно была закопана корчага. Эта структура выявлена в 8 детских погребениях, выкопанных в полу руинированного дома, стены которого должны были быть еще видны на момент погребения. Такой способ захоронения, видимо, отражал тот факт, что дети не обладали никаким социальным статусом в обществах бронзового века. Подчеркнем, кроме того, что колонки всегда связаны с культовым контекстом.

Уровни эпохи ранней бронзы

Для раскопок более ранних уровней городища отправной точкой был принят ранний раскоп, заложенный В. Сарияниди в конце 1960 года (раскоп 1). Расширение его прежних границ позволило пересмотреть и заново полностью проанализировать разрез, выполненный в ходе советских исследований 1967–1968 годов (рис. 17), как и раскопки жилищ эпохи ранней бронзы (Намазга VI).

Стало возможным уточнить стратиграфию этого раскопа: его самые поздние уровни относятся к эпохе средней бронзы (2,5 м – Намазга V), следующие ниже слои переходного периода – очень мощные (7,5 м), относятся к эпохе ранней бронзы. И, наконец, самые ранние уровни, достигнутые В. Сарияниди, датируются поздним энеолитом. Архитектура этого периода характеризуется многочисленными этапами строительства, а также малыми размерами выявленных помещений, сопровождаемых элементами обустройства (подпятник, очаги) и полом, где в большом количестве собрана расписная керамика (рис. 18).

⁷ Как было с парфянами, которые продвинулись с севера Гиркании, места сложения дахистано-парнской кочевой конфедерации, из которой они вышли, преодолевая барьер Эльбурса для того, чтобы достигнуть Вавилона веком позже их появления в истории.

Другой важный раскоп, заложенный на северном склоне тепе к западу от раскопа 1, выявил остатки жилого квартала эпохи поздней бронзы, может быть ремесленного, прилегающего к обводной стене города. После запускания этой стены на ее вершине была устроена гончарная печь (рис. 19). В основании печи открыто погребение того же периода.

В том же месте на склоне тепе были открыты во фрагментарном состоянии более древние устройства, а также отвалы продукции мастерской по изготовлению предметов из глины, главным образом, женских и зооморфных статуэток. Благодаря находкам бракованных на разных стадиях изготовления предметов, оказалось возможным восстановить всю цепь операций по их производству. Интересно отметить, что типы статуэток (рис. 20), производимых на Улуг Депе, обычно рассматриваются как характерные для различных культурных подрегионов долины предгорьев Копетдага. Там, видимо, располагался рынок по продаже этих фигурок, где каждый мог выбрать покупку, исходя из единых культурных образцов. Эти материальные остатки относятся к позднему энеолиту (от 3500 до 3000 гг. до н.э.) и представляют собой самые древние структуры, раскопанные на сегодняшний день на Улуг Депе.

Библиография

Brunet F. La néolithisation en Asie centrale : un état de la question, *Paléorient* 24-2, 1998. P. 27-48.

Francfort H.-P. Central Asia and Eastern Iran // *Cambridge Ancient History* IV.2, Cambridge, 1988. P. 169-193.

Lanfranchi G.B., Roaf M. et Rollinger R. (ed.). *Continuity of Empire (?) assyria, Media, Persia, Padoue*, 2003. P. 234.

Pumpelly R. *Explorations in Turkestan I*, Washington, 1908.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И БИОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
В ПРОТОИСТОРИЧЕСКОМ КАЗАХСТАНЕ
(АНДРОНОВСКАЯ И САКСКИЕ КУЛЬТУРЫ II – I ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО Н. Э.)**

Работа является синтезом опубликованных в 2007 году¹, результатов исследования, которое проведено во время длительных раскопок, позволивших собрать обширную археологическую документацию, а также привлечь и изучить неизвестный антропологический материал из Восточного, Центрального Казахстана и Семиречья², касающийся населения эпохи бронзы и частично железного века (II и I тысячелетия до н. э.). Комплекс собран из более чем 210 могильников (1328 погребальных сооружений: курганов и оградок) и включает неизвестный ранее антропологический материал от 346 индивидов. На протяжении длительного периода, который мы рассматриваем, территория Казахстана была обжита оседлым населением (андроновская культура), ставшим затем по причинам, еще не установленным в настоящее время, кочевым (культура саков). Многие вопросы остаются открытыми, в особенности проблемы происхождения, эволюции и ритуалов этих культур. В отношении исследования погребальной обрядности следует подчеркнуть, что при раскопках могильников в Казахстане основное внимание всегда уделялось погребальному инвентарю и устройству могил в ущерб изучению костных материалов. В лучшем случае они передавались в руки антропологов, сами же эти специалисты, как правило, не участвовали в раскопках. Краниометрическое исследование, таким образом, ничего не вносило в общее понимание погребальной структуры и посмертных обрядов. Однако для прояснения этих вопросов антропологический материал имеет важное значение, так как может свидетельствовать о характере обработки останков умершего согласно принятой символической системе, где кости, по своей природе, были носителями информации о жизни индивида и его адаптации к природной и социальной среде.

Таким образом, главная цель этой работы в том, чтобы восстановить так полно, как это возможно, весь корпус данных и их интерпретацию на археологическом и антропологическом уровне, начиная с результатов работ, проведенных ранее и поместив их в контекст современных исследований. Словом, это исследование не строится на некоей *terra incognita*, но имеет под собой массу базовой информации о предшествующих работах, опубликованных или неизданных, которая и позволила ориентировать настоящее исследование. Методологический археологический и антропологический протокол был приложен в публикации³. Принятая методика позволила нам сравнивать очень разнородный материал, происходящий с огромной территории, вписывающейся в широкие хронологические рамки, но и создающий большие препятствия в интерпретации.

Обозначим хронологические рамки данного исследования в Казахстане:

---

¹ Bendezu-Sarmiento et al., 2007

² Документация, которая легла в основу докторской диссертации автора, защищенной в 2004 г. (Bendezu-Sarmiento, 2004a) в Университете Парижа Пантеон Сорбонна (под руководством А.П. Франкфора).

³ Bendezu-Sarmiento et al., 2007.

1. В мире казахстанских степей эпоха ранней бронзы отражена в общем в андроновской культуре и начинается с 2000 г. до н. э. (Федоровский или нурский этапы).

2. К середине II тысячелетия (1600/1500 гг. до н. э.) отмечается эволюция в земледелии, скотоводстве и металлургии; эти признаки маркируют начало периода поздней бронзы (культуры Алакуль и Атасу).

3. К 1300 г. до н. э. с переходного этапа (т. е. с культуры Бегазы-Дандыбай) начинается период финальной бронзы.

4. В начале I тысячелетия (раннежелезный век) появляется культура саков (тасмолинская культура в Центральном Казахстане).

5. К 500 г. до н. э. относится начало позднежелезного века.

Археологические материалы эпохи бронзы

В трех изучаемых регионах, особенно в Семиречье, некрополи и погребальные сооружения, датированные эпохой ранней бронзы, остаются мало известными. Могильники эпохи ранней бронзы в Восточном Казахстане отличаются от кладбищ центрального региона. Некрополи этой эпохи содержат более десяти погребальных структур, а некоторые, как, например могильники Малый Койтас, Беткудук и Джаргас (в Восточном Казахстане) или Бугули I в Центральном Казахстане обладают более чем 50 погребальными конструкциями. Эта тенденция в Центральном Казахстане меняется, начиная с эпохи поздней бронзы. Там могильники, содержащие погребения только этого периода, более многочисленны, но они редко превышают 50 единиц. Очень мало могильников, чаще всего в Восточном Казахстане, которые непрерывно использовались на протяжении длительного времени, начиная с эпохи бронзы или раннего железа. Этот факт заставляет задуматься о перспективности принятой общей гипотезы об «историческом континенте», опирающейся на присутствие внутри одного и того же некрополя структур, датированных разными периодами⁴. Разумеется, это наблюдение касается только некрополей и никоим образом иных данных: типы архитектуры или типологии археологического материала, где установившиеся связи остаются неоспоримыми⁵.

В эпоху бронзы распространены погребальные структуры круглого, овального или четырехугольного плана с оградками смешанного типа: из плит, поставленных вертикально, или стенок, а также земляные курганы. Курганы небольшой высоты, поэтому его очень трудно отличить от холмика естественного происхождения или образовавшегося в результате ограбления могил. В связи с этим, некоторые земляные возвышения, учтенные в публикациях, на самом деле не кажутся археологическими памятниками, но результатом перекопок внутри некрополей с перемещением каменных деталей, что могло происходить в поздний или даже современный периоды. Что же касается планов надмогильных сооружений, то квадратные ограды немногочисленны, и особенно характерны для эпохи ранней и поздней бронзы Восточного и Центрального Казахстана, а также для переходного периода последнего региона. Более крупные прямоугольные ограды представлены, главным образом, в эпоху поздней бронзы (особенно в Центральном Казахстане). Они будут использоваться и в переходный (к раннему железу) период, но в относительно сокращенных размерах. Преобладающей остается ориентация оси погребений в прямоугольных оградках восток / запад с тенденцией отклонения – юго-восток / северо-запад в переходный период.

---

⁴ Черников, 1960; Маргулан и др., 1966; Куш, 1992 и др.

⁵ Askarov et al., 1992.

Расположение этих прямоугольных структур в некрополях эпохи бронзы не связано с каким-то определяющим принципом. В равной степени их находят как в центре, так и на периферии могильников. Оградки круглого плана также малочисленны и почти все они датируются в Восточном и Центральном Казахстане периодом ранней бронзы. Напротив, оградки наибольшего диаметра известны для всего периода поздней бронзы.

Овальные оградки намного более многочисленны и были распространены во все периоды эпохи бронзы, особенно на территории между Восточным и Центральным Казахстаном. Эти оградки имели скорее средние размеры (от 7 до 14 м в диаметре).

В Центральном Казахстане и Семиречье в эпоху бронзы преобладают структуры четырехугольного плана, в то время как овальные исключительно в Восточном и, видимо, в Центральном Казахстане.

К этим главным оградкам можно присоединить своего рода пристройки для приношений (иногда они отмечены дополнительной кольцевой выкладкой из плит), а также дополнительные погребальные конструкции. Эти последние погребальные конструкции почти полностью связаны с эпохой поздней и финальной бронзы и исчезают в переходном периоде⁶. Их присутствие зафиксировано в Центральном Казахстане и в Семиречье, в то время как в Восточном Казахстане они редки. Что касается их расположения, они преимущественно ориентированы по оси север / юг.

Погребальная яма всегда находится в центре оградки; в том случае, если в ней несколько ям (что характерно для периода поздней бронзы), то сначала захоронения устраивались в южной и северной части оградки. Таким образом, превалирует динамика в расположении погребений, ориентированных по оси север / юг, как на уровне дополнительных пристроек, так и в расположении дополнительных ям. Ямы по большей части четырехугольные, самые крупные и самые глубокие обнаруживаются для эпохи ранней бронзы в Восточном Казахстане, а для переходного периода - в Центральном⁷. Семиречье остается регионом, где существуют самые маленькие структуры из всего комплекса бронзовой эпохи.

В эпоху поздней и финальной бронзы ямы, содержащие остатки кремации, более крупного размера, чем могилы с захоронением трупа. Могут ли они содержать и другие быстро разрушающиеся материалы?

Ориентация оси восток / запад и северо-восток / юго-запад остается главной для прямоугольных ям и с кремацией, и с ингумацией.

Ориентация северо-восток / юго-запад особенно характерна для региона Центрального Казахстана в эпоху ранней бронзы, а для Семиречья периода поздней бронзы.

Ямы овальной формы преимущественно распространены в эпоху ранней и поздней бронзы в Восточном и Центральном Казахстане.

Для финального периода к Восточному Казахстану приближается регион Семиречья. В переходный период эта форма погребений для Семиречья эксклюзивна.

Размеры овальных погребальных ям небольшого диаметра в начале бронзовой эпохи увеличиваются к концу периода, а захоронения в них к этому времени почти всегда осуществлены по принципу ингумации. Что касается ориентации, то направление оси северо-восток / юго-запад преобладает над ориентацией восток / запад, главным образом в более поздние периоды.

⁶ Эти дополнительные конструкции погребального назначения более тесно связаны с главными оградками овальной формы чем с четырехугольными.

⁷ Некоторые конструкции квадратного плана распространены на территории между Восточным и Центральным Казахстаном в эпоху ранней бронзы и в переходный период.

В переходный период увеличивается число погребений с ориентацией север / юг. На протяжении бронзового периода наиболее предпочтительной формой погребения остается циста⁸.

Захоронения внутри оградок из расположенных горизонтально плит⁹ в Восточном и Центральном Казахстане остаются того же типа, что в эпоху ранней бронзы.

Количество конструкций из дерева (в Семиречье) и простых ям (в Восточном и Центральном Казахстане) более значительно в эпоху ранней и финальной бронзы. Возможно, в некоторых простых ямах, содержащих некогда конструкции из дерева, они исчезли, как об этом позволяет судить анализ разрозненных останков погребенных (в пустом пространстве, в котором происходило разложение тел).

В эпоху поздней бронзы погребения в деревянных конструкциях по количеству соперничают с погребениями в цистах¹⁰, в то время, как погребения смешанного типа остаются, по-видимому, редкими повсюду в Казахстане. Это зависит от характера конструкций, может быть объяснено нехваткой одного из используемых материалов. Видимой связи между формой ямы и типом погребения¹¹ не существует, кроме некоторых исключений, объясняемых техническими причинами, например для цисты, могильная яма, которой могла иметь особую форму выступа-суфы по стороне.

Устройство некоторых оградок показывает, что могилы могли быть подготовлены и «зарезервированы» заранее. Это касается могил, оставленных пустыми, как в случае со смежными цистами. Этот тип цист не указывает ни на какие супружеские или семейные связи между двумя погребенными индивидами, как это часто объяснялось в публикациях советских исследователей¹², и еще меньше одновременно или преемственностью погребений.

Могилы могли использоваться повторно. В этом случае кости сдвигались в угол ямы или вместилища. К сожалению, ни на фото, ни в отчетах неясно, была ли хотя бы часть скелета сохранена в гробнице, и не исключено, что производилась очистка ямы или вторичные погребения. Обнаружение двух разных краниофациальных блоков в одном детском погребении позволяет считать, что они могли быть результатом очистки одного или нескольких погребений в самом некрополе.

Без сомнения, существовали и кенотафы, но их очень трудно отличить от ограбленных могил или просто ям для приношений, единственным признаком которых остаются их размеры. Однако это не абсолютный критерий, так как малые ямы могли содержать захоронения детей, кости которых не сохранились.

Приношения являются частью существовавшего культа погребенного, который отправлялся в момент захоронения или через какое-то время после похорон. Некоторые оградки содержали больше структур для приношений¹³, чем другие (разница в количестве могла иметь важное значение). Были ли одни погребенные более уважаемыми, чем другие? В действительности, это не так; наоборот, эти оградки должны, скорее, представлять из себя культовые зоны большого масштаба на одном и том же уровне некрополя.

⁸ Этот тип содержимого могил был главным почти повсюду в ареале андроновской культуры [Максименков, 1978].

⁹ Речь идет о плитах, положенных горизонтально плашмя на землю или нагроможденных друг на друга.

¹⁰ На протяжении этого периода указанные территории сближаются, о чем можно судить по количеству цист Центрального Казахстана.

¹¹ Хотя некоторые исследователи пытаются отличить в андроновской культуре конструкции: выполненные из дерева относят к захоронениям женщин и детей, а цисты – к мужским захоронениям [Комарова, 1961; Бобров и Михайлов, 1997].

¹² Ткачев, 1991; Маргулан и др., 1966.

¹³ Среди этих приношений не все связаны с конкретным захоронением могильника.

Положение погребенного на боку, главным образом левом, с сильно согнутыми верхними и нижними конечностями¹⁴ остается в силе для различных изучаемых регионов.

Разная степень скорченности скелетов может быть объяснена смещением костей в свободном пространстве уже после погребения¹⁵. В некоторых случаях очень близкое соприкосновение костей нижних конечностей в скорченном скелете позволяет сделать предположение о том, что они были связаны.

В целом, положение скелетов однородно: нет никаких различий в захоронении мужчин и женщин. Иногда практиковалось положение на правом боку, но никогда – в двойных погребениях¹⁶. Значение положения погребенного на том или другом боку не может быть объяснено, хотя некоторые исследователи связывают правую сторону с небом и светом, а левую – с потусторонним миром и хтоническими силами¹⁷. Другие авторы предлагают считать, что положение погребенных на одном или другом боку может указывать на сезон захоронений, но не уточняют какой¹⁸.

В настоящем исследовании останемся осторожными в суждениях о положении погребенных, так как число положенных на левый бок остается преобладающим, что может указывать скорее на традиционное единообразие.

Что касается краниофациального блока, он по большей части ориентирован на запад, хотя надо принимать во внимание отклонение оси на юго-запад и северо-запад.

Таким образом, погребенный всегда обращен лицом на север, северо-запад или северо-восток. Это различие в ориентации реально не связано ни с конкретным регионом, ни с хронологическим периодом¹⁹, так как расположение скелетов варьирует даже в одном и том же некрополе.

Исследование большинства могильников указывает на то, что существуют ориентации, связанные с направлением течения реки (часто, близко расположенной к местам захоронений). Для некрополей избиралась особая привилегированная местность, очень часто вблизи от водного потока²⁰. Если это действительно было так, то направление вниз или вверх по реке могло играть роль при выборе ориентации захороненных в связи с возрастом и социальным статусом погребенного в самом широком смысле этого понятия. В этнологии есть примеры, которые приводят к размышлению о значимости направления водных потоков. Кеты Сибири²¹ отождествляли реки с женским божеством; «матерью вод». Они рассматривали Енисей, великую сибирскую реку, как «Великую мать», а ее притоки как «матерей» меньшего значения²². У других тюркских и монгольских народов, кажется, также существовало божество воды как объект поклонения, косвенно связанный с небом. Так, китайские анналы сообщают о том, что «во вторую декаду пятого месяца» тюрки собираются у рек, чтобы принести жертву богу неба²³.

¹⁴ Верхние конечности были согнуты под углом в 45°, а кисти рук положены перед лицом. Нижние конечности обычно согнуты под углом 135°, в Центральном Казахстане – преимущественно под углом в 90°.

¹⁵ Различный характер разрозненности костей в свободном пространстве и засорение постоянно отмечаются при исследовании. Более чем вероятно, что большинство могил были снабжены внутренними конструкциями и даже в простых ямах эти конструкции были преимущественно из дерева.

¹⁶ Большая часть погребенных на правом боку обнаружена в могилах переходного периода в Восточном Казахстане и в особенности в карасукской культуре Сибири. В Центральном Казахстане для того же периода отмечено несколько погребений с положением на спине. Они появляются в эпоху поздней бронзы.

¹⁷ Кирюшин и Тишкин, 1997.

¹⁸ Zdanovich, Zdanovich, 2002.

¹⁹ Даже если в Центральном Казахстане юго-западная ориентация связывается с эпохой финальной бронзы.

²⁰ Маргулан и др., 1966; Ткачев, 1991; Ткачева, 1997.

²¹ Jacobson, 1993.

²² Jacobson, 1993.

²³ Roux, 1984.

В ходе наших исследований выявлены некоторые признаки, которые, возможно, подтверждают это предположение. Это – почти везде отмечаемая близость некрополя к реке и вероятное существование ритуального пространства, связанного с культом воды. Если это наблюдение верно, то лицо погребенного могло быть всегда обращено к северным территориям Казахстана в направлении течения великих рек Сибири – Иртыша, Ишима и Тобола, могущественных «Великих матерей», без сомнения, хорошо известных этим древним народам.

В отношении обряда кремации, характерного для рассматриваемых регионов в эпоху бронзы²⁴, археологи считают, что он осуществлялся где-то вне могилы или в специально отведенных местах некрополя²⁵. Второе предположение более вероятно, так как при нашем исследовании не обнаружено никаких признаков, которые могли бы подтвердить мнение тех, кто говорит о сожжении около ямы²⁶.

По данным антропологического исследования²⁷ в Семиречье сожжению, вероятно, подвергались все индивиды без различия возраста или пола²⁸. Это показывает, что практика кремации не распространялась только на элиту или жрецов²⁹. Для объяснения побуждающих причин кремации была выдвинута санитарная гипотеза³⁰, но нет никаких средств ее подтвердить; также следует принять в расчет и другие возможные осмысления³¹. На протяжении различных этапов эпохи бронзы присутствие следов кремации внутри некрополя остается незначительным. Это находится в противоречии с говорящим само за себя значением этого типа обработки трупа в эпоху ранней бронзы. Вместе с остатками кремации в содержимом могилы зафиксированы погребальные приношения (предметы из бронзы и золота, такие как бусины, серьги, браслеты; а также большое число керамических сосудов) и даже наличие мясной пищи, часто в обожженном виде.

Хорошо известны случаи сосуществования в одном погребении ингумации и кремации, но они не столь многочисленны (20). В этом типе захоронений никоим образом нельзя установить были ли они одновременны³². Следует отметить, что большинство этих захоронений относится к периоду поздней бронзы и только три случая подтверждены для самого раннего этапа эпохи бронзы (в некрополе Канай и Малый Кайтас в Восточном Казахстане и в местности Канатас в Центральном Казахстане).

При сборе материалов среди наших образцов выделены примеры детских захоронений, а также примеры сочетания сочетания взрослых и юношеских³³. По этим фактам кремации нельзя сказать, что между инвентарем и полом или возрастом погребенных существует какая-то связь.

²⁴ В степях ритуал кремации доминирует, особенно на юге Урала [Сальников, 1967]. По мере удаления от этой территории на восток и на запад он имеет тенденцию сосуществовать с обрядом ингумации, который становится более распространенным [Максименков, 1978; Усманова, 2005].

²⁵ Горячев, 2001.

²⁶ Маргулан и др., 1966.

²⁷ Bendezu-Sarmiento, 2004 b. По образцам, взятым из некрополей Кулсай, Кызыл Булак и Ой-Джайляу. В общем, почти 19 кг обожженных костей (от 28 индивидов)

²⁸ Случаи кремации детей были отмечены в Центральном Казахстане в некрополе Бугули [Маргулан и др., 1966], в Южной Сибири в некрополе Преображенка 3 [Молодин, 1984], на Енисее в могильнике Соленоозерная I и Мешет-сай [Максименков, 1978].

²⁹ Avanesova, 1995; Ткачев и Ткачева, 1997.

³⁰ Bendezu-Sarmiento, 2004 b.

³¹ Так, есть этнологические примеры у тунгусов Манчжурии: когда один из членов клана внезапно умирал «вдали», проводили сожжение трупа из необходимости перевозить останки на дальнее расстояние, чтобы затем захоронить в могильнике, отведенном для них [Roux, 1984].

³² Bendezu-Sarmiento, 2004b.

³³ Bendezu-Sarmiento, 2004b.

В то же время количество керамических сосудов в яме с кремацией могло указывать на число сожженных индивидов, как это можно заключить по некоторым примерам из Семиречья.

В зависимости от веса в килограммах скопление обожженных костей может занимать в яме разное место: центральное, восточное или западное. Если это учесть в гипотезе об ориентации ямы в сторону реки, то надо констатировать, что скопление обожженных костей как отражение сущности индивида не следовало логике связи с водным потоком. Этот признак, скорее, подкрепляет санитарную гипотезу «неестественной» смерти, которая лишала индивида права на исполнение известных ритуальных действий.

Что касается сопровождающих погребенного украшений, то чаще всего в эпоху бронзы встречаются бронзовые серьги³⁴. Их находят в могилах, начиная с периода ранней бронзы и до переходного периода включительно (главным образом в Восточном Казахстане). В период поздней бронзы наиболее характерны браслеты. Эти предпочтения, вероятно, передают некую общую моду у этих древних народов, как можно судить, по крайней мере, по имеющимся у нас образцам.

Об одежде погребенных можно составить представление лишь по бронзовым булавам, хотя они могли быть также связаны со сложными прическами, которые сооружались с помощью и других бронзовых деталей, как, например, пластинок³⁵.

Такие элементы вооружения, как стрелы с костяными и бронзовыми наконечниками представлены очень слабо, а наконечников копий и кинжалов еще меньше. Наблюдается увеличение количества оружия в могилах в эпоху поздней бронзы, что позволяет некоторым исследователям говорить об усилении военных конфликтов между племенами в это время. Этот признак, однако, не в состоянии подтвердить подобные предположения, так как данный тип археологического материала не имеет большого значения. Это, конечно, не исключает воинственную активность населения, но в обыденной жизни ее пропорция невелика, как можно судить по отмеченному в литературе незначительному числу следов травматизма на костях. Кроме того, не надо забывать, что племена скотоводов занимались еще и охотой, которая играла существенную роль в их хозяйстве.

Бронзовые ножи как принадлежность личной экипировки находят в самом большом количестве в Восточном Казахстане и относятся они к поздним периодам, в то время как зеркала являются исключительно редкими находками. Очень слабо представлены золотые предметы. Весь комплекс этих предметов, за исключением нательных украшений, не имеет в могиле строго определенного места положения³⁶.

Для огромного большинства захоронений характерно наличие керамических сосудов. Они ставились по одному у головы погребенных. Наиболее качественно выполненные экземпляры находят в Центральном Казахстане и Семиречье в захоронениях финального этапа эпохи бронзы. Что касается типов керамики, то отмечена их идентичность независимо как от пола и возраста погребенных, так и от способа погребения: ингумации или кремации³⁷.

Сопровождающая погребенных пища состояла из мяса баранов и лошадей (особенно в Центральном Казахстане) и лучше всего представлена в могилах эпохи бронзы, в которых преобладает баранина. Отмечается пропорциональное увеличение вложений конины и говядины в захоро-

³⁴ Этот вид украшений, типичный для Центрального Казахстана, в эпоху ранней бронзы сближается с тем же типом материала на территории Семиречья позднего и финального этапов эпохи бронзы.

³⁵ Аванесова, 1991; Усманова, 2005; Usmanova, 1998.

³⁶ Здесь налицо отсутствие информации из-за большого числа разграбленных могил.

³⁷ Некоторые археологи пытаются различать погребенных по полу, исходя из типа декора на керамических сосудах [Хлобыстина, 1976].

нениях позднего периода (особенно в Центральном Казахстане). С эпохи финальной бронзы опять увеличивается пропорция вложения мяса овец, а количество говядины и конины значительно сокращается, что, несомненно, связано с новым способом ведения хозяйства кочевниками.

Единичный экземпляр удила и один псалий были найдены в некрополе Измайловка в оградке, датированной переходным периодом. Эти предметы, как кажется, могут указывать на использование лошади для верховой езды и в упряжке.

Отмечаются двойные могилы³⁸. В них погребены взрослые индивиды и дети, есть смешанные. В этом последнем случае, как мужчины, так и женщины сопровождалась детьми. Часто при установленной одновременности погребений в одной яме невозможно сказать, были ли захороненные индивиды связаны брачными узами. Тем не менее, предполагается наличие внутренней социальной организации, основанной на существовании скорее определенного семейного круга в широком смысле этого понятия.

Более редки коллективные погребения³⁹. Это скорее не коллективные, но многозачные захоронения в одну и ту же яму⁴⁰. Именно среди таких могил для переходного периода зафиксированы захоронения умерших насильственной смертью⁴¹. Истинные причины таких смертей остаются непонятными, а число их относительно невелико⁴².

Гробницы знатных персонажей, не скажем богатые захоронения, кажутся отличающимися присутствием в большем количестве сосудов и разнообразием украшений из свернутых листочков золота (серьги, ромбовидные и треугольные плакетки). В одном и том же некрополе существовали захоронения детей более богатые, чем могилы взрослых⁴³. Эти детские погребения усиливают представление о существовании внутри общины элитных семей, более богатых, чем другие ее члены. Таким образом, внутри некрополя сформированы группы погребений, которые без сомнения образуют «иерархизированные» зоны. Эти признаки статусных связей отражают не столько индивидуальные запросы отдельных индивидов, как запросы общества с единой культурой.

В могилах практически нет остатков охры и древесного угля⁴⁴, следовательно, трудно установить характер погребальных ритуалов⁴⁵. Были ли огонь и охра действительно связаны с посмертными обрядами в эпоху бронзы? Возможно, их спорадическое присутствие, особенно охры, могло быть связано с дублением кож, из которых изготавливались детали костюма погребенных.

³⁸ Существует 115 двойных могил, относящихся к эпохе бронзы и переходному периоду.

³⁹ Имеется 16 известных случаев, 8 из которых относятся к эпохе бронзы и 8 к переходному периоду.

⁴⁰ Одна коллективная гробница содержит несколько разновременных захоронений; одна гробница – со многими одновременными захоронениями.

⁴¹ Bendezu-Sarmiento et al, 2008.

⁴² Для примера: Г. Зданович отмечает, что в могильнике Синташта детей почти нет, но количество индивидов, умерших между 18 и 20 годами исключительно высоко (80 % от изученных скелетов). Автор считает это очень важным наблюдением, так как следы насильственной смерти очень редки [Zdanovich, Zdanovich, 2002].

⁴³ Даже если аргументация в поддержку тезиса о социальной иерархии не совсем убедительна, различия на уровне сопровождающих погребенного вложений были ощутимы между отдельными захоронениями одного и того же некрополя эпохи поздней бронзы.

⁴⁴ Охра, гипс, древесный уголь, зола имели явно символическое значение, заменяя огонь, как полагает Н.а. Аванесова [Avanesova, 1995].

⁴⁵ Там, где их присутствие отмечается, они все равно оказываются изолированными, так как сопровождающий их археологический контекст никогда не описывается.

Археологические материалы раннего железного века

Захоронения железного века, отраженные в этом исследовании, на добрую половину происходят из могильников, содержащих также погребения, относящиеся к эпохе бронзы. Среди некрополей этой эпохи редкостью можно назвать те, где могилы относятся к одному хронологическому периоду. Эти особые примеры встречены, главным образом, на территории между Восточным и Центральным Казахстаном. Некрополи раннежелезного века редко превышают 25 погребальных структур (могильники Герасимовка и Курук I в Восточном Казахстане и Тасмола I – в Центральном). Некрополи позднежелезного века более репрезентативны по числу структур, они отмечены в Восточном Казахстане. Количество курганов с комплексами этой эпохи, однако, значительно уменьшилось и самое большое их скопление отмечается в Семиречье, затем следуют Центральный и Восточный Казахстан. По количеству и хронологии самые древние курганы железного века, главным образом, находятся в Восточном и Центральном Казахстане.

Для указанного периода характерны курганы круглой или овальной формы. В среднем их диаметр от 8 до 11 метров, а наибольшая высота - у структур позднего этапа раннего железного века. Они сооружались в основном из земли и камней или только из камней. Чисто земляные курганы очень редки и связаны, как кажется, с ранним железным веком. Не установлено продолжение использования могильников эпохи бронзы для насыпей курганов в раннем железном веке.

В погребальных комплексах этого времени курганы возводились для одного индивидуально захоронения. Таким образом, ямы вокруг главного (в центре) погребения немногочисленны и в эпоху раннего железного века обнаруживаются, главным образом, в Восточном Казахстане. В каждом отдельном случае надо быть осторожным в определении синхронности захоронений в одном и том же кургане, так как второстепенные ямы могут быть устроены позднее главного погребения. Опыт показывает, насколько трудно бывает отличить даже при очень скрупулезных раскопках, под земляным или каменным холмом ямы синхронные от более поздних⁴⁶.

Ямы квадратного плана практически не существуют, речь может идти скорее о прямоугольных. Их размеры значительнее, чем в эпоху бронзы и они более глубокие. Ямы овального очертания относительно более многочисленны, чем в предыдущую эпоху, самые большие фиксируются в Центральном и Восточном Казахстане. В Семиречье, как и в эпоху бронзы, отмечаются ямы малых размеров, совсем неглубоких. Связаны ли эти параметры ям с особенностью погребального обряда или с геологией грунта? Очень трудно сказать что-либо на этот счет.

Что касается ориентации погребений, преобладают направления северо-запад / юго-восток и север / юг, особенно для более древнего периода (в Восточном Казахстане). На позднем этапе раннего железного века направления становятся более вариантными с преобладанием ориентации северо-восток / юго-запад (в Центральном Казахстане). Ориентация по оси восток-запад сближает Восточный Казахстан с Семиречьем.

Наиболее распространенный способ погребения – положение умершего в каменный или деревянный ящик. Гробовины из дерева особенно ярко представлены в Восточном Казахстане. В наших образцах это три уникальных саркофага.

Положение тел подчинено одному принципу: покойный лежит на спине с вытянутыми конечностями, руки часто приподняты, но это не является всеобщим правилом. Ориентация кра-

⁴⁶ Bendezu-Sarmiento et al, 2006.

ниофациального блока варьирует с преобладанием направления на север и северо-запад⁴⁷. На позднем этапе раннего железного века увеличивается число индивидов с положением головы на запад, но это направление не является приоритетным, как часто подчеркивают исследователи⁴⁸. Эти две главные ориентации погребений отмечаются для того же периода и на Алтае. Некоторые исследователи полагают, что в этом регионе положение тел и головы погребенных могло быть связанным с «восходящим солнцем», что, возможно, должно указывать на сезоны зимы и весны, когда было осуществлено большинство захоронений⁴⁹. Этнологические аналогии показывают, что у тюрков и монголов дата похорон избиралась в зависимости от биологического растительного цикла, что чаще всего совпадает с последним днем луны, и таким образом служит гарантией воскрешения, а также связана с летним солнцестоянием⁵⁰. Неоспоримо также то обстоятельство, что надо было соотноситься с климатологическими условиями, такими как состояние почвы: она слишком твердая зимой, чтобы копать могилу в это время.

Однако могут быть и другие объяснения, так как ориентация краниофациального блока может быть также связана с расположением большой горы. Этнографические примеры показывают, что существуют ассоциации с божеством, как у кетов Сибири или у других тюркских и монгольских народов, у которых горы символизируют (своими лесными зонами, своей недоступностью и таинственностью) место соприкосновения земли с небесами, рассматриваемое как центр Вселенной⁵¹. Можно также думать, что ориентация погребений могла быть у некоторых группировок кочевников в самом общем смысле связанной с направлением к тем территориям, которые умерший и его род занимали или пересекали при жизни.

В могильниках раннего железного века из материала, сопровождавшего погребенных, следует особенно отметить бусы⁵², а в более поздний период появляются зеркала. Оружие (стрелы) более многочисленны, чем в эпоху бронзы. Наконечники стрел и удила из бронзы характеризуют ранний железный век Восточного и Центрального Казахстана, в то же время для позднего периода Центрального Казахстана шире представлены железные ножи, а также бронзовые зеркала и каменный инвентарь (курильницы и оселки)⁵³, золотые предметы столь же редки, как и в эпоху бронзы, и в каждом погребении зафиксировано по одному керамическому сосуду. В качестве мясной пищи в могилу клали исключительно части туши баранов и коней. В эпоху раннего железа эти вложения не очень многочисленны, и указанный состав мясной пищи чаще всего находят в могилах между Восточным и Центральным Казахстаном. Для позднего этапа раннего железного века число могил с вложением заупокойной пищи из баранины исключительно, смешение ее с мясом лошадей сближает Восточный Казахстан с Семиречьем, а могилы только с мясом коня ха-

⁴⁷ Северная ориентация в эпоху раннего железа, как кажется, сближает Восточный Казахстан с центральными регионами.

⁴⁸ Маргулан и др., 1966; Акишев и Кушаев, 1963.

⁴⁹ Кирюшин и Тишкин, 1997.

⁵⁰ Roux, 1984. Согласно китайским анналам примерно 581 г. н. э., у тюрков «... если человек умирает весной или летом, чтобы его похоронить ждут, когда листья на деревьях пожелтеют и начнут опадать. Если же он умер осенью или зимой, ждут, когда листья распустятся, и растения зацветут» [Roux, 1984].

⁵¹ Roux, 1984. Кажется невозможным, что бы какой-либо тюркский или монгольский народ существовал без священной горы, но некоторые горы приобрели особую известность, универсальную репутацию. «... священные горы будут сохранены и в монгольском буддизме вместе с культом, который их окружал и молитвами, которые были к ним обращены, образуя вместе с небом и землей настоящую троицу» [Roux, 1984].

⁵² Этот тип украшения сближает в железном веке центральную территорию с Семиречьем.

⁵³ Бронзовые и костяные наконечники стрел также характерны для гробниц Восточного и Центрального Казахстана для всего позднего периода.

рактельны для Восточного и Центрального Казахстана. Эти же тенденции обнаруживаются для всего железного века.

Расположение комплекса предметов при погребенном определить невозможно из-за большого числа разграбленных могил. Однако видно, что оружие (стрелы) часто находится у левого бока индивида, а кинжалы или ножи положены с правой стороны.

Итак, могильники, сами захоронения и древнейший археологический материал очень незначительны. Тем не менее, это можно объяснить не их практическим отсутствием, но реальной нехваткой изученных артефактов, так как все существующие некрополи никогда не были по настоящему объектом исчерпывающего изучения. Это обстоятельство, однако, само по себе не может оправдывать реальный минимум погребальных структур в этот период. Тем более, что при этом говорят о демографическом росте. Речь может идти об ограниченности палеодемографического сравнительного анализа относительно хоть и малого числа погребений, относящихся к этому хронологическому периоду.

Даже если допустить, что все могилы раннего железного века были бы изучены, число курганов на могильниках остается пропорционально незначительным, что позволяет предположить наряду с погребениями в земле наличие других способов захоронения. Стоит, может быть, вообразить ритуал, следуя которому тела были бы оставлены в лесу, на реке или вообще на природе?

Антропологические данные

Изученный комплекс включает останки 346 индивидов, из которых 218 – взрослые и 128 – субъекты юношеского возраста. К сожалению, эти цифры не означают, что исследовались цельные скелеты, так как значительное количество костного материала относится к разрозненным костякам, что в целом ограничивает антропологическое исследование. Археологически установлено, что большая часть могил подверглась разграблению, в результате лишь ограниченное число остеологических образцов осталось на месте.

Остеологические наблюдения, опиравшиеся на некоторые признаки, позволили уточнить характер первичной стадии захоронения (принесение трупа в «свежем» состоянии на место его окончательного упокоения). Другой случай, – когда второстепенные могилы (двухразовые или многоразовые захоронения), не могли быть наглядно показаны. Но, однако, можно признать, что такой тип гробниц существовал: так, есть могила, в которой четко зафиксировано внутреннее перемещение останков. Так что при распознавании могилы как вторичной следует иметь в виду, что тела могли быть нарушены и размеры их сокращены *in situ* на месте, так как надо было освободить место в гробнице для следующего захоронения. Никакие указания на этот счет, однако, не обнаруживаются за отсутствием соответствующей документации, напротив, результаты наблюдений склоняют к признанию факта множественных захоронений в одну могилу, которые, впрочем, никогда не превышали четырех индивидов. Этот факт, однако, остается не бесспорным для всех интерпретаций, но одновременность всех погребений представляется наиболее приемлемой гипотезой.

Что касается возрастных групп, то, судя по погребениям некрополей, новорожденные почти никогда не имели собственных погребальных структур. Чаще всего их погребения находились вокруг главного захоронения вместе с могилами взрослых (мужчин и женщин) или других детей более старшего возраста.

Дети около 3-х лет, как кажется, пользовались уже некоторым признанием, так как начиная с этого возраста, «имели право» на собственные могильные сооружения с оградками, чаще всего на периферии (добавленная структура).

Подобная закономерность обретает свои подлинные размеры для детей старше 8 лет. Это указывает на то, что индивид незрелого возраста, имеющий собственную погребальную структуру, соответствующий сопровождающий материал, перешел в ту возрастную категорию, которая давала право на индивидуальную гробницу.

Третья группа – дети 8–9 и 10–15 лет, имеющие собственные погребальные ограды.

Среди некоторых древних исторических культур зафиксирована практика человеческих жертвоприношений. В тех случаях, когда детские погребения сопровождают захоронения взрослых, иногда возникает вопрос, не было ли это практикой приношения в жертву детей, особенно младенцев? Трудно сказать, но вопрос остается, хотя никаких серьезных указаний на этот счет не существует. Среди изученных индивидов младенческого возраста не обнаружено никаких следов насильственной смерти⁵⁴. При этом следует отметить, что в наших образцах очень слабо представлены случаи младенческих погребений. Тем не менее, они хорошо зафиксированы для эпохи бронзы, хотя остаются очень слабо представленными в противовес существующей идее о значительной смертности среди малолетнего населения. Напротив, малолетние индивиды раннего железного века недостаточно представлены, и, кажется, это не связано единственно с проблемой образцов, но с реальной малочисленностью детских захоронений, как в главных ямах, так и в удаленных от центра курганов погребениях. Это наблюдение показывает, что, исходя из всего набора образцов погребенных, приоритет в железном веке – за захоронениями взрослых. Некоторые исследователи, как Н. Боковенко, полагают, что детские погребения осуществлялись в пространстве между курганами.

Среди индикаторов стресса, надо выделить гипоплазию зубной эмали, определяющую уровень жизни и биологического стресса. Количество индивидов с гипоплазией зубной эмали (для большей их части слабо замеченное), касается в основном индивидов из погребений железного века (44 индивида – 27,5 %). Это, как кажется, должно было быть наиболее выраженным недостатком для данного периода, но трудно настаивать категорично ввиду малочисленности образцов. По сравнению с общим числом изученных индивидов (51) этот недостаток кажется ограниченным, так как гипоплазия отмечается довольно редко.

Патологии как таковой почти не было; в отношении зубов это лишь редкие случаи слабой стертости зубной поверхности и отложения зубного камня⁵⁵. Случаи *Cribra orbitalia* (слабо выраженной) представлены лишь на трех примерах, датированных эпохой бронзы⁵⁶. При том, анализ

⁵⁴ Надо отметить также, что термин «жертвоприношение» остается спорным, т. к. исследователи, интересующиеся этим вопросом, указывают на отсутствие источников – древних или этнологических, которые бы позволили принять во внимание религиозный аспект объяснения этого явления. То, что люди могли убивать себя или быть убитыми ради кого-то другого, даже если он уже мертв, наверное, свидетельствует о существовании некоей социальной связи между ними и этим другим. Это – та связь, которая нас занимает. Мы знаем о ней лишь по некоторым хорошо документированным этнологическим примерам; большинство исторических источников дают на этот счет уклончивые сведения или же навязывают свои собственные предположения; об огромном большинстве случаев, среди которых мы берем только те, что известны из археологии. И мы можем сказать, что «мы не знаем, или почти мы не знаем ничего» [Testart, 2004].

⁵⁵ Изучению были подвергнуты 46 индивидов.

⁵⁶ Были изучены почти 200 индивидов. Последние исследования показали, что эти проявления стресса не были только анемического происхождения, но могли быть связаны с другими факторами, в том числе посмертным тафономическим явлением [Wapler et Shultz, 1996].

проявлений патологии и некоторых индикаторов стресса показал при определенном пропорциональном соотношении этих случаев к числу образцов, что древнее население вело здоровый образ жизни, соблюдая правила общей гигиены⁵⁷.

Минимально число следов травматизма и насилия, так же как и число переломов⁵⁸. Эти наблюдения не подлежат никакому комментарию, особенно, когда знаешь, что переломы могут происходить от несчастных случаев⁵⁹. Одни только травмы черепов (речь идет об эпохе перехода от финальной бронзы к раннему железному веку), вероятно, свидетельствуют об актах физической агрессии⁶⁰. Говоря об агрессии, вспомним, что она могла быть случайной или преднамеренной. Женщин (а может быть, и детей) также не щадили. Эти признаки заставляют вспомнить старые гипотезы о принесении в жертву (жертвенности) «жены» после смерти «мужа», о чем, кажется, свидетельствуют некоторые тагарские гробницы следующего периода⁶¹. В этом вопросе надо быть осторожным, так как трудно предложить какую-то достоверную гипотезу.

Что касается вторичных следов на костях, то они, прежде всего, указывают на разграбления могил, которые могли иметь место почти сразу после погребения. В отношении могильника Синташта Г. Зданович теоретически выделяет две стадии погребения тел: первая – положение в могилу и последующее разложение – связана с идеей о «доме мертвых»; вторая – поздняя и более абстрактная, когда «умерший превращается в предка». Именно в начале этой второй стадии гробницы бывают расхищены в ритуальных целях вполне законно⁶². Е. Кузьмина находит в Семиречье и Киргизии тайники оружия и других предметов эпохи бронзы⁶³. Почему не предположить, что могилы могли быть вскрытыми для выборки оружия (топоры, ножи) во время военных конфликтов. Вместо того чтобы говорить о простом воровстве, можно представить себе и идею о вынужденном расхищении⁶⁴.

Кроме того, существуют манипуляции с очищением костей от плоти и это отмечается, начиная с переходного периода. Может ли идти речь о практике, связанной с мумификацией тел, как это известно для следующего периода, т. е. железного века? Эта связь реально не установлена, но вероятна. Примеры таких действий в бронзовом веке остаются единичными. Единственный известный случай практики расчленения в мире степей происходит из могильника Бустан, где «фрагменты тела умершего в виде обрезанных костей» свидетельствуют о расчленении тел, как мужчин, так и женщин⁶⁵. Исследователь считает, что здесь открыт культ, связанный с человеческой жертвой искупительного характера, исходя из объяснения «признательности» мертвому, выраженной в структуре с дополнительными приношениями (кенотафы, содержащие охру и мел). Эти предположения основаны на привлечении сведений авестийских текстов или рели-

⁵⁷ Bendezu-Sarmiento et al., 2007.

⁵⁸ При изучении 240 индивидов взрослых и детей выявлено только 5 доказанных случаев переломов.

⁵⁹ Эти кочевые народы большую часть жизни проводили на спине лошади, ездили верхом. Несчастные случаи не должны были быть редкостью.

⁶⁰ Случаи жертвоприношений или казней доказаны для железного века у народов Синьцзяня [Francfort et al., 2001]. В Монголии в одном парном хуннском погребении (мужчины и женщины) выявлены некоторые признаки (отсутствие подъязычной кости на ее анатомическом месте и обнаружение ее в другом месте – среди мясных приношений), позволяющие предположить, что женщина могла быть принесена в жертву [Murail et al., 2000].

⁶¹ Bokovenko, 1996.

⁶² Batanina et al., 2010; Zdanovich, Zdanovich, 2002; 2010.

⁶³ Кузьмина, 1965.

⁶⁴ Bendezu-Sarmiento et Grizeud, 2011.

⁶⁵ Avanesova, 1995.

гиозных гимнов, которые сообщают об обычае очищения костей⁶⁶ и которые показывают, что, согласно зороастрийских норм, тела выставлялись для очищения от плоти собаками и грифами, после чего кости погребались⁶⁷.

В железном веке подобные примеры более многочисленны, особенно в период, близкий к переходному в тагарской культуре⁶⁸. В связи с этим, как сообщается в очередной раз, выдвинута гипотеза о члене рода, умершем «далеко» и мумификации тела для того, чтобы перевезти его до места упокоения⁶⁹.

Другие манипуляции с трупами отмечены в этнографической литературе об алтайских народах. Так, у юкагиров расчлняют тело умершего шамана, распределяя высушенную плоть и кости, используемые как талисманы. Иные, например чукчи – пастухи оленей, открывали грудь и живот умершего с целью определить причину смерти, исследуя внутренности. Эскимосы вскрывали тела, чтобы извлечь больные ткани и органы⁷⁰. По традиции тибето-непальского буддизма, после ночи похоронного бдения труп расчлняли холодным оружием и разрезали на куски, которые разбрасывали как корм хищным птицам⁷¹.

Как и в этнологических примерах с Алтая, в отношении индивидов изученных образцов, у которых отмечены следы подобных вторичных действий, могли отправлять установленные обряды не единого установленного типа, но, вероятно, признавали их разнообразие.

Что касается показателей измерения черепов, то, хотя их описания отражают достаточную картину однородности населения, индивидуальный анализ черепных костей показывает значительные различия. Наши результаты сравнимы с полученными советскими коллегами. Для комплекса эпохи бронзы анализ подтверждает вывод о морфологическом континуитете населения, начиная, по крайней мере, от эпохи бронзы и железного века⁷².

На протяжении переходного периода и, особенно, в раннем железном веке не было больших морфологических колебаний, но имели место лишь минимальные изменения. Эта склонность к переменам должна бы, без сомнения, объясняться внутренней вековой эволюцией, а не вкладом, принесенным извне. Таким образом, на протяжении всех периодов времени, которое охватывает наш комплекс, в изученных регионах, происходили эволюционные «эндогенные» изменения с некоторым воздействием извне, которое, однако, не кажется слишком значительным. Но эта генетическая однородность не влечет за собой общности культуры, так как последняя может формироваться на базе компонентов очень разного происхождения. Таким образом, биологическая антропология не дает ничего убедительного, что позволило бы выделить группы населения, которые можно было бы связать с определенными комплексами археологического материала и погребальных обрядов.

⁶⁶ Воусе, 1975; 1982.

⁶⁷ Согласно священных текстов Зенд-Авесты, труп считается исключительно нечистой субстанцией, и нельзя осквернять и вещи, принадлежащие к «доброму творению», присутствием в окончательной могиле тела в разложившемся виде. Отсюда обычай выставлять тело умершего в отдалении, в местах, часто посещаемых плотоядными животными, грифами, чистильщиками, которые тотчас избавят умершего от разлагающейся плоти – прибежища демонической заразы [Thomas, 2000].

⁶⁸ Bokovenko, 1996.

⁶⁹ Kouzmine, 1994.

⁷⁰ Kouzmine, 1994.

⁷¹ Roux, 1963.

⁷² Алексеев и Гохман, 1984; Chikisheva, Pozdnyakov, 2003; Гинзбург, Трофимова, 1972. Анализ главных компонентов (АГК) подтверждает эту гипотезу, как для предшествующих периодов, так и для более древних и более поздних периодов.

Следует отметить, что среди изученного нами населения конца эпохи бронзы не выявлено присутствия морфологических признаков монголоидности. Однако проблема остается, и весьма вероятно, такие признаки были, так как у населения изучаемых регионов в раннем железном веке монголоидная примесь ярко выражена. И особенно это касается древних племен Алтая, как можно судить по результатам последних исследований ДНК⁷³.

Наряду с замечаниями о краниофациальных блоках были уточнены показатели полового диморфизма, особенно благодаря признакам, определяющим крепость костей скелета. К этому следует добавить разницу в росте мужчин и женщин у популяций трех регионов.

Эти результаты показывают, что в эпоху бронзы индивиды в Семиречье были более высокого роста, чем в Восточном Казахстане⁷⁴, а для раннего железного века индивиды в Восточном Казахстане⁷⁵ оказались более высокими по сравнению с теми же из Центрального Казахстана и региона Семиречья. Что касается женщин этого последнего периода, то самые высокие среди них оказались в Семиречье, за этой областью следует Центральный Казахстан и затем восточный регион.

В итоге надо подчеркнуть, что большая часть расовых классификаций советских ученых разработана на морфологическом исследовании черепных обмерных показателей, число которых по Казахстану в целом остается для этих периодов ограниченным (чуть больше 200 индивидов). Какое преимущество в этом случае могут дать антропологические критерии при столь малом числе изученных черепов? Понятие «раса» остается слишком расплывчатым и в настоящее время больше не применяется.

Несколько итоговых определений

Некрополи не имеют убедительной датировки и сомнения вызывает отнесение к одному или разным хронологическим периодам различных погребальных структур внутри одного и того же могильника. К этому надо добавить проблему некрополей, изученных в полном объеме, но их количество минимально (в комплексе наших образцов это 12 известных случаев). Эти замечания рождают ряд вопросов в отношении опубликованного ранее материала. Так, например, имеем ли мы дело со структурами того или иного периода или это простое наслаивание погребальных конструкций одна на другую в рамках исторического и хронологического континуитета⁷⁶. Даже если эта гипотеза кажется применимой для самых ранних периодов эпохи бронзы, она не подходит для более позднего времени, и особенно, для переходного периода и раннежелезного века. В этот период истории появляется кочевнический образ жизни пастухов-скотоводов, передвигавшихся верхом на лошадях. В погребальных ритуалах же отмечается качественное изменение, но очень трудно улавливается момент, с которого у этих народов начинает широко распространяться способ погребения тел вытянуто на спине. Спорадически он появляется уже в эпоху поздней бронзы, но в следующий период не отмечается никакого расширения подобной практики. И только начиная с переходного периода и исключительно в Центральном Казахстане (еще раз отметим, что эти погребения немногочисленны), эта тенденция проявляется все явственнее, а в раннем железном веке становится господствующей. Но с какой точки можно с уверенностью начать отчет этих исторических перемен, выраженных в изменении погребальных обрядов? И с какого

⁷³ Clisson et al., 2000; Воевода и др., 2000; Ricaut et al., 2004.

⁷⁴ Рост (для обоих полов) в среднем от 1,53 до 1,66 м.

⁷⁵ Рост (для обоих полов) в среднем от 1,53 до 1,67 м.

⁷⁶ Ахинджанов и др., 1987; Черников, 1960; Маргулан и др., 1966.

момента типологические характеристики археологического материала (керамики, бронзовых орудий, украшений, оружия...) станут оценочным критерием в поддержку этих изменений?

И далее на протяжении всех затронутых хронологических периодов в трех изученных регионах погребальные обряды остаются однородными. Суть этих обрядов, представляющих собой материальное воплощение религиозных идей, в основном невозможно постичь. Однако мы знаем, что различное устройство могил может, тем не менее, отражать одни и те же культовые представления, и наоборот, могилы схожего типа становятся результатом различных верований.

Погребальные действия каждое со своими особенностями (разной ориентацией, погребальными приношениями, расположением структур и т.д.) могут осуществляться в рамках одного могильника. Видимо, для объяснения этих погребальных действий, особенно для эпохи бронзы, не следует искать аргументов в широком региональном масштабе, причина скорее локального характера. Е. Кузьмина уже отметила эти локальные и региональные варианты, которые, как ей кажется, отражают присутствие различных групп населения. Тем не менее, она резонно замечает, что эти группы вскоре освоят такие схожие культурные черты, как керамика, украшения, орнамент и пр.⁷⁷.

Проявившаяся однородность в типах погребений в Казахстане в эпоху бронзы и железа, как кажется, передает «стабильную» культурную идентичность. Однако эта однородность не мешает заметить эволюцию погребальных обрядов внутри одного и того же могильника. Выявленные погребальные действия еще не определяют характер породивших их идеологических представлений. Одни действия лишь практического свойства, другие же, без сомнения, имели символическую нагрузку в зависимости от их контекста. Для третьих – еще невозможно найти объяснение. Таким образом, хотя характер манипуляций при захоронении тел (положение, ориентация) у населения, с которым мы имеем дело, не зависел от пола и возраста погребенного, нет и других признаков, которые бы указывали на его особый статус. Приношения, вложенные в могилу, характеризующие умершего, своим качеством, количеством и расположением предметов в пространстве могилы, являются для нас своего рода социальным посланием.

В целом, социальная иерархия для эпохи бронзы (кроме переходного периода)⁷⁸ не может быть установлена⁷⁹. В железном же веке, напротив, как показывают исследования, иерархическая система ярко проступает и доказывается фактами. Социальное положение умершего характеризуется как присутствием или отсутствием некоторого количества особых предметов, так и величиной кургана⁸⁰. Однако, оставив в стороне величину курганов, мы должны констатировать, что наличие социальной иерархии у кочевников раннего железного века остается откры-

⁷⁷ Кузьмина, 1994; Kuz'mina 1994; 2007. Для некоторых исследователей речь должна идти о «сущностях, независимо появившихся внутри обширной сферы взаимодействия, которое породит все эти черты сходства» [Mallory, 1997, 1998].

⁷⁸ На протяжении этого периода, как показывает изучение мавзолеев могильника Дандыбай [Маргулан, 1998] и Тагискен в дельте Сырдарьи [Толстов, Итина, 1962; Вишневская, 1973], появляются вожди племен. Эти гробницы свидетельствуют об очевидном культурном сходстве [Askarov et al., 1992; Itina, 1989], о появлении частной собственности и клана [Askarov et al., 1992] и иерархизированной элиты [Abetokov, Yusupov, 1996].

⁷⁹ Без сомнения, кроме могильника Синташта начала бронзового века, где элита четко заявляет о себе [Zdanovich, Zdanovich, 2002; 2010].

⁸⁰ Громадные погребальные структуры должны вмещать тела основателей семьи или потомственной линии. Классификации исследователей всегда содержат разделение общества на три категории: богатые, средние и бедные [Киселев, 1951; Руденко, 1960]. Исследователи даже попытались подразделить эти три группы на «ранги» (до девяти), исходя из различных критериев подхода к погребальным манипуляциям [Марсадалов, 1997].

тым вопросом⁸¹, особенно, когда мы знаем, что большинство населения относилось к простому и «бедному» классу⁸².

Что касается появления кочевничества как способа ведения хозяйства, то ни в советской, ни в западной литературе невозможно найти достоверных аргументов, которые бы это подтвердили. Прежде всего говорится о климатическом факторе, который в степях является причиной миграции, спровоцированной «демографическим прессингом»⁸³. Е. Кузьмина⁸⁴ противоречит сама себе, когда утверждает, что истощение выпасов вокруг андроновских поселений вынуждало жителей через 20–25 лет переселяться на 12 км в поисках богатых пастбищ⁸⁵. Сказанное, казалось бы, должно объяснять малое число в некрополях могильных оградок, синхронных и принадлежащих умершим одного поколения. Она допускает существование даже малых могильников. Где же тогда были похоронены «излишки» населения, обязанные своим числом демографическому взрыву?

Для объяснения кочевничества в литературе по-разному «дозировано» количество побуждающих к этому факторов, таких как изменение окружающей среды, демографический рост, развитие технологий. Тем не менее, как считает А.П. Франкфор⁸⁶, сегодня ничто не указывает на изменение климата во II тысячелетии до н. э., и «демографический бум» остается метафизическим безосновательным объяснением, так как никакие реальные признаки ни археологического, ни демографического порядка (исходя из расчета количества могил в некрополях), не подтверждают эту гипотезу. Даже в Центральном Казахстане, где количество могильников наиболее значительно, число могил в них минимально. К этому надо добавить, что так называемое увеличение в стаде количества овец в раннем железном веке отнюдь не является оценочным критерием, так как оно лишь ненамного больше (судя по пище в могильниках), чем в эпоху бронзы. Кроме того, надо сказать, что баран – животное, которое лучше всего адаптируется к географическим и климатическим условиям степей⁸⁷. Его более широкое присутствие на этих территориях по сравнению с лошадей и крупным рогатым скотом может иметь объяснение исключительно гео-климатическое.

Эти замечания имеют относительное значение в том случае, когда известно, что степи Казахстана остаются основной зоной развития андроновской культуры⁸⁸.

Термин «кочевническая» культура включает в себя ряд понятий. Это – большая активность, особый образ жизни и хозяйства скотоводов, конных воинов и превосходных металлургов. В этом случае может быть оправданным говорить в отношении погребальных обрядов об однородности или самобытности, местных особенностях степных культур, выраженных в их социальной организации, их идеологии и художественном творчестве.

В региональном плане различия очень ощутимы и могут быть объяснены самой историей появления кочевнического хозяйства и различными факторами, которые благоприятствовали его

⁸¹ Марсадолов, 1997.

⁸² Тишкин, 1997.

⁸³ Кузьмина, 1994. Номадизм будет воспринят как форма хозяйства и очень быстро распространится по всем евразийским степям [Кузьмина, 1994].

⁸⁴ Kuz'mina 1994.

⁸⁵ В рамках территориальной «экспансии» лошадь как средство транспорта будет играть основную роль [Anthony, 1986].

⁸⁶ Francfort, 1989. На базе исследования древней окружающей среды Н. Бриссом и П. Жантелем (цит. по А.П. Франкфору).

⁸⁷ Khazanov, 1994.

⁸⁸ Черников, 1960; Shishlina, Niebert, 1998.

функционированию. Речь идет, главным образом, о географических факторах (степь, долины евразийских гор), экономических (наиболее рациональное задействие степей для развития скотоводства и орошаемого земледелия, увеличение добычи минерального сырья и прогресс в металлургии, новшества в области транспортных средств, особенно передвижение на лошадях), этнических, идеологических и социальных. К этому надо добавить существование историко-культурного единства скифо-сибирско-сакского мира, связанного территориальной близостью различных зон, родством социо-экономических систем, регулярными торговыми, политическими и культурными контактами вдоль степей. Эта общность культуры и менталитета существовала не только внутри общества кочевников, но и распространялась на зоны взаимодействия кочевников с оседлыми народами. Так, А. Акишев отмечает, что параллельное археологическое исследование памятников кочевых племен и оседлого населения в Казахстане показывает существование тесных связей в процессе поступательного развития как земледельческого хозяйства, так и пасторальной экономики. Оно стимулировано взаимовлиянием этих форм, при котором оба типа культур взаимно обогащались⁸⁹.

У этих кочевых народов вопрос территорий остается открытым, хотя территориальные разделы были приняты⁹⁰. Но были ли их границы четко определены и административно оформлены? Сегодня трудно проследить границы земель этих кочевников, даже если очевидно, что эти народы должны были перемещаться между пастбищами, следуя определенному маршруту, без сомнения, связанному с водными источниками⁹¹. Этот путь никоим образом не отражен в организации погребального пространства. Тем не менее, один и тот же некрополь должен был вмещать погребения кочевников разных групп, но, без сомнения, имеющих связи в рамках семейных кланов, отраженные, например, в ориентации положения тел и головы погребенного. Очень часто в литературе упоминаются конфликты, вероятно, существовавшие внутри кочевого мира из-за территорий, или конфронтации с оседлым населением. Следует уточнить, что среди имеющегося у нас остеологического материала, относящегося к железному веку, нет следов внутренних повреждений. Это – любопытный факт, ведь саки, как видно по древним текстам, считались прекрасными воинами, очень меткими лучниками, пешими и конными, и даже женщины принимали участие в военных действиях⁹². Существует ли сохраняемая пропорция между умершими от разных причин и дефицит погибших в сражении или их тела обрабатывались как-то иначе? Возникает определенная проблема, связанная с малым числом курганов, относящихся к раннему железному веку. Можно ли предположить в качестве гипотезы, что тела некоторых индивидов (почему бы ни тех, погибших в сражении) подвергали обработке, связанной с разновидностью древнего анимизма, т. е. избавлением от трупа, возвратив его в природную среду? Иначе говоря, умершего могли бросить в воду (озеро, пруд, реку) с высокого прибрежного обрыва или просто оставить под открытым небом. Этнографические примеры подобных обычаев известны (но не

⁸⁹ Акишев, 1978.

⁹⁰ Геродот (IV. 62, 66) сообщает в двух местах о том, что скифская территория была разделена на «номы» под управлением «номарха».

⁹¹ Гийом Рубрук, посланный Людовиком Святым в 1253 г. с целью войти в контакт с Великим Ханом, пишет, что у монголов середины XIII в. «каждый начальник, имеет ли он много или мало людей в своем подчинении, знает границы этих пастбищ, он знает, где надо пасти скот зимой и летом, весной и осенью. Зимой они спускаются в более теплые районы на юг, летом поднимаются к районам более прохладным, на север. Зимой, когда идет снег, пастбища у них без источника воды, так как снег заменяет ее» (пер. С.-С и Р Каплер по W. Rockhill, 1900).

⁹² Litvinskij, 1998.

среди воинской элиты) у тюрков и монголов. Известны случаи, когда труп оставляли на короткое или длительное время на деревьях, которые воспринимались «как место ... благословенных душ». Этот обычай отвечал многим требованиям, одно из них – сохранить тело до того момента, когда, согласно ритуалу, похороны смогут быть выполнены. Таким образом, это было также приобщение умершего к тайне «биологического и растительного цикла», приближением его к небу⁹³. Другие ритуалы показывают, что труп укрепляли на дереве (иногда эти деревья заменялись деревянными помостами и высокими шестами) на горе и оставляли на три года, затем кости собирали и сжигали. Эти обычаи еще практиковались в период между XIV и XIX веками⁹⁴. В иных случаях трупы оставляли, чтобы животные – грызуны и хищники степей очищали от плоти кости, которые затем погребались⁹⁵. В большинстве этих случаев констатация погребения костных останков не всегда подтверждается⁹⁶.

Если среди древнего кочевого населения Казахстана были распространены подобные разнообразные погребальные обычаи, шансы найти захороненные тела на сегодня практически мизерны. В некрополях существовали определенные ритуальные пространства и очень вероятно, как это видно на могильнике Шапай (в Центральном Казахстане), места, отведенные для ям, которые содержали погребальные приношения, но не были кенотафами. В этом конкретном случае можно вспомнить гипотезу о культе воды – культе «божественного источника». В железном веке при отсутствии места, специально предназначенного для отправления культа, некрополи должны были быть более чем просто местом захоронения. Сложная структура больших курганов, разработанный погребальный ритуал, отраженный в них, показывают, что курган был местом своеобразного театра, «спектакли» в котором выражали религиозные и космологические представления населения. С определенной точки зрения курган мог выполнять для кочевников роль культового сооружения. Эта мысль может найти подтверждающие аргументы в последних раскопках кургана Байрам в Западной Монголии (22 м в диаметре), громадный массив которого, датированный поздним этапом раннего железного века (450–400 гг. до н. э.), не содержал погребения, но зато более – 400 археологических артефактов. Дэвис-Кимбл сообщает об одном кургане, возможно, первом среди крупных сооружений саков⁹⁷, который был построен в целях чисто вотивных, религиозных.

Принимая во внимание изложенные подходы к материалу эпохи бронзы и железного века, мы в последней части этой работы остановимся на двух вопросах, касающихся проблемы «миграции». Первый касается взаимосвязей трех изученных регионов, устанавливаемых на основе анализа погребальных обрядов и археологического материала. Более детальное изучение некоторых религиозных обрядов и археологического материала, извлеченного из погребений, позволяет заметить, что в разные периоды некоторые регионы Казахстана были в этом плане очень близки друг другу.

Второй – связан с индоевропейской, точнее, индоиранской проблемой, рассмотренной на нескольких конкретных примерах. В эпоху ранней бронзы такие признаки, как форма могильных ям и ориентация погребений локальны для каждого из главных регионов (Центрального и Восточного Казахстана), в то время как содержимое могилы и круглый внешний план гробницы

⁹³ Roux, 1984.

⁹⁴ Roux, 1963; 1984.

⁹⁵ Roux, 1963.

⁹⁶ Roux, 1963.

⁹⁷ Davis-Kimball, 2000.

сближают эти два региона. В то же время материалы и погребальные приношения в этих двух регионах абсолютно самобытны (рис. 1-2)⁹⁸.

Судя по погребальным сооружениям эпохи поздней бронзы (рис. 1), существовали местные особенности, и Центральный Казахстан сближается с двумя другими регионами в уравновешенной пропорции.

По археологическому материалу, в том числе бусам, есть много общего у регионов Центрального Казахстана и Семиречья, в то время как характер мясной пищи в могилах первого региона остается своим собственным (рис. 2).

В эпоху финальной бронзы содержание могил типа цист и дополнительные могильные структуры вводят Центральный Казахстан и Семиречье в единую группу, но последний регион при сравнении форм могильной ямы и структур за оградками, сближается с Восточным Казахстаном (рис. 1). Археологический материал, особенно серьги, в Восточном Казахстане остается характерным местным, в то же время бусы и особые формы керамики сближают Восточный Казахстан и Семиречье.

В переходный период только квадратный план могильной ямы сближает Центральный Казахстан с восточным регионом, где известны в основном только захоронения этого периода (рис. 1). В то же время в восточном регионе серьги остаются традиционной формой (рис. 2).

В железном веке погребальные конструкции стали более разнообразными, и любая общая констатация, связывающая различные территории, остается фактически необоснованной. Материал древнего периода, как кажется, напротив связывает Центральный и Восточный Казахстан (бронзовые наконечники стрел, удила, приношения мясной пищи). В позднежелезном веке Центральный Казахстан вновь обретает роль генератора новшеств по отношению к двум другим регионам. В его археологических материалах начинают преобладать такие предметы, как курительницы благовоний (рис. 2).

Таким образом, изучение погребальных конструкций и материала показывает, что в эпоху бронзы Центральный Казахстан играл роль генератора по отношению к двум другим регионам, а между Восточным Казахстаном и Семиречьем никакой настоящей связи не существовало.

Эти заключения позволяют оспорить некоторые теории, предложенные русскими коллегами. Так, А. Ткачев считает, что к концу канайского этапа (Федорово, конца XVI в. до н. э.) население из Восточного Казахстана и Прииртышья мигрирует в Центральный Казахстан⁹⁹, в Минусинскую котловину, в Тобольскую и Ишимскую степь. Вторая миграция населения Восточного Казахстана (на протяжении XV–XIV вв. до н. э.) будет вновь ориентироваться на юг, север, восток и запад¹⁰⁰. Эта вторая миграция, как будто, отмечена появлением серег с раструбом, которые отмечаются в могильниках Восточного Казахстана (Кзылтас, Малый Койтас, Предгорное) на всем протяжении второй половины II тысячелетия до н. э.¹⁰¹.

Вторая гипотеза касается населения региона Семиречья, где в XII–XI вв. до н. э. появляются погребальные структуры из дерева типа «Кульсай» в ходе миграции племен, пришедших из Вос-

⁹⁸ Серьги для Восточного Казахстана, а также бусы и мясная пища для Центрального Казахстана.

⁹⁹ В некрополях Балыкты в Центральном Казахстане и в могильнике Кустанай в Северном Казахстане находят параллели в археологических предметах, главные из которых – украшения и серьги [Ткачев, 1992; Ткачев и Ткачева, 1996].

¹⁰⁰ Ткачев, 1992. Ткачева, 1997.

¹⁰¹ Ткачев, Ткачева, 1996.

точного и Центрального Казахстана¹⁰². Однако было показано, что данная датировка слишком завышена: территория могла быть заселена с середины II тысячелетия до н. э.¹⁰³.

Попробуем детализировать эти две главные теории о внутренних миграциях. Они остаются слабо обоснованными, «сомнительными», начиная со слишком «неустойчивой» хронологии. При сравнении с нашими наблюдениями о близости некоторых территорий, напротив, можно реально заключить, что между Восточным Казахстаном и Семиречьем значительных связей не существовало. Кроме того, ничто не дает права говорить о том, что какое-то население прибыло из Центрального Казахстана на юго-восточные территории, так как можно вспомнить при этом также и обратную гипотезу. Большая часть погребальных конструкций, существующих в этом последнем регионе, без сомнения, более древняя, как это определяют абсолютные калиброванные даты, полученные анализом С14, проведенным на образцах дерева из некрополя Кизилбулак¹⁰⁴, давшего дату 1522 г. до н. э. с вероятностью в 95 %. Датировка колеблется между 1731 и 1410 гг. до н. э. Она позволяет опустить хронологически единый комплекс Семиречья во вторую четверть II тысячелетия до н. э. Таким образом, традиция Кулсая¹⁰⁵ относилась бы к федоровско-алакульскому населению, занявшему эту территорию еще намного раньше середины II тысячелетия, а не с XIV в. до н. э., как об этом сообщают некоторые из наших русских коллег¹⁰⁶.

Рассматривая миграции в более широком масштабе, значительное число исследователей полагают, что население Ирана и Индии прибыло туда из Средней Азии несколькими миграционными волнами, которые прокатились на юг между XVII и XII вв. до н. э. С давних пор их следы пытаются обнаружить на казахской территории. Необходимо сказать несколько слов по этому поводу. Как уже отмечено в первой части нашей работы отождествление этих племен в Средней Азии – одна из главных проблем, которая уже многие десятилетия занимает лингвистов и историков. Отталкиваясь от лингвистических определений, они пытаются найти соответствия в археологических артефактах, таких, как колесницы и экологические факты (земледелие). Но на самом деле очень немногие объекты, найденные при раскопках, обладают специфическими чертами, которые можно было бы интерпретировать как индоевропейские или индоиранские¹⁰⁷.

Между 1700 и 1400 годами отмечается закат цивилизации Окса с резким сокращением торговли на дальние расстояния и появлением в археологическом материале на ее территории керамики степного происхождения. Вполне очевидно, что происходило постепенное сращивание этой цивилизации с андроновской степной культурой (может быть на федоровском этапе) после того, как носители этой последней продвигались на юг без каких-либо насильственных действий (что не принимается во внимание)¹⁰⁸, хотя варианты разновидности этой культуры остаются неясными. Однако за исключением общих критериев – время / пространство реально не существует археологических признаков, отмечающих массивный приход индоиранцев

¹⁰² Марьяшев и Горячев, 1999.

¹⁰³ Bendezu-Sarmiento, 2004b.

¹⁰⁴ Анализ проведен лабораторией климата и окружающей среды в Гиф Сюр Ивенне. Образцы дерева Gif 11294.

¹⁰⁵ Горячев, 2001.

¹⁰⁶ Марьяшев и Горячев, 1993; Кузьмина, 1994: табл. III.

¹⁰⁷ Для Е. Кузьминой среди самых важных для выделения индоиранцев артефактов «специфически этническими указателями» являются: технология производства керамики, отсутствие свиньи среди домашних животных, наличие верблюдов, важная роль кремации в погребальных обрядах, присутствие колесницы и породистой лошади [Кузьмина, 1994а].

¹⁰⁸ Кузьмина, 1994. Сращивание произойдет в ходе перемещения этих народов к Индии [Parpola, 1998; Кузьмина, 1994; Malory, 1998].

или индоариев на южные территории Средней Азии¹⁰⁹. Примеры можно перечислить: обряд кремации на могильнике Бустан VI¹¹⁰, курганы вахшской культуры¹¹¹, алтари огня с «паноплией» для возлияний (набором приспособлений для возлияний) в Гонуре¹¹² и Джаркутане¹¹³, а также еще несколько изображений свастики и следы кремации в могильнике Ранний Тулхар в долине Кафирнигана в Таджикистане¹¹⁴. Принимая во внимание эти признаки, А.П. Франкфор совершенно справедливо отмечает, что если этот материал изучен в контексте всего комплекса, то каждый из вышеприведенных примеров остается изолированным и в сопоставлении с другими компонентами комплекса, ни в коей мере не отражает какую-нибудь элиту, которая могла бы проникнуть в цивилизацию Окса. Иными словами, эти признаки не обязательно индоевропейские¹¹⁵, так как андроновский «десант» на юг Средней Азии ... – ничто: ни керамика, ни обработка камня, ни жилища не изменяются в смысле их «андроновизации»¹¹⁶. В этом случае их присутствие отмечается не более, чем присутствие оседлых жителей оазисов в северной территории, занятой кочевниками, как в тазабагьябской культуре. Тогда можно было бы также говорить об **«азификации»** территории номадов¹¹⁷.

Какой была бы реальная ценность археологического материала, если бы все виды его представленных комплексов типа время / пространство на протяжении желаемого периода работали как этикетка с названием лингвистической группы?¹¹⁸ Для А.П. Франкфора изображения лошади и колесницы не являются подлинными индоевропейскими маркерами, так же как и «бараньи» погребения, которые ни в чем не иллюстрируют ведические тексты. Надо различать нюансы «архетипа» арийского воина Индры, берущего города, который сражается при помощи лука и копья, но это довольно скудные признаки для определения характера общества. Стоит оспорить значение, которое придается исследователями двум главным определяющим факторам в идентификации индоиранцев. Это – наличие кремации как ритуала, связанного с огнем, и наличие лошади как средства передвижения в миграциях¹¹⁹.

Выше было указано на могильник Бустан VI, в котором отмечены многие признаки, позволяющие думать, что в этом месте практиковались ритуальные действия, связанные с культом огня¹²⁰. Здесь существовали:

- специальные конструкции для кремации («кремационный ящик»), содержащие кости людей и животных¹²¹, частично или полностью обгоревшие, остатки очагов и зола;
- культовые очаги-алтари, вотивные алтарики, содержащие древесные угли и золу;

¹⁰⁹ Francfort, 2001.

¹¹⁰ Avanesova, 1995.

¹¹¹ Lyonnet, 1994.

¹¹² Sarianidi, 1986; 1990; 1993; 2001.

¹¹³ Askarov, Shirinov, 1993.

¹¹⁴ Мандельштам, 1968.

¹¹⁵ Francfort, 2001.

¹¹⁶ Francfort, 1989.

¹¹⁷ Francfort, 1989, Tabl. 114.

¹¹⁸ Francfort, 2001.

¹¹⁹ Кузьмина, 1994а. Речь не идет о том, чтобы подвергнуть сомнению существование индоиранского населения или лингвистических групп, но показать, что есть границы между социо-историческими понятиями и археологической реальностью, что содержится в тексте этой работы.

¹²⁰ Avanesova, 1995.

¹²¹ Остатки кремации, весившие от 60 до 160 граммов, помещались в небольшой мешок или сосуд, прикрепленный к «натуральной величины манекену или набитому соломой чучелу животного, принадлежавшего умершему» [Avanesova, 1995].

– сложение древесных углей и охры в сосуды и посыпка ими человеческих костей, присутствие мела и гипса, так же как и признаки кратковременного возжигания огня на дне некоторых могил.

Н.А. Аванесова справедливо отмечает, что эти конструкции абсолютно оригинальны и на сегодняшний день не имеют аналогий в раскопанных некрополях эпохи бронзы в Евразии. Она сопоставляет их с хеттскими печами в Анатолии для кремации умерших¹²².

В качестве еще одного признака для сопоставления этих конструкций приведен факт, что при общем количестве раскопанных погребений (130), кремация отмечена только в 17 случаях. Это могло бы указывать на то, что такому методу погребения подвергались лишь представители привилегированного класса, «обладавшие прерогативой на бессмертие» как у хеттов, у которых только цари и аристократия подвергались после смерти ритуалу кремации¹²³. Но это остается только гипотезой, так как согласно мнения автора, трудно окончательно выяснить, кто имел «право» на кремацию (по признакам пола, возраста или на каких-то особых условиях). Тем не менее, появление этих обрядов связывается ею с движением индоиранцев, так как речь идет о практике, распространенной в андроновской культуре.

Наши работы по изучению кремации показали, что этот способ обработки тел особенно широко практиковался в Центральном Казахстане, где отмечено больше всего случаев этого обряда. Изученные образцы из Семиречья показали, что кремации подвергались умершие всех возрастов, даже малолетние дети¹²⁴. Это обстоятельство противоречит выводу о так называемой элите, которая только и удостоивалась этого обряда. В противном случае надо представить себе, что у андроновского населения были дети-«цари» или дети высокого ранга, во что трудно поверить при том, что нет никаких критериев, которые позволили бы сегодня выявить, существовала ли реально социальная иерархия внутри этой культуры в эпоху бронзы.

В Казахстане в эпоху ранней бронзы кремация не была редкостью, но, хотя наши знания касаются в основном этого периода, можно сказать, что этот обряд постепенно сходит на нет на протяжении бронзовой эпохи, особенно в Центральном Казахстане и Семиречье. В общем, число случаев едва достигает цифры 151 с более чем 20 случаями смешанных захоронений (ингумация и кремация). Эта цифра не кажется очень значительной для одного тысячелетия. Она указывает на то, что этот ритуал не был ни широко распространен, ни стал нормой, как можно еще предположить в наше время¹²⁵.

Одомашнивание лошади¹²⁶ и запряжка ее в легкую колесницу произошли в степях, как это показывает открытие на Урале гробниц синташтинско-петровской культуры¹²⁷ (2200 – 1700 гг. до н. э.) с погребенными в них телами в сопровождении набора вооружения¹²⁸. Е.Е. Кузьмина пола-

¹²² Avanesova, 1995. У хеттов и ведических ариев отправление культа этого божества связывалось с ритуальным очищением, священной силой, символом божественной законности. Отправление культа очага означает посредничество между небом и землей, а «возжигание огня связано с поминовением усопшего»

¹²³ Avanesova, 1995.

¹²⁴ Bendezu-Sarmiento, 2004b.

¹²⁵ Кузьмина, 1994.

¹²⁶ Это травоядное животное обнаруживается с IV по начало III тысячелетия до н. э. на Днепре в средне-стогской культуре и далее у андроновцев, в равной степени на западе и на востоке.

¹²⁷ Эти гробницы дают яркие свидетельства присутствия аристократии, «которая передвигается на колесницах». Согласно мнению двух известных исследователей, колесницы использовались в Митанни, у хеттов и ассирийцев как «инструмент» войны, и это позволяет им автоматически заключить, что степи Казахстана пересекала индоиранская воинская элита во время своих миграций в Индию [Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1994].

¹²⁸ Смирнов, Кузьмина, 1977; Генинг и др., 1992; Кузьмина, 1994.

гает, что в эпоху бронзы лошадь уже была верховой¹²⁹, но ее использование в военных действиях началось только в конце этого периода¹³⁰. В других редких погребениях в степях обнаружение захоронения пары лошадей позволяет предположить, что они запрягались в колесницу. Кроме того, само по себе значение костей лошадей¹³¹ (особенно в качестве жертвенных животных¹³²) и деталей сбруи в погребениях конца эпохи бронзы также воспринимается как свидетельство индоиранского присутствия¹³³. Наличие изображений колесниц в наскальных рисунках также связывается с индоиранской экспансией в степях (*rathaeshtar* или воины-колесничие индоиранских гимнов). Однако надо напомнить, что при этом колесницы рассматриваются как индоевропейские, петроглифы - аналоги объекта как такового, только что отмеченного выше, остаются лишь тавтологическим аргументом, так как нет оснований автоматически переносить индоиранскую атрибуцию на изображения упряжки и колесниц в наскальных рисунках¹³⁴.

Для раннего железного века присутствие жертвенных лошадей в гробницах кочевников также убеждает исследователей в том, что это животное и его изображения связаны с ведическим жертвоприношением лошади и изображением символов огня и Солнца на золотых предметах. Считается, что смысл жертвоприношения коня в том, что оно обновляет космический порядок¹³⁵. Эта гипотеза находит поддержку в древних текстах, таких как История Геродота, рассказывающего о том, как царица массагетов Томирис после военного разгрома и смерти сына угрожает Киру, клянясь при этом своим богам. Она объявляет: «Солнцем – владыкой массагетов клянусь тебе, если ты жаждешь крови, я напою тебя ею щедро!» (Herodote, I. 212). В другой части книги Геродот говорит о массагетах: «... среди богов они поклоняются только Солнцу, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы таков, что они посвящают самому быстрому из всех богов, самое быстрое животное» (Herodote, I. 216).

Другой пример, на этот раз археологический, часто приводится в литературе. Это – курган Аржан, который своими бревенчатыми клетями, расходящимися лучами¹³⁶, «неотвязно» внушает мысль о символе Солнца¹³⁷. По мнению некоторых исследователей, как например А. Акишев¹³⁸, в Центральной Азии в целом, как и в Казахстане, зафиксированы погребальные памятники с солярной архитектурой и другие знаковые объекты¹³⁹. Прежде всего, это – упомянутый курган Аржан с очагами и принадлежностями для добывания огня, которые «со всей очевид-

¹²⁹ С. Черников уже выдвинул гипотезу об использовании верховых лошадей в XV–XIV вв. до н. э. [Черников, 1960].

¹³⁰ Кузьмина, 1994; Kuz'mina, 1998; 2000. Предполагается, что появление боевой колесницы, как и разведение породистых лошадей, и металлургия (вывоз бронзы и золота) стали тем двигателем, что привел андроновскую культуру к расцвету и экспансии на столь огромной территории [Kuz'mina, 1993; Кузьмина, 1994].

¹³¹ Уже В. Генинг, раскопавший могильник Синташта, обратил внимание на то, что ритуальное жертвоприношение собак и, особенно, лошадей имеет аналогии в текстах, где существует богатая индоиранская лексика для обозначения колесницы и жертвоприношения коней [Генинг, 1977].

¹³² Установлено, что в археологическом андроновском комплексе (жилище и могила) 60–70 % пищи состояло из говядины, 20–30 % – из конины и 10 % – из баранины [Kuz'mina, 1993].

¹³³ Кузьмина, 1994.

¹³⁴ Francfort, 1989, 2003.

¹³⁵ А. Акишев, 1984; Jacobson, 1989.

¹³⁶ Каменные кольца также связаны с солнечным культом, который сам по себе связан с огнем (сыном Солнца). В Авесте (Яшт X) говорится, что Солнце это – глаз Митры [Avesta. Le livre sacré des Anciens Perses. – Авеста. Священная книга древних персов, I, 1996].

¹³⁷ Грязнов, 1980.

¹³⁸ А. Акишев, 1984.

¹³⁹ У сармат переносные алтари, вероятно, были связаны с культом огня, без сомнения, ассоциированным с поклонением Солнцу или божеству Солнца [David, 1976]. Этот же тип «культа огня» проявляет себя у сарматов, будучи выраженным в алтарях-курильницах из бронзы, найденных в Семиречье [Litvinskij, 1998].

ностью» указывают на индоиранский культ, связанный с поклонением солнечным божествам, огню и небу¹⁴⁰. Но как тогда объяснить, что в железном веке знаменитый «золотой человек» не сопровождался жертвоприношениями коней¹⁴¹? Очень трудно убедительным образом связать лошадь с каким-либо солнечным божеством¹⁴². Невозможно, ни отбросить все письменные источники, ни принять их на веру без критического подхода.

Если поместить все указанные доводы в контекст этого исследования, то можно будет заметить, с одной стороны, что отсутствуют следы колесниц и что кости лошадей, в общем, представлены очень скудно и в эпоху бронзы, и в железном веке Казахстана. С другой стороны, почти не отмечены предметы сбруи. Тогда был ли класс воинов-колесничих? Без колесницы, без упряжного животного, без предметов конской сбруи у андроновского населения Казахстана эта «воинская аристократия», как можно заключить, если и существовала когда-то, то остается незаметной.

Заключение

В данной работе мы соблюдали предельную осторожность в ходе исследования, избегая слишком конкретных интерпретаций погребальных обрядов, отдавая себе отчет в существовании расхождений между практической организацией погребального пространства и идеологией смерти. Однако эта осторожность позволяет получить важные результаты, так как мы выявили существование комплекса представлений, связанных со смертью, структурированного вокруг простой системы организации пространства. Погребальная идеология, которая связана с этой простой системой, сама по себе могла ли быть столь же простой? Как нам кажется, совсем наоборот. На современной стадии исследования и по причине трудности интерпретаций стоит оставаться осторожным, предлагая самый широкий спектр возможных интерпретаций, даже если только одна приведет к верной гипотезе. В итоге можно сказать, что мы предприняли гипотетическое дедуктивное расследование, которое порождает новые прочтения и трактовки.

---

¹⁴⁰ Таким образом, материал из кургана Аржан позволяет следующим образом реконструировать мифологические представления, выраженные в ритуале: после смерти суверен (военный вождь-жрец) положен в центр кургана (Солнце – Вселенная), чтобы обеспечить ему переход в иной мир. Он окружен в порядке очищения, искупления и сопровождения жертвами, принесенными различными племенами: т.е. людьми – товарищами по оружию, лошадьми, которые здесь для того, чтобы служить при переходе в иной мир и для обеспечения поддержания установленного порядка, гармонии космического построения и возможности возрождения. Массагеты поклонялись Солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Курган Аржан свидетельствует о политических связях, а также культурном и духовном единстве скифо-сакско-массагетских племен на этом раннем этапе [Bokovenko, 1994].

¹⁴¹ Акишев, 1978.

¹⁴² Jacobson, 1993.

Библиография

- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1991.
- Акишев А.К.** Идеология Саков Семиречья (по материалам Кургана «Иссык»). Краткие Сообщения Института археологии АН СССР, 154. 1978. С. 39-48.
- Акишев А.К.** Искусство и мифология Саков. Алматы: Наука, 1984.
- Акишев К.А., Кушаев К.М.** Древняя культура Саков и Усуней долины реки Или. Алматы: Наука, 1963.
- Алексеев В.Р., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К.** Историческая антропология Средней Азии (Палеолит - эпоха античности). Ташкент: АН Узбекской ССР, 1990.
- Алексеев В.Р., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. Москва: Наука, 1984.
- Ахинджанов С.М., Ермолаева А.С., Максимова А.Г., Самашев З.С., Таймагамбетов Ж.К., Трифонов Ю.И.** Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алматы: Наука, 1987.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И.** О социокультурных контактах андроновских племен восточных районов / Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Матер. Всеросс. науч. конф. Барнаул, 1997. С. 56-59
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. Москва. ТКЕ. VIII. 1973.
- Воевода М.И., Ромашченко А.Г., Ситникова В.В., Шульгина Е.О., Кобзев В.Ф.** Сравнение полиморфизма митохондриальной ДНК. Пазырыкцев и современного населения евразии // Археология, Этнография и Антропология Евразии. 4. 2000. С. 88-94.
- Генинг В.Ф.** Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология, 4. 1977. С.53-73
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.** Синташта. Археологические памятники Арийских племен Урало-Казахстанских степей, Уральское Отделение Российской АН, Челябинск. 1992.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.** Палеонтология Срежней Азии, Москва: Наука. 1972.
- Горячев А.А.** Отчет о полевых исследованиях Тургенского и Коксуйского отряда Семиреченской археологической экспедиции по изучению памятников эпохи бронзы (САЕ) в сезоне 2000 года. Алматы. 2001.
- Грязнов М.П.** Аржан-Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука. 1980.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.** Культура древних мотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.** Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. Барнаул. 1997.
- Киселев С.В.** Древняя история южной Сибири. КСИИМСК. Москва. 1951.
- Комарова М.Н.** Памятники Андроновской культуры близ улуса Орак. АСГЕ. 3. 1961. С. 19-23
- Кузьмина Е.Е.** Хронология некоторых кладов Семиречья // Новое в Советской археологии. Москва. 1965. С. 106-110.
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли Индоарии? Москва: Восточная литература. 1994.
- Куц Г.А.** Археологические исследования восточно –казахстанского историко-краеведческого музея. Маргулановские чтения. Петропавловск. 1992. С. 77-78
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. Ленинград: Наука. 1978.
- Мандельштам А.М.** Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. Ленинград: МИА, 145.

АН Таджикской ССР. 1968.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандибаевская культура Центрального Казахстана. 1. Алматы: Министерство Науки АНРК. 1998.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука. 1966.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. К вопросу типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья. Российская Археология, 1. 1993. С. 5-20.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники Кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы: Инст. Арх. им. А.К. Маргулан. 1999. С. 44-56.

Марсадолов Л.С. Социальный ранги курганов кочевников Алтая VI-IV вв. до н.э. // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Мат-лы. Всеросс. науч. конф. Барнаул. 1997. С.96-99.

Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка 3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск. 1984. С. 34-44

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Москва-Ленинград. 1960.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. Москва: Наука. 1967.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. Москва: Наука. 1977.

Тишкин А.А. Изучение социально-экономической структуры населения Горного Алтая раннескифского времени // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Мат-лы Всеросс. науч. конф. Барнаул. 1997. С. 93-95

Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы. Москва: АДСУСКИН. 1991.

Ткачева А.А. К проблеме миграции в андроновскую эпоху. Маргулановские чтения. Петропавловск. 1992. С. 51-53.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Матер. науч.-практ. конф. Барнаул. 1996. С. 141-146.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Социальная структура андроновского общества (по материалам могильника Майтан) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Матер. Всеросс. науч. конф. Барнаул. 1997. С. 49-52.

Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы верхнего Прииртишья. Барнаул. 1997.

Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена). Советская археология. 2. 1962. С. 151-171

Усманова Е.Р. Могильник Лисаковский. Карагандинский Гос. Унив. Караганда. 2005.

Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово. 1976. С. 8-15

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88. Москва. 1960.

Abetkov A. & Yusupov H. Ancient Iranian nomads in western central Asia, History of civilizations of Central Asia. The dawn of civilization earliest times to 700 B.C., Unesco Publishing, Vol. II, 1996. P. 23-33.

Anthony D.W. The Kourgan culture. Indo-European origins, and the domestication of the horse : A reconsideration, Current Anthropology, 27, 1986. P. 291-314.

- Askarov A. A.** The beginning of the Iron Age in Transoxania”, History of civilizations of Central Asia. The dawn of civilization earliest times to 700 B.C., Unesco Publishing, Vol. I, 1992. P. 441-458.
- Askarov A.A. & Shirinov T.Sh.** The «Palace», Temple, and Necropolis of Djarkutan, Bulletin of the Asia Institute, 8, 1993. P. 13-25.
- Askarov A.A., Volkov V. & Ser-Odjav N.** Pastoral and nomadic tribes at the beginning of the first millennium B.C., History of civilizations of Central Asia. The dawn of civilization earliest times to 700 B.C., Unesco Publishing, Vol. I. 1992. P. 459-472.
- Avanesova N.A.** Bustan VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional) : témoignages de cultes du feu, Arts Asiatiques, L, 1995. P. 31-46.
- Batanina I., Zdanovich G., Kouprianova E. & Maliutina T.** Terre des cités fortifiées . Sites de la civilisation des steppes de l'époque du Bronze moyen en Oural du Sud , L'anthropologie, 114 : 469-492.
- Bendezu-Sarmiento J., 2004a, Archéologie de la mort, nécropoles, gestes funéraires et anthropologie biologique des populations Andronovo et Saka de l'âge du Bronze à l'âge du Fer au Kazakhstan (IIe et Ier millénaire avant J.-C.). Thèse de Doctorat de l'Université de Paris I, 2010.
- Bendezu-Sarmiento J.** Les structures funéraires à crémation de l'âge du Bronze au Semirech'e (Kazakhstan). Etude anthropologique d'un ensemble d'échantillons provenant des nécropoles de Kul'saj, de Kyzyl-Bulak (I, II) et d'Oj-Dzhajljau (III, VII) , Paléorient, 30, 2, 2004b. P. 179-202.
- Bendezu-Sarmiento J., Francfort H.-P. & Samashev Z.** La fouille de kourganes dans le Tianshan et dans l'Altaï : étude anthropologique des restes humains mis au jour sur les nécropoles d'Uch-Bulak et de Kyzyl-Bulak III (Kazakhstan). Contribution pour les connaissances des pratiques funéraires à l'âge du fer en Asie centrale, Eurasia Antiqua, Band 12, 2006. P. 193-209.
- Bendezu-Sarmiento J., Francfort H.-P., Ismagulova A. & Samashev Z.** Post-mortem mutilations of human bodies in Early Iron Age Kazakhstan and their possible meaning for rites of burial, Antiquity 82, 2008. P. 73-86.
- Bendezu-Sarmiento J. & Grizeud J.-J.** Le pillage des tombes en Asie centrale méridionale et steppique. Une affaire ancienne et pas seulement lucrative. In : Halte au pillage, sous la direction de Grégory Compagnon, éditions Errance, 2011.
- Bendezu-Sarmiento J., Ismagulova A., Bajpakov K. & Samashev Z.** De l'âge du Bronze à l'âge du Fer au Kazakhstan, gestes funéraires et paramètres biologiques. Identités culturelles des populations Andronovo et Saka. Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie centrale, T. XII, De Boccard, Paris, 2007.
- Bokovenko N.A.** Le kourgane «Royal» d'Arjan et son temps, Les Dossiers d'Archéologie, 194, 1994. P. 30-37.
- Bokovenko N.A.** The Tagar culture in the Minusinsk Basin”, Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age, Davis-Kimball et Yablonsky (Ed.), Zinat Press, Berkely, 1996. P. 299-314.
- Boyce M.** An history of Zoroastrianism (Handbuch der Orientalistik, Erste Abteilung Achter Band, Erster Abschnitt, Lieferung 2, Heft 2A), Vol. I, 1975 et Vol. II, 1982, Leyde, E. J. Brill.
- Chikisheva T. A. & Pozdnyakov D.V.** Andronov populations of west Siberia : cranial data”, Arkheologija, Etnografija i Antropologija Evrazii, 3, 15, 2003. P. 133-148.
- Clisson I., Keyser C., Francfort H.-P., Crubézy E., Samashev Z. & Ludes B.** Genetic analysis of human remains from a double inhumation in a frozen kurgan in Kazakhstan (Berel site, early 3er century BC), Int. J. Legal Med, 116, 2002. P. 304-308.
- David Th.** Amazones et femmes de nomades, Arts Asiatiques, XXXI, 1976. P. 203-232.
- Davis-Kimball J.** The Beiram Mound A Nomadic Cultic Site in the Altai Mountains (Western Mongolia), Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age, J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova et L.T. Yablonsky, (Ed.), BAR International Series n°890, 2000. P. 89-105.

- Francfort H.-P.** Fouilles de Shortughai recherches sur l'Asie centrale protohistorique, Diffusion de Boccard, Paris, 2 vol., 1989.
- Francfort H.-P.** The archaeology of protohistoric central Asia and the problems of identifying indo-euroean and Uralic-speaking populations, Early Contacts between Uralic and Indo-European : Linguistic and Archaeological Considerations, C. Carpelan, A. Parpola et P. Koskikallio (Ed.), Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 242, Helsinki, 2001. P. 151-168.
- Francfort H.-P.** Les pétroglyphes d'Asie centrale : limites des interprétations indo-iraniennes et chamaniques, Arts et symboles du Néolithique à la Protohistoire, Errance, 2003. P. 189-214.
- Francfort H.-P., Adduressul Idriss & Zhang Yuzhong.** Pratiques funéraires, Keriya mémoires d'un fleuve. Archéologie et civilisation des oasis du Taklamakan, Findakly, 2001. P. 137-143.
- Itina M.A.** The Steppe of the Aral Sea Area in pre-and Early Scythian Times, Foundations of Empire. Archaeology and Art of the Eurasian Steppes, Vol. 3, Ed. Gary Seaman, Los Angeles, Ethnographics Monograph Series n°3, 1989. P. 49-58.
- Jacobson E.** Symbolic Structures as Indicators of the Cultural Ecology of the Early Nomads, Foundations of Empire. Archaeology and Art of the Eurasian Steppes, Vol. 3, Ed. Gary Seaman, Los Angeles, Ethnographics Monograph Series n°3, 1989. P. 1-25.
- Jacobson E.** The Deer Goddess of Ancient Siberia. A Study in the Ecology of Belief, Studies in the history of religions, Vol. LV, Leyde, New York, Cologne, 1993.
- Khazanov A.M.** Nomads and the Outside World, The University of Wisconsin Press. 1994.
- Kouzmine N.I.** Les steppes de Sibérie du sud. Coutumes funéraires à l'époque Scythe. Les Dossiers de l'Archéologie 194, 1994. P. 44-51.
- Kuz'mina E.E.** Les steppes de l'Asie Centrale à l'époque du Bronze », Les Dossiers d'Archéologie, 185, 1993. P. 82-89.
- Kuz'mina E.E.** Stage of development of Stock-Breeding Husbandry and Ecology of the Steppes in the Light of the Archaeological and Paleoecological Data (4th Millennium BC- 8th Century BC) , The Archaeology of the Steppes, Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992, Instituto Universitario Orientale Dipartimento di Studi Asiatici, B. Genito (Ed.), 1994. P. 31-71.
- Kuz'mina E.E.** Cultural Connexions of the Tarim Basin People and Pastoralists of the Asian Steppes in the Bronze Age, The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia, V. Mair and D. Kamberi (Ed.), The Institute for the Study of Man, Philadelphia, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998. P. 63-93.
- Kuz'mina E.E.** The Eurasian Steppe The Transition Early Urbanism to Nomadism, Kurgans, Ritual Sites, and Settlements Eurasian Bronze and Iron Age, Eds. J. Davis-Kimball, E.M. Murphy, L. Koryakova and L.T. Yablonsky, BAR International Series n°890, 2000. P. 118-125.
- Kuz'mina E.E.** The Origin of the Indo-Iranians, Leiden: Brill, 2007.
- Litvinskij B. A.** La civilisation de l'Asie centrale antique, Archäologie in Iran und Turan, Band 3, VMI, 1998.
- Lyonnet B.** Central Asia, The Indo-Aryans and Iranians. Some ressements from recent archaeological data, South Asian Archaeology, In: A. Parpola and P. Koskikallio (Ed.), Annales Academiae Scientiarum Fennicae, Helsinki: Soumalainen Tiedeakademia, B, 271, 1994. P. 425-434.
- Mallory J.P.** A la recherche des Indo-Européens. Langue, archéologie, mythe, Seuil, Paris, 1997.
- Mallory J.P.** A european perspective on Indo-Europeans in Asia, In : V. H. Mair (Ed.), The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia, (Journal of Indo-European Studies Monograph, 26 : 1), Philadelphia : The Institute for Study of Man, The University of Pennsylvania Publications, 1998. P. 175-201.
- Murail P., Crubézy E., Martin H., Haye L., Bruzek J., Giscard P.H., Turbat, & Erdenebaatar D.** The man, the woman and the hyoid bone : from archaeology of the burial practices of the Xiongnu

people (Egyin Gol valley, Mongolia), *Antiquity*, 74, 2000. P. 531-536.

Parpola A. Aryan languages, Archaeological Cultures, and Sinkiang : Where Did Proto-Iranian Come into Being, and How Did It Spread ?”, In : V. H. Mair (Ed.), *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, (Journal of Indo-European Studies Monograph, 26 : 1), Philadelphia: The Institute for Study of Man, The University of Pennsylvania Publications, 1998. P. 114-147.

Ricaud F.X., Keyser-Tracqui Ch., Cammaert L., Crubézy E. & Ludes B. Genetic Analysis and Ethnic Affinities From Two Scytho-Siberian Skeletons, *American Journal of Physical Anthropology*, 123, 2004. P. 351-360.

Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux (d'après les documents écrits), *Maison neuve*, Paris, 1963.

Roux J.-P. La religion des Turcs et des Mongols, Payot, Paris, 1984.

Sarianidi V.I. Le complexe culturel de Togolok-21 en Margiane, *Arts Asiatiques*, XLI, 1986. P. 5-21.

Sarianidi V.I. Togolok 21, an Indo-Iranian Temple in the Karakum, *Bulletin of the Asia Institute*, 4, 199. P. 159-165.

Sarianidi V.I. Un temple de Zoroastre au cœur du Karakoum, *Les Dossiers d'Archéologie*, 185, 1993. P. 52-59.

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur and iranian paganizm, *Moscou*, 2001.

Shishlina N. & Hiebert F. The Steppe and the Sown : Interaction between Bronze Age Eurasian Nomads and Agriculturalists, *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*, V. Mair and D. Kamberi (Ed.), The Institute for the Study of Man, Philadelphie, The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998. P. 222-237.

Testart A. Les morts d'accompagnement. La servitude volontaire, (vol. I), *Errance*, Paris, 2004.

Thomas L.-V. Le cadavre : de la biologie à l'anthropologie, *Editions Complexes*, Bruxelles, 1980.

Thomas L.-V. Les Chairs de la mort, *Institut d'Édition Sanofi-Syntheco*, 2000.

Usmanova E.R. Sur les fonctions d'une coiffure dans le rite funéraire, *Recherches archéologiques au Kazakhstan*, K. Bajpakov et H.-P. Francfort (Dir.), De Boccard, Paris, 1998. P. 157-159.

Wapler U. & Shultz M. Une méthode de recherche histologique appliquée au matériel osseux archéologique : l'exemple des Cribra Orbitalia, *Bulletin et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*, 8 (3-4), 1996. P. 421-431.

Zdanovich G. B. & Zdanovich D.G. The “Country of Towns” of Southern Trans-Urals and Some Aspects of Steppes Assimilation in the Bronze Age, *Ancient interactions : east and west in Eurasia*, K. Boyle, C. Renfrew et M. Levine (Ed.), University of Cambridge, McDonald Institute Monographs, 2002. P. 249-263.

Zdanovich G. B. & Zdanovich D.G. Arkaïm-Sintachta : expérience de la mise en valeur des steppes eurasiatiques à l'âge du Bronze, *L'Anthropologie*, 114, 2010. P. 493-514.

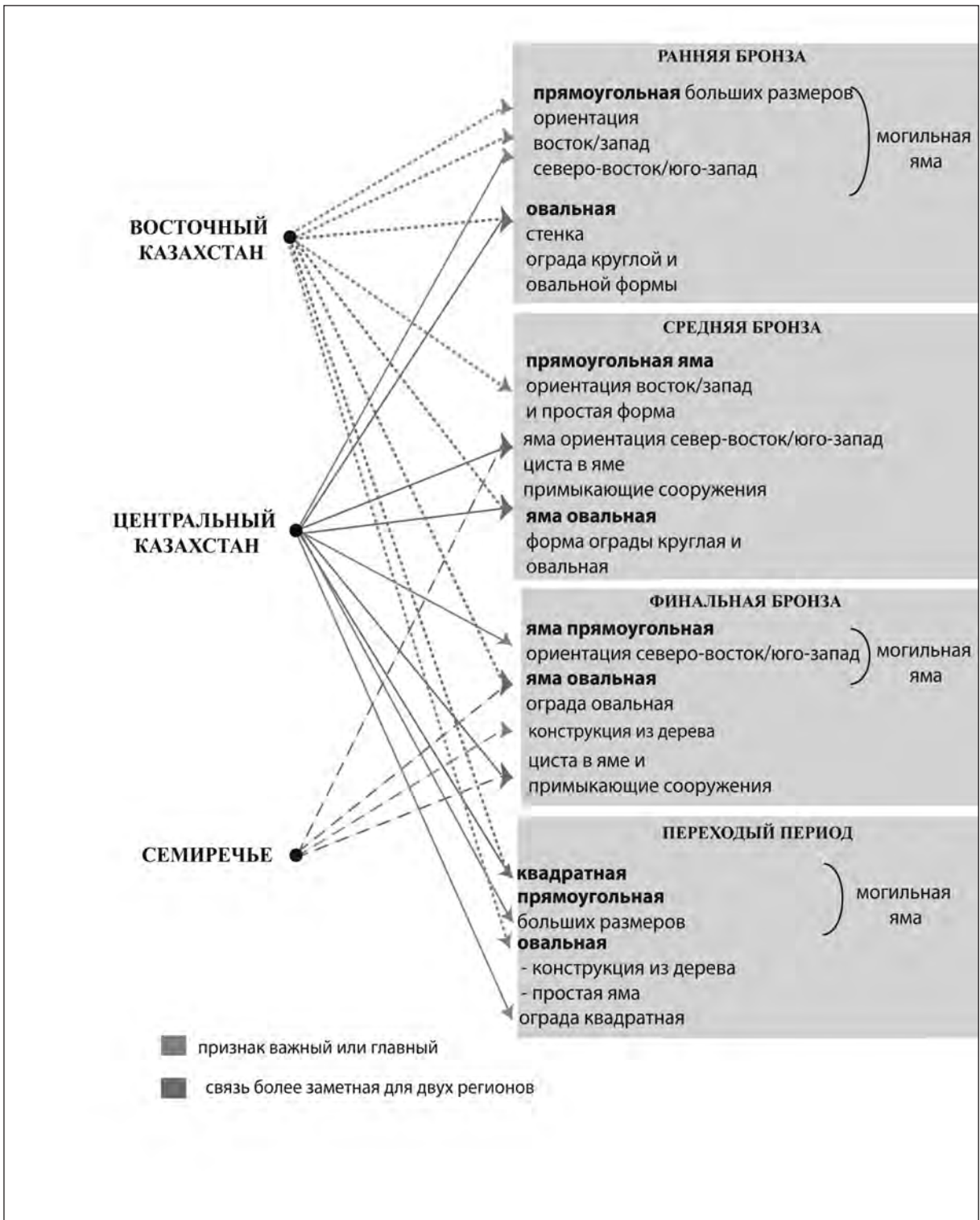

Рис. 1. Развитие и гомогенность конструкций в эпоху бронзы.

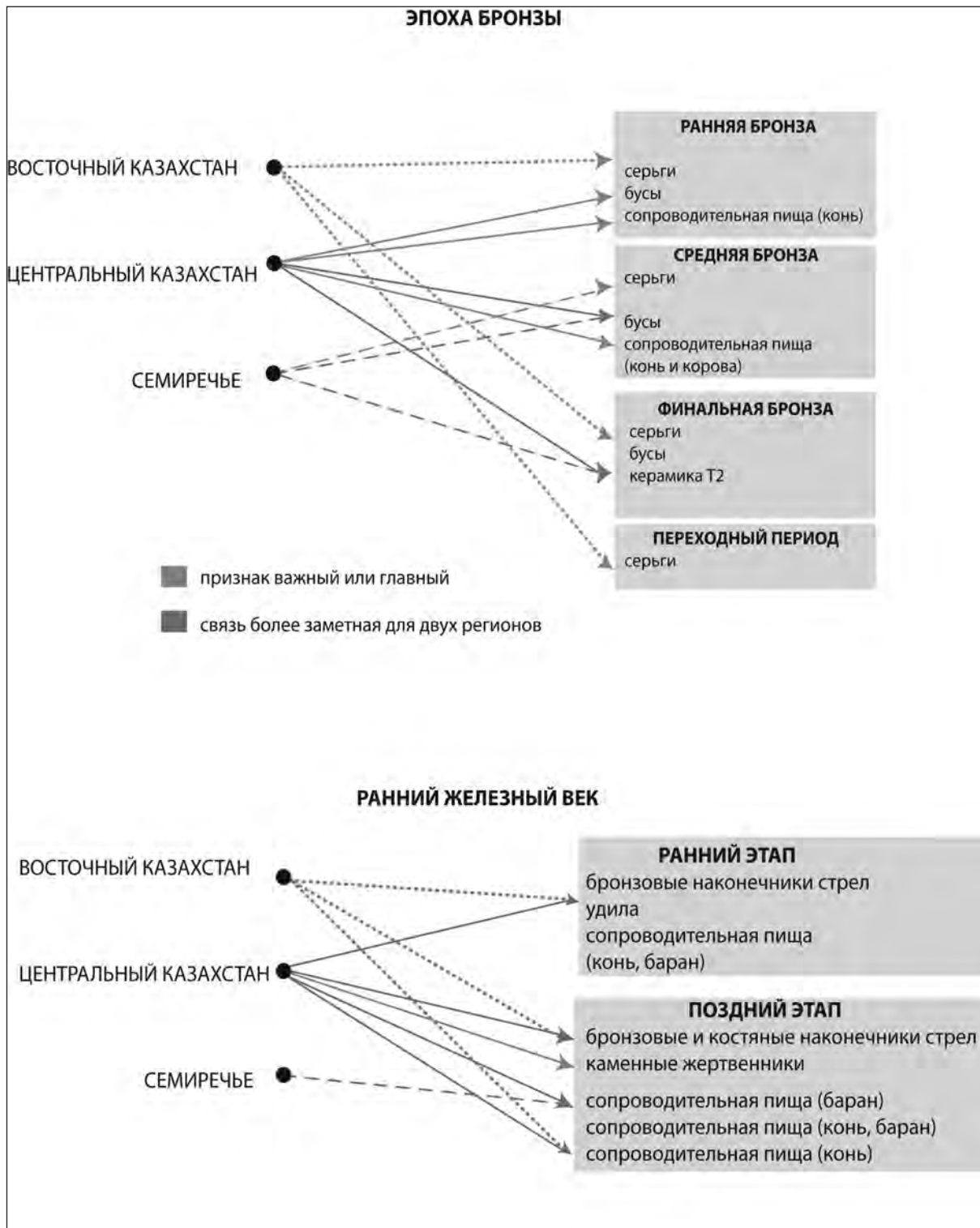

Рис. 2. Связь между археологическими материалами эпохи бронзы и раннего железа.

**НЕДАВНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СОГДИАНЫ
(С КОНЦА ЭПОХИ БРОНЗЫ ДО АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ):
ВКЛАД В ИСТОРИЮ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

Раскопки, предпринятые Французско-Узбекистанской археологической миссией (MAFOUZ) в Согдиане в долине Зарафшана сначала на городище Афрасиаб – древний Самарканд¹, затем на городище Коктепа², выявили значительное количество керамики, происходящей из всех археологических слоев между концом эпохи бронзы и монгольским завоеванием.

Исследование этого материала, начатое в 1993 году имеет целью датировку раскопанных слоев, когда архитектура, стратиграфия или нумизматика не позволяют этого сделать, и характеристику самих комплексов каждого периода – настолько полную и уточненную насколько возможно. В результате, хотя очень широкие исследования, проведенные в Согдиане, и особенно на Афрасиабе, в течение целого века, позволяли отнести большую часть материала к крупным периодам внутри обширных хронологических рамок, оставались еще многие позиции, требующие выяснения и уточнения.

Рис. 1. Один из залов коллекции черепков Института археологии в Самарканде.

¹ Под руководством Ф. Грене и М. Исамиддинова. Раскопки коснулись верхнего города.

² Под руководством К. Рапена и М. Исамиддинова.

Рис. 2а. Лепная расписная керамика конца эпохи бронзы – начала железного века. Коктепа.

чина от самого древнего периода. Керамика исламского периода, типологическое исследование которой еще не завершено, здесь не будет представлена.

1. Материал конца эпохи бронзы и начала железного века (XIII–V вв. до н. э.)

Керамические комплексы этого периода были получены, главным образом, на городище Коктепа, но несколько сходных черепков происходит также и с Афрасиаба, к сожалению, чаще всего вне их изначального стратиграфического контекста. В это время использовалось только изготовление керамики вручную. На основе типологии, разработанной на этом материале, выявляются два различных типа теста, каждый связан с определенными формами керамики:

- 1) оранжевого цвета с шамотом примесью, иногда сосуды расписаны;
- 2) розоватого или слегка фиолетового оттенка, с примесью сланца часто очень грубые в крупных сосудах или тонко истолченные – в малых, поверхность которых обычно заглажена.

Комплекс, связанный с первым типом теста (рис. 2) слабо варьирует в формах⁵. Он состоит, в основном, из горшков или котелков с округлым дном, без горла и с отвернутым больше или меньше бортиком, а также из полусферических чаш с округлым дном. Расписной декор очень часто нанесен тряпкой, образуя более или менее правильные полосы, а кроме того находятся дуги, зигзаги, шевроны. Отмечены также несколько находок котлов с короткими уплощенными ручками, расположенными вертикально, с бортиком, и с трубчатым носиком с обратной стороны.

³ Я приношу глубокую благодарность всем раскопщикам, которые щедро снабжали экспозицию находками со своих раскопов и предоставляли мне стратиграфическую информацию о них.

⁴ Последовательно сменившиеся директора Института археологии Т. Ширинов, Ш. Пидаев и А. Бердимуратов, которых я благодарю.

⁵ Этот материал более подробно представлен в статье Ж. Льюйе, и поэтому я даю его описание намеренно суммарно.

Этот материал относительно хорошо известен в Средней Азии. Выявленный на городище Яз-депе в Маргиане⁶, затем дополненный материалами Тиллятепа в Бактриане⁷ он долгое время служил справочным документом для всей лепной и иногда расписанной керамики Средней Азии этого времени. Однако если существует сходство между этим западным комплексом форм, то материал, найденный в Согдиане, представляет особенно много точек для сравнения с керамикой «восточных», поселениях начиная от регионов Чача, особенно Бургулюка⁸, Кашкадарьи – нижние слои Еркургана⁹ и Чиракчи¹⁰, вплоть до Сурхандарьи – Кучуктепа¹¹ и верхних слоев Джаркутана¹². Действительно, в отличие от Маргианы или Бактрианы во всей этой «восточной» зоне расписной декор не так часто встречается и хуже выполнен, очень редко находят там сероглиняную керамику и применение налепных полос¹³. Кажется что, согласно недавно полученным датам С¹⁴ с городища Коктепа¹⁴, восточный комплекс датируется несколько позже комплекса Яз I¹⁵. Вопрос его связей с комплексом чувской культуры в Фергане еще остается открытым из-за отсутствия стратиграфических исследований и свежих калиброванных дат, как по этой культуре, так и по культуре Эйлатана, которая ее сменяет.

Выявление комплекса такой керамики в долине Зарафшана само по себе является важным открытием, даже если это и можно было предположить, ввиду того, что он удостоверен как к северу, так и к югу от этой долины. До этого только несколько черепков отмечены на Афрасиабе¹⁶, но малое количество не позволяло с уверенностью отнести их к той или иной соседней культуре. Распространение на восток этого материала должно было позволить лучше понять его происхождение. Углубленное исследование в настоящее время проводится Ж. Льюе в рамках ее докторской диссертации¹⁷.

Рис. 2б. Лепной котелок с вертикальной ручкой, подчеркнутой горизонтальным ребром, переходный период к началу железного века. Коктепа.

⁶ Массон, 1959.

⁷ Сариниди, 1978.

⁸ Дуке, 1982а.

⁹ Исамиддинов, 1982.

¹⁰ Дуке, 1982б.

¹¹ Аскарлов, Альбаум, 1979.

¹² Аскарлов, 1976.

¹³ Lyonnet, 1997, pp. 105-107.

¹⁴ Полученные даты не позволяют отнести городище Коктепа ко времени ранее XIV вв. до н. э. [Льюе, Рапен, 2012].

¹⁵ Даты, полученные на том же городище Яз-Депе с уровня 19,4 м ниже поверхности, показывают возраст между XVI и XIV веками до н. э. [Hiebert, 1993].

¹⁶ Туребеков, 1979.

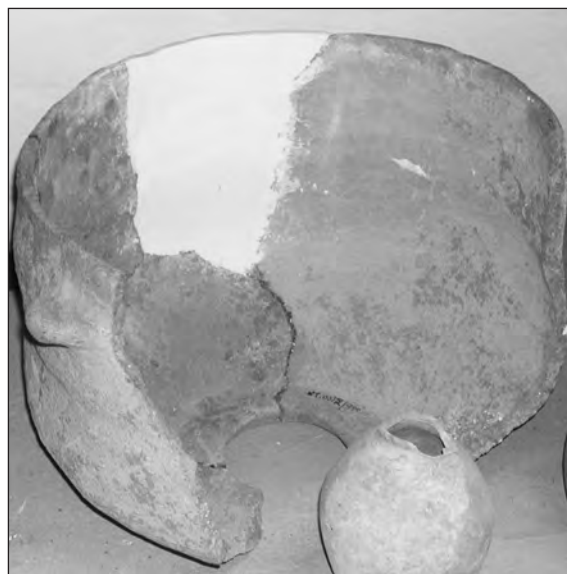
¹⁷ См. статью Льюе, Рапен.

Рис. 3а. Лепная керамика розовато-фиолетового оттенка со сланцевой примесью, железный век; горшки с выделенной шейкой. Афрасиаб.

Рис. 3б. Котелок-горшок с просверленным дном и выступающей ручкой, сланцевой примесью, железный век. Коктепа.

Рис. 3с. Лепная керамика розовато-фиолетового оттенка с мелкорастолченной сланцевой примесью; чаша на кольцевой ножке. Коктепа.

Рис. 4а. Керамика «с круга» комплекса Афрасиаб I; венчик хумчи. Афрасиаб.

Рис. 4б. Керамика «с круга» комплекса Афрасиаб I; кубки.

Второй тип теста и связанный с ним керамический комплекс (рис. 3а-d) до сего дня никогда не был выделен в этом регионе Средней Азии¹⁸ и его отождествление позволит лучше понять «темный» этап, который предшествовал и был современным ахеменидскому завоеванию в Согдиане. Нет никакого сомнения, что эта группа сосудов наследует первому комплексу, как по стратиграфии, так и по результатам сравнительного анализа, который можно осуществить для некоторых ее форм. И хотя они очень отличаются от первого комплекса, можно заметить несколько случаев перехода, когда «древняя» форма изготовлена с использованием новой примеси. Как и в предшествующее время, черепки, входящие в этот комплекс были найдены на Афрасиабе. Хотя их наличие было довольно заметным, этого не достаточно, чтобы считаться датирующим признаком для архитектурных структур, с которыми они были связаны, так как, например, первая стена города. Как бы то ни было, материал этого типа представляют и многие другие городища долины Зарафшана¹⁹, что свидетельствует о значительном обживании региона в этот период.

Большая часть материала представлена котелками с выступающими ручками, которые при сравнении показывают связи с саками²⁰. Форма тарных сосудов большого размера также напоминает большие сакские металлические котлы. Сосуды отныне имеют плоские донца, выделенные шейки и перегибы стенок. Целая серия маленьких сосудов типа чашечек на ножках разной высоты может быть связана со специфическими ритуалами и сходна с подобными сосудами последующих периодов. Столовая посуда конца этого периода, без всякого сомнения, сходна с формами, известными в круговой керамике конца ахеменидской эпохи, а затем и греческой [см. ниже]. Не будучи выделенным в отдельную группу этот ма-

¹⁸ Lyonnet, 2009. В бургулюкской культуре выявлены два этапа, отмеченные различными формами и отсутствием расписного декора на позднем этапе. [См., например, Филанович, Дуке, 1990]. Но приведенное описание недостаточно для того, чтобы увидеть там комплекс с упомянутой здесь сланцевой примесью.

¹⁹ В особенности Кендыкли на правом берегу Зарафшана, который стал объектом шурфовки археологами МАFOUZ. Большой целый хум-котел с выступающими шпеньками также был найден итальянской экспедицией в районе Ургута. И, наконец, чаша такого изготовления выставлена в Самаркандском краеведческом музее без указания места находки.

²⁰ Lyonnet, 1997, p. 85, 99-100.

Рис. 5. Лепная керамика розовато-фиолетового оттенка с мелкорастолченной сланцевой примесью в тесте; чаша с горизонтально отвернутым бортиком, имитирующая керамическую форму «с круга». Коктепа.

основном соответствует так называемому периоду Яз II – начала Яз III, в ходе которого возможно существовало Древнебактрийское государство. Так, в Бактриане / Маргиане лепная керамика довольно быстро исчезла и произошло возвращение к круговой керамике²⁵ в традиции, предшествующей эпохе бронзы. Но в Согдиане же использовались очень своеобразные керамические сосуды, вылепленные вручную. Все это позволяет предположить, что речь здесь следует вести о культурах или политических мирах абсолютно разных [но см. ниже § 2]. Ахеменидское завоевание, происходившее в тот период, когда использовался этот материал, не внесло никаких скорых изменений, как мы это увидим далее.

2. Керамика ахеменидского периода (конец V – IV в. до н.э.)

Обычно так называемый «ахеменидский» керамический материал Средней Азии рассматривался как изготовленный на гончарном круге, следуя традиции, которая началась до персидского завоевания в Бактриане и Маргиане. Чаще всего он связан с этапом Яз (II) – III Маргианы или Кучук III – IV в Бактриане, его датируют между VI и IV вв. до н. э., опираясь только на персидские царские надписи, упоминавшие завоевание этих регионов. Но сейчас ничто не позволяет точно идентифицировать «ахеменидскую» керамику. Не было сделано и не опубликовано никаких новых открытий, которые позволили бы датировать самые типичные формы этой эпохи с большей уверенностью и точностью чем 20 лет назад²⁶.

материал в целом и не опубликован и трудно найти для него точные аналогии, кроме как для котелков²¹. Материал, происходящий из сакских курганов Кетментюбе (Киргизия)²², представленный на фото, хотя и не сопровождающийся текстом, тем не менее, подтверждает нашу атрибуцию. В Узбекистане, кроме долины Зарафшана, в настоящее время предположительно, известны сходные материалы в Чаче на Шаштепа для первого периода²³, а также в выставленном материале из последних раскопок в Кашкадарье (например, с Сангиртепа)²⁴.

Несмотря на все лакуны и неуверенность в определениях, выявление этого комплекса керамики очень важно, так как он позволяет подчеркнуть разницу между Бактрианой / Маргианой и Согдианой в эпоху, которая в

²¹ См.: Lyonnet, 1997.

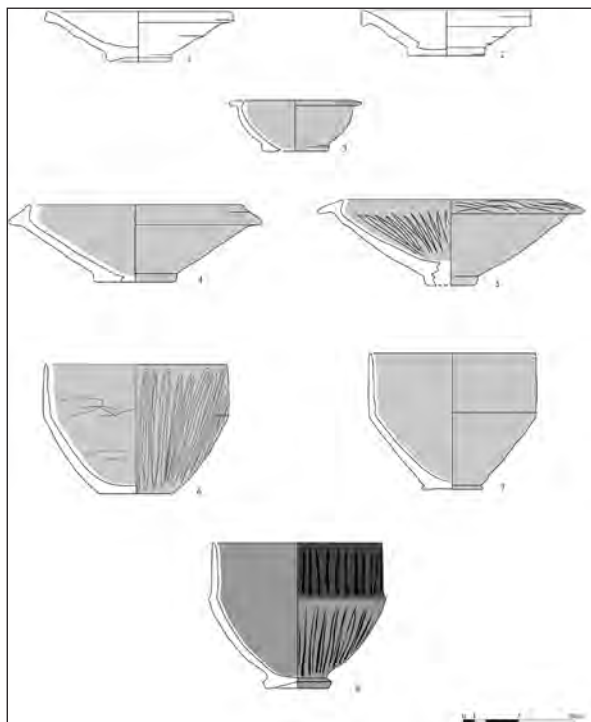
²² Vugaykov et al., 1999, цветное фото на вклейке в середине книги без нумерации.

²³ Филанович, 1983, с. 42. Согласно описанию автора, использованный отошитель не был сланцем, но найдены сосуды, похожие на формы нашего комплекса, с полностью заглаженной поверхностью.

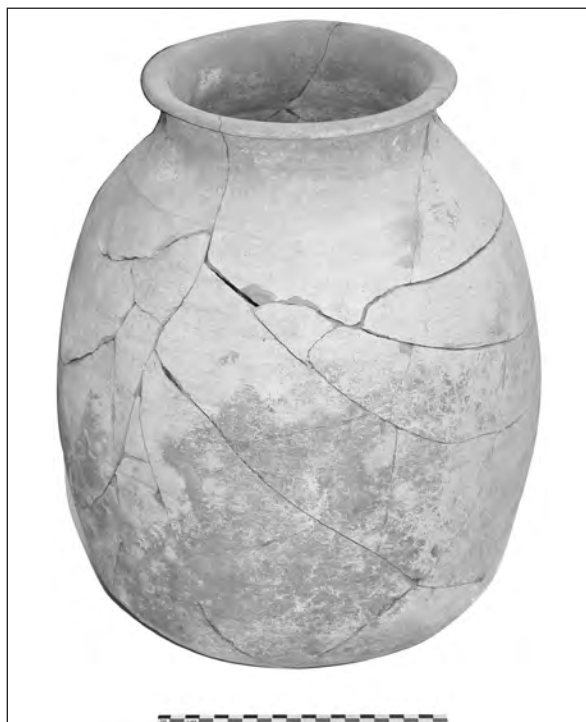
²⁴ Раскопки МАFOUZ, проведенные М. Хасановым под руководством К. Рапена.

²⁵ Вопрос о появлении и использовании гончарного круга исключительно сложен, и здесь не место возвращаться к нему во всех деталях. Большая часть материала названного «с круга», вероятно, однако, была сделана с помощью вращающейся площадки.

²⁶ Lyonnet, op. cit., p. 118-119.

Рис. 6. Керамические сосуды эллинистического периода: маленькие сосуды открытого типа. Афрасиаб II А.

Рис. 6а. Горшок переходного этапа Афрасиаб I – II А.

Рис. 6б. Кувшин без ручки этапа Афрасиаб II А.

Рис. 6с. Чаша с загнутым внутрь венчиком этапа Афрасиаб II А.

В Согдиане эта эпоха традиционно связана с периодом Афрасиаб I, материал которого представлен цилиндроконическими большими сосудами (хумами) с манжетовидными венчиками и кубками с толстыми прямыми или слегка выпуклыми стенками (рис. 4а, б). Другие кубки с перегибом по стенкам или с плоским дном и вогнутыми стенками (рис. 4б) дополняют комплекс, как и большие чашевидные кубки со слегка выпуклыми стенками и прямым заостренным бортом. Некоторые формы, вероятно поздние, как чаши с горизонтально уплощенным бортиком, продолжают до начала эллинистического периода. Котелки, как и чаши, продолжают традиции предыдущей эпохи в смысле использования сланцевого примеси в тесте и наличия боковых выступов.

Похожую керамику находят на Коктепа, и как мы уже видели в предыдущем параграфе, некоторые из этих форм с городища сделаны в местной традиции из того же теста и в той же технике, описанной для предыдущего периода (рис. 5). С появлением этой «цилиндроконической» керамики впервые в истории Согдиана демонстрирует интеграцию в тот же культурный мир, что и остальная часть Средней Азии. Естественно, этот феномен обычно связан с фактом ее политической интеграции в состав Ахеменидской империи. Как на Афрасиабе, так и на Коктепа, однако, эта «цилиндроконическая» керамика зафиксирована лишь в ограниченном количестве, не допускающем, чтобы ее производство продолжалось длительное время, даже если можно выделить здесь два этапа. Наоборот, то, что я сама предлагаю в отношении недавно найденного материала в основании оборонительной стены Афрасиаба (раскоп 27), заставляет думать, что эта керамика немного предшествует времени завоевания Александра и что ее лучше всего можно датировать, начиная с конца V века и особенно IV веком до н.э. Это, однако, не означает, что Ахемениды не завоевали регион до появления этого типа керамики, но только то, что изменения, принесенные взятием под контроль региона, не произошли тотчас. Мы увидим, что то же явление часто происходило после завоевания греков или после завоевания арабов, и замечено, что должно пройти несколько десятилетий, прежде чем изменения станут заметными в материальной культуре. Вследствие сказанного, часть материала со сланцевой примесью, описанная в предыдущем параграфе, вероятно, также датируется началом ахеменидского периода.

Только интенсивные и систематические анализы датировок по C^{14} с разных горизонтов, называемых предахеменидскими и ахеменидскими в Средней Азии, в случае новых раскопок позволят, наконец, со всей точностью получить абсолютные даты этого материала.

3. Керамика эллинистического периода (конец IV – середина II века до н. э.)

Керамика этого времени более разнообразна (рис. 6, 7, 1-2) и была очень рано выявлена, в особенности на Афрасиабе (период II). При том, что некоторые формы местного происхождения, большинство сосудов типично греческое, как, например, рыбные блюда, чаши с загнутыми внутрь венчиками, кратеры и так далее²⁷.

Анализ материала, как из Афрасиаба, так и с Коктепа, и сравнение с керамикой из Ай-Ханум позволили получить много новых данных и важных уточнений для истории Согдианы и Средней Азии в целом. Так, на Афрасиабе можно обнаружить два этапа греческого присутствия (II A и II B), разделенных некоторым перерывом²⁸:

этап II A соответствует древнему периоду Ай-Ханум (героон и первые уровни храма);

²⁷ Шишкина, 1975.

²⁸ Lyonnet, 2001.

а этап II В дает материалы с теми же характеристиками, что весь последний горизонт обживания Ай-Ханум, датированный концом царствования Евкратида.

Между этими двумя периодами на Афрасиабе и во всей Согдиане вплоть до Железных ворот отмечается полное отсутствие серо-черной керамики, позволяющее предположить, что эта провинция вернула себе на какое-то время определенную независимость. Я первоначально предложила датировать этот период временем между царствованиями Антиохов I и II и последними годами пребывания на троне Евкратида. Однако самые последние исследования и публикации керамики из дома с северо-западного квартала Ай-Ханум²⁹ показывают, что самые ранние уровни этого дома, в которых уже есть серо-черная керамика, не могут быть датированы до завоевания Антиоха III. Этот факт не позволяет говорить, что серо-черная керамика не появилась в Средней Азии раньше строительства этого дома. Вероятно, эта относительно поздняя датировка позволила бы сократить протяженность согдийского перерыва, или, напротив, немного удлинить протяженность этапа II А на Афрасиабе. Очень большая однородность материала оставляет, однако, мало места для такого допущения. Напомним здесь, что нумизматические находки *in situ* очень редки в Согдиане, отсюда и трудности с уверенной датировкой.

Кроме того, сравнение между материалами Коктепа и керамикой Афрасиаба выявило различия между этими двумя городищами, отмеченные некоторым временным разрывом в их обживании. Речь идет в особенности об отсутствии на Коктепа керамических форм, самых типичных для эллинистического мира (рыбные блюда и чаши с загнутым внутрь венчиком), что дает возможность поместить это городище хронологически раньше периода II А Афрасиаба. Уровень представленный теми же материалами был выявлен на Афрасиабе вне зоны раскопок МАFOUZ и датирован концом ахеменидского периода³⁰. Квартал керамистов, раскопанный в предместьях Самарканда, дал материал, идентичный тому, который можно рассматривать как промежуточный, между Афрасиаб I и II³¹. Тем не менее, следуя мнению исследователя Коктепа К. Рапена, присутствие кирпичей квадратного формата позволяет отнести уровни, в которых встречен этот материал уже к греческому этапу. Это дало мне основание предположить, что греческое обживание Коктепа датируется от завоевания Александра и десятилетиями сразу вслед за ним, что кажется, подтверждается недавними раскопками на Курганзоле у Железных ворот³², тогда как Афрасиаб II А и героон Ай-Ханум были бы современны селевкидскому периоду³³. И, наконец, сравнение, проведенное между материалом Афрасиаб / Коктепа и материалом, выявленным в курганах Янгирабата, недавно раскопанных археологами МАFOUZ³⁴ у подножия холмов, протянувшихся вдоль правого берега Зарафшана, недалеко от Коктепа, позволили показать, что эти захоронения датируются греческим периодом на всем его протяжении от этапа II А до II В. Присутствие курганов в указанной зоне и более менее подвижного местного населения, быть может, объясняет запустение Коктепа вскоре после завоевания Александра, когда греки обосновались в укрепленных военных гарнизонах, таких как крепость Афрасиаба.

Греческое присутствие в Согдиане несколько отличается от того, что известно в Бактриане, и анализ материала, кажется, очень хорошо подтверждает трудности, которые Александр и его на-

²⁹ Lyonnet, 2010.

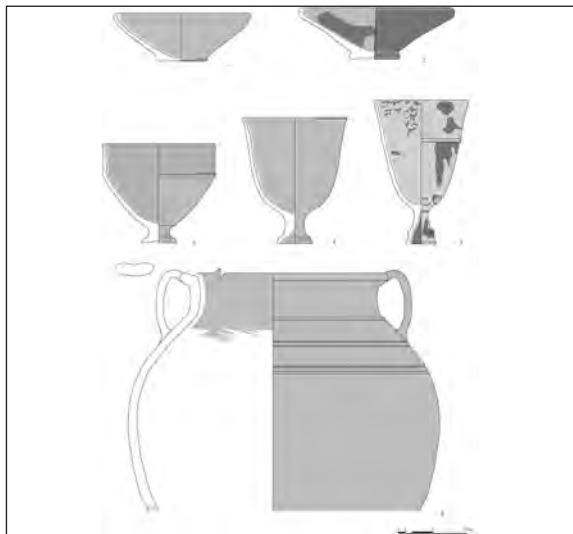
³⁰ Кабанов, 1981.

³¹ Иваницкий, 1992.

³² Sverčkov, 2008.

³³ Lyonnet, 2013.

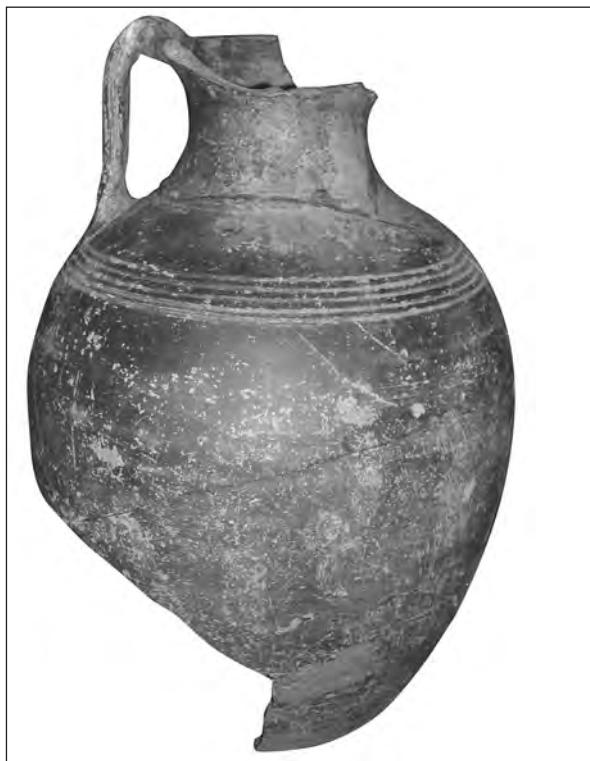
³⁴ Раскопки Ю. Вале-Раевской и Р. М. Берар под руководством К. Рапена.

Рис. 7. Керамические сосуды финального этапа эллинистического периода Афрасиаб II В (1–2) и периода Афрасиаб III (3–6).

Рис. 7а. Кратер с наклепным изображением сидящего персонажа периода Афрасиаб III.

Рис. 7b. Кувшин с ручкой, с черным и красным ангобом как металл, Афрасиаб III.

Рис. 7с. Ойнахойя с ручкой и красно-бежевым ангобом как металл, Афрасиаб III.

следники испытывали в завоевании региона, а затем и в стремлении его удержать.

4. Керамика античного периода (конец II в. до н. э. – II в. н. э.)

Этот период (Афрасиаб III) начинается сразу же после этапа II В, сам очень короткий, и часто их трудно различить, исключая многочисленные находки кубков на ножках (рис. 7) в период Афрасиаб III. И еще труднее понять, где расположить его конец, так как характеризующие его формы, которые следуют формам греческой традиции, кажется, продолжали изготавливаться довольно долго. Нумизматические находки для этого периода также очень редки.

В Бактриане, которую завоевали кочевники юечжи, а потом сарматы, поставив точку на греческом правлении, эта эпоха, кажется, была временем глубокого упадка, по крайней мере, до рубежа нашей эры. Часть городов была разрушена (во всяком случае, это верно для Ай-Ханум) и заметно появление на их периферии обширных некрополей, которые стараются связать с различными племенами³⁵. Наблюдается, однако, довольно быстрый подъем могущества одной из этих групп – Кушан, которые вскоре, за несколько десятилетий, завоюют весь северо-запад индийского субконтинента, но обойдут Согдиану³⁶. С начала нашей эры торговля шелком и другой экзотической продукцией между Китаем, Индией, Египтом и Римом значительно обогащает страны, находившиеся тогда под их властью, как об этом свидетельствуют открытия на Тиллятепа³⁷ и на Беграме³⁸. В Согдиане также были раскопаны многочисленные курганы, датированные этим временем³⁹, а цитадель Коктепа сыграла роль кургана для погребений этого типа⁴⁰, тогда как кладбище простиралось у ее подножия. Эти погребальные памятники удостоверяют присутствие мобильного населения, а некоторые предметы, найденные в погребениях, свидетельствуют о роли, которую эти группы сыграли в движении экзотической продукции между отдаленными регионами. Власть тогда была сосредоточена в руках кангюйцев, также номадов, о которых письменные источники, особенно из Китая, пишут меньше, чем о Кушанах. Владения Кангюя в эту эпоху простираются за Согдиану к востоку и северу вплоть до Ферганы, Чача и Казахстана. Огромное количество кубков на ножках, найденных на Афрасиабе, идентичных кубкам из могильников Бабшова, Тупханы, Тулхара или Бишкентской долины, позволяет предположить, что группы сармат в регионе были многочисленны. В противовес тому, что можно было бы ожидать а priori от вождей этих племен и населения, ведущего кочевой образ жизни, города, как об этом

Рис. 7d. Черепки с декором в виде зигзагообразной волны по красно-коричневому ангобу как металл, Афрасиаб III.

³⁵ см. Lyonnet, 1997, p. 157-172.

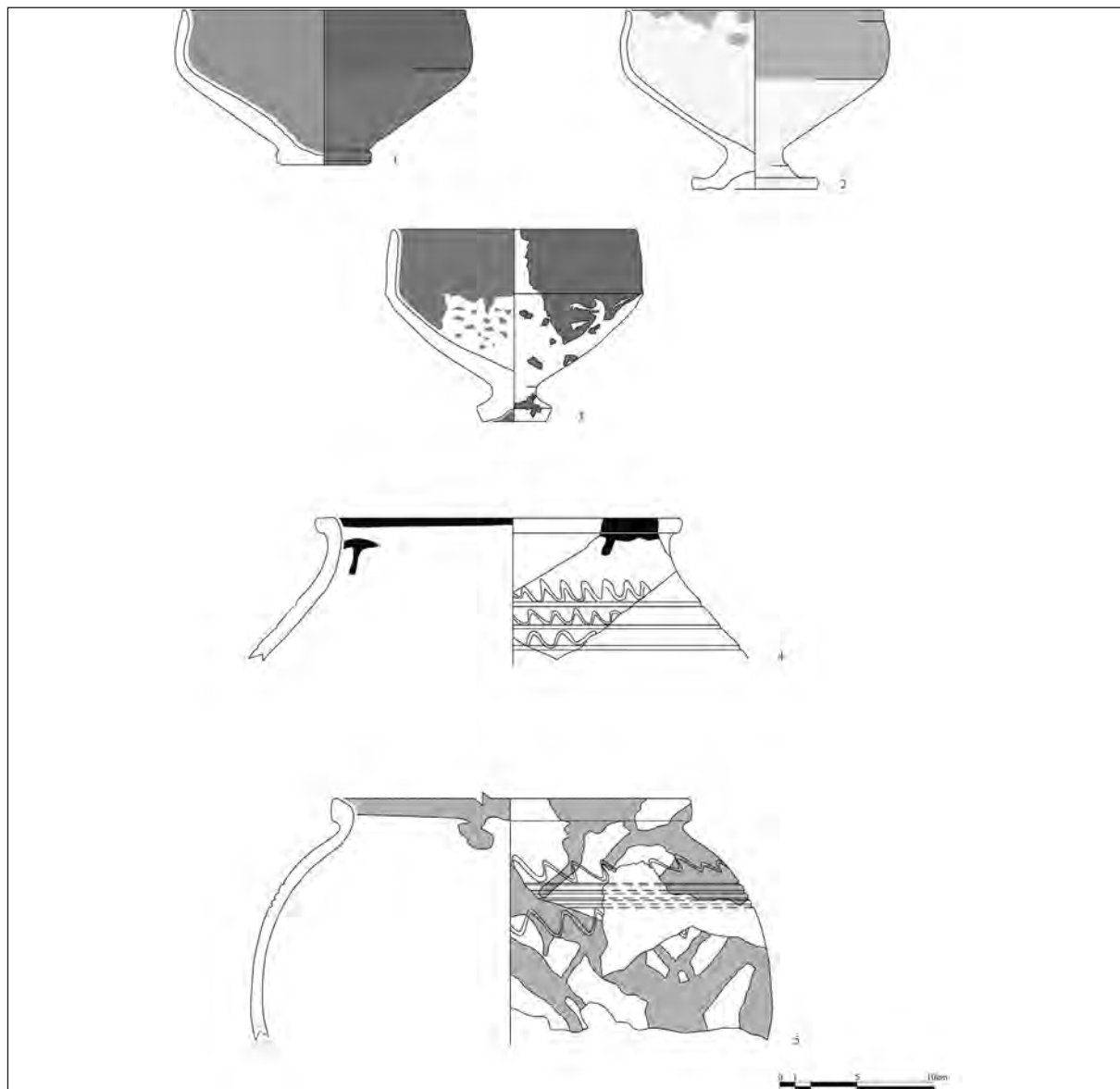
³⁶ «Кушаны», которые упомянуты в Согдиане, относятся к более позднему времени. См. ниже § 5.

³⁷ Сариниди, 1989.

³⁸ Haskin, 1939; 1954.

³⁹ См., например Обельченко, 1967; 1992; Иваницкий, Иневаткина, 1989; Пугаченкова, 1989, с. 122-154.

⁴⁰ Rapin et al., 2001.

Рис. 8. Керамические сосуды постклассически-античного периода, III – VI вв., Афрасиаб.

свидетельствуют раскопки Афрасиаба⁴¹, Канки⁴² или Ахсикета⁴³, кажутся там исключительно процветающими. Ремесленники в них высоко квалифицированы, как это показывает керамический материал (рис. 7 a-d), найденный в большом количестве. Сосуды часто покрыты черным или красно-коричневым ангобом как металл, в этом кроме эллинистических традиций, хорошо прослеживается и римское влияние. Клад из 300 римских монет II в. н. э., найденный в Уструшане посередине между Самаркандом и Ферганой, подтверждает связи с Западом и Китаем⁴⁴.

⁴¹ Шишкина, 1975.

⁴² Буряков, 1982, с. 108-111.

⁴³ Анарбаев, Иневаткина, 1990.

⁴⁴ Зеймаль, 1983, с. 63-64.

Рис. 8 а, б. Кухонные керамические сосуды периода вторжений IV – V вв. Афрасиаб.

В это время Бактриана и Согдиана, по всей видимости, следуют каждая своим историческим путем параллельно, но относительно независимо. Моменты сходства, которые отмечаются в материалах этих двух регионов, представляются зависящими от того, что они в равной степени познали влияние греческих традиций и отныне они имеют связи больше с тем же римским миром, чем находятся в контактах друг с другом. Эти контакты, конечно, существовали, что видно, хотя бы потому, что на их территориях жили одни и те же группы кочевников.

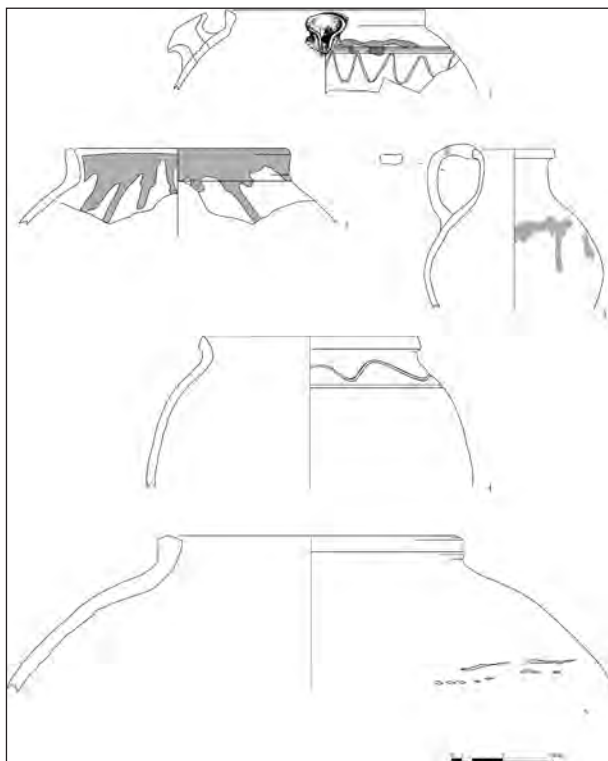
5. Керамика постантичного периода (II–VI вв. н.э)

Этот этап намного более туманен, чем все предыдущие и демонстрирует определенный упадок, как с точки зрения урбанизации города Самарканда, так и с точки зрения керамического материала. Этот материал еще слабо определен и труден для уточненной датировки (рис. 8, 8а-с). Долгое время отмечалась тенденция датировать его довольно поздним временем⁴⁵, но этим растягивается весь этот период, который следует за античностью и предшествует раннему средневековью. Я надеюсь, что смогу выделить внутри этого однородного комплекса сменяемость блоков со своими специфическими чертами, каждый из которых можно будет датировать более подробно. Этот период соответствует времени распада государства Кангуй и вторжения затем хионитов, кидаритов и эфталитов, которые распространились по всей Средней Азии, в то время как Сасаниды пытались также завоевать этот регион. Эти передвижения населения, конечно, оставляют место различным влияниям, идущим отовсюду, но которые проявятся более или менее четко только в следующий период.

Рис. 8 с. Чашечки на ножках или подсвечники из грубой керамики III–XI вв. Афрасиаб.

⁴⁵ Лебедева, 1990.

Рис. 9. Керамические сосуды эпохи раннего средневековья VII вв. Афрасиаб.

городище Сват, упоминающими некоего правителя Хунн из Самарканда, названного также и Кушаншахом⁴⁸. Речь, однако, идет об очень кратком периоде господства, вероятно, недостаточном, чтобы немедленно проявиться в материальной культуре (но см. ниже).

Насколько централизованной была политическая власть в каждом регионе Средней Азии трудно представить, так как ее территория была очень сильно раздроблена между различными кланами, а географические границы, разделяющие их владения, часто изменялись. Поскольку изучение керамики одного только городища Афрасиаб недостаточно для того, чтобы очертить территорию групп населения, последовательно сменившихся в Согдиане в эту эпоху, то можно надеяться, что материалы, полученные при обследовании долины Зарафшана и сконцентрированные в одних руках⁴⁹, могли бы идентифицировать их, как это было сделано в Восточной Бактриане для эпохи, когда появилось название Тохаристан⁵⁰.

6. Керамика периода раннего средневековья (VII–VIII вв. н.э.)

В отличие от предыдущего периода в это время очень четко отмечается активизация всех аспектов жизнедеятельности в Согдиане, которая была под господством западных тюрков. Причина такого подъема в развитии, как и для античного периода, заключается в международной

Наше знакомство с этим периодом в Согдиане основывается в основном на эпиграфических находках или кое-каких монетах. Таким образом, по найденным на городище Культобе в Казахстане⁴⁶ самым древним согдийским надписям, известным на сегодняшний день, мы знаем, что к концу II или началу III в. н. э. крупные центры Согдианы Кеш, Нахшаб, Самарканд, Бухара и Чач создали военный союз для колонизации более северных регионов вдоль р. Арысь. Этот альянс, вероятно, был создан для того, чтобы торговля с Китаем не прерывалась, но просуществовал недолго и не оставил видимых следов в материальной культуре Самарканда. Находки на Афрасиабе монет с именем Кидары уже сами по себе свидетельствуют о присутствии кидаритов в этой части долины Зарафшана, вероятно, во второй половине V в.⁴⁷ Недавно это стало возможным уточнить благодаря находкам из близлежащей Кафыркалы оттисков печатей с бактрийскими надписями и сравнению их со схожими оттисками, найденными на го-

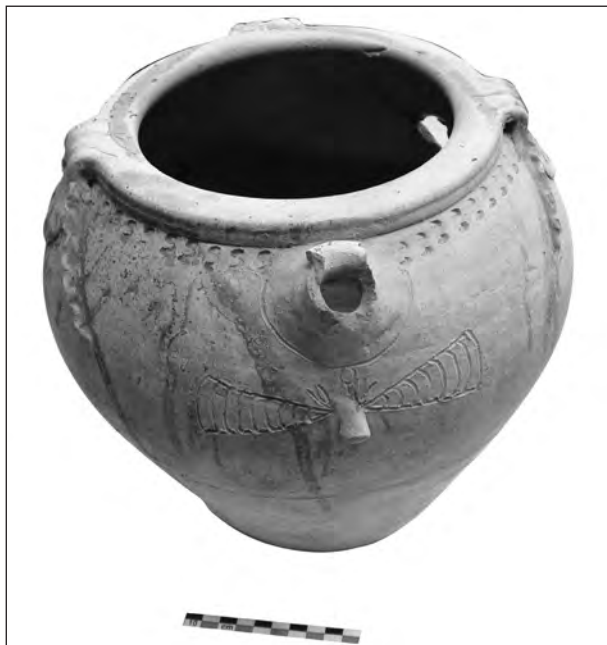
⁴⁶ Grenet et al., 2009.

⁴⁷ Grenet, в печати.

⁴⁸ ur-Rachman et al, 2006.

⁴⁹ Под руководством С. Страйда и М. Исамиддинова.

⁵⁰ См. Lyonnet, 1997, pp. 231-254, 268-284.

Рис. 9а. Горшок эпохи раннего средневековья с декором, вероятно, происходящим от орнаментов кидарито-эфталитских групп населения, VII-VIII вв. Афрасиаб.

паные на керамике, указывают на кланы кидарито-эфталитских групп, которые растворились в местном населении (рис. 9а). К тому же, некоторые формы идентичны тем, что известны в это время в Тохаристане⁵².

Арабское завоевание в начале VIII в. н. э., как и предыдущие иностранные вторжения, не привели в Согдиане к заметным изменениям в материальной культуре. Должно было пройти почти столетие, чтобы в ходе первых десятилетий IX века появилась глазурованная керамика, до того неизвестная в Средней Азии, а также другие новые технологические приемы, отраженные в составе теста и в обжиге, пришедшие с Ближнего Востока. И только тогда новый керамический комплекс можно по-настоящему характеризовать как «исламский».

Как показывает этот краткий обзор истории части материальной культуры Согдианы – ее керамических комплексов, сама страна на протяжении веков четко отличается от Бактрианы. Завоеватели, пришедшие с запада, столкнулись со многими трудностями и только после длительного владычества могли бы ввести свои собственные сосуды. Согдиана – страна, скорее кочевников и скотоводов, чем земледельцев, основала свое богатство преимущественно на международной торговле между Востоком и Западом.

торговле между Китаем и Византией, главную роль в которой играли согдийские купцы⁵¹. Этот этап очень хорошо известен в Согдиане, благодаря раскопкам Афрасиаба и Пенджикента, где настенные росписи, широко комментированные, свидетельствуют о бактрийском влиянии, принесенном, вероятно, веком раньше кидаритами. И в эту эпоху в материальной культуре контакты с Тохаристаном становятся более заметными [см. ниже].

Керамический материал очень обилен. Формы отличаются разнообразием, а фактура – хорошим качеством, несмотря на то, что декор нанесен небрежно набросом ангоба, образующим потеки, то есть, способ, который был известен еще с конца античного периода (рис. 9). Можно отметить, что только теперь здесь четко выделяется некоторое влияние, исходящее от внедрений в предшествующий период. Таким образом, наклепной декор, особенно в основаниях ручек и под трубчатым носиком, так же как и тамги, иногда процара-

⁵¹ Vaissière, 2002.

⁵² Lyonnet, 1997, p. 284.

Библиография

- Анарбаев А.А., Иневаткина О.Н.** Стратиграфическое изучение шахристана I городища Эски Ахси // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. 1990. С. 71-86.
- Аскарров А.А.** Расписная керамика Джаркутана // Бактрийские древности / под. ред. В.М. Массона. Ленинград: Наука. 1976. С. 17-19.
- Буряков Ю.Ф.** Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан.1982.
- Дуке Х.** Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент: Фан. 1982а.
- Дуке Х.** Чиракчинское поселение // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. Ташкент: Фан. 1982b. С. 19-29.
- Зеймаль Е.В.** Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш. 1983.
- Исамиддинов М.Х.** Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. Ташкент: Фан. 1982. С. 60-77.
- Иваницкий И.Д.** Саратепе 2 – поселение керамистов середины I тысячелетия до н. э. под Самаркандом // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 26. Ташкент: Фан. 1992. С. 22-41.
- Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н.** Раскопки кургана Сирлибайтепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 22. Ташкент: Фан. 1989. С. 44-59.
- Кабанов С.К.** Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни / К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда, под ред. Ю.Ф. Бурякова. Ташкент: Фан. 1981. С. 23-59.
- Лебедева Т.И.** Керамика Афрасиаба V–VI вв. н. э. // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 23. Ташкент: Фан. 1990. С. 160-168.
- Люйе Ж., Рапен К., в печати.** Раннежелезный век Северного Согда: характеристика и предварительная типологическая хронология // История материальной культуры Узбекистана.
- Массон В.М.** Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА–73. Москва – Ленинград: Наука. 1959.
- Обельченко О.В.** Погребение сарматского типа под Самаркандом // Советская археология. 1967. № 2.
- Обельченко О.В.** Культура античного Согда по археологическим данным. VII в. до н. э. – VII в. н. э. Москва: Наука.1992.
- Пугаченкова Г.А.** Древности Мианкаля. Ташкент: Фан. 1989.
- Сарианиди В.И.** Храм и некрополь Тиллятепе. Москва: Наука. 1989.
- Туребеков М.** Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на западном фесе Афрасиаба / Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент: Фан. 1979.
- Филанович М.И.** Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан. 1983.
- Филанович М.И., Дуке Х.** О древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. Ташкент: Фан. 1990. С. 39-49.
- Шишкина Г.В.** Эллинистическая керамика Афрасиаба // Советская археология. 1975. № 2.

Buryakov Yu.F., Baipakov K.M., Tashbaeva Kh., Yakubov Yu. The Cities and Routes of the Great Silk Road (On Central Asia Documents), International Institute for Central Asia Studies. Ташкент: Шарк, 1999.

Grenet F. A View from Samarkand: the Chionite and Kidarite Periods in Archeology of Sogdiana (fourth to fifth centuries) // *Iranien Huns and Western Turks: Archeology – History – Art History – Numismatics* / M. Alram and D. Klimburg-Salter eds. Vienne, pp 183-197wi/ **в печати.**

Grenet F., Podushkin., Sims-Wiliams N. Les plus anciens monuments de la langue sogdienne: les inscriptions de Kultobe au Kazakhstan // *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 2007, p. 1005-1034. 2009.

Hackin J. (avec la collaboration de J. Ria Hackin). Recherches archéologiques a Begram, chantier 2 (1937). 2 vol. Les Editions d'Art et d'Histoire [Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, IX], Paris, 1939.

Hackin J. (avec la collaboration de J. Ria Hackin, Jean Carl, Pierre Hamelin). Nouvelles recherches archéologiques à Begram (ancienne Kapiçi), (1939–1940). 2 vol., [Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, XI]. Presses Universitaires, Imprimerie Nationale, Paris, 1954.

Hiebert F. Chronology of Margiana and Radiocarbon Date // *Unesco Information Bulletin*, 19. 1993, p. 136-148.

Lyonnet B. Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978). Sous la direction de Jean-Claude Gardin. Volume 2. 1997. Céramique et peuplement, du Chalcolithique à la conquête arabe. Paris, ERC.

Lyonnet B. Les Grecs, les Nomades et l'indépendance de la Sogdiane, d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère // *Aleksander's Legacy in the East, Studies in Honor of Paul Bernard* / O. Bopearachchi, C.A. Bromberg, F. Grenet (eds.), *Bulletin of the Asia Institute* 12, 1998, p. 141-159. 2001.

Lyonnet B. Un nouvel assemblage céramique pour l'Age du Fer au Chach et en Sogdiane // *Le rôle de Tashkent dans le développement de la civilization mondiale. Symposium International consacré aux 2200 ans de la ville de Tashkent, en association avec l'UNESCO* / Alimova D., Pidaev Sh. (eds.). Tashkent: Fan, 2009, p. 19-22.

Lyonnet B. D' Aï Khanoum à Koktepa questions sur la datation absolue de la céramique hellénistique d'Asie centrale // *Mélanges en l'honneur de P. Bernard*. Tashkent, 2010, p. 141-153.

Lyonnet B. La céramique de la maison du quartier sud-ouest d'Aï Khanoum // *Fouilles d'Aï Khanoum l'habitat* [Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan] / G. Lecuyot. Paris. de Boccard, 2013, p. 179-191.

Rapin Cl. En collab. avec Isamiddinov M., Khasanov M. La tombe d'une princesse nomade à Koktepe près de Samarkand // *Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 2001, p. 33-92.

Sverçhkov L.M. The Kurganzol Fortress (on the History of Central Asia in the Hellenistic Era) // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia*, 14, 2008, p. 123-191.

Vaissière E. (de la). Histoire des marchands sogdiens. Paris Institut des Hautes Etudes Chinoises. 2002.

ОТКРЫТИЕ И РАСКОПКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ГОРОДИЩА АЙ-ХАНУМ В АФГАНИСТАНЕ

В настоящей статье представлены и проанализированы итоги археологических раскопок, проведенных Французской археологической экспедицией в Афганистане (DAFA*) с 1964 до 1978 год на городище Ай-Ханум, которое расположено на севере Афганистана. Общая презентация раскопок, была сделана неоднократно¹. Здесь переданы общий настрой и чувства участников экспедиции, отражены цели и стратегия наших исследований, представлен краткий обзор и сравнение полученных результатов с поставленными задачами.

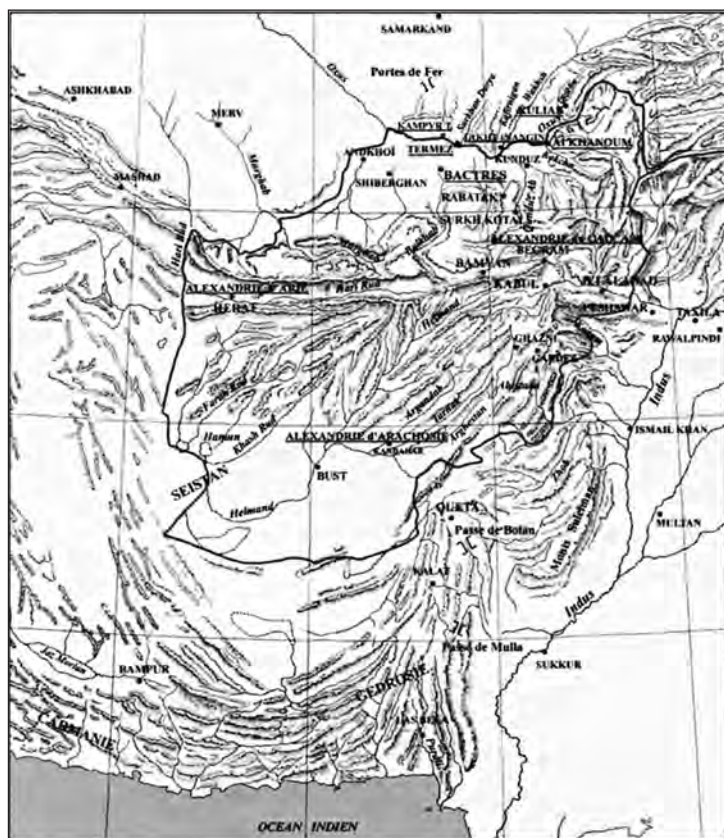

Рис. 1. Карта Афганистана (Ф. Ори). Территория, обжитая в греческий период.

Открытие Ай-Ханум.

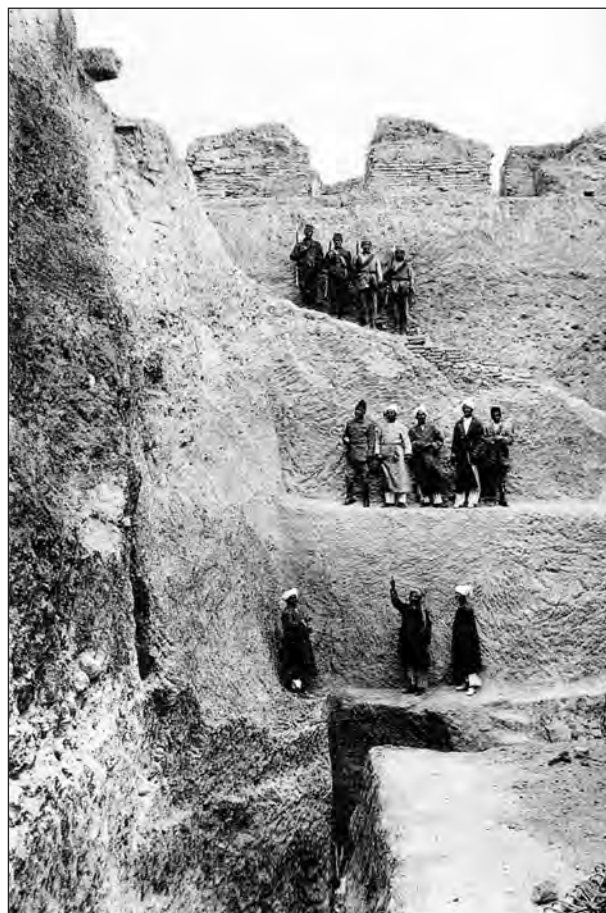
Прежде всего, я напомнил бы, что главной целью DAFA с самого ее основания в 1922 году² всегда были исследования материальных археологических и исторических свидетельств гегемонии, осуществлявшейся в течение трех веков до новой эры в Средней Азии греческим государством, рожденным завоеваниями Александра, память о чем сохранилась в отрывочном виде у классических историков. Если вновь изученная в своей средиземноморской колыбели греческая цивилизация смогла стать в XIX веке полем для скрытого научного соперничества между великими европейскими нациями, подобно тому как Дельфы и Делос, в свое время оспаривали пальму первенства у Олимпии и Пергама, Галикарнаса и Ксанта, то не стоит удивляться, что Франция, в силу стечения обстоятельств сразу по окончании Первой мировой войны открывшая двери в Афганистан,

* DAFA – La Délégation archéologique française en Afghanistan – прим. перевод.

¹ См. общую библиографию автора до 2000 г. в «Bulletin of the Asia Institute», 12, 1998. P. 3-11.

² Bernard, 2002.

который был недоступен в течение веков, удостоилась чести послать своих археологов по следам Александра на поиски самых отдаленных памятников распространения эллинизма на Востоке. Это были Бактры, где воспоминания о греческом завоевателе смешались в народной памяти с легендарной фигурой Зороастра. Бактры могли бы затмить все раскопки в средиземноморской Греции от Афин до анатолийского побережья (рис. 1). Основатель DAFA, индолог Альфред Фуше прибыл в Афганистан, облеченный полномочиями и с горячим желанием непременно проникнуть в секреты греческой Бактрианы. Однако раскопки, которые он вел в течение восемнадцати месяцев в 1924 и 1925 годах в Бактрах³, потерпели в этом смысле «фиаско» (по выражению одного коллеги-индолога, который, конечно, судил слишком строго), так как он не смог найти ни малейших следов памятников греческой эпохи (рис. 2)⁴. Эта неудача очень хорошо объясняется особыми трудностями, которые городище Бактр противопоставляло каждому археологическому исследованию - обширность территории и накопление слоев всех периодов. И это при отсутствии у А. Фуше опыта раскопок, связанных с архитектурой сырцовых сооружений. После перерыва на время Второй мировой войны во главе DAFA встал Д. Шлюмберже – преемник А. Фуше, который до этого в качестве заместителя директора службы древностей долгие годы занимался изучением памятников римской Сирии по французскому мандату на раскопки в этой стране и Ливане. Он был убежден в том, что приоритетной целью французской миссии в Кабуле⁵ должны стать поиски греческого присутствия в Бактрии и осуществил

Рис. 2. Бактры. Большая траншея, откопанная А. Фуше на акрополе. (1925 г.)

³ Результаты археологических исследований в Бактрии см. Foucher, 1942.

⁴ Sylvain Levi: цит. в G. Bongard-Levine, R. Lardinois, A. Vignasi, 2002, p. 143: «Раскопки Бактр потерпели полное фиаско, в то время как раскопки Каписы могли бы дать результат недорогой ценой. Вся эта история, в которой я остался посторонним, была запутана с самого начала (письмо С. Ольденбургу 25 июня 1925). Приведа это суждение без всякой снисходительности, С. Леви, однако, игнорирует, или делает вид, то что Фуше всегда хотел, чтобы первые раскопки DAFA в Афганистане были проведены на каком-нибудь греко-буддийском городище в районе Кабула и что только под давлением Парижа он поехал в Бактры, престижное название которых поддерживали сложившиеся к тому времени легенды. Надо напомнить, что в молодости С. Леви в своей диссертации об индийском театре, так же как и в небольшом труде [1890] поддерживал идею о том, что во многих областях Индия получила хорошую школу от античной Греции, и было несколько неожиданным, что он сменил настроение после неудачи предприятия, которое было бы выигрышной ставкой и для его собственной идеи.

⁵ Общий интерес к этой проблеме, которая превосходит любые другие по причине географической протяженности, по степени проникновения и длительности греческого влияния на всю Среднюю Азию вплоть до исламского завоевания (D. Schlumberger, 1949, p. 174).

Рис. 4. Ай-Ханум. План городища, снятый в конце раскопок 1978 года (Ж.-К. Лижер и пересмотренный Г. Лекьюю).

комплекс окружен непрерывной линией оборонительной стены. Когда одним ноябрьским серым и дождливым утром 1964 года он впервые открылся нашим взорам с высоты акрополя, его строения угадывались только по земляным всхолмлениям и лессовым буграм, образовавшимся в результате разрушения стен из сырцовых кирпичей, без каких-либо видимых признаков камня¹¹. После предварительного обследования выяснилось, что большее скопление памятников находилось в нижнем городе и что это - объекты значительных размеров (рис. 3, и конечный план рис. 4). В центре нижнего города выделялся ансамбль зданий, сгруппированных вокруг нескольких открытых пространств, свободных от всякой застройки, вероятно, дворов. Как оказалось, самый крупный из них открывался

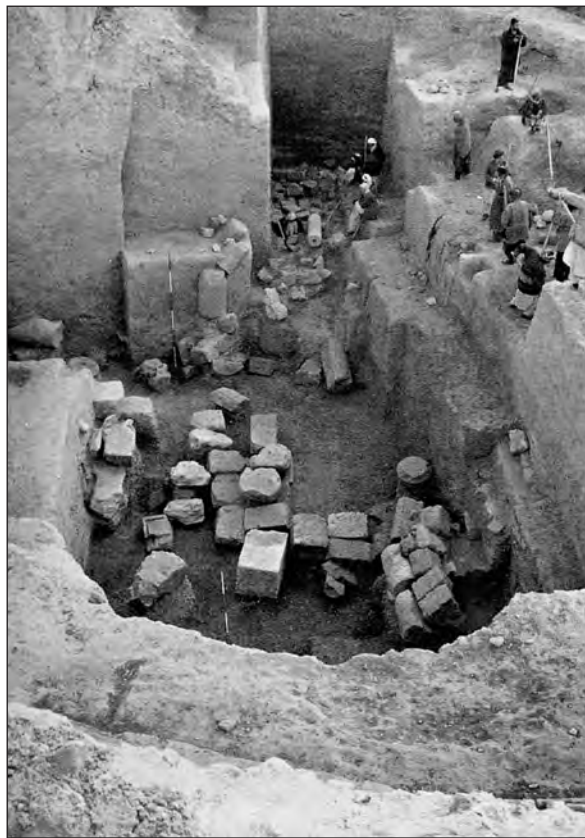
После первой безуспешной попытки в 1963 году отряд DAFA, наконец, в ноябре 1964 годазнакомился с городищем в течение довольно длительного времени и все сомнения были развеяны. Обнаруженные при шурфовке барабан каменной колонны и фрагменты коринфских капителей, так же как и греческие граффити на черепках сосудов, были равнозначны греческому автографу на городище¹⁰.

Первая встреча – первые открытия.

Городище Ай-Ханум – одно из самых величественных городищ, которые только существуют. Оно занимает обширную территорию треугольной конфигурации: длиной с севера на юг в 1900 м и шириной с востока на запад в 1600 м, расположенную у слияния двух рек: древнего Окса – сегодняшней Амударьи и Кокчи – одного из ее притоков левого (афганского) берега. Оно состоит из громадного плоского треугольного холма высотой 60–80 м, игравшего роль акрополя, и нижнего города у его подножия. Весь

¹⁰ Впервые городище увидел в 1838 исследователь Ж. Вуд, 1841, р. 394-395), а затем в 1926 г. Его посетил Ж. Барту, З. Тарзи (1996, особенно, р. 595-611). Оба понимали, что перед ними место расположения большого древнего города, но не было никаких признаков, указывающих, что он относится к греческой эпохе. Расположение Ай-Ханум у восточных пределов Бактрии, намного дальше, чем самая восточная ветвь пути в Индию, связывающего Таксилу с Бактрами и Термезом, объясняет, почему город в течение длительного времени не посещался ни путешественниками, ни археологами (за этими двумя исключениями). Он до такой степени был изолирован, что оказался вне торговли древностями на базарах Пешавара и Исламабада, которая подпитывалась мелкими находками, подпольно добытыми крестьянами. Ни один, или почти ни один, тип бронзовых монет, собранных в наших раскопках не известен в коллекциях ни местных, ни европейских музеев.

¹¹ Первый план городища (рис. 4) снят до раскопок архитектором М. Ле Берром (Berge, 1965, fig. 2). Восхищает точность съемки с размещением нескольких главных памятников, выполненной простым теодолитом менее чем за десять дней (рис. 5). О геологии городища см.: A. F. de Lapparent et R. Desparmet, в P. Bernard et autres, 1973, р. 239-246; Gentelle, 1978. В отношении обживания долины Ай-Ханум можно получить информацию в трех томах «Prospection archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978), sous la direction de J.-C. Gardin: I, Gentelle, 1989; II, Lyonnet, 1997, III, Gardin, 1998, Description des sites et notes de synthèse («Mémoires MAFAС», III, VIII, IX).

Рис. 5. Бактры. Блоки греческой эпохи, перекрытые мощным завалом.

Рис. 6. Ай-Ханум. Вид нижнего города после разграбления (2004).

на север входом, отмеченным изолированным холмом, который, по нашему предположению, скрывал остатки пропилеев, что и подтвердил шурф, заложенный в первые дни¹².

В южной части просматривался волнообразный рельеф местности с понижениями дворов, занимавший участок у слияния рек; он создавал впечатление расположения здесь квартала жилищ. Прямолинейная впадина, отмечавшая трассу главной улицы, отходила от провала в северной оборонительной стене – места главных городских ворот и вдоль внутреннего склона акрополя направлялась к небольшой занятой постройками террасе, образующей переход к нижнему городу. Улица упиралась в обрыв, нависавший над Кокчой, образованный ее бурными водами. На северном краю этой улицы в нижней части склона акрополя открывалась большая округлая впадина, по-видимому, искусственного происхождения. Мы предположили, что здесь располагался театр. Если первый шурф, сразу же здесь заложенный, дал негативный результат, то открытый несколькими годами позже раскоп подтвердил наше первое интуитивное предположение. Мы надеялись также найти трассу канала, подводившего воду в город. Он должен был проникать через северную оборонительную стену у подножия акрополя в северной его точке. Последующие работы показали, что там он и проходил, но не в той точке, где мы предполагали его увидеть¹³. Поля, которые занимали предместья древнего города снаружи за внешней северной стеной и у восточного обрыва акрополя, были усеяны керамикой, указывающей на присутствие здесь строений.

Уроки обследования: раскопки архитектурных сооружений и расчистки в условиях политической нестабильности сопряжены с риском.

¹² Bernard, 1965.

¹³ Вдоль внутреннего склона на половине высоты акрополя проходит широкий, но неглубокий ров, трасса которого показана пунктиром на плане М. Ле Берна (1965, р. 595, fig. 2, N. 12). Он начинается от промежуточной террасы на северо-востоке, идет выше ступеней театра, огибает юго-западный угол, а затем и юго-восточный угол акрополя. Вероятнее всего, этот ров не был ложем канала, как мы предположили в начале («ВСН», 1965, особенно, р. 593, 597). Геологи А. де Лапаррэн и Р. Депарме, которые в 1967 г. исследовали по нашей просьбе городище, обнаружили трассу этого рва на южной оконечности восточного фаса акрополя, выше лагеря археологов: именно там и должен был бы быть канал. Забор воды, как и во всех других, осуществлялся выше по течению Кокчи, около места современного моста через эту реку, ведущего в долину Ай-Ханум. Как предполагалось ранее, что, он подходил к акрополю, огибал его юго-восточный угол и проникал в город [Bernard, 1973, р. 246, pl. 109b, n. 2 et 110b, n. 4]. Однако есть два главных обстоятельства, препятствующих тому, чтобы признать в указанном рве канал, подводивший воду к городу: 1) его отправная точка возле акрополя оказывается на 20 м выше правого берега Кокчи (затруднение, отмеченное самими геологами). Даже если допустить нереальное предположение, что огромная насыпь земли (что было бы необходимо, чтобы поднять канал на эту высоту) полностью исчезла, вход его возле склона акрополя был бы все равно намного выше и по сравнению с местом возможного водозабора у моста через Кокчу, и по сравнению с уровнем расположения нижнего города, где вода должна была распределяться по городской территории; 2) этот ров имеет уклон в направлении с юга на север, то есть с точностью до наоборот естественного склона эспланады нижнего города, которая наклоняется в направлении с севера на юг, т.е. против направления водотока. Отсюда следует, что этот ров, скорее, был устроен для сбора вод, стекающих со склонов акрополя, и отвода их от нижних строений, над зоной которых он пролегал. Настоящий канал, питавший водой город, представлял из себя отвод из канала 10, протекавшего по долине, после того как он входил в город через небольшой проход в городской стене в конечной северной точке у подножия акрополя он следовал параллельно главной улице. Он зафиксирован в проходе шурфе, прорезавшем городскую стену. Здесь были выявлены ложа двух канав, расположенные друг над другом. Верхнее - было снабжено камнем с отверстием, игравшим роль шлюзовой задвижки, регулировавшей поступление воды в нижнее русло через систему керамических труб водопровода [P. Gentelle, 1978, р. 142, fig. 20, coupe 11]. Этот канал показан на планах всего комплекса Ай-Ханум, опубликованных в последних томах работ экспедиции. Его присутствие на улице обнаружилось в нескольких шурфах на высоте подошвы храма с уступчатыми нишами, а также театра. Гипотеза о предполагаемом канале, расположенном слишком высоко и текущем в обратном направлении, была столь явно ошибочной, что в исследованиях по палеографии и ирригации долины группа Ж.-К. Гардена, даже не упомянули о ней, не взяв на себя труд ее опровергнуть.

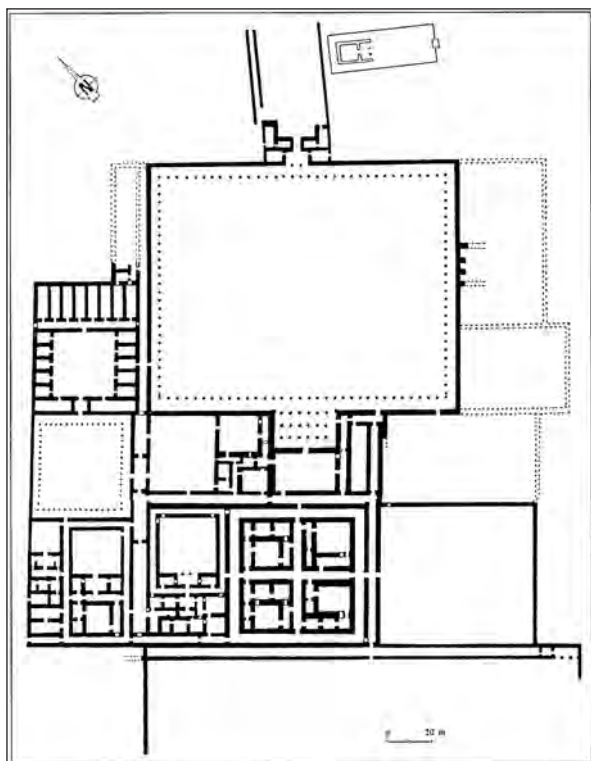

Рис. 7. Ай-Ханум. Северная стена нижнего города из сырцовых кирпичей.

Заключение, которое напрашивалось по результатам этого обследования, продлившегося десять дней, ориентировало нас на раскопки, необходимость которых определялась самой природой этого памятника, выявленной с первого же контакта с ним. Следовало направить основные усилия на архитектуру, расчистка которой требовала привлечения значительных средств и рабочей силы. Они будут мне предоставлены на следующий 1965 год, когда я сменил Д. Шлюмберже на посту директора DAFA, а разрешение на раскопки было нам великодушно дано афганским правительством, и я смог провести первый сезон раскопочных работ. Всего этих сезонов было четырнадцать вплоть до 1978 года, не считая предварительного обследования в 1964 году, иногда работали по два сезона в год, весной и осенью. Я также знал, что наши раскопки, которые велись на советской границе, на глазах пограничников подозрительного соседа, более чем другие постоянно были во власти шаткой политической ситуации в Афганистане, над которой доминировали связи с Советскими Союзом, периодическое давление Пакистана и борьба за влияние между американцами и русскими. По счастливой случайности получение разрешения на посещение городища в 1964 году, а затем раскопки в 1965 году совпали с периодом ослабления напряженности, наступившим с концом авторитарного правления Сардара Дауда (март 1963 года) и сменой его правлением Мохаммада Юсуфа¹⁴, длившимся вплоть до приостановления наших раскопок после сезона 1978 года. Остановка стала следствием коммунистического государственного переворота в Афганистане в апреле 1978 года, усугубленного

¹⁴ Заместитель министра, а затем министр иностранных дел Афганистана доктор Раван Фархади, человек высокой культуры, автор диссертации по лингвистике, представленной на французском языке в Парижском университете, сумел рассеять опасения и неуверенность, которые могло внушить присутствие иностранцев на особо чувствительном участке границы. По его совету, чтобы предупредить подозрения, дважды советские коллеги были приглашены на раскопки. Его Величество покойный король Афганистана Мохаммад Захир Шах никогда не прекращал публично проявлять интерес и покровительство раскопкам Ай-Ханум, которые без него просто бы не состоялись. Г-н Сервар Нашер президент Северной хлопковой компании, который также сыграл роль в открытии Ай-Ханум, был верным и активным другом археологов. Нужно ли говорить о том, в сколь большом долгу чувствовали мы себя, насколько были признательны этим личностям, да и многим другим, а также афганскому народу, людям, которые на протяжении многих лет оказывали нам честь преломить с ними хлеб.

Рис. 8. Ай-Ханум. План ансамбля дворца (Ж.-К. Лижер; прорисовка контура дворца К. Рапэна).

сти рабочей силы, никогда не бывшей избыточной, и многочисленности отряда исследователей, никогда не нарушавших ритм раскопок и возглавлявшихся директором, постоянно присутствующим на раскопочной площадке. Таких условий не было на Ай-Ханум.

Раскопки в описываемый период не были в большой чести – они страдали от немилости, которая распространялась на всех, кто соприкасался с классической археологией, с которой они долгое время ассоциировались, и от общего упадка гуманности. Если я хотел в относительно короткий срок составить представление об ансамбле города, скрытого под земляными холмами, именно раскопки в Дура-Европос и Таксиле, где в конце работ довольно четко вырисовывались общие черты урбанизма, я должен был брать за образец. Кроме того, необходимо отметить, что к началу шестидесятых годов у нас не было никого, кто мог бы дать нам хоть малейшее представление о том, какой была цивилизация греческих колоний в Средней Азии, что надо делать, для заполнения (хотя бы частичного) существующей лакуны. Раскопки, однако, были упрощены тем, что на городище был отмечен факт единовременного и однородного обживания, как и отсутствие последующего обживания в постгреческий период.

¹⁵ Cumont, 1926.

¹⁶ См. двойную серию The Excavations at Dura-Europos a) Preliminary Reports; b) Final Reports, New Haven. Об истории раскопок Дура см.: Hopkins, 1979; Bongard-Levine, Bonnet, Litvinenko, Marcone, 2007, passim. О возобновлении раскопок в 1986 году под руководством П. Лериша см. серию: «Doura-Europos, Etudes», I 1986. V, 2007, Paris.

¹⁷ Sir John Marshall, 1951.

советским военным вторжением в декабре 1979 года. Годы наших раскопок с 1964 по 1978 точно соответствуют тому периоду, который называют «периодом реформ», «золотым веком» во всех областях и политической, и экономической жизни страны. По окончании каждого археологического сезона я всегда покидал Афганистан с предчувствием, что могу больше не вернуться, как в конце концов и случилось. Даже когда уже сложились некоторые навыки сезонного или двухсезонного годового ритма раскопок, я никогда не считал, что работы на Ай-Ханум смогут продолжаться без происшествий для многих поколений археологов и никогда не мог отрешиться от чувства грядущей предопределенности.

Раскопки Дура-Европос в Сирии (Франца Кюмона 1922–1923 годы)¹⁵, М. Ростовцева (1928–1937 годов) в сотрудничестве с М. Пиле, Кл. Хопкинсом, Фр. Броуном¹⁶ и Таксилы в индийском Пенджабе (1913–1934 годов) под руководством Дж. Маршалла¹⁷ показывают, что можно сделать за пятнадцать-двадцать лет непрерывной работы, при наличии необходимых средств и концентрации на единой цели, при достаточно-

Рис. 9. Ай-Ханум. Коринфская капитель так называемого нормального типа из гипостильного зала дворца.

обжит на очень краткое время, может быть, на несколько лет (десять или чуть дольше)²⁰, местным населением, пришедшим из долины, которое заняло в городе ограниченную территорию и зернохранилище, но которое, в свою очередь, было изгнано вторым кочевническим вторжением. Греческие здания, остатки стен которых еще читались на поверхности земли, могли быть легко расчищены. Не было необходимости исследовать слои более позднего обживания, копившиеся из века в век, как это было в Бактрах, где в лучшем случае они были перекрыты десятком метров более поздних завалов. Трудности, встреченные исследователями DAFA, которые и сегодня ведут раскопки на греческом поселении Тепе Заргаран (рис. 5)²¹, заставляют достаточно высоко оценить исключительный шанс, который подарил Ай-Ханум своим археологам. Ни одно другое городище во всей Средней Азии не предоставляет столь благоприятных условий для исследования греческого присутствия.

¹⁸ Я назову здесь только сотрудников, связанных с DAFA постоянно на более или менее долгий срок, которые сменяли друг друга в Кабуле с 1964 по 1980 год: М. Ле Берр, Р. Де Вальанс – архитекторы; Ж.-К. Лижехудожник; Ф. Грене, А.-П. Франкфор – заместители директора; Ф. Гуин, С. Вёв, Ж.-К. Спиесс, О. Гийом-археологи.

¹⁹ Leriche, 1986; в шурфе 9 на цитадели кладка 419 из крупных кирпичей по 55 см в стороне. Но сопровождающая ее керамика ахеменидского типа смешана с греческой керамикой; датировка постгреческим периодом, которую автор прилагает к некоторым другим артефактам (там же, pp. 71-72), не подтверждена (там же, pp. 17-18); (раскоп 8 цитадели, там же, p. 44); (основание куртины северной стены нижнего города из крупных кирпичей размером 55–52 см.); информация о стене над Оксом дополнена и исправлена С. Вёвом [Veuve, 1987, pp. 59–61, 95, fig. 7, pl. X.]; керамика, позволяющая датировать стену 204, полностью отсутствует.

²⁰ Длительность этого периода повторного обживания города греков местными жителями трудно уточнить. Поселенцы грабили оставленное греческими колонистами добро, занимали частные и общественные здания, разрушая некоторые из них, чтобы взять строительный материал (камень для печей выжигания извести, металлические детали, жженные кирпичи, дерево). Специалисты по изучению керамики отмечают, что посуда «скваттеров» (этап VIII керамической хронологии) показывает продолжение использования типов керамики конца периода греческого обживания (этап VII) без каких-либо существенных изменений, если не считать склонности к увеличению размеров сосудов. Все это приводит к выводу о том, что период был коротким (иногда говорят о нескольких месяцах). По мнению археологов, к ним относится и Ваш автор, интенсивная строительная деятельность этих самых «скваттеров» (*бездомных – пер.*) проявила себя в некоторых раскопах, таких как раскоп на святилище храма с уступчатыми нишами. Результаты раскопок, однако, позволяют предполагать, что их присутствие было более длительным, порядка нескольких лет.

²¹ Bernard, Besenval, Marquis, 2006.

Можно, однако, и сожалеть, что греческие слои залегают непосредственно на материке и таким образом лишают возможности исследовать переходный период от культур, предшествовавших греческому завоеванию. В качестве компенсации история несколько упростила задачу археологов. Все городище Ай-Ханум, за исключением нескольких более поздних разрушенных погребений, полностью греко-бактрийское. Вести раскопки этого города, как и представлялось, оказалось делом нетрудным.

Исследование городища, разгромленного «подпольными» раскопками.

Однако археологов на городище Ай-Ханум подстерегали трудности иного порядка. Грубо прерванные раскопки 1978 года, причиной чего были политические события и последовавшее тридцатилетнее запустение памятника имели следствием передислокацию самого отряда исследователей. Еще более печальным было систематическое уничтожение городища подпольными раскопками, начатыми местной милицией в девяностых годах (рис. 6), разрушение дома – базы нашей экспедиции и хранилища коллекций и, наконец, разграбление музея столицы Кабула и исчезновение переданных в музей находок. Все эти события имели бедственные последствия для изучения собранного материала, который остался лишь в том виде, в каком его можно было сохранить в архивах раскопок: дневники раскопок, рисунки, фото – без малейшей возможности пополнить или сравнить первые результаты. В течение каких-то ста семидесяти лет существования города – если принять дату основания около 305–300 г. до н. э. при Селевке I, в нем очень интенсивно шло строительство архитектурных сооружений: в святилище храма с уступчатыми нишами насчитывается пять крупных строительных этапов; столько же – в доме южного квартала, четыре – в мавзолее основателя города. То есть, мы были заняты выполнением программы широких вскрытий, нацеленных на изучение стратиграфии городища, которые выявили существовавшую на протяжении всей его истории плотность греческого обживания. В рамках четырнадцати раскопочных сезонов у нас сложилось общее представление об ансамбле города, развитии его архитектуры, характере общества, сформированного его населением таким образом, что греческая культура колонистов развивалась в контакте с иранским контекстом, в который она была включена, что наложило отпечаток на их язык, верования и художественные наклонности. Мы обязаны большей частью наших знаний, хотя и очень неполных и отягощенных неточностями, но какие бы они ни были, тому, о чем позволяет догадываться архитектура.

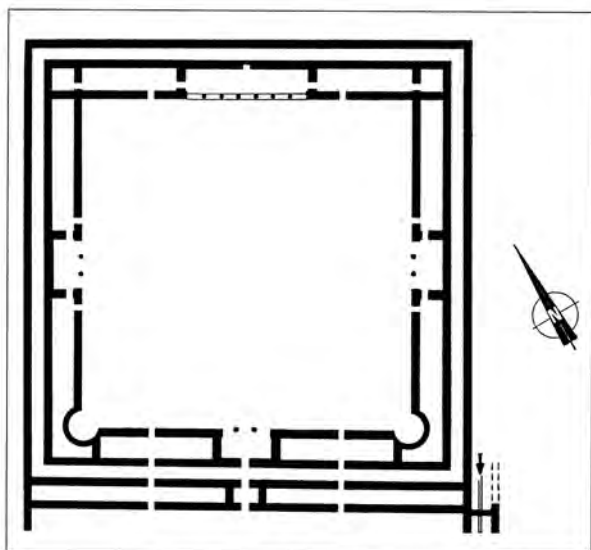
В Ай-Ханум представлены практически все типы архитектуры: военной, гражданской, связанной с государственными или муниципальными институтами, жилой, культовой и погребальной.

Военная архитектура²².

Городская стена, которая охватывает непрерывным защитным поясом городище, включая берега у слияния двух рек, возведена массивной кладкой из сырцовых кирпичей.

На севере, там, где нет никаких естественных преград, и «нижний город» открывается на долину, стена стала объектом особых забот жителей: толщиной в 8 м, она была фланкирована прямоугольными бастионами шириной в 20 м, и высотой более 8 м, выступающими на 11 м за линию куртин (рис. 7). Позднее был добавлен ров с целью еще более затруднить подход к стене. Ясно, что в этой самой уязвимой части ограждения стена была задумана так, чтобы отбивать атаки

²² Leriche в Mémoires de la DAFA, 1988. Там же см.: 1966, 1969, 1970, 1974, 1976, 1980, 1980.

Рис. 11. Ай-Ханум. Северный комплекс, гимнасия (рисунок Ж.-К. Лижер).

возможность прямого наблюдения за тем участком, где подводящий воду канал входил в город.

Гражданская архитектура

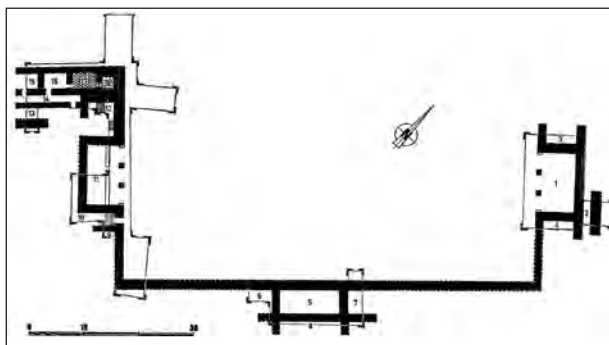
Дворец²³

Именно в нижнем городе строилось большинство публичных и культовых зданий и располагался жилой квартал. Городская застройка была задумана так, что отправной функциональной точкой ее стал дворец. Чтобы оставить место для его свободного пространственного развития, главная улица, идущая от северной городской стены на юг к Кокче, была смещена к подножию акрополя на узкую промежуточную террасу шириной в 80 м, доминирующую на высоте 5 м над нижним городом. Таким образом, дворец раскинул свои здания на южной половине города на площади 350 м с севера на юг и на 250 м с востока на запад (рис. 8).

К южной части дворца примыкал обширный двор, свободный от застройки. Он отделял царскую резиденцию от жилого квартала, расположенного у слияния двух рек. Доступ во дворец осуществлялся с севера по широкой изогнутой под прямым углом улице, отходившей от главной через монументальные колонные пропилеи. Что касается плана дворца, то его архитектурная концепция чужда национальной традиции греков. Греко-бактрийские архитекторы вдохновились моделями, которые греки обнаружили по прибытии на завоеванный Восток, а именно, неовавилонскими дворцами и дворцовыми комплексами ахеменидских царей. Как и дворец Дария I в Сузах, Ай-Ханум представлял компактный ансамбль, включавший дворы и изрезанные коридорами здания, и выполнял тройную функцию: административную, жилую и хозяйственную.

Главный вход с севера, охраняемый маленькими пропилями, вводил в грандиозный двор (137 x 108 м) с родосским перистилем, четыре портика которого составляли линию из 116 ка-

²³ Bernard в *Mémoires de la DAFA*, 1973. Там же см.: 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1974, 1975, 1976, 1978, 1980, 1976; В отношении пропилюев, имевших изогнутый план, которые вели от главной улицы ко входу во дворец, см.: Guillaume, 1983.

Рис. 10. Ай-Ханум. Официальная резиденция должностных лиц (рисунок Ж.-К. Лижер).

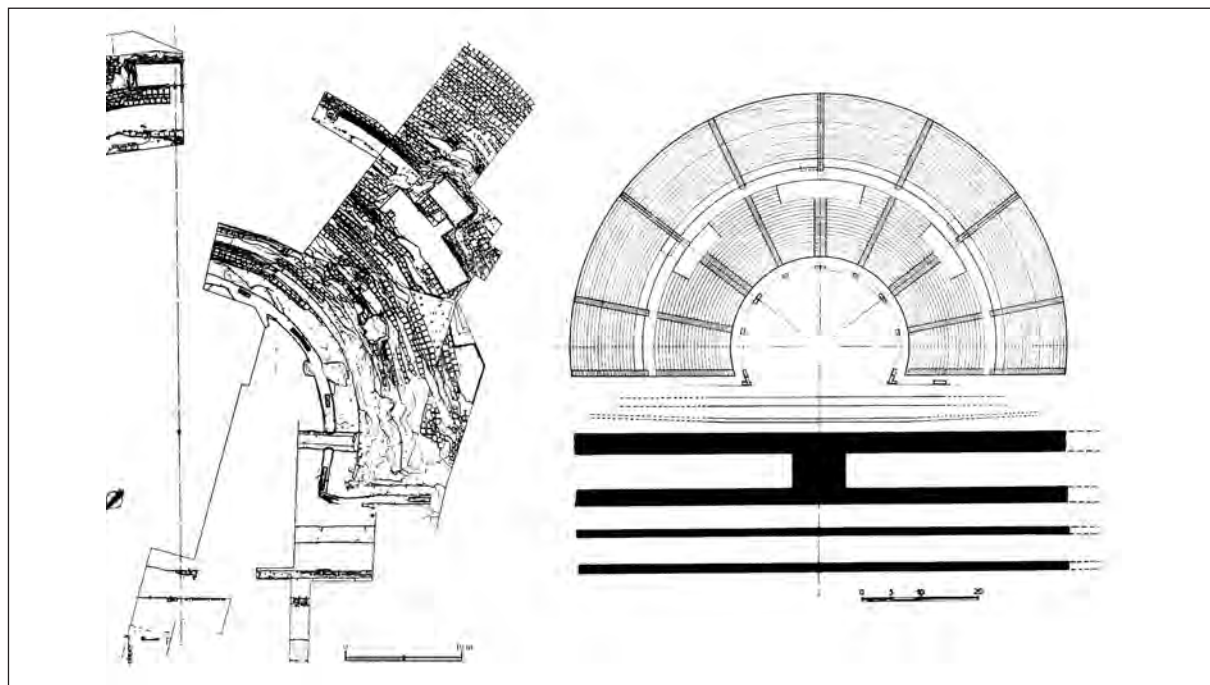
Позади гипостильного зала и «зала ожидания» располагалось официальное здание размером в 50 м в стороне. Обведенное коридором оно внутри крестообразно разделено двумя коридорами на четыре одинаковых блока. Два восточных вмещали два аудиенц-зала, стены которых были украшены каменными пилястрами с капителями en sofa и рельефами из сырой глины. Западные залы образовывали два административных комплекса. На запад от этого ансамбля простиралась зона резиденции, состоящей из трех жилых блоков, определяемых наличием двора, за ним к югу располагался жилой корпус. Западный блок, который включал просторный комплекс залов с водой, напрямую связан с административным блоком двумя дверными проемами, расположенными один против другого. Здание могло быть либо резиденцией двух представителей власти, двух чиновников высокого ранга (одинаковые приемные залы для них располагались в соседнем здании), либо предназначалось для двух персонажей продублированного царского правления – правителя и принца-наследника. Этот последний, возможно, рассматривался как вице-король, согласно селевкидскому обычаю, воспринятому греко-бактрийскими и индо-греческим преемниками.

Два других блока резиденций, расположенные на запад от первого и разделенные широким коридором, дополняли друг друга и практически представляли одно и то же жилище с отдельными функциями. Один из блоков был снабжен большой комнатой – своего рода гостиной, украшенной к тому же рельефами из сырой глины, другой – состоял из комнаты, выполнявшей роль ванной, с мозаичным полом и прилегающей кухни с нагревательным котлом, а также включал хозяйственные помещения и хранилища.

Западное крыло двухчастной резиденции включало на севере большой двор для развлечений (46 м в стороне) с четырьмя прогулочными галереями, укрытыми портиками с шестьюдесятью каменными колоннами дорического ордера. Сюда, вероятно, имели доступ только члены семьи правителя и охрана дворца. Отсюда, тем не менее, можно было пройти к сокровищнице (59 x 51 м), расположенной к северу от дорического двора. В ней вокруг центрального двора с галереями-портиками группировались параллельные ряды складов²⁴. Назначение здания видно по его плану, следующему восточным моделям, и по находкам, которые там были сделаны: тарные сосуды, особенно для привозных благовоний и оливкового масла, сосуды, содержимое которых учитывалось во дворце в греческом и индийском исчислении, полудрагоценные камни,

²⁴ Rapin в Mémoires de la DAFA, 1992. Там же см.: 1978, 1980, 1980.

Рис. 12. Ай-Ханум. Съемка и восстановленный план театра (рисунки Ж.-К. Лижер и Р. де Валенс).

природные и обработанные (лазурит, бирюза, агат, сердолик, гранат, рубин, горный хрусталь, берилл), предметы роскоши. В одной из средних комнат в дорическом дворе сохранились рукописи дворцовой библиотеки.

Монументальный характер этого ансамбля строений и богатство декора колонн и пилястров, а, кроме того, еще и наличие пристенных скульптур из сырой глины, остатки которых были собраны в четырех из пяти главных помещений, позволяют считать, что перед нами настоящий царский дворец. Бинарная структура власти, которая могла бы объяснить удвоение некоторых архитектурных элементов дворца, согласуется с тем, что мы знаем об участии в управлении принца-наследника в селевкидской монархии и у греко-бактрийских и индо-греческих правителей. Город на Ай-Ханум был бы в Восточной Бактрии парой старой столице – Бактрам в центре провинции и, следуя недавней нумизматической теории, которую, однако, надо принимать с осторожностью²⁵, он мог бы даже на многие десятилетия экспроприировать право чеканки монет на собственном монетном дворе. Последним обитателем этого дворца, кому он был обязан большей частью самого грандиозного обустройства и который переименовал город в свою честь (Евкратидия), был царь Евкратид I, пребывавший на троне примерно со 170 по 145 год до н. э. В сокровищнице, сожженной вскоре после его смерти вторгшимися кочевниками, были найдены остатки добычи, захваченной во время завоевательных походов этого царя в Индию: индийские монеты с многочисленными клеймами, остатки трона или ложа из слоновой кости, агат и горный хрусталь²⁶, диск, сделанный из

²⁵ Kritt, 1996; 2001. Заключение Б. Крита были вновь повторены: Houghton, Lorber, 2002, но отвергнуты О. Бопераччи [Boperachchi, 2004], и Г. Ле Ридером [Le Rider, 2004].

²⁶ Rapin, 1992.

Рис. 14. Ай-Ханум. Семейный мавзолей за городскими стенами.

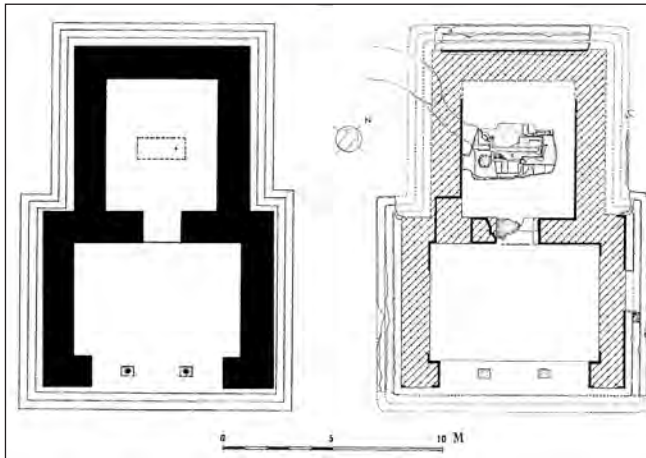
подобранных пластинок перламутра, в оправе с инкрустацией из цветной стеклянной пасты, обведенной золотой нитью²⁷.

Дворец Ай-Ханум сфокусировал все черты и оригинальность греко-бактрийской архитектуры. Стены, возведенные из сырцовых кирпичей на мощных фундаментах из галек, в самых поздних своих частях имели цоколь из обожженных кирпичей, предназначенный для защиты от почвенной сырости. Террасообразные кровли сделаны из слоя земли с саманом, как во всех восточных архитектурных сооружениях, но по краю обведены бордюром из черепиц и антефиксов на греческий манер²⁸. Строительный камень – мягкий известняк использовался только для порогов самых важных помещений и, в особенности, для колонн и пилястров. Барабаны и базы колонн вытачивались механически при помощи токарного станка. Эта техника, изобретенная греками в архаическую эпоху и переставшая впоследствии применяться, была вновь использована греко-бактрийскими архитекторами, чтобы при органичном числе каменотесов производить колонны быстро и в большом количестве. Планы комплекса инспирированы, в широком смысле, восточной архитектурой, но архитектурный декор остался верен греческой эстетике. С одной стороны, это – использование трех классических ордоров: дорического, ионийского и коринфского, причем этот последний доминировал либо как адаптация коринфизированного древнего типа сиро-финикийской семитской капители, либо как более классический нормальный коринфский тип (рис. 9)²⁹. С другой стороны, это – использование для оформления края крыш антефиксов чаще всего с мотивом пальметт. Бедность интерьеров помещений с глинобитными полами, в которых стены оформлены лишь исключительно пилястрами и живописью с геометрическими мотивами или горельефами из сырой глины, конечно, восполнялась исчезнувшими бесследно коврами и драпировками, столь дорогими Востоку.

²⁷ Les trésors retrouvés, 2006, p. 150, № 9.

²⁸ Les trésors retrouvés, pp.158-159, № 25-28.

²⁹ Bernard, 1968.

Рис. 15. Ай-Ханум. Мавзолей Кинеаса. Первоначальное состояние (I), позднее реконструированный по упрощенному плану (II) на террасе (рисунок М. Ле Бerra)

даже если политическая жизнь и управление были монополизированы дворцом, где царь присутствовал лишь сезонно, город, особенно такого масштаба как Ай-Ханум, не мог обходиться без корпуса должностных лиц и муниципальных учреждений. Очень возможно, что раскопанный лишь частично, но возведенный на высоту дворца большой дом, на краю длинной улицы, двор которого включал два противостоящих колонных портика (как бывает только в домах Ай-Ханум), и был предназначен для двух магистратов - должностных лиц коллегии (рис. 10). Как и резиденция дворца, и вообще все дома в городе, он обладал ванной комнатой. К югу от него на промежуточной террасе, где проходила главная улица, была еще одна площадь с другими служебными зданиями. Сам театр мог служить для публичных собраний.

Гимнасий³¹

Гимнасий – заведение типично греческое, традиционно находящееся под покровительством Гермеса и Геракла, к тому же названных в надписи, найденной на месте³², протянул свои дворы и строения вдоль берега Окса.

Сооружение окончательно сложилось на последнем этапе существования города. Северное здание, вероятнее всего, предназначенное для обучения³³, образовало квадрат со стороной в 100 м (рис. 11). Хотя план здания с двором, со всех четырех сторон окруженным рядами помещений и колонных портиков, вдохновлен греческими моделями, он отличается от них исключительными размерами, абсолютной симметрией, повторяющейся на каждой из сторон в виде центрального портика, фланкированного двумя вытянутыми в длину помещениями, и наличием огибающего здание непрерывного коридора, предназначенного для перемещений и служившего прогулочной галереей, защищавшей от жары и непогоды.

В общем, эта грандиозная очень суровая архитектура, где каменные колоннады способствовали созданию эффекта престижности, лишенная фантазии, но очень функциональная и подчеркивающая любовь к симметрии и регулярности, воскрешает в памяти имперскую высокомерную и холодную архитектуру ахеменидских дворцов.

Резиденция должностных лиц³⁰.

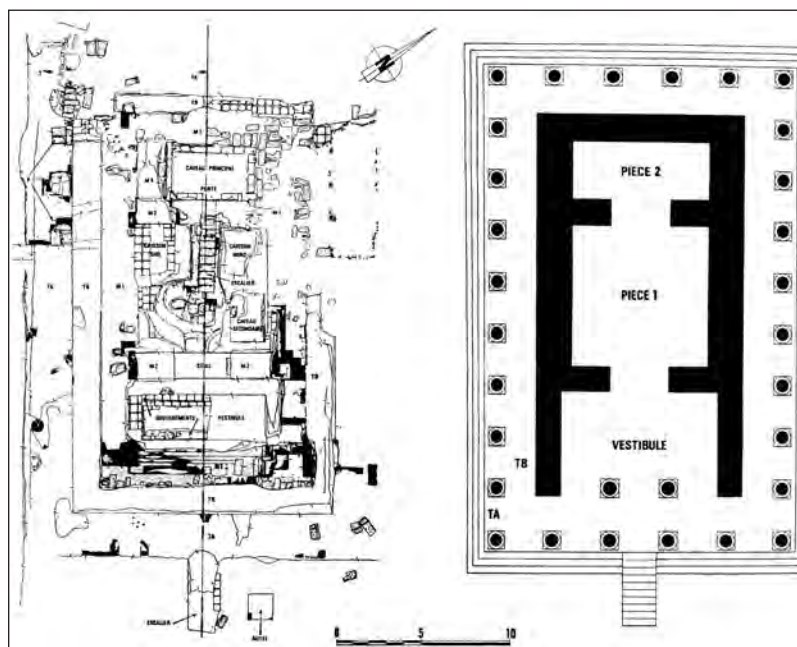
При раскопках в нижнем городе мы не встретили ни одного места, подходящего для агоры, то есть двора, окруженного зданиями, где размещался бы корпус магистратов, а исследования не затронутых раскопками участков также не дали ничего для предположения о ее существовании. Но

³⁰ «CRAI», 1980, pp. 451-452; «BEFEO», 68, 1980, pp. 46-50.

³¹ Veuve в Mémoires de la DAFA, 1987. Там же см.: «CRAI» 1967, 1968, 1975, 1976, 1978, 1980, 1976.

³² Статую гимнасиарха см.: Les trésors retrouvés (cf. note 28 p. 245), p. 161, N° 32.

³³ Солнечные часы, которые там были найдены, см.: Les trésors retrouvés, p. 160, N° 31 et p. 161, N° 33.

Рис. 16. Ай-Ханум. Мавзолей с каменным склепом (рисунки Ж.-К. Лижер и К. Лемера).

Театр³⁴

Другая характерная форма эллинистической архитектуры – театр (рис. 12), встроенный во внутренний склон акрополя на краю главной улицы. Это единственный из известных примеров подобного сооружения, существовавший так далеко на востоке от Ефрата. Хотя он расположен намного дальше театров Вавилона и Селевкии на Тигре, но мог собирать на своем вместительном веере ступеней-сидений из сырцового кирпича многие тысячи зрителей, приехавших со всех концов провинции, восточной столицей которой был Ай-Ханум.

Наличие больших лож на середине склона амфитеатра, обустройство которых незнакомо греческим театрам, отражает общество, где элита не опасалась афишировать перед публикой свое превосходство и социальное положение.

Общественный фонтан³⁵

Как говорит Павсаний, среди атрибутов, отличающих греческий город, кроме административных зданий, гимнасия и театра, фигурировала и «вода, текущая из фонтана». Один общественный фонтан был полностью раскрыт у подножия городской стены на берегу Окса на середине склона. Он питался водами, просачивавшимися из ирригационных каналов долины. Его близость к гимнасию, позволяет думать, что атлеты приходили сюда для омовения. Он сохранил еще высеченные в камне три слива желобов: один – с головой льва, другой – с головой дельфина, третий – с комической маской, типа «раба-повара», которую носили актеры в «Новой комедии». Нельзя сомневаться, что наряду с зрелищами глубоко народными, которые предлагали в театре мимы, фокусники, шуты и мастера разных проделок во всех жанрах, сцена театра в Ай-

³⁴ «CRAI», 1976, pp. 314-332; 1978, pp. 429-441.

³⁵ Leriche, 1985, p. 32-38, p. 107-108. Также см.: Leriche, Thoraval, 1979.

**Рис. 17. Ай-Ханум. Храм с уступчатыми нишами (этап II)
(рисунок Ж.-К. Лижер и К. Лемера).**

Ханум видела также представления настоящих актеров, игравших трагедии и комедии высокого классического репертуара.

Арсенал³⁶

Арсенал дополнял серию зданий общественно-полезного назначения: это был обширный четырехугольник (140 x 100 м), построенный на краю главной улицы. Его длинные склады, вытянутые анфиладой вокруг центрального двора, хранили разложенное на полках военное снаряжение. Оно включало предметы от наконечников стрел до железных панцирей конных катафрактариев. План арсенала был строго функционален и, несомненно, чисто греческий. Огромное скопление металлических шлаков, собранных в кучу во дворе, доказывает, что военное снаряжение изготавливалось на месте. Внезапное приостановление наших работ не оставило времени для раскопок производственных мастерских.

Жилая архитектура³⁷

Семьи колонистов обитали в привилегированном жилом квартале, расположенном в стороне от уличного движения на южной оконечности города у слияния двух рек. Раскопки одного дома, а также изучение аэрофотосъемки показали, что квартал вмещал сорок жилищ крупных размеров (65 x 35 м), выстроенных в линию строго вдоль нескольких параллельных улиц, вытянутых в одном направлении восток – запад (рис. 13). Корпус помещений и двор расположе-

³⁶ «CRAI», 1980, p. 452-457; «BEFEO», 68, 1980, pp. 51-63.

³⁷ Том о раскопках Ай-Ханум, посвященный жилой архитектуре, который готовят Г. Лекьюо в сотрудничестве с П. Бернаром, м-м Л. Сев-Мартинец, А.-П. Франкфором и Б. Лионе, должен скоро выйти из печати. См. также: «CRAI», 1968, p. 272-276; 1969, p. 321-326, 354-355; 1970, p. 310-31; 1971, 406-414, 432-435, 447-452.

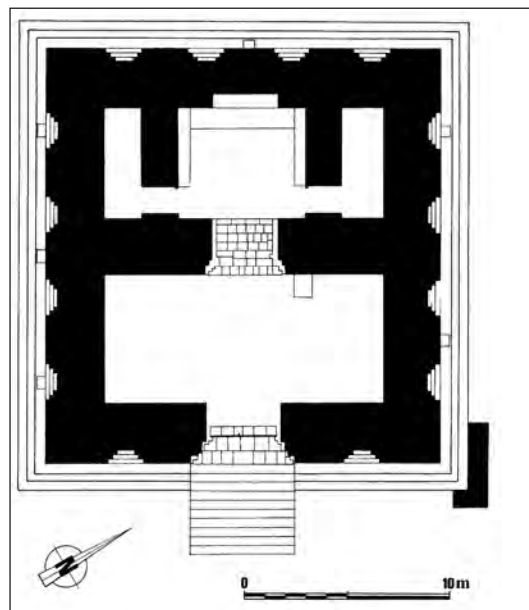

ны смежно, но не так, чтобы один входил в другой согласно схеме, которая выявлена в резиденциях дворца. Комплекс жилья организован тремя концентрическими зонами: в центре – главная комната, окруженная коридором, за которым распределены в форме подковы другие помещения. Во дворе, который всегда расположен на север от жилого корпуса, обращенного «спиной» к ветрам, дующим с юга, и дождям, приходящим с той же стороны, фасад корпуса оформлен портиком с двумя колоннами. Вход осуществлялся не со двора, но через проем в одной из стен корпуса. Вилла еще более значительных размеров (107 x 72 м), построенная с внешней стороны северной городской стены, отвечает той же схеме. Из этой архитектурной концепции видно прогрессивно возрастающее значение внутренних покоев дома в южном квартале, продиктованное заботой об обеспечении изоляции комнат от передвижения внутри дома, желанием отделить от хозяйственной деятельности главную комнату, самая большая площадь и центральное расположение которой подчеркивают ее привилегированный статус. Видно стремление сделать из двора, ставшего почти самостоятельным пространством, дополнение к этой комнате: в этом просматривается отражение в архитектурном строительстве усиления патриархальной структуры семьи.

В этих домах, столь непохожих на дома средиземноморского мира, имеется, однако, структурный элемент, который отвечает типично греческой жизненной привычке - купальные помещения. Оно состоит из двух помещений или анфиладно расположенных, или сообщающихся между собой. Пол выложен плитами или представляет собой мозаику из мелких галек. Стены всех комнат покрыты красной штукатуркой. Это – раздевалка, собственно зала с водой, но без ванны, где просто обливались водой из лохани, и комнаты, снабженной водой, где воду черпали из бака, подогреваемого очагом, который топили со стороны кухни, отделенной смежной стеной. Между Герооном Кинеаса и северо-западной стеной ограды дворца, так же как на подступах к святилищу храма с уступчатыми нишами и в местах большого движения были построены в более поздний период, чем строения рядом со входом во дворец, без всякого плана комплексы жилищ-клетушек. Своей простотой они резко отличались от аристократических резиденций южного квартала над Кокчой.

Погребальная архитектура

Единственная гробница, раскопанная в некрополе за городской стеной – это наполовину выступавший из земли семейный мавзолей, имевший вид массивного куба из сырцовых кирпичей. В нем расчищены четыре сводчатых склепа, располагавшихся по обе стороны центрального коридора (рис. 14)³⁸. Один из них, уцелевший при грабеже, содержал три хума, в которых находились кости от трех более ранних погребений, собранные при чистке соседних склепов, когда их надо

Рис. 18. Ай-Ханум. Вид на ансамбль святилища храма с уступчатыми нишами.

³⁸ «CRAI», 1972, pp. 608-625.

было использовать вновь. На хумах были нанесены чернилами надписи с именами умерших: «Лизаний и Изидора», «малыш и малышка» – дети-близнецы, преждевременно умершая пара, еще не получившая имен, надо думать, речь идет о двух маленьких рабах, и, наконец, «Козма»³⁹.

Внутри города у входа во дворец были возведены два других мавзолея в форме маленьких храмов на греческий манер, что свидетельствует о греческом обычае погребения *intra muros*. Подобного погребения удостаивались великие личности или благотворители, гробницы которых своим присутствием в центре города всегда назидательно напоминали об исключительных заслугах умерших. Наиболее ранний из этих двух мавзолеев в форме простой часовни с деревянными колоннами на переднем фасаде (рис. 15) расположен на оконечности длинной террасы, ориентированной по оси восток – запад. Он хранил останки некоего Кинеаса, в котором вполне логично видеть основателя города, действовавшего, скорее всего, по приказу Селевка I в 305–300 гг. до н.э.⁴⁰

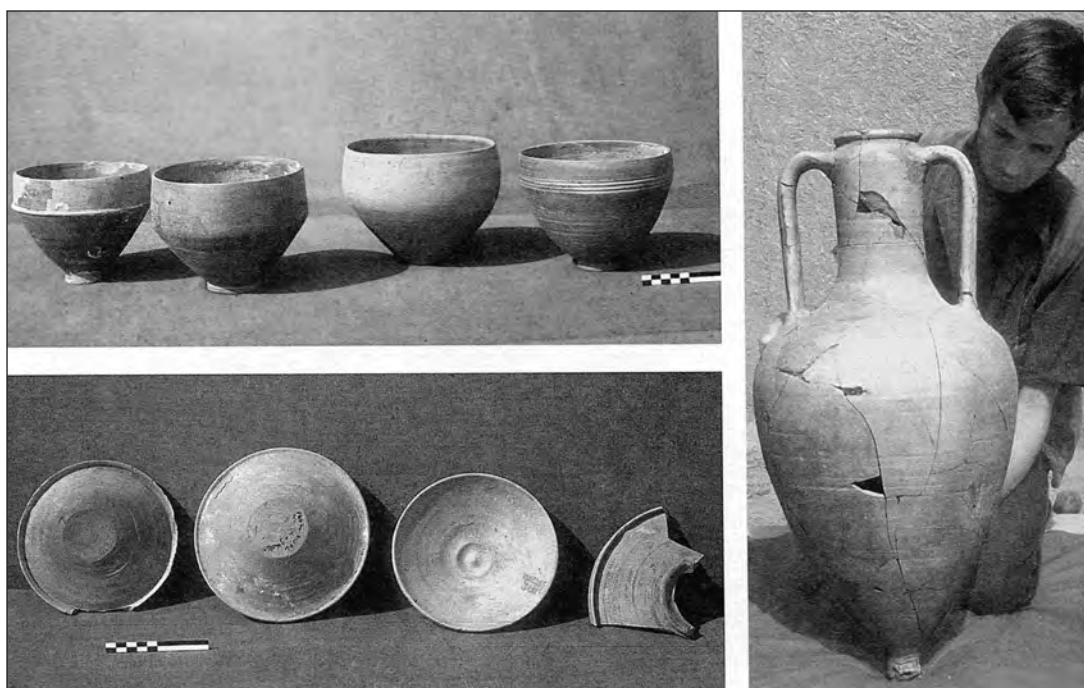
На этом памятнике поставлена каменная стела, пожертвованная неким Клеархом, вероятно, философом, прямым учеником Аристотеля, известным своим интересом к восточным религиям иранцев и индусов, что его и подтолкнуло предпринять сюда путешествие. На этой стеле он приказал выгравировать по-гречески скопированный им самим в Дельфах список ста пятиде-

³⁹ Ожидая скорую публикацию корпуса греческих надписей из Ай-Ханум, готовящуюся Ж. Ружемон для одного из томов «*Corpus Inscriptionum Iranicarum*», которая включит комплекс эпиграфических греческих текстов из Ирана и Средней Азии, информацию можно получить: Bernard, 2002, p. 75-108: в особенности, p. 80-81.

⁴⁰ Bernard, 1973. В здании выявлены 4 последовательных этапа строительства. Памятник первого этапа содержал саркофаг основателя города Кинеаса, на существование которого указывал высокий ступенчатый подиум и вестибюль более широкий, чем культовый зал, под полом которого был захоронен погребальный сосуд (I этап). Памятник был реконструирован в упрощенном виде (только ступенчатый подиум, вестибюль и целла одинаковой ширины) и его остатки перекрыты террасой (высотой 1,50 м), на которой было воздвигнуто новое здание (этап II). Оно, в свою очередь, было снесено и вновь выстроено по тому же плану (этап III), но снабжено снаружи целлы - с двух наиболее видных сторон, если смотреть от эспланады, ведущей ко входу во дворец, - двумя продольными неглубокими нишами, вероятно, предназначенными для установки подношений, среди которых могла быть стела с дельфийскими максимами, посвящение которой Клеархом восходит, по всей видимости, к первому этапу жизни памятника. Последний этап (IV) представлен использованием героона местным населением после ухода греков; тогда обживалась и его терраса, и пространство между ней и оградой большого дворцового двора, превращенные в жилой квартал. «*Editio princeps*» надписи дельфийских максим был опубликован [Robert, 1968]. Этот текст без изменений воспроизвели в первом томе 1973, а также в «*Opera minora selecta*», V, p. 515-551, а также Robert, 2004, Merkelbach, Stauber, 2005, Lerner, 2003-2004; Nagain, 1986a; он же, 1986b; он же, 1987a; он же, 1987b, pp. 278-282; он же, 1987v, pp. 115-130, оспорили выдвинутое Л. Робером отождествление Клеарха айханумской надписи с философом перипатетиком, учеником Аристотеля и значительно омолодили дату строительства первого героона, подняв ее до последних лет III в. до н. э. В качестве аргумента приводится наличие знака, входящего в составную монограмму на жженных кирпичах, использованных в забтовке саркофага Кинеаса. Этот знак интерпретирован А.К. Нарайном как буква «jha» индийского брахми, введенная канцелярией Ашоки, которая не могла бы быть датирована раньше середины III в. до н. э. Однако, учитывая этот аргумент нужно с особой осторожностью, так же как «хронологические определения, к которым на его основании приходят в отношении греческой части монограммы, отмечаемой в селевкидском чекане в Бактрии. В своем комментарии к «*Corpus Inscriptionum Iranicarum*» (к изданию в 2009) Ж. Ружемон покажет, что завышенная дата также несовместима с характером почерка надписи на мавзолее Кинеаса, который, каким бы ни был скептицизм противников Л. Робера, не будет позднее 280–270 гг. до н. э. Я добавлю, что завышенная датировка к тому же не совместима с керамикой из насыпи террасы II этапа, синхронной этапу I, и самому раннему этапу жизни городища (отсутствие керамики с черным ангобом, греческие типы посуды, соседствующие с формами местной традиции). Среди нумизматических находок велико значение бронзовых монет двух первых селевкидских царей, в особенности Антиоха I, не говоря уже о серии маленьких анэпиграфических бронзовых монет типа «голова Афины / сова», безусловно местных, которые относятся к традиции чеканов Софитоса: Bernard, 1985, p. 19-35; хорошо датированные позднее Б. Критом временем правления Антиоха I [Kritt, 1996, p. 41-42]), и совместимые для памятника Кинеаса лишь с датой первой четверти III в. до н. э., а для основания города только с датой около 300 г. до н. э. В отношении этого селевкидского чекана см.: Bernard, 1985, p. 19-41; Kritt, 2001).

Рис. 19. Ай-Ханум. Ступенчатый алтарь из сырцовых кирпичей на акрополе.

Рис. 20. Ай-Ханум. Керамика. Тарелки греческого типа с серо-черным ангобом (внизу), кубки среднеазиатского типа с красным ангобом (вверху), амфора, привезенная из Средиземноморья (справа).

сяти максим, которые семь мудрецов из Греции предположительно поднесли в дар святилищу Аполлона в Дельфах. В них определялись идеальные добродетели, которые должен был проявлять мужчина-грек в отношениях с богами, городом и своей семьей. Стела, за исключением крошечного, но очень важного для знакомства с текстом фрагмента⁴¹, исчезла, но сохранилось ее основание с выгравированной надписью Клеарха и с последними максимами из серии, которые не поместились на самой стеле⁴²: «ребенок будь хорошо воспитан; юноша укрощай свои страсти; зрелый муж будь справедлив; старик будь добрым советчиком; умри без печали». Все эти афоризмы списка не просто призывают к возвышенности помыслов. Публичное афиширование в центре города на гробнице его основателя кодекса морали и гражданского долга, унаследованного от дельфийской традиции, божества, который было защитником, прежде всего, греческой колонизации, есть яркое проявление желания колонистов показать, что они всеми корнями связаны с достоянием культуры предков.

Другой Героон, также открытый в Ай-Ханум, но датированный более поздним временем (может быть первой половиной II в. до н. э.), был очень сильно поврежден во время разграблений, которым подвергались памятники в постгреческий период ради строительных материалов. Здание монументального типа включало впечатляющий каменный склеп (рис. 16)⁴³. Амбициозный архитектурный проект, ионический ордер, редко встречаемый в Ай-Ханум, выбранный для колоннады его периптера с претензией на оригинальность, заставляет думать, что покойный – уважаемый человек, был персоной высшего ранга, а быть может и царской династии.

Культурная архитектура

В архитектуре культовых зданий не было ничего греческого. Главное среди них, расположенное на краю главной улицы, находилось в глубине большого святилища (рис. 17) в виде массивного строения квадратного плана (20 x 20 м), вознесенного на высокий подиум с тремя ступенями (1,5 м).

Внутри оно состоит из широкого вестибюля, предваряющего небольшого размера культовый зал, фланкированный двумя помещениями типа ризниц с узкими проходами (рис. 18)⁴⁴. Этот план, как и оформление внешних поверхностей стен врезанными нишами с уступами, а края крыши терракотовыми мерлонами, вызывает в памяти некоторые культовые здания парфянской Месопотамии (Дура, Урук). Но было бы удивительно, если бы это здание, ничем не было обязанным религиозной архитектуре Средней Азии периода, предшествовавшего завоеванию греков, еще очень плохо изученной, но о которой, по крайней мере, известно, что в ней использовался высокий ступенчатый подиум и декор в виде ниш с реданами.

Пантеон на монетных чеканах бактрийских царей – греческий, и как можно ожидать, таковым было и божество этого храма, от огромной культовой статуи которого сохранились лишь несколько изваянных из мрамора пальцев и ступня, обутая в сандалию на греческий манер. Эмблема крылатой молнии, украшавшая сандалию, в принципе, подобает Зевсу. Однако, учитывая

⁴¹ Les trésors retrouvés, (cf. n. 28, p. 245), p. 160, № 30.

⁴² Там же, n. 29

⁴³ «CRAI», 1975, pp. 180-189; «BEFEO», 1976, pp. 25-45 (H.-P. Francfort, J.-Cl. Liger). Данная там дата – III в. до н. э., вероятно очень занижена.

⁴⁴ «CRAI», 1969, pp. 327-355; 1970, pp. 317-347; 1971, pp. 414-443; 1972, pp. 625-629; 1974, pp. 294-298; et Bernard, 1990, p. 51-59. Исследования храма с уступчатыми нишами, чаще называемого храмом с реданами, и его святилища, также связанной с ним религиозной жизни, были представлены в Парижском университете в Нантере Л. Сев-Мартинец в докладе, получившем высокую оценку и признание. Она окончательно дорабатывает его для публикации в «Mémoires de la DAFA». Находки из раскопок святилища см: Francfort, 1984.

тот факт, что мы располагаем лишь ничтожными фрагментами статуи, чтобы судить о божестве – хозяине этого жилища, и принимая во внимание столь восточный характер самого храма, можно задаться вопросом, не было ли в общем облике этого божества также каких-либо восточных черт. Обнаружение закопанными в ямках позади храма в зоне противостоящей восходящему солнцу, и погруженной в тень, перевернутых вверх дном сосудов для возлияний, указывают на ритуал хтонического характера, который не имеет точных аналогов в греческом мире. Но несколько подобных примеров известно в Средней Азии.

Вполне возможно, что колонисты и местное население поклонялись в этом храме божеству смешанного греко-иранского пантеона, может быть, Зевсу-Митре, изображение которого в лучистом нимбе и с персидским колпаком на голове предстает на несколько более поздних индо-греческих монетах⁴⁵.

Второй храм, открытый за городом близ главных ворот, своим планом следует той же архитектурной концепции, но обладает тройным культовым залом и открытой террасой перед входом, заменяющей вестибюль⁴⁶. Наконец, на юго-западной оконечности акрополя расчищена монументальная платформа со ступенчатыми склонами, сложенная из сырцовых кирпичей, возвышавшаяся под открытым небом в центре святилища, представляющего священное место, где жрец совершал богослужение, обращаясь к восходящему солнцу (рис. 19). Она заставляет напрямую вспомнить культовые памятники персов, о которых греческие историки говорят как о поклоняющихся своим богам (без статуй) на открытом воздухе на вершинах холмов⁴⁷.

Почти все, что только что было сказано о влиятельных лицах этого города, стало известно при изучении архитектурных памятников: читатели сами будут судить, насколько мы были правы упорно, сезон за сезоном проводя вскрытия этих сооружений, то есть работы, которые так и не были завершены.

Я не буду говорить здесь о массе находок, которые принесли раскопки на разных памятниках и которые позволили нам, прежде всего, понять дух и повседневную жизнь обитателей города⁴⁸, так как с ними можно познакомиться в каталоге прекрасной выставки⁴⁹.

Среди экспонатов - свидетельства греческого языка, на котором продолжали говорить колонисты и который был основой их национальной идентичности⁵⁰; инструменты и технические средства, которые сопровождали их повседневную жизнь: мебель из слоновой кости с катушкообразными ножками⁵¹, женские туалетные шкатулки из сланца с цветной инкрустацией⁵², жернова с воронками, которыми слуги пользовались в домах для помола зерна, чернильницы, стригали атлетов и солнечные часы гимназии⁵³. Отражают они и традиционные вкусы колонистов к вещам, которые украшают жизнь и делают ее цивилизованной: театральные представления,

⁴⁵ Начиная с Гелиокла (середина III в. до н. э.) и особенно в I в. до н. э., бюсты Зевса–Митры встречены на монетном чекане Аминты и Гермаия [Grenet, 1991, p. 147-151; Он же, 2001, p. 35-58: особенно – p. 42, fig. 13; Vivar, 1998, p. 41-42, fig. 29-30. Об этом храме в целом [Bernard, *L'architecture religieuse* (n. 46 p. 253); Boyce, Grenet, 1991, p. 165-172; Downey, 1988, p. 65-73.

⁴⁶ «CRAI», 1974, pp. 287-289 et 1976, pp. 303-307; P. Bernard, *L'architecture religieuse* (n. 46 p. 253); Downey, 1988, p. 73-75.

⁴⁷ «CRAI», 1976, pp. 306-307

⁴⁸ Мелкие объекты из раскопок были опубликованы А.-П. Франкфором [H.-P. Francfort, 1984 (note 46 p. 253), о таких же из других раскопок см.: Guillame, Rougeulle, 1987.

⁴⁹ *Les trésors retrouvés*, (note 28 p. 245).

⁵⁰ Там же, p. 150, N° s 10-11.

⁵¹ Там же, p. 155, N° s 21-22.

⁵² Там же, p. 154-155, N° s 18-20.

⁵³ Там же, p. 121, N° 31; p. 161, N° 33.

лекции в гимнасии, рукописи царской библиотеки⁵⁴, статуарные образы, изваянные из камня⁵⁵, моделированные из сырой глины⁵⁶, штука, отлитые в бронзе⁵⁷, ценные подношения в святилища, как например, серебряная с позолотой пластина с изображением восседающей на колеснице, запряженной львами, греческой богини Кибелы, на фоне горного пейзажа⁵⁸, редкие предметы, привезенные из сказочной Индии, завоевание которой возглавили их цари⁵⁹. Видится в них отдых, который дает омовение в бане, а также приметы военной жизни, о которых беспрестанно напоминает шум кузнечных молотов в арсенале, где рабочие изготавливают оружие. Наконец, ощущение тревоги, не покидавшей горожан из-за присутствия неутомимых конников, пришедших с севера. Их набирали в наемники, для которых и делали тяжелые панцири катафрактариев, хранящиеся на полках в арсенале. Они же целыми ордами были готовы обрушиться на города и их богатства, которых однажды самих унесет, как ветер уносит «соломенную безделушку».

Средства определения хронологии: керамика, монеты

Из всего сказанного могло бы сложиться впечатление, что мы удовлетворены результатами работ по выявлению как можно более полного облика города, не упуская ничего главного в разнообразии его архитектурных памятников как бы остановившись на времени, когда город достиг апогея своего величия в царствование последнего царя Евкратиды I (170–145 гг. до н. э.). Но как могли бы мы проигнорировать сам процесс становления первой открытой в Средней Азии колониальной метрополии, событий, свидетелями которых она оказалась, и не добавить информации, проливающей свет на жизнь колонистов, обитавших в течение трех веков на землях между Оксом и Индией, которые предстают тенями, если опираться только на сведения классических письменных источников? Мы осуществили на некоторых наших раскопах ряд вскрытий с целью исследования слоев до материка и воссоздания жизни города от основания вплоть до угасания.

В своей работе по воссозданию прошлого археолог в качестве основного средства датировки располагает прежде всего керамикой. Поколения специалистов разработали эталоны для ее хронологического определения. Однако для городища Ай-Ханум они не подходили, поскольку об эллинистической керамике Средней Азии до прихода наших археологов на городище ничего не было известно⁶⁰. Исследование керамики, извлеченной из культурных слоев порученное Ж.-К. Гардену и Б. Лионе, замедлялось ее сверхизобилием в раскопах (более миллиона керамики-

⁵⁴ Rapin, 1992, p. 115-123.

⁵⁵ Les trésors retrouvés, p. 161, № 32; p. 162, № 34; p. 163, № 35; p. 152, № 14.

⁵⁶ Там же, p. 151, № 12.

⁵⁷ Там же, p. 152, № 13.

⁵⁸ Там же, pp. 156, № 23.

⁵⁹ Там же, p. 150, № 9.

⁶⁰ Раскопки на правом берегу Окса главных городищ на территории бывших советских республик Средней Азии, где была получена эллинистическая керамика: Тахти Сангин в Таджикистане, Термез и Кампиртепа в Узбекистане, начались после раскопок в Ай-Ханум. В распоряжении Ж.-К. Гардена, когда он исследовал керамику Бактр (публикация 1957 года), происходившую из шурфов 1947 года, заложенных Д. Шлюмберже, для сравнения был лишь материал из советских раскопок, где эллинистические слои были тогда очень слабо исследованы и не очень четко выделены (Кобадиян, Афрасиаб). В материале Бактр единственный черепок, который можно было четко идентифицировать как греко-бактрийский еще и благодаря иконографическим критериям, так как на нем сохранилось изображение, украшавшее эту красноангобирванную чашу. Это – рельефный медальон с изображением головы правителя эллинистического облика с диадемой происходил из предкушанского слоя Бала Хисара. Автор, не будучи в состоянии отделить в темуридских слоях Бала Хисара черепки персидской эпохи от фрагментов керамики времени македонцев, датировал эти слои в общем V – III вв. до н. э. (p. 93). Сейчас известно, что такие формы относятся к греко-римской эпохе.

ческих фрагментов только в одном святилище храма с уступчатыми нишами), а также стремлением исчерпывающим образом разработать метод ее изучения, сочетающий детальный анализ с отбором образцов, а также со сравнением с эллинистическими типами керамики, известными в средиземноморском бассейне или на эллинизированном Ближнем Востоке⁶¹. Изучение монетных находок из разных слоев городища Ай-Ханум, сопутствующих извлеченному керамическому материалу, и увязка полученной хронологии и датировки самих памятников с проблемами исторической интерпретации, вытекающими из этого сопоставления, проводились параллельно. Одновременность всех этих операций, однако, породила некоторые нестыковки в попытках установления хронологии, как керамиковедами (Ж.-Г. Гарден и Б. Лионне), так и нами археологами, что давало почву для такой критики, как если бы вскрытия греко-бактрийского городища протекали в условиях обычного нормального раскопа, а не при изначальном отсутствии подчас самых элементарных знаний о такого рода памятнике.

Три раскопа, на которых хронология перекраивалась и со временем дополнялась, выдали нам полный диапазон керамической продукции Ай-Ханум; она была последовательно распределена на восемь периодов, охватывающих эпоху от основания города в 305–300 гг. до н. э. (VIII)⁶² до окончательного запустения несколькими годами позже 145 г. до н. э.

Самая древняя керамика происходит из насыпи террасы, построенной для того, чтобы служить основанием Героону Кинеаса второго строительного этапа, когда здание восстанавливалось после первого разрушения. Она хронологически соответствовала первому этапу существования Героона и начальному этапу жизни города (I)⁶³.

Раскопки святилища храма с уступчатыми нишами, доведенные почти везде до материка, позволили изучить всю свиту слоев, накопленных за семь следующих периодов от конца царствования Селевка I (этап II) до ухода греков (этап VII) и до времени короткого постгреческого обживания (VIII)⁶⁴. Третий стратиграфический раскоп был заложен в доме, расположенном в южном жилом квартале города, так называемом «доме Кокча»⁶⁵. Самые ранние остатки жилища здесь датируются временем не ранее конца III в. до н. э. На некоторых других раскопах также были достигнуты глубинные слои, но в отдельных точках и на ограниченной площади: на дворце⁶⁶, на северной и южной оборонительных стенах. Повсюду в других пунктах, например, на многих строениях дворца, в гимнасии (за исключением очень ограниченного по площади глубинного шурфа, на храме и в доме, за пределами городских стен) раскопки останавливались на слоях обживания самых доступных с поверхности, соответствующих последнему периоду греческого обживания (VII) и заселению оставленных греками домов «скваттерами» (бездомны-

⁶¹ С точки зрения хронологии, эллинистические поселения, расположенные на правом берегу Окса, с раскопками которых мы смогли познакомиться после закрытия раскопочных работ на Ай-Ханум, не внесли ничего нового. Ай-Ханум продолжает служить источником для справочных сведений.

⁶² Теоретически, возможность основания города Александром мы вначале исключали [Bernard, Francfort, 1978, pp. 3-11], которую мы затем отвергли по причине, которую было бы слишком долго здесь излагать, но признание этой возможности усилено предложением А. Б. Бодсворта, несколько иначе воспринятым К. Рапеном и Ф. Грене [C. Rapin et F. Grenet, 1998, pp. 79-89], считающих, что через долину Ай-Ханум осуществлялся поход Александра, предпринятый весной 328 г. до н. э. против согдийских повстанцев.

⁶³ Gardin в «CRAI», 1970, p. 348; 1971, p. 448.

⁶⁴ «CRAI», 1975, pp. 193-195 (Gardin).

⁶⁵ «CRAI», 1971, pp. 449-452; 1975, pp. 193-195; о связях между Средиземноморьем и Бактрией в античный период, выявленных по данным изучения керамики см.: Gardin, 1985, p. 447-460; Gardin, Lyonnet «BEFEO», 1976, p. 45-54.

⁶⁶ Шурф, заложенный позади юго-западного портика большого дворцового двора, который дал главные материалы к характеристике комплекса залов с водой: «CRAI», 1971, p. 289-405.

ми) (VIII). Исследование монет, как отдельных находок, так и кладов⁶⁷, сопряженных с относительной хронологией, полученной при разработке типологии керамики, позволило установить хронологический диапазон городища, продолжительность которого (примерно в полтора века) разделена на восемь периодов.

Исследование огромного комплекса керамического материала было поручено Ж.-К. Гардену, который далеко продвинулся в его изучении, разбив его на периоды, и сделал общие заключения⁶⁸, все окончательно оформил, но не довел до финальной публикации. Это предпринято Б. Лионне, которая постоянно проводила исследования на городище в Ай-Ханум и в регионе. Результаты предварительных исследований керамики Ай-Ханум, проведенные Ж.-К. Гарденом и ею самой в сотрудничестве с ним или самостоятельно, будут вскоре, мы надеемся, дополнены детальными разработками, которые мадам Б. Лионне представит к публикации в ходе подготовки к печати результатов общего исследования дома в южном квартале, которым занят Г. Ле-кьюю, и исследования святилища храма с уступчатыми нишами, над которым работает мадам Л. Сев-Мартинец. Эти разделы будут помещены в финальное издание результатов, так как эти два раскопа сосредоточили в себе весь комплекс исторической стратиграфии городища, за исключением керамики, происходящей с террасы Героона Кинеаса, которая отражает изначальный период жизни города и будет включена в приложение к одному или другому из этих томов. В ожидании этих публикаций самый полный и лучше всего иллюстрированный обзор керамики Ай-Ханум, выполненный в общем без выделения этапов можно найти в исследовании, посвященном Б. Лионне керамическому материалу, собранному в долине Ай-Ханум и шире и во всей Восточной Бактрии⁶⁹. Даже если эта хронология включает классы еще не очень уверенно определенные и требующие дальнейшей доработки и контроля, она отныне позволяет представить подлинную историческую канву, модулированную эволюцией керамики для разных известных греческих городищ в Средней Азии, и делает возможным сравнивать, соответственно, их исторические судьбы, как это было сделано мадам Б. Лионне для Ай-Ханум и Самарканда⁷⁰.

Заключение

Надежда возобновить раскопки в Ай-Ханум, что я старался выразить излагая результаты работ, проведенных с 1964 по 1978 год, которые могли бы значительно умножить наши знания о греческом правлении в Средней Азии, к сожалению, омрачена. Регулярно подпольные раскопки, организованные руководителями местной милиции, начиная с 1990 года после ухода советских войск и падения последнего коммунистического правительства в Кабуле, разворошили антич-

⁶⁷ Bernard, 1985. Audouin, Bernard, 1973, 1974. Petitot-Biehler, 1975, p. 23-57; Holt, 1981, pp. 7- 44. О корпусе селевкидских монет см. у А. Houghton и С. Lorber и критические исследования Б. Крита в сноске 25 p.244 настоящей статьи.

⁶⁸ См. ссылку 67 в настоящей статье.

⁶⁹ *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974–1978)*, sous la direction de J.-C. Gardin, 2, Lyonnet, 1997, pp. 121-155, fig. 38-45; глава о периоде вторжения кочевников, которое положило конец существованию Греко-бактрийского царства: там же, pp. 155-172, fig. 46-48, в особенности об идентификации некоторых типов керамики кочевников (лепные горшки в виде бутылей, сосуды на трех ножках), собранной в последнем слое обживания VIII, перемешанной с сосудами греческого типа, а также о взглядах автора на этот период, который содержит семена будущего Средней Азии на долгие века; см.: того же автора «*Les nomades et la chute du royaume gréco-bactrien: quelques nouveaux indices en provenance de l'Asie Centrale-orientale. Vers l'identification des Tokhares - Yueh-Chi?*» in: Об идентификации тохар-юечжей см.: *Histoire et cultes de L'Asie centrale préislamique*, ed. P. Bernard, F. Grenet, Paris, 1990, pp. 153-161, также как и исследование, приведенное в следующей сноске.

⁷⁰ Lyonnet, 1998.

ное городище. Беспощадно разграблена и снесена археологическая база, расположенная рядом⁷¹. Весь нижний город пробит насквозь глубокими кратерами, включая и зоны наших раскопок. Разрушены и уничтожены важные памятники, к которым мы слегка прикоснулись или вообще не тронули. Например, мощный, изолированно стоящий бугор вблизи гимназия, под которым, вероятно, находится погребальный памятник какому-нибудь благотворителю, вознесенный на террасу, как Героон Кинеаса, или арсенал, которому мы смогли посвятить лишь несколько недель в последнем сезоне 1978 года. Раскопки показали, что арсенал был сожжен со всем хранящимся там военным снаряжением и богатым корпусом ценных предметов, который никогда больше не увидит свет. Был полностью перерыт жилой квартал у слияния двух рек.

Первоочередная задача, которая может быть сейчас поставлена, это – расчистить каждую из этих рытвин, чтобы выявить еще сохранившиеся следы строений и нанести их на общий план. Эта операция будет особенно плодотворна в зоне дворца, где, как мы знаем, слой древнего этапа обнажен при последних перестройках, предпринятых Евкратидом (170–145 гг. до н. э.). Эта работа, сочетающая расчистки и съемку, могла бы быть направлена на поиск сети улиц и на обмеры строительных блоков в южном жилом квартале. Акрополь, который пощадили подпольные грабительские раскопки, изучался мало, единственно значительными были расчистки монументального алтаря, воздвигнутого в святилище на юго-западе, и шурф на северной стене цитадели на юго-востоке⁷².

Размещение войсками Масуда артиллерийской батареи на юге у левого берега Кокчи и строительство военной казармы серьезно нарушили рельеф юго-восточной части цитадели. В то же время, в этом месте почти у поверхности обнаружилось здание, стены которого облицованы терракотовыми плитками, ранее не известными в Ай-Ханум. Там же отмечено и наличие коринфских колонн, капитель одной из которых была извлечена для передачи на выставку сокровищ Кабульского музея⁷³. С раскопками этих сооружений не следовало бы запаздывать, так как есть опасения увидеть их разоренными. На кадрах аэрофотосъемки видны довольно объемные строения, в особенности прямоугольная ограда в северном пункте акрополя. На акрополе также отмечено некоторое количество материальных следов догреческого обживания (например, небольшой курган эпохи бронзы, раскопанный двумя коллегами – советскими археологами, которые участвовали в раскопках в сезоне 1966 года⁷⁴), а также признаки возможного обживания юго-восточной части цитадели в ахеменидское время и в постгреческую эпоху (курганы, обживание в темуридский период в той же части цитадели).

На промежуточной террасе, которая на половине высоты окаймляет внутренний склон акрополя между северной точкой его оконечности и театром, выявлено место расположения строения, очевидно, имевшего важное значение. Оно доминировало над всем нижним городом и долиной, терявшейся далее из виду в кольце гор. Такое месторасположение должно было быть отведено архитектурному ансамблю, наделенному важной для жизни города функцией. Мы не смогли его исследовать занятые раскопками в нижнем городе и не желая исказить грандиозный вид акрополя отвалами раскопчного грунта. Для уборки отвалов грунта нельзя было использовать грузовик и они скатывались бы вниз по склону. Когда в 2004 году мы вернулись на городище, эти руины, план которых еще довольно хорошо читался, были практически не затронуты. При

⁷¹ Bernard, 2001.

⁷² Добавим два других шурфа на стенах, отгораживающих южную оконечность акрополя перед цитаделью.

⁷³ Les trésors retrouvés, (cf. note 28, p.245), № 24.

⁷⁴ «CRAI», 1969, p. 326 (M-me I. Kruglikova, B. A. Litvinskij).

втором визите в 2005 году мы увидели, что грабители уже принялись за работу, пока еще в малом масштабе, но учитывая относительно небольшую площадь указанных руин, полное разрушение их не запоздает. Необходимо немедленно положить конец этой второй смерти Ай-Ханум и вернуть городище археологам.

Ай-Ханум. Обломки каменной колоннады в большом дворе дворца.

Ай-Ханум. Аэрофотосъемка городища после разграбления (2002 год).

Библиография

- Audouin R., Bernard P.** Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan), «Rev. Num.», 1973, p. 238-289 и 1974. P. 6-41.
- Bernard P.** L'œuvre de la Délégation archéologique française en Afghanistan (1922–1982), Paris, 2002.
- Bernard P.**, 2009, “Alfred Foucher archéologue : les fouilles de la Délégation archéologique française en Afghanistan à Bactres (1923-1925)”, in: Bouddhismes d'Asie Monuments et Littératures. Journée d'étude en hommage à Alfred Foucher (1868-1952) réunie le vendredi 14 décembre 2007 à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Palais de l'Institut de France), Pierre-Sylvain Filliozat et Jean Leclant (ed.), Paris, AIBL - Diffusion de Boccard, p. 153-209.
- Bernard P.** в «BCH», 89, 1965, p. 597-603.
- Bernard P.** Langue et épigraphie grecques dans l'Asie Centrale à l'époque hellénistique, в «Greek Archaeology without Frontiers», Athènes, 2002.
- Bernard P., Besenval R., Marquis Ph.** в «CRAI», 2006, p. 1175-1248.
- Bernard P.** et al., Fouilles d'Aï Khanoum I (campagnes 1965–1968) («Mémoires de la DAFA», XXI), Paris, 1973, p. 246, pl. 109b, n. 2 et 110b, n. 4.
- Bernard P.** L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique, в «Akten des XIII. Internationalen Kongresses für Klassische Archäologie», Berlin 1988, Mainz am Rhein, 1990, p. 51-59.
- Bernard P.** Fouilles d'Aï Khanoum, V, Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne («Mémoires De la DAFA», XXVIII), Paris, 1985, p. 19-35.
- Bernard P.** Aï Khanoum en Afghanistan hier (1964–1978) et aujourd'hui (2001): un site en peril. Perspectives d'avenir, «CRAI», 2001, p. 971-1029.
- Bernard P.** Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie Centrale découverts à Aï Khanoum, «Syria», 45, 1968, p. 111-151.
- Bivar A.D.H.** The Personalities of Mithra in Archaeology and Literature, New York, 1998.
- Boyce M., Grenet F.** A History of Zoroastrianism, III, Zoroastrianism under Macedonian and Roman Rule «Handbuch der Orientalistik», VIII/1/2/2/3, 1991, p. 165-172.
- Boppearachchi O.** в «Topoi», Suppl. 6, 2004, p. 349-365.
- Bongard-Levine G., Bonnet C., Litvinenko Yu., Marccone A.**, Mongolus Syrio salutem optimam dat. La correspondance entre Mikhaïl Rostovtzeff et Franz Cumont, «Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», Paris, 2007, passim.
- Cumont F.** Fouilles de Doura-Europos (1922-1923), 2 vol., Paris, 1926.
- Downey S.B.** Mesopotamian religious Architecture. Alexander through the Parthians, Princeton, 1988, p. 65-73.
- Foucher A.** La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila 1 («Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan», I), Paris, 1942.
- Francfort H.-P.** Fouilles d'Aï Khanoum, III, Le sanctuaire du temple à niches indentées, 2, Les trouvailles, «Mémoires de la DAFA», XXVII, Paris, 1984.
- Gardin J.-C.**, Céramiques de Bactres, «Mémoires de la DAFA »,XV, Paris, 1957.
- Gardin J.-C.**, “Les céramiques”, in: Fouilles d'Aï Khanoum I (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968), («Mém. de la D.A.F.A.», vol. XXI), P. Bernard (Dir.), Paris, Klincksieck, 1973, p. 121-198.
- Gardin J.-C.** Les relations entre la Méditerranée et la Bactriane dans l'Antiquité, d'après des données céramologiques inédites», in: Del'IndusauxBalkans. Recueilà lamémoiredeJ. Deshayes,ed.J.-L.Huot,M.Yon,Y. Calvet, Paris, 1985, p.447-460.

Gardin J.-C., *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978)*. Volume 3 Description des sites et notes de synthèse, « Mém. de la MAFAC », vol. IX, Paris, 1998, E. R. C.

Gardin J.-C., Lyonnet B. в «BEFEO», 1976, p.45-54.

Gentelle P., *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978)*. Volume 1 Données paléogéographiques et fondements de l'irrigation, «Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale», vol. III, Paris, 1989, E. R. C.

Gentelle P. Etude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et de son irrigation depuis les temps antiques (CNRS, Centre de recherches archéologiques, publications de l'URA», 10, «Mémoires», 2), Paris, 1978.

Grenet F. Mithra au temple principal d'Aï Khanoum, in :«Histoire et cultes de l'Asie centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques» (Actes du colloque international du CNRS, Paris, 22-28 novembre 1988), Paris, 1991, p.147-151.

Grenet F. Mithra dieu iranien: nouvelles données, «Topoi», 11, 2001, p.35-58:

Guillaume O. Fouilles d'Aï Khanoum, II, Les propylées de la rue principale («Mémoires DAFA»,XXVI), Paris, 1983.

Guillaume O., Rougeulle A. Fouilles d'Aï Khanoum, VII, Les petit objets («Mémoires de la DAFA»,XXXI), Paris, 1987.

Holt F. The Euthydemid Coin age of Bactria: further Hoard Evidence from AiKhanoum, «Rev.Num.», 1981, p. 7- 44.

Hopkins Cl. The Discovery of Dura-Europos, ed. B. Goldmann, Yale University Press, 1979.

Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins. A comprehensive Catalogue, i, Seleucus I through Antiochus III, New York, The American Numismatic Society, 2002.

Kritt B. Seleucid Coins of Bactria, «Classical numismatic Studies» 1, Lancaster (PA), 1996.

Kritt B. Dynastic Transitions in the Coinage of Bactria: Antiochus-Diodotus-Euthydemus, «Classical numismatic Studies» 4, 2001.

Lapparent A. F. de et Desparmet R. в Bernard P. et autres, Fouilles d'Aï Khanoum I (campagnes 1965, 1966, 1967, 1968) («Mémoires de la DAFA», XXI), Paris, 1973, p. 239-246.

Le Berre M., в «BCH», 89, 1965.

Leriche P. Fouilles d'Aï Khanoum, V, Les remparts et les monuments associés, «Mémoires DAFA», XXIX, Paris, 1986.

Leriche P., Thoraval J. La fontaine du rempart de l'Oxus Aï Khanoum, «Syria», 56, 1979, p. 171-205.

Lerner J. D. Correcting the early History of Ay Kanoum, «Arch. Mitteilungen aus Iran und Turan», 35-36, 2003-2004, p. 373-409.

Les Trésors Retrouvés. Cambon, P., Jarrige, J.-F. (eds), Afghanistan, les trésors retrouvés. Collections du Musée National de Kaboul, Paris, RMN, 2006.

Lévi S. Quid de Graecis veterum Indorum monumenta tradiderunt, Paris, 1890.

Lyonnet B. Les Grecs, les nomades et l'indépendance de la Sogdiane d'après l'occupation comparée d'Aï Khanoum et de Marakanda au cours des derniers siècles avant notre ère, «Bulletin of the Asia Institute», 12, 1998, p. 141-159.

Lyonnet B., *Prospections archéologiques en Bactriane orientale (1974-1978)*. Volume 2 Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe, «Mém. de la MAFAC », vol. VIII, Paris, 1997, E. R. C.

Marshall J. Taxila. An illustrated Account of archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934, 3 vol., Cambridge University Press, 1951.

Merkelbach R., Stauber J. Jenseits des Euphrat, 2005, n. 103:AB.

Narain A.K. The earliest Brahmi Inscription outside India, «Journal of the American Oriental Society», 106, 1986a, pp. 797-801.

Narain A.K. The Greek Monogram and Ai Khanoum, the Bactrian Greek City, «Numismatic Digest» (Nashik), 10, December 1986b, p. 4-15.

Narain A.K. On some Greek Inscriptions from Afghanistan, «Annali Istituto Universitario Orientale di Napoli», 47, 1987a, p. 269-293.

Narain A.K. Notes on some Inscriptions from Ai Khanum (Afghanistan), «zpe», 69, 1987б, p. 278-282;

Narain A.K. On the Foundation and Chronology of Ai Khanoum: a Greek-Bactrian city, в India and the Ancient World. History, Trade and Culture before ad650, ed. G. Pollet («Orientalia Lovanensia Analecta», 25), 1987в, pp. 115-130.

Petitot-Biehler Cl.-Y. Trésor de monnaies grecques et grecobactriennes trouve a Ai Khanoum (Afghanistan), «Rev. Num.», 1975, p. 23-57.

Rapin C. et F. Grenet. Alexander, Ai Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328, «Bulletin of Asia Insitute», 12, 1998.

Rapin C. Fouilles d'Ai Khanoum, VIII, La trésorerie du palais hellénistique d'Ai Khanoum. L'apogée et la chute du royaume grec de Bactriane, «Mémoires de la DAFA», XXXIII, Paris, 1992.

Rider G. Le в «Revue suisse de numismatique», 83, 2004. P. 193-199.

Robert L. в «CRAI», 1968, p. 421-457.

Robert L. Cf. aussi F. Canali De Rossi, «Iscrizioni dello estremo Oriente Greco» («Inscr. griech. Städte aus Kleinasien», 65), Bonn, 2004, n.s. 382-383

Schlumberger D. La prospection Archéologique Bactres (весна 1947). Rapport sommaire, «Syria», 26, 1949, p. 173-190.

Schlumberger D. в «CRAI», 1965, pp. 7-9, 36-46;

Schlumberger D., Bernard P., в «BCH», 89, 1965, p. 590-657.

Veuve S. Fouilles d'Ai Khanoum, VI, Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture, «Mémoires de la DAFA», XXX, Paris, 1987.

Wood J. A personal Narrative of a Journey to d the Sources of the River Oxus by the Route of the Indus, Kabul, and Badakhshan, performed under the Sanction of the Supreme Government of India in the Years 1836,1837, and 1838, Londres, 1841.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ О ПОЕЗДКЕ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ГОРОДИЩАМ АФГАНСКОЙ БАКТРИИ В КИНОКАДРАХ (МАЙ 2002 ГОДА)

Проведение прошлой весной в Кабуле международного коллоквиума по культурному наследию Афганистана предоставило случай Ж.-Ф. Жарижу, директору Музея Гиме, генеральному секретарю Комиссии по раскопкам при Министерстве иностранных дел и Р. Безенвалю, руководителю исследований в CNRS, недавно назначенному директору Французской Археологической делегации в Афганистане (DAFA) осуществить ознакомительную поездку по главным археологическим памятникам Бактрии, на которых раньше работали французские археологи (рис. 1 и 2). Во время этой поездки, осуществленной с 10 по 18 мая 2009 г., участники посетили городища Бамиана и окрестные долины, а также городища Рабатак, Сурх Котал, Бактры и Ай-Ханум. Снятый видеofilm, дополненный при второй поездке, предпринятой с 30 мая по 2 июня¹, дает возможность впервые увидеть изменения на городищах, произошедшие за двадцать последних лет, когда они были недоступны археологам². Комментарии к фильму сделаны бывшим директором французской археологической миссии в Афганистане П. Бернаром.

БАМИАН

Представленный видеоматериал отражает масштаб нанесенного ущерба (рис. 3, 4), при этом невозможного, так как мы не считаем возможным, как было предложено, осуществить реконструкцию знаменитых статуй Будды в первоначальных размерах.

Можно перевязать раны, залечить увечья, но нельзя восстановить священные статуи, от которых ничего не осталось. Напротив, пришло время задействовать в Бамиане программу археологических исследований, чего эта территория никогда не удаивалась; или по крайней мере, постараться отыскать статую лежащего Будды «длиной в тысячу футов», о которой говорил в VII веке китайский паломник Сюань-Цзань, от которой не должно было остаться много следов, если признать ее существование в приписанных источниками размерах. Исследования необходимы, чтобы вернуть облик ансамбля, когда жизнь была ключом в городе и в его окрестностях, начиная с первого обживания до угасания буддизма и затем еще в исламскую эпоху. Важно восстановить, наконец, подлинное историческое значение городища, исследовательский подход к которому до сих пор осуществлялся лишь с позиций истории искусства³.

¹ С 2002 года Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль оба смогли неоднократно увидеть эти городища. Описание результатов этих посещений, которое они предоставили, дает дополнительную информацию и включено в это сообщение.

² Этот проезд по всему Северному Афганистану не мог бы осуществиться без поддержки афганских властей, французского посла в Кабуле и без помощи французского ONG ACTED, не говоря уже о гостеприимстве, которое самые простые афганцы всегда готовы оказать приезжему иностранцу. Мы не смогли бы в достаточной мере поблагодарить за прием и разнообразную помощь, которую мы, таким образом, получали на месте. В Париже Ф. Ори из UMR 8546 CNRS-ENS любезно взял на себя труд изготовить карты и выполнить всю техническую работу по иллюстрациям; искренне благодарим его за эту ценную помощь.

³ Первый сезон раскопок под эгидой DAFA и Института археологии Афганистана провел в 2003 г. М.З. Тарзи – прежний директор указанного Института, ныне профессор Университета в Страсбурге.

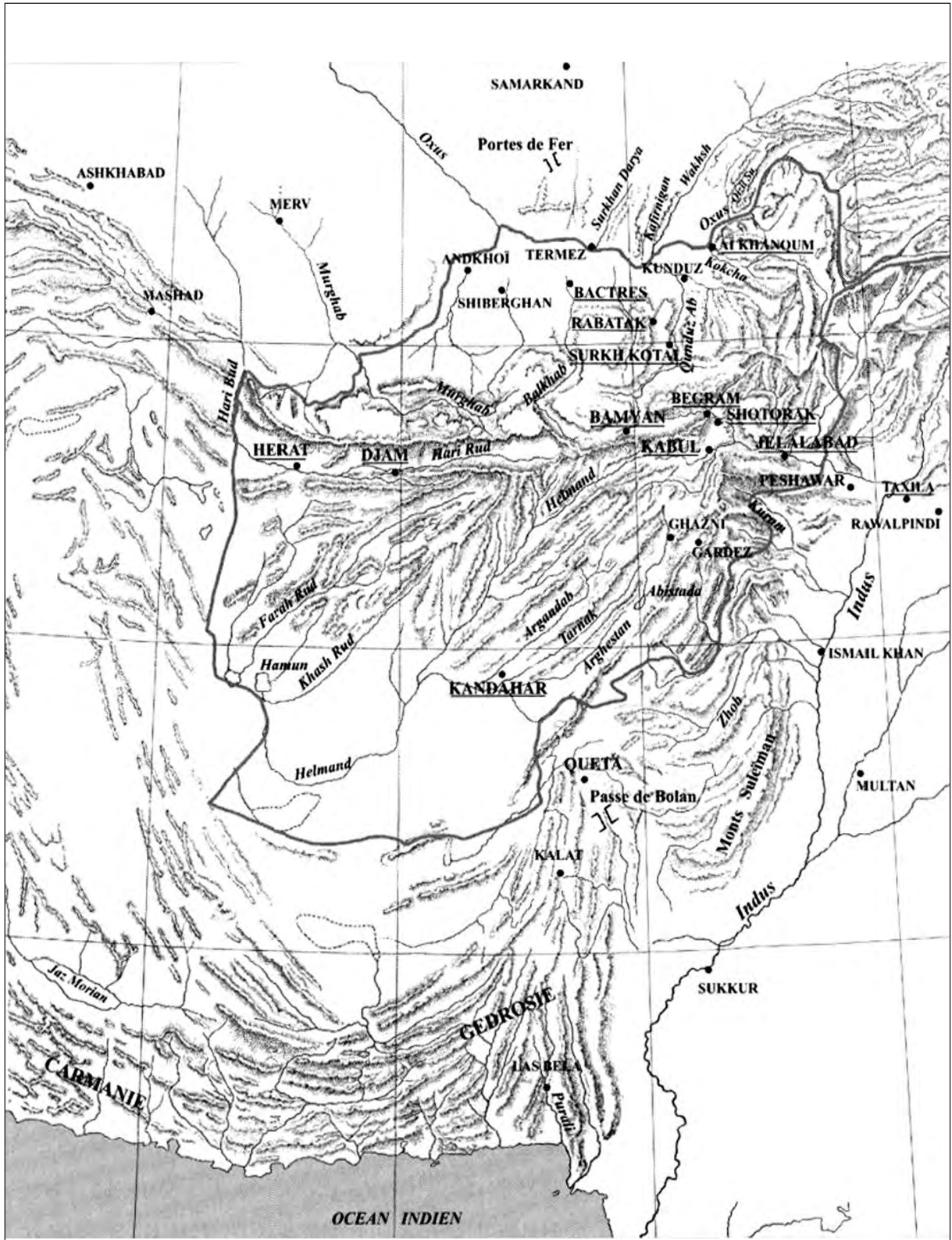

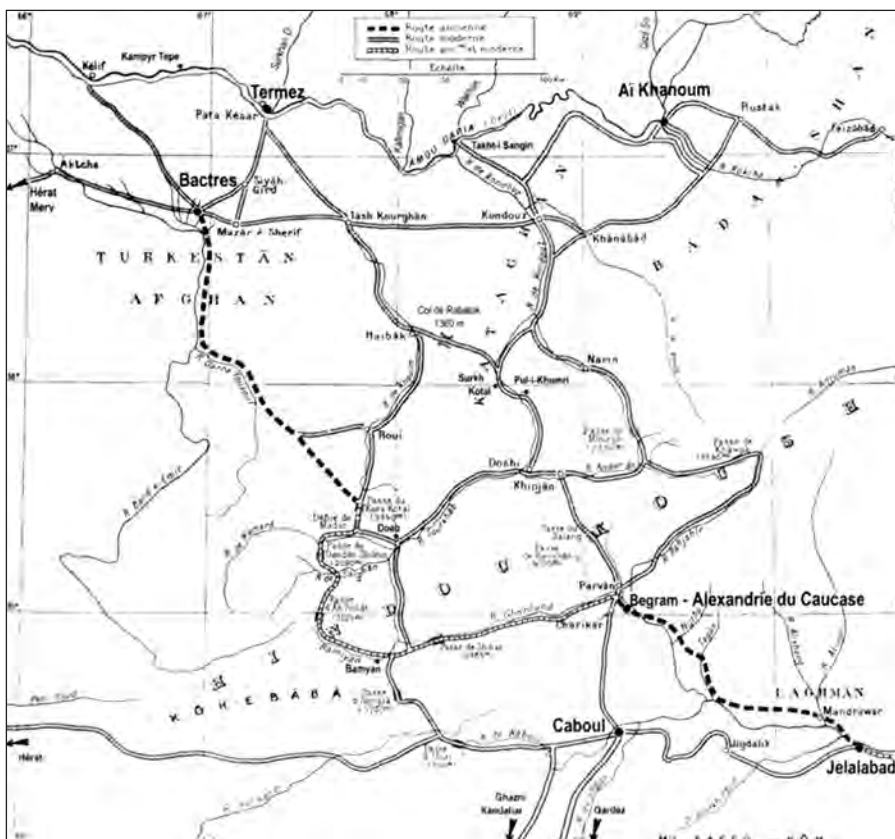
Рис. 1. Физическая карта Афганистана (по Холишу, 1901). Адаптирована Ф. Ори.

Память о священной скале с ее Буддами так же, как и память о жизни обитателей этих мест и паломников должна быть сохранена в музее, созданном с целью привлечь внимание общественности к истории городища. Разрушение гигантских статуй Будды, вырезанных в скале, не должно заставить забыть, что Бамиан является также и хранилищем раннесредневековых художественных ценностей Средней Азии и может соперничать в этом смысле с оазисами Китайского Туркестана.

Разграбление бесчисленных пещерных монастырей в данном регионе представляет не менее печальное зрелище, чем разрушения статуй Будды. Части живописного убранства, варварски вырезанные ножом, оказываются на базарах Пешавара, и эти действия столь же опасны, как и первые. Присутствие археологов в Бамиане призвано положить конец расхищениям.

Покидая Бамиан, чтобы продолжить путь в Бактрию, направляемся прямо к городищу Бактр, где случайные находки незаконных раскопок (чтобы не сказать подпольных, так как они ведутся открыто при дневном свете) свидетельствуют о том, что до сих пор ускользало от археологов: о памятниках греческой колонизации, эллинистической эпохи и времени кушанской империи, которая наследовала ей в первых трех веках нашей эры. Мы вернемся, чтобы увидеть кушанское святилище в Сурх Котале, раскопанное французскими археологами, и посетим его брата-близнеца в Рабатаке, недавно открытое благодаря надписи на кушанском языке, причем также подпольными раскопками. Наша поездка завершится на восточных границах бактрийской равнины, на городище Ай-Ханум - объект последних раскопок, осуществленных в Афганистане

**Рис. 2. Карта Северного Афганистана (по Foucher, 1942, рис. 6).
Адаптирован Ф. Ори.**

Рис. 3. Бамиан. Вид ансамбля в восточной части скалы со святилищами и в центре пустая ниша малого Будды высотой 38 м после разрушения талибами.

А. Тепе Заргарон

Тепе Заргарон, или «Холм мастеров золотых и серебряных дел», как верхний город (Бала Хиссар), опоясанный оборонительной стеной, так и нижний город, является одним из примечательных пунктов топографии городища Бактры⁴.

Это – обширный холм, скорее грушевидного контура, 450 м длиной и более 300 м в самом широком месте, с хорошо обозначенной в рельефе волнообразной вершиной. Он возвышается в 800 м на юго-восток от верхнего города, располагаясь около внутреннего фаса восточной стены нижнего города, на середине ее длины. Эту оборонительную стену французские археологи рассматривали как часть фортификации, возведенной в эпоху кушан (рис. 5)⁵. Народное название местности вероятно, связано со случайными находками небольших предметов, появившихся на поверхности из развеянного культурного слоя или добытых случайными прохожими, «воскресными раскопщиками». Предметы, видимо, происходят из руин древних лавок чеканщиков и ювелиров. После безрезультатных поисков А. Фуше в 1924–1925 гг. в верхнем городе памятников греческой колонии в Бактрах⁶ он попытался локализовать на Тепе Заргарон святилище догреческой эпохи, которое могло быть посвящено знаменитой местной богине Анахит, предполагая сделать его одним из главных объектов раскопок, которые он, однако, не смог осуществить⁷.

Неожиданный поворот событий в будущем в некоторой степени оправдывает его надежды. После Второй мировой войны, когда во главе Французской Археологической Делегации в Афганистане встал его преемник Д. Шлюмберже, он обозначил первостепенной проблемой поиск материальных следов греческого присутствия в Бактриане, которое подтверждается как рассказами историков классической древности, так и находками монет чекана греческих правителей, цар-

Французской Археологической Экспедицией до того, как ее деятельность в стране была прервана. Здесь с 1964 до 1978 года были открыты и изучены руины большого колониального греческого города

БАКТРЫ

Подпольные раскопщики, словно вспомнив о неудаче А. Фуше на Бала-Хиссаре Бактр (1924–1925 гг.), оставили в покое огромный массив верхнего города и сосредоточили свои усилия на холмах древнего нижнего города, особенно на тех, что находятся сегодня в предместьях современного города, отдав предпочтение Тепе Заргарон.

⁴ Foucher, 1942, p. 59 et fig. 11, p. 72, pl. IX-Xe; Le Berre, Schlumberger, 1964, p. 61-104, в особенности, 83, fig. 10 (II), где тепе Заргарон отмечено пунктиром; Gardin, 1957, план fig. 1 (p. 15) (здесь fig. 15) с размещением шурфов 1947.

⁵ Le Berre, Schlumberger, 1964, p. 82-84, 87-89 (этап II жизни оборонительных стен), но эта датировка зависела от даты, которой придерживались для стен I – IA, отнесенных авторами к эллинистическому периоду, но для которых не исключена и датировка ахеменидским временем.

⁶ Bernard CRAI, 2002.

⁷ Foucher, 1942, p. 72, 114.

ствовавших в стране после ее завоевания Александром⁸, Тепе Заргарон было включено в программу, предусматривавшую закладку шурфов на городище, которую он и осуществил в Бактрах весной и осенью 1947 г.

«Холм мастеров золотых и серебряных дел» также стал предпочтительным объектом исследования. Дюжина пробитых на нём узких зондажей (более 1,5 м в стороне), аналогичных тем, что в большом количестве были заложены на остальной части городской территории, дали в основном керамический материал. Кроме этих шурфов, расположенных в регулярном порядке и прорезавших культурные наслоения, Д. Шлюмберже с целью усилить работы миссии поручил Ж.-М. Казаль, прибывшим осенью 1947 г., заложить на этой территории настоящий стратиграфический раскоп. Они вскрыли наслоения двумя траншеями «Е1» и «Е2»; первая-«Е1», начатая с уровня дороги из Мазар-и Шариф и срезавшая толщу холма на 4 м, достигла материка на глубине чуть ниже 9 м⁹. Благодаря тому, что керамический материал из траншеи был четко привязан к слоям, Ж.-Кл. Гардэн, дополнивший его керамикой из колодцев-зондажей со всего ансамбля городища, смог предложить первый опыт типологии и хронологии бактрийской керамики¹⁰.

Однако раскопки на Тепе Заргарон, как и в других местах, не привели к обнаружению монументальных строений, тем более из камня¹¹, хотя для этой цели на городище в 1947 г. было заложено семьдесят шурфов.

Тепе Заргарон, легко доступное (расположена на городской окраине), не пугающее мощностью культурных отложений, как, например, Бала Хиссар, и с заманчивым названием, обещало возможность найти здесь квартал ювелиров. Поэтому оно не смогло избежать того, чтобы не стать театром широкомасштабных незаконных раскопок. Распад центральной власти в стране в это время обеспечил им полную безнаказанность. Вспоминая многократные неудачные попытки А. Фуше и Д. Шлюмберже, приходится сожалеть, что сегодня самые яркие и подчас сенсационные находки сделаны именно во время этих никем не контролируемых раскопок, чему Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль стали первыми свидетелями. Это были артефакты – монументальные объекты из камня

Рис. 4. Бамиан. Большой западный Будда (55 м) до разрушения талибами.

⁸ Schlumberger, CRAI, 1946, p. 174.

⁹ Gardin, 1957, p. 98-105; Schlumberger, 1964, p. 9-13. Отчет Д. Шлюмберже касается только весеннего сезона работ, посвященных шурфам-колодцам в особенности стр. 176, 177, 181-183, где речь идет о Тепе Заргарон.

¹⁰ См. предыдущую сноску.

¹¹ Кроме каменной стены в раскопе Е1, в которой вторично использованы база колонны и база пилястры с аттической лепкой: Schlumberger. «Syria», 1949, p. 185. о базе пилястры см. ссылку 28.

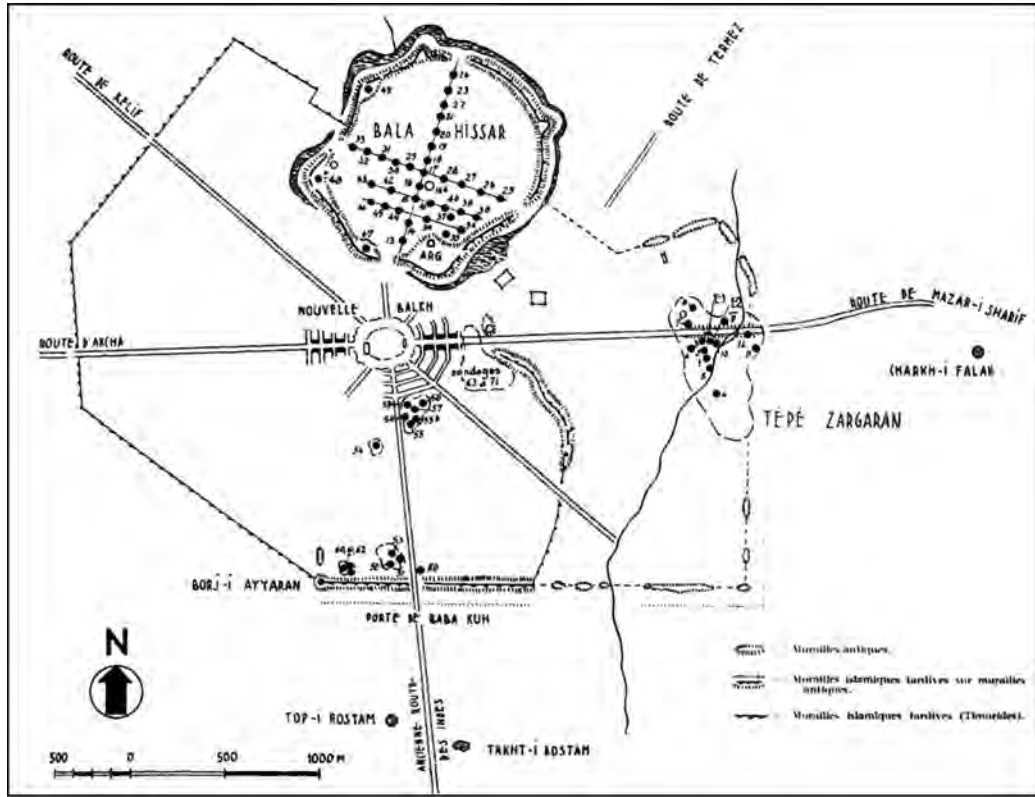

Рис. 5. Бактры. Общий план городища, снятый Ле Берром с нанесенными шурфами 1947 г. По Ж.К. Гардэну (*Céramiques de Bactres*, рис. 1).

античного периода, которые напрасно искали в Бактрах сначала А. Фуше во время своего восемнадцатимесячного пребывания, а затем Д. Шлюмберже в 1947 году.

1. Кушанские древности

В южной части Тепе Заргарон на запад от канала, проведенного в направлении север-юг и разрезавшего в этом месте холм¹², Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль смогли исследовать глубокие траншеи около небольшой современной деревни. На их дне обнаружены впечатляющие остатки платформы, облицованной камнем, наружная поверхность которой прослежена на протяжении 5,5 м, не дойдя до конца¹³. Платформа сохранилась на высоту более 2,5 м, её верхушка и то, что стояло на ней, исчезли¹⁴. На боковой поверхности платформы прекрасно видны блоки из мергелистого известняка, соединенные без металлических штырей. Они облицовывали внутреннюю кладку из сырцовых кирпичей или пахсы. Обратная сторона блоков, прижатая к кладке, была необработана. Платформа снабжена пилястрами, каждая шириной 22 см и с четким интервалом

¹² Foucher, 1942, p. 72: «Расположенный на одном из самых полноводных рукавов дельты каналов, где процветала и затем исчезла река Бактр, этот очень древний квартал всегда имел важное значение».

¹³ После этого первого визита в Бактры подпольными раскопщиками был обнажен один из углов.

¹⁴ Платформа в храме А в Сурх Котале прямоугольная, (около 40 на 47 метров) была высотой 1,97 м. Собственно пилястры под антаблементом были высотой 1,36 или 1,56 м, если считать от архитектурного профиля у подошвы стены, на котором покоилась их база.

между ними в 1,25 м; вырезанные в камне слой за слоем они создают рельеф облицовки (рис. 6, 7). Пилястры слегка выступают (на 2,5–3 см) от поверхности стены и каждая имеет посередине вдавленное внутрь панно шириной 12 см, которое начинается в 50 см от низа платформы, но нельзя определить до какой высоты оно поднималось.

Панно обрамлены тремя уступами, которые внизу идут горизонтально, а наверху принимают изогнутое лунообразное очертание. Последний блок еще стоит на своем месте, он проявился недавно (рис. 8а). Другой – того же типа, очень хорошей сохранности, но вне архитектурного контекста, был впоследствии обнаружен в Бактрах (рис. 8б). Его фотография сделана немецким журналистом. На этом блоке обрамление верхней части центрального панно оформлено в виде четверти круга. Хотя принадлежность этого блока к платформе нельзя подтвердить, ничто не мешает предположить, что и пилястры платформы с Тепе Заргарон также завершались фигурой четверти круга. Она была вырезана на среднем уступе панно в штукатурке, а профиль лепки баз самих пилястр достигался путем окончательной отделки штукатуркой, наложенным на заготовку, вырезанную в камне.

Однако это всего лишь деталь, которую можно будет очень быстро выяснить при первой же возможности исследовать руины памятника планомерно, а не наспех. Важно знать, что этот тип пилястры с вдавленным центральным прямоугольным панно, принимающим вверху лунообразное очертание, встречается в кушанской архитектуре Сурх Котала. Это отмечено там на подиуме большого храма А, построенного при Канишке во второй четверти II в. н.э., а также на несколько более поздней буддийской платформе в долине (рис. 9)¹⁵.

Рис. 6. Бактры. Тепе Заргарон. Остатки кушанской платформы с декором из каменных пилястр.

¹⁵ Schlumberger, Le Berre, Fussman, 1983, pi. 7/17, 18, pl. XIX, XX (temple A); pl. LVI (буддийская платформа). В Айртаме на правом берегу Окса верхняя часть угловой пилястры ступы Б.А. Тургунов, 1973. С. 61–62, рис. 9. В буддийском святилище Кара-тепе, декор с двойным луновидным архитектурным профилем вверху и внизу, на пилястрах обрамления двери из сырцового кирпича с саманной штукатуркой, Мкртычев 1996, с. 103–104, рис. 44.

Рис. 7. Бактры. Тепе Заргарон. Кушанская платформа: пилястра с центральным вдавленным панно.

Хотя в настоящее время еще неизвестны капители, венчавшие пилястры платформы в Бактрах, можно быть уверенным, что они были того же коринфского кушанского типа, что и в Сурх Котале¹⁶.

Как на памятниках Сурх Котала, базы пилястр платформы в Бактрах того же аттического типа с двумя торами, разделенными скоцией и лежащими на плинте (рис. 10 и 11).

Этот тип архитектурного профиля, намного более развитый в малоазийской Греции, был внедрен в греко-бактрийскую архитектуру¹⁷, откуда перешел в орнаментику классицизированной кушанской и греко-буддийской архитектуры¹⁸.

Следует, однако, отметить любопытную особенность этих баз пилястр, как в Бактрах и Сурх Котале, так, в общем, на греко-буддийских памятниках. В классической греко-римской архитектуре базы пилястр покоятся непосредственно на земле (или вымостке), на уровне подошвы стен, линия их архитектурного профиля в некоторых случаях продолжается в промежутках между пилястрами. В постгреческой Бактрии базы пилястр опираются на другой рельефный профиль, который проходит вдоль всей подошвы стен: здесь, речь идет о плинте, увенчанном тором и продолженном двумя выступающими листами, в Сурх Ко-

¹⁶ Schlumberger, Le Berre, Fussman, 1983, p. 108-109, pl. 53-54 (платформа храма А) p. 123-126, pl. 66-68 (буддийская платформа в долине). Отметим, что капители храма, самые древние, отличаются от капителей здания в долине формой волют, копирующих волюты греко-бактрийских капителей из Ай-Ханум, которые сами несут следы сиро-селевкидского заимствования (завершающий завиток, захватывающий корпус широкой волюты: Bernard. Syria, 45, 1968, p. 129-140. l. XV-XVI), тогда как волюты буддийской платформы, зажатые акантами, сокращены до тонкой полоски, которая идет почти горизонтально по верхнему борту капители и заканчивается атрофированной волютой: сравнить табл. 7, 17-18 храма и табл. 67 буддийской постройки.

¹⁷ Fouilles d'Aï Khanoum I (Mémoires DAFA, XXI), p. 46, pl. 49b: база западного анта гипостильного вестибюля дворца: пилястры других строений дворца; (внутренняя стена юго-западного портика большого двора, залы приемов 6 и 9) увенчанные капителями «en sofa» лишены баз; двор святилища храма с реданами; северный ант восточного портика (CRAI, 1970, p. 333. fig. 26), анты пропиленев главной улицы (2. Guillaume, 1983, p. 36-37, série 2, pl. 7/D-E, 10/C, 23/1); анты входного портика дома в южном квартале: CRAI, 1968, p. 274. О других типах баз антов в Ай-Ханум см. CRAI, 1970, p. 332. fig. 24: вход в святилище храма с реданами: BEFEO, 68, 1980, p. 47; портики общественного здания на краю главной улицы: O. Guillaume, 1983, pl. 8, 10 ; Veuve, 1987, p. 85, pl. 50e.

¹⁸ Среди бесчисленных примеров коринфских пилястр аттико-азиатских баз назовем, по меньшей мере, те, что изучены А. Lézine, 1964, p. 5-48, особенно p. 14, которые хронологически отмечают переход от индо-греческого периода к кушанскому, базы антов ионической колоннады фасада, которые того же типа, что базы антов гипостильного вестибюля в Ай-Хануме: J. Marshall, Taxila (1951), III, pl. 44 c.

Рис. 8а. Бактры. Тепе Заргарон. Кушанская платформа (?): верхний блок пилястры с лунообразным завершением центрального панно.

Рис. 8б. Бактры. Тепе Заргарон. Кушанская платформа: верхний блок пилястры с лунообразным завершением.

Рис. 9. Сурх Котал. Буддийская платформа в долине, пилястра (с любезного разрешения Музея Гиме, Париж).

Рис. 10. Бактры. Тепе Заргарон. Кушанская платформа: аттическая база пилястры.

Рис. 11. Бактры. Тепе Заргарон. Кушанская платформа: та же пилястра с лепкой, вделанной в лепку основания стены.

тале – о плинте, увенчанном яйцевидным элементом или вогнутым рельефом с профилем в виде одной четвертой круга¹⁹. У местных архитекторов было явное затруднение: как гармонично перейти от одной к другой группе чередующихся типов архитектурного рельефа, нагромождение которых, странное для греческой архитектуры, выдает неудачность решения данной проблемы²⁰. Либо как на памятнике в Бактрах плинты пилястр вместо того, чтобы выравняться в линию на верхнем краю архитектурного профиля цоколя стены, подгоняются под два верхних валика цоколя (рис. 11) и покоятся, таким образом, на торе этого последнего (Гандхара изобилует примерами такого типа)²¹ либо как в Сурх Котале²², в Куль Дара²³ в районе Кабула и в Свате²⁴ борт перед плинтом выдвигается вперед в виде свеса по сравнению с верхним бортом лепного архитектурного профиля цоколя²⁵.

Несмотря на то, что наблюдения, сделанные по фотографиям, не очень точны, но с привлечением сведений, сообщенных Ж.-Ф. Жарижем и Р. Безенвалем, в целом напрашивается следующее заключение: мы имеем дело с памятником кушанской эпохи. Четко проявляется сходство с

¹⁹ Surkh Kotal I (n. 15), pl. XX, XXI (храм А), LVI (буддийская платформа); ступа Тепе-Ростам в Бактрах: А. Foucher, 1942, I, p. 87, fig. 20. Многочисленные примеры в искусстве Гандхары.

²⁰ В классической архитектуре стены, декорированные пилястрами, могли, вероятно, стоять на подиуме или цоколе, верхний борт которого имеет свой лепной архитектурный профиль, но обе структуры очень четко отделены и базы пилястр отступают вглубь по сравнению с краем рельефа подиума. Даже в случае с подиумом целлы храмы Баалшамина в Пальмире, где оба архитектурных рельефа производят впечатление спаянности одного с другим, и тот, который обрамляет базы пилястр и подножье стен, структурно отличается от того, который венчает нижний цоколь, на котором построен храм, и который выполняет роль лепной обмазки, Collart, Vicari, 1969, p. 103, pl. XIII-XVI (рисунки), LXII-IV, LXVIII-XIX (фото).

²¹ Barthoux, 1933, наиболее четко на рис. 65 и 193-194; но см. также рис. 63, 96, 104, 113, 121, 128, 137, 161, 175; там же, p. 207p, где Барту отмечает, что на ступе D9 из Дехгхунди «цоколи пилястр охвачены рельефным профилем базы таким образом, что он перекрывает выкружку. В Таксиле, как можно судить по иллюстрациям публикации Дж. Маршалла, оба комплекса лепных рельефов перемежаются намного правильнее, без того, чтобы верхний комплекс захватывал нижний или выдвигался вперед нависая над ним.

²² Surkh Kotal I (n. 15), p. 23, pl. XIX, XX, pl. 7/16, 17 (храм А); p. 77, pl. LVI, pl. 48/ 129, 130, 131 (буддийская платформа в долине); D. Schlumberger, 1960, pl. V/1-4.

²³ Lézine, 1964, p. 5-18, fig. 4, coupe С (цоколь); рисунки воспроизведены в G. Fussman, 1976, pl. IV.

²⁴ Faccenna, 1980, fig. 119, 121, начало II – конец III в н. э., 176. начало II – начало IV в., 182–220, конец III – начало IV в., 264, 278 середина IV в.

²⁵ Эта трансгрессия классической архитектурной мысли была подмечена А. Лезинем, А. Lézine, 1964, p. 17: «чисто декоративный характер баз хорошо заметен в многочисленных примерах, Сурх Котал – один из них, где выступ создает видимость плинта. Конструктивная роль базы полностью утрачена. О том же: 1) Schlumberger, Surkh Kotal I. p. 22: «на моделированном цоколе покоятся базы. Эти базы с аттическим профилем на квадратном плинте не положены на гладкую кладку цоколя, как можно было бы ожидать, они нависают над ней, что делает их странно похожими на консоли».

Рис. 12. Бактры. Тепе Заргарон. Коринфская капитель колонны греко-бактрийского типа.

Рис. 13. Ай-Ханум. Коринфская капитель колонны греко-бактрийского типа из «подпольных» раскопок.

Рис. 14. Бактры. Тепе Заргарон. Ионийская капитель, не полностью расчищенная при «подпольных» раскопках (1994), исчезающая.

Рис. 15. Тахти-Сангин (Таджикистан). Греко-бактрийские архитектурные блоки. Фото 1994 года. Исчезнувшие.

платформой храма А Сурх Котала и на том же городище с буддийской платформой на равнине. Здесь та же техника строительства – внутри массив кладки и облицовка ее неотесанными, корявыми с тыльной стороны блоками из мергелистого известняка, соединенными без металлических штырей, (тогда как ступа более поздняя, так называемое Топ-е Рустам в Бактрах имеет панцирь из обожженных кирпичей); декор в виде слегка выступающих пилястр, помещенных на комплекс архитектурной рельефной лепки, подчеркивающей подножье платформы, пилястр, украшенных по продольной оси вдавленными панно, заключенными в рамки архитектурной лепки, аналогичной лепке баз пилястр аттического типа и цоколя стен. Эта пластичная лепка имеет форму тора или яйцевидного элемента. Пилястры с вдавленным панно в греко-бактрийской архитектуре неизвестны, как можно судить по объектам, открытым в Ай-Ханум; неизвестны они и во всем средиземноморском эллинистическом мире, где корпус пилястр остается для этого времени гладким или украшенным каннелюрами²⁶. Внедрение этих вдавленных панно в декор кушанских и греко-буддийских пилястр относят за счет влияния греко-римской архитектуры²⁷.

²⁶ Я говорю о пилястрах в конкретном смысле этого названия, а не об оправе дверей или проемов, которые могли украшаться панно с растительными мотивами.

²⁷ D. Schlumberger, *Syria* 1960, p. 155-157: мотив восходит к вегетативному декору греко-римских пилястр платформ. В то же время автор публикации считает, что этот мотив не чисто греко-римский, но указывает и на местную традицию в том, что касается луновидного завершения декора панно, которое является архитектурной бессмыслицей, поскольку в греко-римской архитектуре эта деталь находится только на архитравах. Если продолжить перечень сравнений, заимствованных в греко-римской архитектуре Ближнего Востока, которые приводит автор, то следует констатировать, что речь может идти исключительно о пилястрах, обрамляющих двери или ниши, но не о пилястрах, украшающих непрерывной линией стены, как в кушанской и греко-буддийской архитектуре. Так, в Пальмире две пилястры с богатым украшением, которые обрамляют дверной проем таламоса южного храма Бела, контрастируют с многочисленными пилястрами без декора, но не менее монументальными, ритмично оформившими поверхность стены перибола. Если поискать истоки происхождения кушанских пилястр с центральным панно в этом типе пилястр, оформлявших проемы, логично принять во внимание эллинистические модели, такие, как например, ворота Толоса Эпидавра: G. Roux, 1961, p. 149-150, pl. 44/3. Отбросим объяснение, которое Ж. Барту (Barthoux, 1933, I (n. 21), p. 19-20, fig. 3 bis) ищет в Индии: в итоге для него этот декоративный элемент пилястр происходит от упрощенным стесыванием устоя балюстрады, которая появилась на самых древних буддийских памятниках Индии.

Если к этому добавить способ возведения, при котором профильная лепка базы пилястр захватывает профиль цоколя стен, что является полной ересью с точки зрения классической традиционной архитектуры, то будет абсолютно невероятным признать, что каменная платформа из Бактр может восходить к греко-бактрийскому периоду. Мы видим в ней памятник кушанской эпохи; лунообразное завершение верха центрального панно пилястр подтверждает это хронологическое определение.

В настоящее время при отсутствии раскопок необходимо постараться собрать и спасти как можно больше данных, позволяющих поместить это важное сооружение в более точные хронологические рамки, как бы широки они не были. Ж.-К. Гардэн в своем исследовании керамики пришел к заключению, что обживание Тепе Заргарон началось только со времени вторжения номадов в 145–130 гг. до н.э., а пика интенсивности достигло при кушанах²⁸. Открытие платформы с пилястрами подтверждает мнение о том, что кушанский период был отмечен в Бактриане взлетом архитектурного строительства, поощряемого государством, которое в огромном объеме заказывало возведение общественных зданий, но, видимо, следует расширить хронологические рамки Тепе Заргарон, углубив его обживание, по меньшей мере, до эллинистического периода. Подпольные раскопки последних лет показали нам, что Тепе Заргарон таит в себе и греческие памятники, обнаруженные, как мы это сейчас видим, в разных местах. Речь идет о зонах, довольно отдаленных от платформы с пилястрами, и только регулярные раскопки, проводимые на надлежащем уровне, смогут показать нам, перекрывала ли эта платформа более ранние строительные остатки.

Другое исследование, необходимое для понимания хронологии этой части городища Бактр, должно быть проведено методом заложения шурфов для уточнения топографической и стратиграфической связи стены 2, которая здесь проходит, и самого Тепе Заргарон. Это лучше всего сделать там, где городище больше частью своей территории примыкает к внутренней поверхности городской стены, северо-восточная оконечность которой образует внешний отросток. Что касается функции указанной выше платформы, то было бы удивительно узнать, что она была построена как подиум для гражданского здания, какое бы назначение оно не имело.

Поразительное сходство с двумя платформами культовых памятников Сурх Котала, где на одной – построен династийный храм А, а на другой – ступа на равнине, и вообще сравнение с террасами под ступа ориентирует на то, чтобы считать ее связанной с неким монументальным культовым сооружением. Можно высказать предположение и о характере этого культа. На ум приходят два: династийный кушанский храм, как в Сурх Котале и Рабатаке, или святилище Анахиты – Анаит, которое Артаксеркс II (405–354) мог приказать выстроить в Бактрах, чтобы воздвигнуть там первые статуи этой богини, как и в других крупных столицах своей империи (Вавилоне, Сузах, Экбатанах, Персеполисе, Дамаске и Сардах)²⁹. Нельзя, однако, исключить, что платформа

²⁸ Gardin J.-C. 1957, n. 4. p. 104-105. Хотелось бы больше узнать о базе пилястры с профильной лепкой аттического типа, во вторичном использовании вделанной в позднюю стену, которая относится к слою сасанидского времени, выявленному в одном из шурфов-колодцев на Тепе Заргарон. J.-G. Gardin, там же, p. 104, n. 3; D. Schlumberger, Syria 1949, p. 185, fig. 1 (implantation des sondages). Этот шурф № 10 расположен севернее места нашей платформы (там же, план, fig. 1). Полнота публикации результатов шурфовки серьезно пострадала из-за утери во время перевозки в порт Карачи одного из ящиков с частью документации раскопок.

²⁹ Clément d'Alexandrie, Protr. V, 65, 2 [Fr. Gr. II. 680, F. 11]. Текст Диогена Трагика (конец V – нач. IV в. до н. э.), упоминающий «мидийских и бактрийских дев», которые в персидских колониях Малой Азии при Ахеменидах отправляли культ Артемиды Персидской alias Анаитис: в Athēnē XIV. 636. Об этом характерном культе в поселениях восточных колонистов, построенных по приказу ахеменидских властей см.: L. Robert, RN 1976, p. 25-48, 55-56 [Opéra Minora VI, 1989] p. 137-168).

Рис. 16. Бактры. Тепе Заргарон. Греко-бактрыйские архитектурные блоки. Фото 1994 года. Исчезнувшие.

Рис. 17. Бактры. Тепе Заргарон. База ионийской колонны азиатского типа, эфесский вариант.

Рис. 18. Ай-Ханум. База азиатской ионийской колонны того же типа.

Рис. 19. Бактры. Тепе Заргарон. База устия или пилястры аттического типа.

могла принадлежать буддийской ступе, учитывая, что на отдельном блоке, который по его техническим характеристикам мог происходить из того же памятника, фигурируют несколько букв надписи на кхарошти – языке, бывшем в употреблении у буддистов в Средней Азии³⁰.

2. Греко-бактрийские древности

Открытия на Тепе Заргарон не ограничиваются вышеописанными. В Доме местного начальника, расположенного в упомянутом выше поселке у южной границы бугра совсем рядом с платформой³¹, собраны некоторое древности, происходящие из окрестностей, с которыми удалось ознакомиться Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль. Среди них была выделена большая капитель колонны из мергелистого известняка коринфского ордера – типа, свойственного греческой Бактрии и селевкидской Сирии (рис. 12), который в Ай-Ханум представлен на десятках экземпляров колонн портиков переднего двора дворца и на других памятниках города (рис. 13)³².

Этот экземпляр, видимо, происходит из северо-восточной оконечности тепе, он мог принадлежать только греко-бактрийской постройке. Эта часть Тепе Заргарон, где был заложен шурф (Е I), давший основной материал для разработки хронологической периодизации керамики, была, по всей видимости, интенсивно обжита в греческий период. В том же частном доме находится база устоя или пилястры аттического типа (скоция между двумя торами), скорее эллинистической чем кушанской эпохи.

В северо-восточной части Тепе Заргарон, где грабители прорыли туннели, глубоко проникшие в тело бугра, обнаружили и другие типично греческие архитектурные элементы. Один из них –

³⁰ Эта надпись продолжалась на соседнем блоке. «Аксарас» слишком малочисленна, чтобы понять ее смысл (мнение Х. Фалька, которому была показана фотография). В Бактрии кхарошти несомненно указывает на буддийский памятник: Воробьева-Десятовская, 1993. С. 22-96; Вертоградова, 1993.

³¹ На плане (рис. 5) она находится на восточном берегу канала, пересекающего с севера на юг Тепе Заргарон, по другую сторону от шурфов 5 и 10 Д. Шлюмберже.

³² Об этом типе капители см. статью П. Бернара цит. в сноске 16, которая отсылает к исследованию Х. Сейрига. Теперь добавляются на том же городище Пальмиры святилища Баалшамина по времени ранее 23 г. до н. э. изученные П. Коллартом и Ж. Викари (Collart et Vicari, 1969, p. 149-152, pl. XCI, XCII/1-3, которые показали, что эти капители колонн или пилястр были накрыты тяжелыми абаками, выточенными отдельно; в Пальмире во дворе раннего храма Бела, фрагменты капителей, принадлежащих к портику I в. н. э.: J.-C: A. Vounni, M. Al-Maqdissi, Topoi 11/1, 2000, p. 20, fig. 9. О распространении этого типа капителей см. также J. Dentzer-Feydy, Topoi, Suppl. 4, 2003 [La Syrie hellénisée], p. 436-437.

барабан каменной колонны, обнаруженный Р. Безенвалем весной 2003 г. на дне провала глубиной в 6 м³³. Как известно, в кушанской архитектуре отсутствуют опорные колонны, составленные из отдельных каменных барабанов и использовавшиеся в греко-бактрийское время, которые были заменены стволами из дерева, то же изменение отмечено и в материале капителей.

Другой предмет, который можно отнести ко времени начала греческой колонизации – это ионийская капитель большого размера (рис. 14), которая похожа на ту, что была найдена русскими археологами в святилище божества реки Окса на городище Тахт-и Сангин, расположенном на правом берегу этой реки в Республике Таджикистан. Стилистические аналогии с греческими моделями позволяют датировать ее первыми годами III в. до н.э.³⁴ (рис. 15).

Мы узнали об этой капители десять лет тому назад благодаря набору фотографий, сделанных на месте экспертом из Шри-Ланки М. Виекремесинкхом, работающим на международную организацию, которая и сообщила о них Р. Безенвалю.

Колонна, только что освобожденная от земли, находилась в глубине галереи, прорытой в крутом склоне одного значительного по размерам бугра, который, кажется, соответствует такому бугру на Тепе Заргарон³⁵. Несмотря на плохие условия для фотографирования, различается часть гладкого ствола колонны, завершающаяся под капителью астрагалом с рельефным декором из бус и завитков, затем сама капитель с тем, что осталось от правой волюты, и эхин с вырезанными яйцевидными элементами узора.

Рельефная отделка, которую он составляет вместе с волютой, закрыта полупальметтой, горизонтальный канал почти полностью изуродован, как и каблучок абаки, украшенный сердцевидными фестонами. На других фотоснимках перед входом в мину видно все скопление архитектурных элементов, извлеченных из холма (рис. 16), среди которых, кроме разных неотесанных блоков различаются две греческие базы аттического типа, одна очень крупных размеров, а также много барабанов колонн, одна из которых с канелюрами – предмет абсолютно исключительный, так как стволы каменных колонн в греческой Бактрии обычно гладкие.

В доме начальника можно было также увидеть базу колонны ионийского типа в азиатском выражении, так называемый эфесский вариант (тор, увенчанный двумя скоциями, обрамленными тремя парами астрагалов) (рис. 17). Это порождение архаической эпохи, которое вновь ожило в эллинистической архитектуре малоазийской Греции (Артемизионы в Сардах и Эфесе, памятник nereидам в Ксантосе, галикарнасский мавзолей, храм Афины в Приене, Дидимейон, храм Арте-

³³ На плане рис. 5 выше шурфа № 2 Шлюмберже.

³⁴ Пичикян, 1991. С. 148-150, рис. 3. А также, 1992, р. 23-24, fig. 13-14; В. А. Litvinkij, I. R. Picikjan, 1998, р. 233-258, fig. 4-6; 2000, с. 156-168, рис. 45-4; они же, 1994, р. 53-54, fig. 7-10; они же, 2002, р. 85-87, fig. 30; Р. Bernard, 1994, р. 82-83, п. 3, где я поддержал безоговорочно датировку началом III – IV веком. Их точка зрения, часто очень полемичная, постепенно меняется, поскольку в своей последней публикации они допускают, что дата началом III в. «более вероятна, чем последней четвертью IV века».

³⁵ Фотографии, опубликованные Б. Бернаром (B. Bernard, 2001, р. 996, 998, fig. 16). Корреспондент, которому мы обязаны снимками, комментируемыми нами, говорил, не уточняя, о подпольных раскопках в Бактрах. Как можно догадаться по некоторым из них, вид тепе в пейзаже равнины, как и вырытые траншеи должны в точности соответствовать Тепе Заргаран. Дорога с телеграфными столбами вдоль неё, которая видна на заднем плане среди хлопковых полей, должна быть дорогой, ведущей из Мазар-и Шериф и пересекающей Тепе Заргаран около его северной оконечности, точно там, где будет найдена коринфская капитель и где Р. Безенваль заметил барабан колонны в глубине вырытого провала. По краям этой дороги расположены три фермы, позади огороженных пахсовой стеной участков. Они также служат хорошим репером, позволяющим проверить топографическую ситуацию, знакомую нам.

миды в Магнезии, Сминфейон Троады)³⁶. Этот тип представлен также в Ай-Ханум³⁷ (рис. 18). В том же частном доме хранится база устоя или пилястры аттического типа (рис. 19).

Все эти каменные объекты принадлежат к неоспоримым греческим памятникам, как об этом свидетельствует их тип и работа. В кушанской архитектуре ни стволы колонн, ни капители не делались из камня. Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль во время последнего визита в июне не видели больше древностей, сфотографированных в 1994 г., скорее всего они были постепенно разбиты, как это позволяют предполагать осколки разбитых предметов, местами устилавшие землю уже тогда, когда были сделаны снимки. Ж.-Ф. Жариж и Р. Безенваль договорились с местным начальником, что он организует охрану Тепе Заргарон. Траншеи, где была открыта кушанская платформа, были частично засыпаны. DAFA предполагает как можно быстрее провести топографическую съемку городища, чтобы точно разместить на ней места находок.

Отсутствие древностей селевкидского и греко-бактрийского периода в Бактрах, которому теперь положен конец, использовалось как аргумент в пользу распространившейся недавно теории о том, что в Бактрах прекратились выпуски монетных эмиссий. Чекан их, согласно Е.Т. Невиллю, перешел к Ай-Ханум, а затем к некоторым другим бактрийским монетным дворам³⁸. Прекращение работы монетного двора в Бактрах, якобы, произошло через некоторое время после его открытия (290–285 гг. до н.э.), чеканка монет возобновилась только с объявлением независимости греко-бактрийского государства и в царствование Диодота II (235–225 гг. до н.э.) уже от его имени. Ай-Ханум, таким образом, должен был стать при Селевкидах настоящей политической столицей Бактрии. Против этой теории выдвигался аргумент, что дисбаланс монетных находок в пользу Ай-Ханум мог быть только кажущимся и объясняться тем, что слои греческого поселения в Бактрах никогда не были раскопаны. Древняя столица Бактрианы при греческой гегемонии, конечно, не была археологической пустыней, как заставляет считать разочаровывающий отчет, представленный Фуше по результатам его раскопок цитадели Бактр³⁹. Такая реконструкция ситуации в монетном чекане вызывает большое сомнение, так как она приводит к полной маргинализации политической и исторической роли города, на протяжении самого решающего периода селевкидского сюзеренитета над провинцией, города, который все время был столицей Бактрианы. Теперь подтверждается, что Бактры при греческом господстве обладали такой же монументальной архитектурой с декором из камня, вдохновленной греческими моделями как и Ай-Ханум. Мы убеждены, что этот город также всегда сохранял свой собственный монетный двор и будущие раскопки покажут, что он никогда не уступал своей роли нерва в сердце бактрийской равнины городу на Ай-Ханум, столь удаленно расположенному на восточных пределах Бактрианы.

³⁶ Ginouvès, 1992, p. 72, pl. 36/9–10; Vammer, 1972, p. 21, 53 (n° 1220 b, c), fig. 19, pl. 11/e–f ; Coupel, Demargne, 1960, p. 72–73, pl. 29–30; Rumscheid, 1995, p. 32–34, fig. 5 (temple d'Apollon Sminthien en Troade); Он же, 1994, p. 296. Еще в императорскую эпоху в храме Зевса в Эзанон: Naumann, 1979, p. 21, pl. 20 b.

³⁷ Bernard, CRAI 1968, p. 274, fig. 9, 10 дом в южном квартале; он же, 1965, p. 657, fig. 41. Две половинки баз, расколотых по длине, вторично использованные в пороге пропиленев при входе во дворец. Veuve, BEFEO 68, 1980, p. 47, pl. XXXIV b. Общественное здание.

³⁸ Kritt, *Seleucid Coins of Bactria* (Classical Numismatic Studies 1, Lancaster, Pennsylvania, 1996); он же, *Dynastie Transitions in the Coinage of Bactria. Antiochus-Diodotus-Euthydemus* (Classical Numismatic Studies 4, Lancaster, 2001). Эта реорганизация греческого монетного чекана Бактрии была признана А. Хонгтоном и С. Ларбером в их каталоге селевкидских монет: *Seleucid Coins. A comprehensive Catalogue I. Seleucus I through Antiochus III* (American Numismatic Society, New York, 2002).

³⁹ Voprearachchi, 1999, p. 77–99.

Б. Мечеть под названием Ходжи Пийада или Но Гомбад

Исламские памятники Бактр сильно пострадали без их поддержания отсутствия их поддержания. Мы упомянем только самый аварийный из них, так как к моменту его обнаружения в конце шестидесятых годов он превратился в руины.

Он расположен в 3 км к юго-западу от городского центра, несколько в стороне от дороги на Пул-и имам-букри (рис. 20). Мечеть под названием Хаджи Пийада или Но Гомбад была небольшой (20 м в стороне снаружи и 18,5 x 15,5 м внутри), но это – самый ранний памятник ислама, известный в Афганистане (вторая половина IX в.), шедевр исламского декоративного искусства⁴⁰. Над прямоугольным пространством возвышались девять куполов, которые покоились на арках, опиравшихся на шесть круглых массивных колонн, выстроенных в два ряда, и на десять боковых опор, выступавших из стен (рис. 21).

Великолепный декор из резного штука, инспирированный орнаментами арабских дворцов Сирии и аббасидской Месопотамии (Самарра), покрывает колонны, пилястры и арки непрерывным ковром из геометрических и растительных узоров, богатство и разнообразие которых подчинены строгому порядку (рис. 22, 23 и 24).

Металлическое перекрытие, возведенное несколько позже открытия памятника, чтобы защитить остатки этого архитектурного сокровища, уже давно местами разрушено грозными ветрами Бактрии, а резной штук, обнаженный перед лицом непогоды, осыпается с боков. Мы можем сообщить, что Французская Археологическая Делегация в Афганистане, отныне под руководством Р. Безенваля, которая будет постоянно базироваться в Кабуле, будет настаивать, чтобы как можно быстрее было сделано новое перекрытие. Желательно, чтобы на сей раз, когда оно будет установлено, были убраны слои разрушения у подножья колонн, т.е. были проведены раскопки, которые частично вернут остаткам здания его первоначальный вид.

Мы не смогли посетить мавзолей Баба Хатын, расположенный к западу от Бактр. Он также украшен резьбой по штук, но более поздний (XI век); DAFA реставрировала его в конце семидесятых годов⁴¹.

СУРХ КОТАЛ⁴²

Культовый комплекс Сурх Котала также заплатил свою дань разграблению, особенно, каменными деталями, входившими в архитектурный декор зданий. Сильно пострадал подиум в центре целлы главного храма. Грабители наполовину разобрали его облицовку из каменных блоков, без сомнения, чтобы удостовериться, не спрятан ли там какой-нибудь клад. Из четырех баз колоны, некогда стоявших по углам подиума, две еще сохранились на месте (рис. 26). Что касается надписей, как и большого монолита, на стенах которого они были нанесены, выгравированными на комплексе маленьких блоков, вжатых в кладку стен, они мало пострадали. Благодаря им мы когда-то открыли бактрийский язык, восточную ветвь семьи иранских языков, для передачи которого использовался греческий алфавит, а сам бактрийский сделался официальным языком кушанской империи, кроме её индийских территорий.

⁴⁰ Pugatchenkova, 1968, p. 17-52, особенно p. 18-27; Golombek, 1969, p. 173-189; Mélikian Chirvani, 1969, p. 3-9 (многочисленные фото); Fischer, 1978, p. 305-307, fig. 6/2-4; о более полной библиографии см.: Ball, 1982, p. 119, n° 418.

⁴¹ de Valence, 1983.

⁴² Публикации результатов раскопок: Schlumberger, Le Berre, Fussman, Surkh Kotal en Bactriane I : Les temples (Mémoires de la DAFA, XXV, Paris 1983); Surkh Kotal en Bactriane II: Les monnaies (G. Fussman), Les petits objets (O. Guillaume) (Mémoires de la DAFA, XXXII, Paris, 1990); Schlumberger, L'orient hellénisé (Paris, 1969).

Рис. 20. Бактры. Мечеть Но Комбад. Вид ансамбля.

Рис. 21. Бактры. Мечеть Но Комбад. Интерьер.

Надписи избежали разрушения, став экспонатами Кабульского музея, куда они были перенесены. Однако каменная статуя, в которой все признают изображение кушанского царя Канишки, уже и раньше сильно изуродованная, была топором разбита талибами во главе с Министром культуры. Это произошло за несколько недель до того, как они взорвали динамитом статуи бамианских Будд⁴³. Тщательно собранные, благодаря усердию и мужеству персонала музея, осколки статуи стали объектом терпеливой работы реставраторов, которым оказали помощь европейские эксперты. В мешковатых объемных штанах степного всадника, с корпусом, затянутым в тяжелый и жесткий кафтан, который открыт спереди и видна длинная туника с центральным вышитым галуном, с наклонно подвязанным на животе кинжалом, Канишка вновь обрел императорскую осанку, достойную монарха.

РАБАТАК

В 1993 году другая большая кушанская надпись была обнаружена в 25 км к северо-западу от Сурх Котала в местности под названием Рабатак (белый караван-сарай) (рис. 28). Ее нашли при работах по террасированию, предпринятых для добычи камня, и она к счастью была спасена от разрушения.

Расшифровал и прочел ее по фотографии профессор Н. Симс-Вильямс⁴⁴. После долгих перипетий блок с двадцатью двумя строчками текста окончательно нашел свое место в музее Кабула, где его дешифровщик смог, наконец, еще раз проанализировать надпись в нормальных условиях. Кроме вклада в знакомство с бактрийским языком, надпись, позволяет сделать важный шаг в решении многих вопросов в области истории и хронологии кушанской империи и последующих периодов. Содержание надписи позволяет добавить имя еще одного царя, до сих пор неизвестного, к перечню кушанских суверенов, что дает безоговорочное обоснование гипотезе, по которой приблизительно к 120 г. относится начало эры, установленной четвертым царем династии, знаменитым Канишкой, эры, которая определила хронологический отсчет истории на многие века дальше временных границ самой кушанской империи.

⁴³ Об этих событиях, которые произошли 4 и 5 февраля 2001 года, т.е. за месяц до бамианских разрушений см.: Flandrin, 2002, p. 47-58.

⁴⁴ Sims-Williams, Cribb, p. 75-142 ; они же, 1996, p. 633-654; он же, 1998, p. 79-92 ; Fussman, 1998, p. 571-651.

Рис. 22. Бактры. Мечеть Но Комбад.
Резной штукатурный декор, детали.

Рис. 23. Бактры. Мечеть Но Комбад.
Резной штукатурный декор, детали.

Если мы настаиваем сейчас на ее важности, так это потому, что на городище Рабатак были недавно предприняты в широком масштабе подпольные раскопки с помощью бульдозера⁴⁵.

Это городище, как мы знаем по надписи, было местом еще одного крупного кушанского святилища, основанного самим Канишкой в честь окончательного завоевания им Индии, и передачи империи под защиту определенного количества божеств, в большинстве своем иранского пантеона. Исключительно значимое место расположения этого святилища на главной ветви старого пути из Индии, который связывал Бактрию с Таксилой, и на котором в двадцати километрах к юго-западу находился храмовый комплекс Сурх Котала, свидетельствует о той роли, которую династия отводила этим культовым сооружениям, прокламировавшим альянс богов и династии. Голова кружится при мысли о том, что все это исчезает сейчас в разгуле вандализма.

Это – ветвь пути, который вел с равнины Кабула и после пересечения Гиндукуша по одному из самых восточных горных перевалов (Хавак, Шибар, Каракатал и в настоящее время Саланж) проникал в Бактрию по среднему течению Сурхаба или реки Кундуз, потом, после Сурх Котала, отклонялся к северо-западу, чтобы достигнуть в Хайбак-Самангане долины реки Кульм-Ташкурган и, спускаясь к нижнему ее течению, шел прямо на запад к «матери городов» (рис. 27). Городище Рабатак в боковой долине бассейна реки Кундуз контролировало подъем к перевалу того же на-

⁴⁵ Несколько недель тому назад атташе DAFA М.З. Пэйману не разрешили подойти к городищу.

Рис. 24. Бактры. Мечеть Но Комбад. Резной штукатурный декор, детали.

Рис. 25. Сурх Котал. Руины большой лестницы, тремя террасами поднимающейся на холм А.

звания, который на высоте 1360 м преодолевал скалистый порог, отмечающий линию водораздела бассейнов двух рек – Кундуза и Кульм-Ташкургана. Предоставим слово А. Фуше, который в стиле, принадлежащем только ему, так описывает этот путь, которым он следовал в 1923 г., но только в обратном направлении, из Хайбака:

«Отсюда [из Хайбака] без труда достигают реки Кундуз, широкий перевал, по обе стороны от которого земляные холмы без воды, без домов, без деревьев, без тени, поднимается мало по-малу к вершине «котала» (по-персидски перевал) (1360 м); затем по спуску сначала крутому, потом более пологому на склонах красных холмов с зацепившимися за них чахлыми фисташковыми кустами, доходят до крошечного оазиса «белого каравансарая» (Рабат-ак), это – первый этап длиной в десять или одиннадцать «крур»⁴⁶. На следующий день гладкое сухое русло протока, пролегающего между каменистыми холмами⁴⁷, выводит нас к другому поперечно расположенному руслу, ориентированному север-юг, но оно наполнено водой и вокруг все зеленеет; это и есть долина Кундуза (высота около 600 м)⁴⁸.

Фуше, как и другие путешественники до него⁴⁹, отметил существование каравансарая, построенного на равнине, где он сам без сомнения заночевал⁵⁰, но он не говорил о соседнем холме, увенчан-

⁴⁶ Слово индийского происхождения, означающее меру длины, теоретически эквивалентную одной трети, персидского фарсаха (т.е. около 2 км), который сам равен ахеменидскому парасангу.

⁴⁷ Это и есть собственно долина Рабатака; на небольшом расстоянии к северо-западу от Сурх Котала она достигает реки Кундуз, но большая высота (1000 м) не дает возможности использовать воду этой последней. Она так описана Ж. Фюсманом: Fussman, Surkh Kotal, I (n. 10), 1983, p. 13: конус выноса полупустынен, так как его нельзя обогнуть без помощи насосов, которые потихоньку поднимают воду на перевал Рабатак. В 1886 году Мэтланд, процитированный в *The Gazetteer of Afghanistan*, 4 : voir n. 49) упоминает: «путешественники найдут на склонах холмов топливо, изобилие воды, но провизию следует принести из Шори: тогда в каравансарае размещалась маленькая община из сорока семей, в большинстве «хазарус».

⁴⁸ Foucher, 1942, p. 21-22, fig. 26. Современная карта региона Рабатака в 1/300000 опубликована в *The Historical and Political Gazetteer of Afghanistan*, 1. Badakhshan Province and Northeastern Afghanistan, éd. L.W. Adamec, 1972, карты I/10C и D.

⁴⁹ См. неизданный дневник П.Ж. Мэтланда в архивах Авганской пограничной комиссии de l'Afghan Boundary Commission, выдержки из которого опубликованы в *le Gazetteer of Afghanistan*, 4, Mazar-i-Sharif and North-Central Afghanistan, 1979, éd. L. W. Adamec, s. v. Robat/Robatak; заметка о том же городище см. так же, 1, Badakhshan Province and Northeastern Afghanistan, 1972, с абсолютно несуществующим названием «Rubatak».

⁵⁰ Maitland см.: *Gazetteer*, 4: cf. n. 49) сообщает о двух каравансараях, ранний – это без сомнения каравансарай, краткое описание которого после № 52 дает В. Балл (W. Ball) и новый..

Рис. 26. Сурх Котал. «Подпольные» раскопки в целле храма «А».

укрепленный акрополь. Первым упоминанием укрепленного бугра мы обязаны немецкому археологу К. Фишеру, который обратил внимание на него, а не на каравансарай:

«Ruins B 6: fortified hill with mud brick structures, locally known as Kafir Qal'a near caravansérail of Robatak»⁵⁴.

Расположение этого нового святилища Канишки в точности похоже на план комплекса Сурх Котала: на вершине естественной возвышенности, окруженной равниной, оно господствует над дорогой, которая ведет в Бактры⁵⁵.

Даже если существующая политическая власть не может заставить прекратить грабеж, надо, по крайней мере, попытаться получить доступ на городище и наиболее полно обследовать его, пока оно не исчезнет бесследно⁵⁶.

АЙ-ХАНУМ

Рассказывая о разграблении прежних раскопов Ай-Ханум, где с 1964 по 1978 гг. DAFA исследовала остатки метрополии греко-бактрийского царства (рис. 29 и 30), мы ограничимся лишь тем, что подведем итоги детальных наблюдений, сделанных П. Бернармом во многих его публичных выступлениях и нашедших отражение в двух публикациях, к которым мы еще вернемся⁵⁷.

Грабежи начались с тех пор, как советские войска ушли из Афганистана в феврале 1989 г., т.е. после падения коммунистического правительства Наджибуллы (1992). П. Бернар узнал о них по фотографиям, посланным ему в июне 1993 г. японским профессором, специалистом по античному

⁵¹ Fussman, 1998, p. 576, 582-583.

⁵² Результаты опубликованы В.Баллом в сотрудничестве с Ж.К. Гардэном *Archaeological Gazetteer of Afghanistan* (Paris, 1982), I, n° 944 (Rabatak-Kafir Qal'a). См., так же. Courtois, 1961, p. 18-29.

⁵³ D. Schlumberger, M Le Berre, G. Fussman, *Surkh Kotal en Bactriane I : Les temples* (Mémoires de la DAFA XXV, Paris 1983) (n. 15), p. 12-13

⁵⁴ Fischer, 1969, p. 351.

⁵⁵ На фото, которое мы публикуем (рис. 28), четко видно, как это и описал А. Фуше, что городище Рабатак – это возвышенность на равнине, а не горный пункт на перевале (Fussman, 1998, p. 582-583). Текст самой надписи (1.8.) сообщает, что храм был построен на равнине (raga): (Fussman, 1998, p. 583).

⁵⁶ Вместе с надписью было найдено несколько скульптурных фрагментов, вырезанных из того же сероватого известняка: кусок статуи льва, база аттической пилястры, аналогичная из Сурх Котала (и из Ай-Ханум), фрагмент четырехугольного предмета, относящегося к архитектурному декору с изображением с двух сторон лотоса (пилястра?) Sims-Williams, Cribb, 1996, p. 75, fig. 10

⁵⁷ Bernard, 2001, p. 71-96; он же, 2002, 971-1029.

Рис. 27. Карта района Рабатака. По «The Historical and Political Gazetteer of Afghanistan. I. Badakhshan and Northern Afghanistan». ed. J.W. Adamec, 1972. Листы 1/10 С и D. Адаптированы Ф. Ори.

театру, который весной того же года смог добиться от кабульского правительства разрешения посетить места, где DAFA открыла греческий город и изучить раскопанные там руины театра.

Не только большинство архитектурных элементов из камня (колонна и пилястры с их базами и капителями, дверные пороги) были разбиты на куски и унесены, чтобы быть пережженными в печах на известь или использованными при строительстве стен, но пострадали и не раскопанные части территории городища (которые естественно более обширны, чем подвергшиеся раскопкам в течении тех пятнадцати сезонов, что мы там провели). Они были систематически перерыты подпольными раскопками, что придало городищу вид лунного пейзажа, испещренного кратерами, соприкасающимися краями (рис. 31 и 32). Это – результат грубого нарушения культурных отложений на глубину до 2 м. Таким же образом грабители перерыли соседнюю зону при помощи коротких горизонтальных штолен. Весь нижний город, где концентрировалась большая часть общественных и частных зданий, был приведен в полный беспорядок. На фотографиях 1993 г. видно, что некоторые зоны как будто пощадили. Это – акрополь, где кроме укреплений и святилища лишь слегка затронутых нашими раскопками, почти не было строений, а также терраса, расположенная посередине внутреннего склона акрополя, отделяя его от нижнего города.

В последние годы уже и некоторые участки этих зон были затронуты недозволенными раскопками. Мы воздержимся от перечисления памятников, которых больше не осталось, и лакун, образовавшихся в наших знаниях истории и природы этого общества греческой колонии и его цивилизации, которые новая программа работ помогла бы восполнить. Однако будем вынуждены наблюдать закат, который погружает во тьму это городище, и ждать первых лучей света, которые возвестят приближение рассвета. Некоторые проблески там уже есть, и они тем более ободряющие, поскольку на них совсем не надеялись.

Рис. 28. Рабатак. Холм с кушанским святилищем на вершине.

В поселке Ходжа Бахаутдин, расположенном выше по долине в 20 км от греческого городища Ай-Ханум и бывшим опорным пунктом командира Массуда в отражении атак талибов на северо-востоке, недавно была построена большая чайхана или «чайный дом», эквивалент некогда бывшего у нас «постоялого двора». В постройку были включены архитектурные элементы, извлеченные при подпольных раскопках.

Таким образом, были вторично использованы барабаны колонн, снабженные коринфскими капителями, происходящими из раскопок дворца. Будучи перевернутыми и поставленными на пол как базы, эти капители и колонны стали опорами, поддерживающими кровлю (рис. 33 и 34). Так называемая чайхана, ставшая два года тому назад местом базирования ОНС французской АСТЕД, была как бы возведена в ранг музея. По крайней мере эти древности спасены и можно продолжать восхищаться выжившими творениями греко-бактрийской архитектуры, посланцами одной из самых оригинальных и впечатляющих цивилизаций, созданных греческими колонистами в Бактрии.

Командир Массуд в свое время установил в юго-восточной точке акрополя Ай-Ханум артиллерийскую батарею для обстрела передовых постов армии талибов, укрепившейся на противоположном левом берегу Кокчи. Артиллеристы выкопали систему траншей, чтобы свободно перемещаться, не став мишенью для неприятельских стрелков (рис. 30). Однажды в одном из этих окопов была обнаружена каменная коринфская капитель греко-бактрийского типа, похожая по стилю и размерам на такие же из большого южного портика входного двора дворца⁵⁸ (рис. 12). Здесь, конечно, было место крупного фортификационного сооружения, для которого мы нашли когда-то время наскоро заложить шурф⁵⁹.

⁵⁸ Эта капитель, кажется, исчезла, но в том же месте была обнаружена другая – того же типа.

⁵⁹ Leriche, 1986.

Рис. 29. Ай-Ханум. Аэрофотосъемка городища, Р. Безенваль.

Рис. 30. Ай-Ханум. Аэрофотосъемка акрополя с цитаделью в пункте слева на юго-востоке, где видны остатки траншей, вырытых людьми командира М. Мансура вокруг артиллерийской батареи.

Сооружение, из которого происходит эта капиталь, безусловно, монументальное. В этом месте, скорее всего, мог быть дворец «военного губернатора», а не храм с колоннадой на греческий манер. Здесь же обнаружили и остатки стены, облицованной снаружи жженым кирпичом. Если когда-нибудь здесь будут вновь предприняты более полные раскопки, надо хотя бы выяснить назначение этого памятника. В общем, стоит двойная задача: спасти всю научную информацию, которую можно извлечь из подпольных раскопок, а также составить баланс имеющегося разрушения, чтобы иметь точное представление о том, что еще конкретно можно ожидать от исследования этого городища⁶⁰.

Ничего больше не осталось от дома полевого лагеря археологов, построенного некогда на краю поселка Ай-Ханум на берегу Кокчи, где кроме материала раскопок хранились находки слишком громоздкие, чтобы их можно было все сразу отправить в Кабул (часть керамики, архитектурная терракота и др.). Самые важные транспортбельные находки (скульптура, надписи, монеты, небольшие предметы) были переданы в кабульский музей. Как вы знаете, он был разграблен, но кажется, часть наших находок, упакованных в ящики и отвезенных в центр города, в разные хранилища, избежала вандализма. Среди сохранившихся объектов фигурирует особенно знаменитая теперь надпись – дельфийские максимы. Некоторые из разграбленных вещей находятся

среди тех, что куплены сейчас на антикварном рынке, частными лицами, которые иногда предлагают кабульскому музею их вернуть, так как там они будут под охраной. Среди этих предметов находится мраморная ступня, принадлежавшая культовой статуе главного храма города, которая нашла убежище в коллекции Хирайямы, а также одна гаргуля с головой льва, оформлявшая фонтан. Она сохранена музеем афганского искусства Бубендорфа (Швейцария), в которую вдохнул жизнь М. Бушерер-Дейч. Известны также многие индийские изделия из слоновой кости Беграма, переданные М.Фр. Антоновичем в музей Гиме.

Поездка, о которой шла речь, была, к сожалению, слишком короткой, но мы смогли собрать информацию, только что представленную вам. Ее целью было подвести первый итог разрушениям, произведенным на городищах северного Афганистана, на которых работала DAFA. Выводы, сделанные по ее результатам должны быть, конечно, дополнены и нами, и другими археологи-

⁶⁰ Свои размышления об этой двойной цели П. Бернар изложил в исследовании, опубликованном в CRAI, 2001, p. 971-1029. Сам он не смог поехать на городище.

Рис. 31. Ай-Ханум. Центральная часть нижнего города со следами «подпольных» раскопок на месте храма с реданами и дворца.

Рис. 32. Ай-Ханум. Северная зона нижнего города, полностью перерытая «подпольными» раскопщиками.

Рис. 33. Долина Ай-Ханум. Чайхана при доме Ходжи Бахауддина. Греко-бактрийские коринфские капители из раскопок Ай-Ханум, в перевернутом виде служащие вместе с барабанами колонн опорами устоев.

Рис. 34. Долина Ай-Ханум. Чайхана при доме Ходжи Бахауддина. Греко-бактрийская капитель, используемая в перевернутом виде как база.

ческими миссиями, и расширены за счет наблюдений в других провинциях страны. Они должны послужить для выработки неотложных мер спасения культурного наследия, которые следует предпринять международному научному сообществу и афганским коллегам. Констатация этих разрушений послужит основой для будущих программ исследований, которые должны будут учесть требования по спасению археологического национального достояния и одновременно исходить из рекомендаций, вытекающих из общих размышлений по развитию археологических и исторических изысканий в Афганистане.

Библиография

- Воробьева-Десятовская М.И.** Памятники письмом кхарошти и брахми из советской Средней Азии // История и культура Центральной Азии. Москва, 1993.
- Вертоградова Н.Н.** Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. Москва, 1993.
- Мкртычев В.** Буддийские комплексы Каратепе в Старом Термезе. Вып. 6. Основные итоги работы 1978-1989 гг. Москва, 1996.
- Пичикян И.Р.** Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Москва, 1991.
- Пичикян И.Р., Литвинский Б.А.** Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан), 1. Раскопки, архитектура, религиозная жизнь. Москва, 2000.
- Тургунов Б.А.** Из истории античной культуры Узбекистана / под ред. Г.Пугаченковой. Ташкент, 1973.
- Ball W.** Archaeological Gazetteer of Afghanistan, Paris, 1982.
- Bammer A.** Die Architektur des jüngeren Artemision von Ephesos, Wiesbaden, 1972.
- Barthoux J.** Les fouilles de Hadda I. Stupas et sites. Texte et dessins, Mémoires de la DAFA, IV, Paris, 1933.
- Berre M.Le, Schlumberger D.** Observations sur les remparts de Bactres в Br. Dagens, M. Le Berre, D. Schlumberger, Monuments préislamiques d'Afghanistan, Mémoires DAFA, XIX, Paris, 1964.
- Bernard P.** Découverte, fouille et pillage d'un site archéologique: la cité gréco-bactrienne d'Aï Khanoum en Afghanistan, в: Afghanistan. Patrimoine en péril. Actes d'une journée d'étude, 24 février 2001, sous la direction de V. Marigo Paris, CEREDAF, 2001, p. 71-96.
- Bernard P.** Aï Khanoum en Afghanistan hier (1964-1978) et aujourd'hui (2001): un site en péril. Perspectives d'avenir, CRAI, 2002. p. 971-1029.
- Bernard P.** Studia Iranica 23, 1994.
- Kritt B.** Seleucid Coins of Bactria, Classical Numismatic Studies 1, Lancaster, Pennsylvania, 1996.
- Kritt B.** Dynastie Transitions in the Coinage of Bactria. Antiochus-Diodotus-Euthydemus, Classical Numismatic Studies 4, Lancaster, 2001.
- Vopcarachchi O.** Les monnaies séleucides de l'Asie Centrale et l'atelier de Bactres в: Travaux de numismatique grecque offerts à G. Le Rider (éd. M. Amandry, S. Hurter), Londres, 1999, p. 77-99.
- Collart P., Vicari J.** Le sanctuaire de Baalshamin à Palmyre I. Topographie et architecture, Bibliotheca Helvetica Romana, X/1, Rome, 1969.
- Collart P. et Vicari J.** Le sanctuaire de Baalshamin à Palmyre I. Topographie et architecture, Bibliotheca Helvetica Romana, XI/1, Rome, 1969.
- Coupe P., Demargne P.** Le monument des Néréides. L'architecture, Fouilles de Xanthos III, Paris, 1960.
- Courtois J.-C.** Summary of the history of archaeological research in Afghanistan, Afghanistan, 16/2, 1961.
- Faccenna D.** Butkara I (Swat, Pakistan) (1956-1962), 2 (ISMEO Reports and Memoirs III.2. Rome, 1980.
- Flandrin P.** Afghanistan. Les trésors sataniques, Paris 2002.
- Foucher A.** La vieille route de l'Inde de Bactres à Taxila, Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, I, Paris, 1942.
- Fischer K.** Preliminary remarks on archeological survey in Afghanistan, Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn, 3, 1969.
- Fischer K.** в: The History of Afghanistan from Earliest Times to the Timurid Period, éd. F.R. Allchin et N. Hammond, 1978.

- Fussman G.** L'inscription de Rabatak et l'origine de l'ère saka, *JA* 286/2, 1998, p. 571-651.
- Fussman G.** *Surkh Kotal*, I (n. 10), 1983.
- Fussman G.** Monuments bouddhiques de la région de Caboul, I. Le monastère de Gul Dara, *Mémoires de la DAFA*, XXII, Paris, 1976.
- Gardin J.-C.** Céramiques de Bactres, *Mémoires de la DAFA*, XV, Paris, 1957.
- Ginouvés R.** Dictionnaire méthodique de l'architecture grecque et romaine, I, 1992.
- Golombek L.** Abassid Mosque at Balkh, *Oriental Art*, 153, 1969, p. 173-189.
- Guillaume O.** Les Propylées de la rue principale, *Fouilles d'Âi Khanoum*, II, *Mémoires de la DAFA*, XXVI, Paris, 1983.
- Holdich Th.** *The Indian Borderland. 1880–1900*, Londres, 1901.
- Leriche P.** Les remparts et les monuments associés, *Mémoires de la DAFA*, XXIX, Paris, 1986.
- Lézine A.** Trois stupas de la région de Caboul, *Artibus Asiae*, XXVII/1-2, 1964.
- Litvinkij B.A., Pičikjan I.R.** *Iranica Antiqua*. 33, 1998.
- Litvinkij B.A., Pičikjan I.R.** *Bull. Asia Institute*. 8, 1994 (*The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the former Soviet Union*).
- Litvinkij B.A., Pičikjan I.R.** *Taxt-i Sangin, der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur*, DAI Eurasien Abteilung, *Archäologie in Iran and Turan*, 4, Mayence, 2002.
- Mélikian-Chirvani A.S.** La plus ancienne mosquée de Bactres, *Arts Asiatiques* 20, 1969.
- Naumann R.** *Der Zeustempel zu Aizanoi*, Berlin, 1979.
- Pičikjan I.R.** *Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasien*, Berlin, 1992.
- Pugatchenkova G.A.** Les monuments peu connus de l'Afghanistan, *Afghanistan* 21/1, printemps 1968.
- Roux G.** *L'architecture en Argolide aux IVe et IIIe siècles av. J.-C. (Bibl. des Écoles fr. d'Athènes et de Rome 199)*, Paris, 1961.
- Rumscheid Fr.** *Istanb. Mitt* 45, 1995.
- Rumscheid Fr.** *Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus*, 1994.
- Schlumberger D.** Les descendants non méditerranéens de l'art grec, *Syria*, XXXVIII, 1960.
- Schlumberger D.** *L'Orient hellénisé*, Paris, 1969.
- Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G.** *Surkh Kotal en Bactriane I : Les temples*, *Mémoires de la DAFA*, XXV, Paris, 1983. *Surkh Kotal en Bactriane II: Les monnaies (G. Fussman)*, *Les petits objets (O. Guillaume)*, *Mémoires de la DAFA*, XXXII, Paris, 1990.
- Sims-Williams N., Cribb J.** A new Bactrian inscription of Kanishka the Great, *Silk Road Art and Archaeology*, 4, 1996, p. 75-142.
- Sims-Williams N., Cribb J.** Nouveaux documents sur l'histoire et la langue de la Bactriane, *CRAI* 1996, p. 633-654.
- Sims-Williams N.** Further notes on the Bactrian inscription of Rabatak, *Proceedings of the third European Conference of Iranian Studies held in Cambridge, 11th to 15th September 1995*, éd. N. Sims-Williams, Wiesbaden, 1998, 1, p. 79-92.
- Valence de R.** *La restauration du mausolée de Baba Hatim en Afghanistan (éd. Recherche sur les civilisations)*, Paris, 1983.
- Veuve S.** Le gymnase. Architecture, céramique, sculpture, *Fouilles d'Âi Khanoum*, VI, *Mémoires de la DAFA*, XXX, Paris, 1987.

Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Том I. — Самарканд: МИЦАИ, 2014. — 288 с.

Технический редактор — Илимнара Османова
Дизайнер — Азиз Юлдашев

Подписано в печать 07.04.2014 г.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-9943-357-10-5 (МИЦАИ)

МИЦАИ: 140129, Самарканд, Университетский бульвар, 19
iicasunesco@gmail.com
www.unesco-iicas.org

Отпечатано в типографии Mega Basim:
Baha Is Merkezi, Haramidere, Istanbul, Turkey
www.mega.com.tr